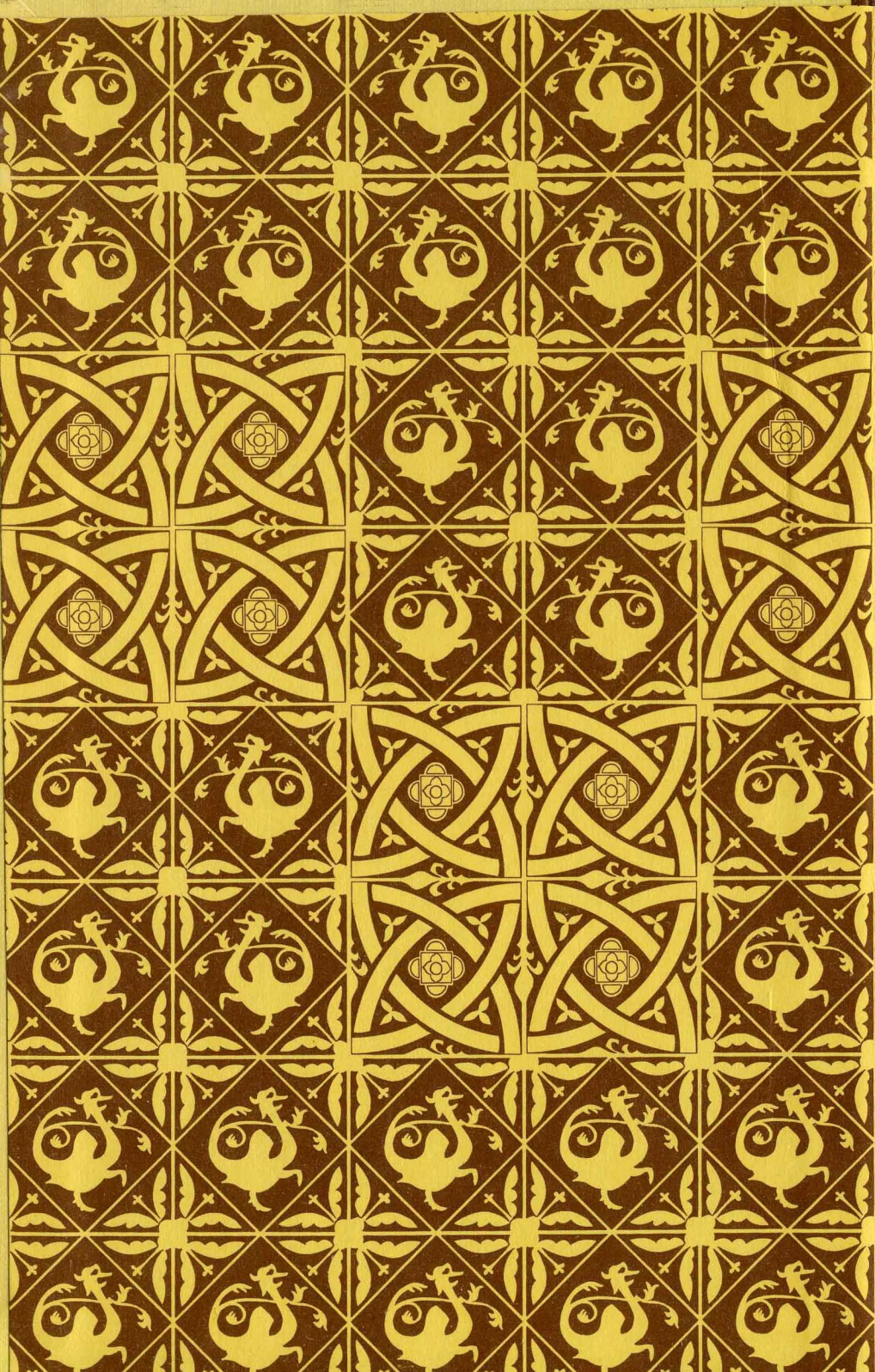

История

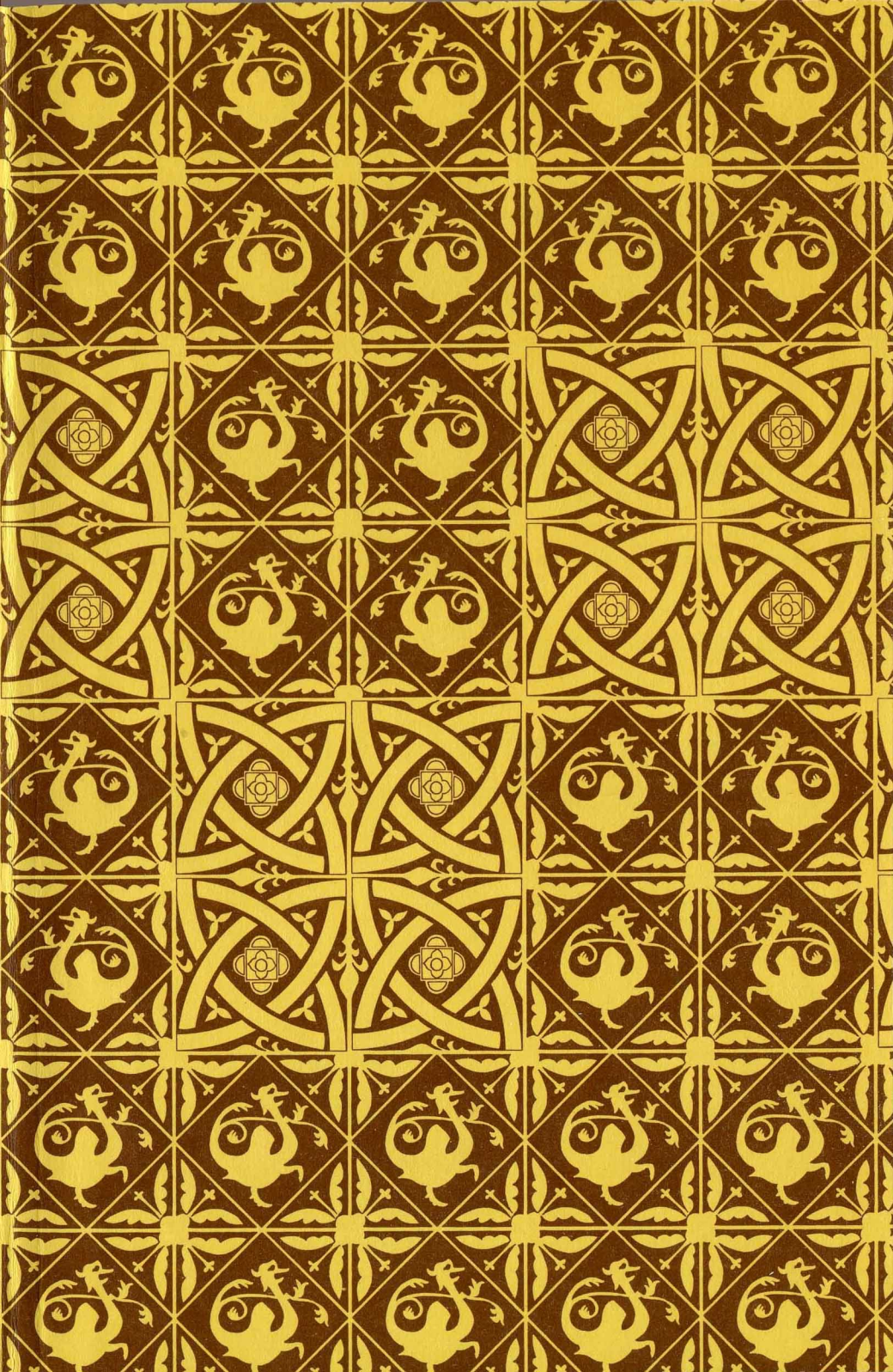

евреи

Джошуа Трахтенберг

ДЬЯВОЛ и ЕВРЕИ

Средневековые представления о евреях
и их связь с современным антисемитизмом

Гешарим

Москва
1998

Иерусалим
5758

Joshua Trachtenberg
The Devil and the Jews

The Medieval Conception of the Jew and its Relation
to Modern Antisemitism

Addendum

1. **O. Belova.** Jews in Folk Demonology of Slavs.
2. **G. Orwell.** About Trachtenberg's Book.
3. **L. Kazis.** The Trachtenberg's Book and the Russian Culture of the XX Century.

ISBN 5-89527-011-5

© Yale University Press, 1943

© Русский перевод, статьи Л.Кациса, О.Беловой —
«Гешарим» («Gesharim»), 1998.

Главный редактор *М.Гринберг*

Зав.редакцией *И.Аблина*

Перевод *В.Рынкевича*

Консультант *Р.Капланов*

Оформление *Т. Бутяковой*

Компьютерная верстка *Т.Глазовой*

Издательство «Гешарим»

Москва, тел.: 915-7178

Иерусалим, тел.: 972-2-993-1194

Fax: 972-2-993-3189

ВВЕДЕНИЕ

Не так давно Арчибальд Мак-Лиш* с горечью порицал «безответственных лиц», которые в наше сложное время предпочитают безопасное уединение в сфере «чистой» науки или искусства и либо считают ниже своего достоинства, либо боятся погрузиться в средоточие конфликта. Признаюсь, мне трудно не упрекнуть себя в том, что я копаюсь в пыльных средневековых манускриптах как раз тогда, когда мир изнемогает от тирании и кровопролития, и под угрозой стоит не только наша культура, но, быть может, и сама наша цивилизация, ради сохранения которой тысячи людей жертвуют жизнью. Если перо в моих руках может служить оружием, пусть слабым, не следует ли и мне вступить в борьбу и броситься в самую гущу схватки?

Однако даже средневековые тексты могут оказывать влияние на современность, и содержание этой книги отнюдь не лишено смысла для того мира, в котором мы живем сегодня. Есть непреходящая ценность в открытии и установлении истины, и это — величайший из всех принципов, за которые мы сражаемся. Мир особенно остро нуждается в истине, когда он в состоянии хаоса. Проблема, которая поднимается в этой книге, имеет чрезвычайную важность для сохранения мира во всем мире. Обратившись к ее истокам, нам будет легче в ней разобраться, и, быть может, это позволит нам приблизиться к ее разрешению. Я не питаю никаких иллюзий по поводу непосредственной практической пользы подобного исследования. Но по крайней мере для того, чтобы обсуждаемые здесь вопросы получили огласку, а люди, которые хотят знать правду, смогли отделить ее от вымысла, я представляю свою книгу на суд читателей.

Я приступил к работе без каких-либо предвзятых представлений. Честно говоря, когда я начал писать, я даже не предполагал, что мое исследование станет развиваться именно в этом направлении. Книга выросла из моей ранней работы — «Еврейская магия и суеверия», точнее из ее первой главы. На этот раз я поставил перед собой следующую задачу: подробнее, чем в вышеназванном сочинении, исследовать обвинения в колдовстве, которые выдвигались против евреев. Но очень скоро я понял, что ответ на этот вопрос требует

глубокого и всестороннего изучения, и поэтому необходимо рассмотреть не одно только обвинение в колдовстве, но детально исследовать присущий средневековой взгляд на евреев, тем более что именно эти средневековые представления, лишь выраженные более современным языком, до сих пор чрезвычайно популярны во всем мире. Если сегодня евреев презируют, боятся и ненавидят, то это происходит потому, что в отношении к ним большинство людей унаследовали предрассудки и суеверия, свойственные средневековью. И если нынешние демагоги с легкостью сеют семена разобщения и вражды, разжигают негативные эмоции и фанатизм и натравливают ближнего на ближнего, то это возможно лишь в силу того, что творение средневековья — «демоническая» фигура еврея, который представляется им чем-то недочеловеческим и даже античеловеческим, — до сих пор доминирует в массовом сознании.

«Из уст младенцев и грудных детей»** мы еще можем узнать бесхитростную правду. Недавно ее посчастливилось услышать отцу одного моего друга, когда он остановился в небольшом городке французской Канады. Двое детей, игравших на улице, подбежали к его автомобилю и с любопытством заглянули в окошко. «Это еврей», — объявил через некоторое время тот, что был постарше и по-смышленнее. «Да нет же, — возразил ему его неискушенный товарищ, — это не еврей, это человек!» Когда я рассказал об этом друзьям, один из них поведал мне, как ему довелось в Южной Африке ненароком подслушать схожий обмен мнениями между двумя подростками. «Смотри, идет какой-то человек!» — заметил один. Однако приятель его поправил: «Это не человек, это еврей!»

Очевидно, нам следует согласиться с тем, что ложь — более могущественное и изощренное оружие, чем простая и безыскусная правда, как однажды заявил Адольф Гитлер в одной из своих речей, после чего не раз применял этот принцип на практике. Ибо ложь легко принимает любую удобную форму и успешно сочетается с «желанием поверить», тогда как правда сделана из гораздо менее податливого материала. Гипертрофированный материалистический взгляд на историю не в меньшей степени, чем откровенная демагогия, способствовал произвольному искажению истины. То, что антиеврейские настроения возникают в результате возрастающего напряжения в сфере экономики и политики, — правда, но это лишь часть правды. Морис Сэмюэль в своей замечательной книге «Великая ненависть» подверг блестящей критике сугубо материалистическое объяснение антисемитизма — феномена, подлинное понимание которого возможно лишь с позиций психологии культуры и в силу этого недоступного материалистам. И в этом решающая разница. Чтобы избежать непонимания, я должен подчеркнуть следующее: моя книга не претендует на всестороннее рассмотрение антиеврейских суеверий и на доскональное изложение всего, что составляет историю

антисемитизма. Меня интересовал прежде всего тот элемент в комплексе антиеврейских предрассудков, благодаря которому последние — как по форме, так и по силе их непосредственного выражения — отличаются от других проявлений вражды к тем или иным расам либо национальным меньшинствам, а именно — элемент демонологический. Настойчивые указания Сэмюэля на то, что антисемитизм носит «уникальный демонологический характер среди негативных и враждебных настроений, свойственных определенным социальным группам», которые ответственны за «дьяволизацию евреев», как нельзя более верны, уместны и точны. (Именно у Сэмюэля я впервые встретил выражение «демоническая фигура еврея», причем задолго до того, как я, и, вероятно, он сам, осознали, что этот термин буквально отражает действительное положение вещей.) Итак, без всякого намерения с моей стороны, моя книга продемонстрировала историческую правильность этого тезиса.

Выражая признательность своим многочисленным друзьям за проявленный ими интерес к моей работе, а также за их ценные советы, в первую очередь должен поблагодарить слушателей доклада, с которым я выступил в Еврейской академии наук и искусств в Нью-Йорке в ноябре 1939 г. В докладе я развивал идеи, на основе которых впоследствии возникла эта книга. Один почтенный джентльмен, сам того не желая, побудил меня к тому, чтобы продолжить исследования. Он упрекнул меня, высказав мнение, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы вспоминать о столь неприятных вещах. К чему выкапывать всю эту мерзость как раз теперь, когда антисемитизм достиг своего апогея? Но, по-моему, именно по этой причине этим следует заниматься! Едва ли стоит ждать лучших времен! Пользуясь случаем поблагодарить профессора Мориса Р. Козна, который подсказал мне, что без указания источников и причин антиеврейских предрассудков мое исследование будет неполным. (Об этом речь идет в последней части моей книги.)

Истон, Пенсильвания
Джошуа Трахтенберг

ПРИМЕЧАНИЯ

* MacLeish A. (1892 - 1982) — американский поэт и драматург; избранные стихотворения и поэмы, а также пьеса «Падение города» переведены на русский язык. Вероятно, Дж. Трахтенберг ссылается на эссе Мак-Лиша, опубликованное в сборнике «Время говорить открыто» (1943).

** Пс. 8:3

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СУЕВЕРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ

Почему евреев так страстно ненавидят — и боятся? Игрою каких таинственных сил слабое, беззащитное меньшинство приобрело в глазах общества устрашающие атрибуты всемогущества? Почему, когда дело касается евреев, люди готовы поверить во все, что угодно, тогда как в любом другом случае они руководствуются обычным здравым смыслом? Эти вопросы беспокоят многих. И все же, невзирая на то, что существует масса полемической литературы на тему современного антисемитизма, эти вопросы все еще ждут удовлетворительного решения. В ответ на всякое обвинение в адрес евреев, высказанное либо в спокойном, либо в невыдержанном тоне, неизменно следовала тщательно аргументированная и веская защита. На основе убедительных и неопровержимых доказательств, а также строгих данных статистики ненависть к евреям, казалось бы, давно должна была исчезнуть. Однако она процветает, представляя собой угрозу не только для спокойствия и физической безопасности еврейского населения, но и для внутренней сплоченности и стабильности всех демократических наций. Эта ненависть сильнее и глубже, чем предполагали либеральные утописты, верившие в разум и просвещение.

Все статистические данные и все аргументы, призванные отвести всевозможные обвинения против евреев, фактически не сумели справиться ни с одним из клеветнических измышлений, которые по-прежнему тем более жизнеспособны, чем легче их опровергнуть. Любая ложь, какой бы глупой, мелочной или чудовищной она ни была, играет на руку тем, кто рассчитывает на ее воздействие. Рузвельт — еврей? Бенджамин Франклин — автор злобного антисемитского памфлета? Евреи контролируют экономику и промышленность, а также прессу или что бы то ни было? А чего стоят разглагольствования об «арийской» расе и «неарийских» париях! Историки, социологи, антропологи, не говоря уже о тех, кто просто выступает за правду, могут приводить какие угодно доказательства абсурдности антисемитских сплетен и слухов, но те, кто в них верит, будут верить по-прежнему — и поступать так, как если бы все это было правдой.

Почему? На это может быть только один ответ: люди в это верят, потому что они хотят в это верить. Они предрасположены к тому, чтобы принять любое обвинение, коль скоро оно соот-

ветствует их предвзятому мнению о евреях, и не способны к его объективной оценке. Нападки на евреев — не что иное, как рационализация той специфической враждебности, которая лежит в их основе. Если какой-нибудь вымысел устаревает, его место тотчас занимает дюжина новых, и если последние хоть как-то удовлетворяют невзыскательный вкус публики, их принимают за очевидную истину.

Ненависть к евреям не является результатом рационального процесса. Иначе абсурдность антисемитских домислов уже давно бы свела их на нет. Самое поверхностное ознакомление с расхожим товаром антисемитской пропаганды обнаруживает мешанину противоречивых и несовместимых между собой обобщений, которые не воспримет ни один человек, обладающий хотя бы крупицей здравого смысла. Как можно верить в то, что все евреи в одно и то же время — коммунисты и капиталисты, если подобные обобщения несовместимы друг с другом, если низкий уровень жизни представителей еврейского среднего класса и пролетариата, которые живут в тисках нищеты и жестокой экономии, — общеизвестный факт, если, наконец, эта двойственная характеристика логически противоречива и абсурдна? Попытка научно, с применением методов статистики, доказать, что это не так, не произведет никакого впечатления на тех, чье сознание изначально слепо к чересчур очевидным истинам.

Ненависть к евреям покоится отнюдь не на рациональных основаниях. Когда уже все сказано по поводу психологической ксенофобии, отрицающей «чужое» и презиравшей быт и культуру национальных меньшинств, приняты во внимание разногласия в социальной и экономической сферах, ожесточающие отношения в обществе, и не забыта вытекающая отсюда потребность в «козлах отпущения», учтена изощренная техника пропаганды, к которой прибегают анархистствующие демагоги, а также приняты к сведению недостатки, присущие самим евреям, и их ненормальный экономический статус — а все, что мы перечислили, суть не что иное, как мощные непосредственные стимулы для проявления активной ненависти к евреям, — тем не менее ее первичный мотив, скрытый в глубинах коллективного бессознательного, остается незатронутым. В основе всех этих стимулов лежит — сообща им потенциальную взрывную силу — пороховая бочка эмоциональной предрасположенности и такого взгляда на евреев, который не желает считаться с фактами и логикой.

В чем же подлинный смысл обвинений, которые возводят на евреев? Считают ли их интернациональными коммунистами либо интернациональными капиталистами, а чаще всего и теми, и другими в одном лице, евреи — для тех, кто их ненавидит — исконные враги западной цивилизации. Они — чужие, но не для жителей той или иной страны, а для всего западноевропейского общества, чужие по своим обычаям, устремлениям, интересам, характеру, чужие по самой своей крови. Еврей, где бы он ни жил, всегда остается чужаком. Он — выродок и заклятый враг всего мира, разлагающий его литературу, искусство, политику и экономику тончайшим ядом своего коварного и незаметного влияния, расшатывающий его нравственные устои камень за камнем до тех пор, пока не рухнет все здание. И это его конечная цель: прибрать к рукам весь мир, перековать его на свой извращенный лад, поработить его во имя своих, чуждых всему человечеству устремлений.

Антисемитская пропаганда рисует фантастический портрет «интернационального еврея» на манер Джекила-Хайда из известной повести Р.Л. Стивенсона: внешне якобы смиренные и безобидные, нищие, угнетенные и рассеянные по миру, составляющие ничтожный процент от населения земного шара, они в действительности обладают колоссальным могуществом и доминируют буквально во всех областях, поскольку составляют всемирную тайную организацию с железной дисциплиной и жестокими беспринципными методами борьбы за мировое господство. Абсурдно? Однако благодаря распространению этой теории миллионы людей во всем мире верят, что «Сионские мудрецы» планируют захват и уничтожение всей планеты, в то время как сотни тысяч евреев становятся жертвами нацистского варварства. Многие убеждены в том, что евреи устроили большевистскую революцию и навязали русскому народу против его воли коммунистическую идеологию; что политика Советского Союза — еврейская политика, а в Коминтерне тоже управляют евреи, преследуя еврейские цели. Не кто иной, как евреи, ответственны за поражение Германии в первой мировой войне. Только евреям принадлежит реальная власть в демократических странах: «плутократическая демократия» — зловещий еврейский план овладения миром. Именно евреи благодаря своей закулисной политике развязали вторую мировую войну, и они же втянули в нее Америку. Всегда — евреи, и всегда они заняты антисоциальной, разрушительной деятельностью! «Основу еврейской религии — как утверждает верхов-

ный жрец современного антисемитизма — составляет прямое преступное нападение на все народы земли».

Подобные утверждения, как правило, принадлежат тиранам и демагогам, которые цинично драпируют голую абсурдность своих построений и неприкрытую порочность своих мотивов в одежды расовой и экономической абракадабры. Это — так называемый «научный» антисемитизм. Но последний носит «научный» характер лишь для тех немногих, кому необходим интеллектуальный камуфляж, позволяющий скрыть их истинные цели и предрассудки. Что он может дать простым людям, невежественной, одурманенной массе мужчин и женщин, неискушенным в науке и философии, людям, которые, так сказать, обеспечивают зерном мельницу антисемитской пропаганды? Для них евреи — воплощение таинственных и пугающих дьявольских сил, которые с незапамятных времен угрожают миру и безопасности человечества. Лицемерие и лживость профессиональных антисемитов производят точно рассчитанный эффект: рядовой индивид не всегда может воспринять формальную сторону их построений, но ему близок их смысл, ибо для него это всего лишь новый способ выражения того ужаса, который он впитал с молоком матери. Массовое сознание имеет охранительный характер и неохотно забывает. Человек, по словам Ницше, это существо с самой длинной памятью. Ортега-и-Гассет в своей недавно опубликованной статье «О философии истории» говорит об объективном существовании аккумулированного прошлого как о позитивном элементе творчества. Но мы не вправе пренебречь этой особой реальностью аккумулированного прошлого в аспекте его негативного влияния — патологического барьера для творчества. Неспособность человека к забвению — составная часть его способности удерживать в памяти. Нам приятно сознавать себя вполне «современными» людьми, однако под спудом нашего скептического рационализма и научной объективности все еще таятся могучие мотивирующие силы — идеи и представления наших предков. Если нам и удалось изгнать обветшавшие понятия из нашего сознания (при этом едва ли стоит указывать на то, что подавляющая часть западноевропейского мира так и не сумела заклясть злых духов, которые некогда терзали и мучили их предков), это еще не значит, что они утратили жизнеспособность: они лишь перешли в темные глубины бессознательного. Какие бы рациональные объяснения мы ни пытались дать феномену антисемитизма, еврей, которого мир боится и ненавидит, — это наследие прошлого, причем не

такого уж и далекого. И все наши усилия будут тщетными, если мы не выявим скрытые эмоциональные корни этого явления, корни, питающие алогизм и неправду, наделяя их смыслом и видимостью истины.

Германия не случайно стала родиной современного антисемитизма. Программа национал-социализма всего лишь вывела на поверхность и усилила скрытую тоску немцев по своему романтическому прошлому. Отто Р.Толишус, известный иностранный корреспондент, который внимательно следил за жизнью Германии в переломные годы, в своей книге «Они хотели войны» довольно точно характеризует ее духовный регресс. Он отмечает, что немцы «преклонялись перед Рихардом Вагнером, но не композитором Вагнером, творцом бесподобной, хотя и далеко не всеми принятой музыки, а Вагнером, вызвавшим к жизни забытый, мрачный и жестокий мир германской древности, мир сражающихся между собой богов и героев, драконов и демонов, неумолимой судьбы и языческих мифов. Но то, что для одних было всего лишь миром вагнеровской оперы, для подавляющего большинства других, для народных масс Германии стало реальностью подсознательной сферы и легло в основу мифа о третьем рейхе, вдохновившего движение национал-социализма». Нет смысла спорить о том, насколько глубоко в прошлом лежат истоки немецкого психического атавизма — это строгий, неоспоримый факт. Если программу нацистов иногда характеризовали как «средневековую», в том, что касается их политики по отношению к евреям, ее принципы явно демонстрируют возврат к психологии средних веков.

Современный, так называемый «научный» антисемитизм — не изобретение Гитлера. Он возник в Германии в течение последнего столетия, а сначала был чрезвычайно популярен в Центральной и Восточной Европе, где средневековые представления живут и по сей день и где средневековый взгляд на евреев, лежащий в основе преобладающей среди населения эмоциональной антипатии к ним, имеет особенно глубокие корни. (Термин «средневековый» означает здесь не хронологическую эпоху, а, скорее, ментальную.) Источником разрушительной активности Гитлера было то, что он интуитивно почуствовал стихийную универсальность подспудной вражды к евреям. Когда он заразил весь мир вирусом антисемитизма — неважно, по наитию либо в результате трезвого расчета, — он знал, что его семена упадут на благоприятную почву, вызывая духовное и социальное разложение, которое откроет перед ним путь к завоеванию власти.

«Искушенность евреев в магии и их родство с Сатаной несомненно открыли бы нам основной источник ненависти к ним в средние века, если бы нам удалось преодолеть нежелание заниматься подобными исследованиями», — пишет Марвин Лёвенталь в книге «Евреи Германии». Таков взгляд, основанный на грубейшем суеверии и легковерии, который пронизывает западноевропейскую культуру до самых ее глубоких пластов. Но если мы хотим открыть первичный источник не только средневекового антисемитизма, но и его современной, более изощренной версии, нам придется, преодолев «нежелание», извлечь на свет много такого, о чем по разным причинам не хотят говорить вслух.

В сфере коллективного бессознательного мы обнаружим чудовищные образы и представления: еврей, увенчанный рогами; еврей, пьющий христианскую кровь; еврей-отравитель и разносчик заразы; еврей, источающий отвратительный, специфический еврейский запах; еврей, занимающийся черной магией и наводящий слез и порчу на окружающих; а также тайный парламент мирового еврейства, который периодически собирается для того, чтобы обсудить очередной дьявольский план. Эти образы и представления до сих пор живучи и популярны, и ими широко пользуется официальная нацистская пропаганда для внедрения в массовое сознание современной версии «научного» антисемитизма.

При этом важно отметить, что здесь мы откроем исток всеобщего осуждения евреев как чуждых, демонических, антисоциальных и античеловеческих существ, недочеловеческих по своей сущности, и потому в высшей степени ответственных за свое преступное стремление разрушить с помощью тончайших методов и средств плоды христианской цивилизации, которую евреи в глубине души якобы презирают и ненавидят.

Антиеврейские предрассудки гораздо древнее христианства. Поэтому было бы глупо приписывать всякое проявление антисемитизма доктринерской христианской ненависти к «убийцам Христа». Однако уникальный демонологический характер эти предрассудки получили в средние века, хотя и прежде уже имели место некоторые явления, указывающие на то, что отношение к евреям явно изменится к худшему. «Демоническая фигура еврея» возникла в результате специфического сочетания культурных и исторических факторов, определявших жизнь христианской Европы в средние века.

Едва ли следует специально оговаривать, что данное исследование изначально не было задумано в полемическом ключе.

Как бы то ни было, поскольку собранные здесь свидетельства и документы почерпнуты из христианских источников, необходимо сказать несколько слов о позиции церкви. В этой книге факты говорят сами за себя, однако подчас было нелегко следовать избранным курсом и избегать крайностей, когда дело касалось явно противоречивых позиций церкви. Фактически существовало две церкви: с одной стороны — иерархия, которая формулировала и определяла принципы, с другой — подчиненный ей клир вкупе с мирянами, которые осуществляли эти принципы на практике. Между теми и другими не всегда царило согласие. Особенно это заметно на примере отношения к евреям. Если иерархия зачастую старалась быть гуманной и в той или иной степени оказывать покровительство евреям, то простой народ под влиянием местного духовенства в своих действиях далеко не всегда руководствовался строгим истолкованием церковного права и принятых иерархией решений, которые требовали сдержанности и терпимости по отношению к евреям. В результате принципы подчас резко расходились с практикой. Люди поступали так, как им подсказывал тон и контекст официальной церковной политики, которая по сути все же отвергала евреев, тогда как на словах обещала им поддержку и защиту. Но именно эти люди, не в меньшей степени, чем сама иерархия, и были «церковью». И те, и другие творили историю христианского мира. Там, где это было необходимо, я пытался показать реальные различия в отношении к евреям у двух указанных категорий, однако следует отметить, что практические последствия, вытекающие из выработанных в средние века христианских принципов, справедливо приписывают именно церкви, безотносительно к тому, насколько расходились друг с другом две вышеназванные позиции.

Предмет нашего исследования — средневековый взгляд на евреев. Мы будем обсуждать его довольно подробно, ибо с точки зрения современного человека, свободного от антисемитских предрассудков, их средневековые образцы могут показаться настолько чуждыми, настолько невероятными, что лишь их детальное рассмотрение способно убедительно продемонстрировать, что все это действительно имело место и даже в наши дни с этими пережитками средневековья необходимо считаться. Быть может, признание этого факта лишит нас покоя, но богатейший материал, который находится в нашем распоряжении. — слишком серьезное свидетельство и едва ли позволит нам сделать какой-либо иной вывод.

ЧАСТЬ 1

ДЕМОНИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЕВРЕЯ

Глава 1. ДЬЯВОЛ ВО ПЛОТИ

Враждебность христианского мира к евреям постепенно, в течение нескольких столетий набирая силу, достигла своего апогея после крестовых походов. Ширящиеся волнения в массах, угроза ислама, ереси XI–XII веков, которые продолжали неуклонно распространяться на протяжении следующих столетий, пока не вызвали к жизни движения Реформации и Ренессанса, — все это поставило церковь перед необходимостью покончить раз и навсегда с внутренними и внешними врагами. Крестовые походы и инквизиция стали наиболее могущественными инструментами для сохранения единства христианского мира. Было неизбежно, что в этот период социального и религиозного напряжения, которое проявилось в засильи христианского фанатизма во всех сферах общественной жизни, также обострится антагонизм по отношению к евреям — представителям самой «еретической» и антихристианской силы в Европе, жившим в самом центре цитадели, безопасности которой со всех сторон угрожали враги.

Отношение к евреям в средние века — сложная проблема, требующая комплексного подхода, ибо как в наши дни, так и тогда множество факторов усложняли и затрудняли развитие христианско-еврейских отношений: сильная антиеврейская тенденция, следы которой можно найти уже в Евангелиях; догматическая неприязнь церкви, усугубленная религиозным и культурным неподчинением еврейского населения официальной государственной религии в рамках цивилизации, которая по сути носила тоталитарный характер; экономическое соперничество и подчас более выгодная — по крайней мере стратегически — экономическая позиция евреев; постепенное формирование нового социального баланса власти и вызванная этим новым положением вещей политическая борьба; зарождение национального духа. Все эти факторы сыграли свою роль во взаимном отчуждении христиан и евреев. И мы должны также учесть ту роль, которую сыграли в усилении психологической антипатии к евреям всеобщее невежество и превратное истолкование иудаизма, а также чувства разочарования и озлобления к тем, кто — казалось бы — вопреки здравому смыслу и несмот-

ря на преследования не желал утратить национальную и религиозную самобытность среди народов христианского мира.

Не пытаясь ни в коей мере умалить значение этих факторов, мы все же считаем, что этого недостаточно, чтобы объяснить причины многовековой антипатии к евреям. Названные факторы не являются даже существенной частью истории антисемитизма. Наиболее сильное впечатление от чтения средневековых документов, касающихся евреев, производит ненависть — столь непримиримая, безграничная и чудовищная, что она способна привести в настоящее замешательство. Неустанное нагромождение отвратительных эпитетов, обвинений и проклятий в адрес евреев, стремление выставить их средоточием всего злобного, мерзкого и более чем заслуживающего презрения и отвращения всего христианского мира, убедит любого, самого поверхностного читателя, что здесь царит фанатизм, который носит всецело субъективный и нерациональный характер. Средневековые источники поносят евреев, часто называя мнимо объективные основания ненависти к ним, однако несоответствие между интенсивностью реакции и теми причинами, которые приводятся в качестве ее оправдания, заставляют искать скрытый источник столь явной предрасположенности к негативным эмоциям. Ведь когда дело касалось евреев, люди готовы были поверить во все, что угодно, какими бы нелепыми или фантастическими ни выглядели выдвинутые против них обвинения, которые приводили к диким и неуправляемым выплескам насилия.

Неудивительно, что само слово «еврей» стало оскорблением. Именно в этом качестве оно встречается как в средневековых источниках¹, так и в современном употреблении. В литературе средневековья преобладала единая точка зрения на евреев, предписанная ортодоксальной церковью: мистерии, миракли и моралите, хроники и легенды, поэмы, народные сказки, песни и предания — все изображали евреев источником зла, ибо они замыслили чудовищные преступления против основателя христианской веры и христианской церкви, а также против его приверженцев и последователей. Евреев обвиняли во всех самых гнусных грехах, но самым подлым было приписываемое им стремление уничтожить христианство и христианский мир. Еврей предстал исконным врагом человечества. А поскольку именно в этом заключалась суть всех направленных против него обвинений, последние с легкостью принимались. Свет-

ская литература, возникшая в конце средних веков, изображала евреев в тех же тонах, хотя мотивы, из которых она исходила, уже утратили свою религиозную подоплеку. Светская драма, к примеру, касаясь социальных вопросов, представляла еврея в социальной роли, но при этом наделяла его все тем же злобным характером, и он по-прежнему оставался олицетворением зла и исконным врагом общества¹. Эта модель была унаследована и литературой последующих столетий. Там, где в обсуждении евреев звучали иные ноты, они редко характеризовали их с позитивной стороны; чаще всего о евреях отзывались с презрением и насмешкой — еврей был комическим и одновременно подлым и низким существом.

Для масс фигура еврея, каким он предстал в театральных пьесах, рассказах, хрониках, анекдотах, а также в *exempla** проповедников, фактически утрачивала индивидуальный характер и становилась типом, в соответствии с которым формировалось представление обо всем еврейском народе в целом. Этот тип еврея зачастую не имел имени и редко обладал какими-либо личными чертами. Тем более заслуживает внимания тот факт, что авторы произведений, в которых фигурировали евреи, — будь то драма на библейский сюжет или легенда, повествующая о подвигах святого, — умышленно изображали их не в качестве исторических персонажей, но со всеми атрибутами современных им евреев, с обликом, манерами и внешностью которых публика была хорошо знакома. Грехи и пороки современников Иисуса нарочито взваливались на плечи средневекового еврейства. Так, например, в текстах немецких и французских средневековых мистерий мы иногда находим прямые указания на то, что актеры, изображающие евреев, должны быть «*judisch gekleidet*» («одеты в еврейскую одежду») или, соответственно, «*avec rouelle et bonnet cornu*» («с еврейской нашивкой на одежде и в остроконечной шляпе»), то есть они должны были иметь внешность средневековых еврейских купцов и разносчиков. В одном пассаже**, исполнявшемся во Франкфурте, евреи, поносящие и бьющие Христа, носят имена, до сих пор распространенные в этих местах¹. Чтобы оценить непосредственное воздействие образа еврея на зрителей, необходимо учесть следующее: в средние века пьесы религиозного содержания нередко несли в себе также идеи социального критицизма и становились важнейшим средством выражения массовых настроений, а публика отождествляла

время и место сценического действия со своей эпохой и со своим привычным окружением⁴.

Поведение евреев по отношению к Иисусу и христианским святым, описанное в средневековой литературе, было призвано служить иллюстрацией негативных характеристик евреев, современных автору и читателю. К тому же содержание этих произведений не ограничивалось исключительно сюжетами древней истории. Многообразные преступления, которые приписывались средневековым евреям, также отражались в этих пьесах и легендах, чтобы картина, созданная на древнем материале, была живой, убедительной и содержала конкретные детали.

Историческая достоверность этих рассказов никого не интересовала. Для христиан они всегда оставались излюбленным предметом развлечения и поучения, и всякая попытка их критического осмысления была бы (увы, их не было!) с негодованием отвергнута. Простой христианин так же не мог сомневаться в их правдивости, как он не мог поставить под вопрос религиозный авторитет тех, от кого они исходили под видом неоспоримой истины. «Правда же или нет то, о чем я повествую, не мое дело, — пишет хронист XII века. — Это поведано нам, и нам подобает это принять»⁵. Один добросовестный исследователь документов, касающихся всевозможных преступных действий, которые приписывают евреям, пишет: «Если сегодня мы должны признать, что едва ли есть хотя бы след объективной истины в этих обвинениях, тем не менее совершенно очевидно, что простой народ *in toto* и даже большая часть образованных мирян (...) были твердо убеждены в вине евреев»⁶. Именно атрибут неоспоримой истинности делал эти легенды и предания могущественным инструментом формирования общественного мнения. Э.Б.Осборн⁷ отмечает, что «средневековое сознание было готово поверить во все, что угодно, особенно если основанием для этой веры было какое-либо письменно зафиксированное свидетельство».

Поддерживаемое официальной политикой церкви, активно пропагандируемое всеми ее институтами, в задачу которых входило наставлять и поучать, подкрепленное законодательными актами светской и церковной власти средневековое представление о евреях, отраженное в литературе той эпохи, стало одним из ее основополагающих убеждений. Уверенность в том, что евреи виновны буквально во всех грехах породила глубоко укорененную и безрассудную ненависть, из которой все отдель-

ные (и часто весьма специфические) обвинения против евреев черпали способность вызывать раздражение и злобу масс.

Средневековый христианский мир был так непоколебимо уверен в абсолютной истинности своего предания и учения, что он не в состоянии был даже помыслить о какой-либо иной истине. Это может показаться абсурдным, но у нас есть неоспоримые доказательства того, что весь христианский мир верил, что даже сами евреи признают истинность христианской доктрины!

Согласно этому взгляду евреи якобы знали, что пришествие Иисуса предсказано в Писании, хотя в полемике с христианами они упрямо отрицали этот факт. Для христианина единственно возможным и осмысленным было такое истолкование Писания, которое было освящено авторитетом церкви; поэтому те истолкования священных текстов, которые были в ходу у евреев, рассматривались либо как результат упрямого непонимания, либо как сознательная фальсификация. Иероним и другие ранние отцы церкви нередко сокрушались из-за того, что еврейские учителя сознательно извращали смысл первоисточника, а Юстиниан зашел так далеко, что даже издал специальный указ, согласно которому Тору в синагогах должны были читать на языке, понятном всем, а не одним только евреям, а разъяснения, которыми обычно завершалось чтение Торы, были запрещены на том основании, что «тогда у их толкователей, пользующихся только еврейским языком, не будет возможности извратить слова Писания так, как им заблагорассудится, ибо неискусенность их слушателей скрывает преступные намерения истолкователей»⁸. Средневековые схоласты не преминули навязать евреям обвинение в том, что они нарочно искажают библейские тексты, пытаясь свести на нет их христологический смысл. Один автор XV века, разоблачавший злокозненные еврейские измышления, писал о том, как раввины «собрались в великом множестве в Вавилоне Египетском, именуемом Каир, и там с величайшим тщанием и блюдя сугубую тайну, искажали и портили Писания...»⁹. Мартин Лютер, не гнушаясь сквернословием, нередко раздражался гневными выпадами в адрес евреев, которые, как он полагал, упрямо отказывались принять однозначный смысл библейского текста¹⁰.

Но это еще не все. Если древние евреи, которые были непосредственными свидетелями евангельских событий, в силу своей закоренелой греховности и отрицали то, что видели собственными глазами, остался по крайней мере один живой сви-

детель, сохраненный по божественному произволению, дабы уличить их во лжи и продемонстрировать самым фактом своего существования истинность христианской традиции, а также истину и могущество слов Христа. В XIII веке в Европе распространились слухи о Вечном Жиде, который насмеялся над Иисусом, несшим крест на Голгофу, и за это был обречен на вечные скитания. Согласно легенде, Иисус сказал ему: «Ходи до тех пор, пока я не приду вновь». В 1228 г. армянский архиепископ, посетивший монастырь святого Албания в Англии, поведал миру об этом персонаже по имени Иосиф Картафилус, который, как уверял архиепископ, был широко известен на Востоке. А в 1252 г. его сообщение подтвердил другой армянский паломник, посетивший тот же монастырь¹¹. Эти сведения были немедленно восприняты как наиболее весомое доказательство истинности христианства, и европейские авторы не преминули воспользоваться ими в целях борьбы с евреями и еретиками. Все новые рассказы о похождениях Вечного Жида распространялись с необычайной быстротой и были популярны в народе. Сюжет большинства этих историй сводился к тому, что Вечный Жид отказался от своей ложной веры и уверовал в Иисуса вопреки закоснелой греховности и упрямству своих «жестоковейных» соплеменников. Однако согласно некоторым версиям он остался иудеем, отказавшись через принятие крещения приобщиться к той истине, о которой помимо его воли свидетельствовала история его жизни, и таким образом стал для христиан олицетворением жалкой участи, уготованной всем евреям¹².

Христиане считали, что поздние еврейские источники содержат указания на то, что некоторые авторитетные еврейские учителя допускали и даже признавали истинность христианства. Поскольку многие христиане были убеждены в том, что евреи неоднократно пытались скрыть или уничтожить эти свидетельства, для простого народа это было еще одним доказательством вредоносного характера еврейства¹³. Но и это еще не все! Обвинение в том, что евреи оскверняют гостию, было основано на уверенности в том, что они — подобно христианам — принимают догмат о пресуществлении, самый сектантский из всех христианских догматов. В пьесе Кристофера Марло «Мальтийский еврей» последний даже клянется телом Господним (Copro di Dio)! Многочисленные чудеса, явленные — как полагали христиане — для того, чтобы расстроить преступные планы евреев и предотвратить пагубные последствия их чудовищных

деяний (уничтожение и профанация гостии и икон с изображением Иисуса и святых, не говоря уже о так называемых «ритуальных» убийствах), также становились неоспоримыми свидетельствами их виновности, свидетельствами, очевидность которых даже сами евреи не смели отрицать (опять же так считали христиане, но это не соответствует действительности). Следует отметить, что в числе персонажей некоторых средневековых мираклей изредка встречаются благочестивые евреи, однако их набожность проявляется в том, что они признают чудодейственные способности святого Николая и почитают его образ.

Нежелание евреев солидаризироваться с христианским миром перед лицом столь убедительного для христиан доказательства того, что евреи сами признавали истинность христианства, вызывало замешательство и ярость верующих. Как недавно отметил Сесил Рот в своей статье, посвященной рассмотрению этой проблемы¹⁴, «средневековое сознание было не менее проникновенным, логическим и рассудительным, чем наше». Оно искало — и наконец обнаружило — объяснение этому, казалось бы, необъяснимому поведению, объяснение, которое в свою очередь проливает свет на глубокую эмоциональную антипатию, с тех самых пор характеризующую отношения между евреями и христианами.

В чем же оно заключалось? Слишком легкое согласие С.Рота с общепринятым мнением, согласно которому католическая Европа приписывала религиозный фанатизм евреям их закоренелой греховности и упрямству, вызывает недоумение. Если верно его утверждение о том, что средневековое сознание было вполне способно к логическому мышлению — а это несомненно так, — то непонятно, почему оно «приписывает группе людей такую психологию, которая несовместима ни с каким человеческим опытом»¹⁵. Такое объяснение не может нас удовлетворить, из чего мы делаем вывод, что оно едва ли удовлетворяло христиан средневековой Европы.

Христиане средних веков не сомневались в одержимости евреев духом извращенности и упрямства. Но откуда в них эта одержимость? Как получилось, что психология евреев несовместима ни с каким человеческим опытом? Ответ заключался в том, что еврей — не человек, в отличие от христиан. Еврей — существо совершенно иной природы, в силу чего от него нельзя ожидать нормальных человеческих реакций и проявлений. «Поистине, я сомневаюсь в том, что еврея можно считать чело-

веком, ибо он глух и к разумным объяснениям, и к авторитетным свидетельствам, будучи в одно и то же время евреем и существом иного порядка», — говорит Петр Достопочтенный из Клуни¹⁶. Но в таком случае, кто же он? Это ясно как день: еврей — порождение дьявола! Не человек, а демон, дьявольское отродье, орудие Сатаны, с помощью которого враг рода человеческого борется со светом истины и спасения! Надеяться на то, что евреи добровольно примут христианство, так же бессмысленно, как ожидать этого от самого дьявола. Против такого противника, как евреи, никакая ненависть не будет слишком глубокой, никакая война — чересчур жестокой, все средства будут хороши, лишь бы очистить землю от этой страшной угрозы!

Эта идея настолько абсурдна, что требуется поразмыслить, прежде чем мы будем в состоянии воспринять ее буквально. Если наш разум отказывается сразу же согласиться с подобным утверждением, то причина в том, что мы давно уже изгнали Сатану из сферы нашего мышления. Однако, если мы хотим понять мир средневековья, нам придется вернуться к предпосылкам его *Weltanschauung* (мировоззрения. — нем.). Следовать его логике мы сможем лишь в том случае, если примем аксиомы, лежащие в ее основании.

Дьявол как существо, наделенное личностными характеристиками, никогда не играл сколько-нибудь заметной роли в еврейской мысли. В средние века фигура Сатаны для евреев «едва ли заключала в себе нечто больше, чем просто аллегорию, и его характерной чертой была вопиющая греховность»¹⁷. Но для средневековых христиан дьявол был самым что ни на есть реальным существом на одном полюсе моральной шкалы и всей системы мироздания так же, как Иисус — на другом. Христианин постоянно ощущал угрозу, исходящую от вездесущего врага, подвергался его искушениям и противился его льстивым речам и уговорам, он страдал от происков как самого дьявола, так и его слуг и посредников, демонов. Миряне и клирики, образованные и неграмотные, все христиане так или иначе отдавали должное его силе и могуществу, страшась его, веря в него и с трепетом взирая на плоды его нечестивых деяний.

Если Иисус пришел, чтобы спасти мир, то Сатана, исконный враг человечества, стремился погубить его. Это тоже было аксиомой средневековой веры. В синоптических Евангелиях эпизод искушения Иисуса¹⁸ не играет существенной роли для

его приготовления к пастырской деятельности, будучи чем-то вроде предварительного испытания. Однако со временем обнаруживается явная тенденция к тому, чтобы описывать деятельность Иисуса в терминах борьбы между ним и дьяволом за господство над миром. Иисус все в большей мере становится Богом христианской веры и, таким образом, олицетворяет принцип добра в его вечной борьбе со злом, подобно тому, как борьба между двумя враждебными началами в персонифицированной форме представлена в мифах, легендах и теологических построениях древних. Самый ранний христианский памятник англосаксонской поэзии (VIII век) изображает Иисуса могучим воином, сражающимся с полчищами Сатаны. Вероятно, здесь имеет место влияние древних языческих преданий. Но несколько столетий спустя такой взгляд на миссию Иисуса стал общепринятым и стал основной темой большинства средневековых мистерий. Одна из старейших английских баллад «Перепахивание ада» (начало XIV века), в основу сюжета которой легло апокрифическое Евангелие от Никодима, начинается так:

Alle herkneth to me nou,
a strif will I tellen ou,
of Jesu and of Satan.

Ныне все внимайте мне,
поведаю вам о войне
Иисуса с Сатаной¹⁹.

Эта изначальная вражда — согласно убеждению средневековых христиан — фактически предвосхищала рождение Христа. Лишь для того Иисус и понес «кару» обрезания, чтобы ввести в заблуждение дьявола и тот не смог бы распознать в нем Сына Божьего. А чудесное рождение от замужней девственницы — как поучали свою паству средневековые проповедники — сохранило жизнь Спасителю во младенчестве, ибо Сатана, который благодаря изучению пророческих книг знал о девственном рождении Мессии, не догадался бы искать его среди младенцев, рожденных замужними женщинами²⁰.

Новозаветные тексты как сочинения полемически заостренные уже демонстрируют враждебность ранней церкви к евреям, изображая их непримиримыми врагами Иисуса. Согласно Евангелию от Луки, делающего особое ударение на том, что Иисус обратился с призывом ко всем народам, а не к одним только

евреям, и старающегося во что бы то ни стало представить римлян в свете как можно более благоприятном, Пилат дважды пытается освободить Иисуса и даже обращается к Ироду за поддержкой. Стремление Пилата спасти Иисуса еще больше подчеркивается в апокрифических Евангелиях. Так постепенно римляне, играющие столь зловещую роль в драме Страстей, отступают на задний план, Понтий Пилат полностью оправдывается, а вся ответственность за страдания и смерть Иисуса целиком ложится на плечи его собратьев евреев. В некоторых мистериях Пилат с жаром защищает Иисуса, но безжалостные евреи берут над ним верх²¹.

Согласно христианскому преданию у Иисуса было два непримиримых врага: дьявол и евреи, и, вполне естественно, предание установило между ними причинную связь. Фактически христианские полемические сочинения стали прибегать к этому приему с самого начала. Евангелие от Иоанна, откровенно враждебное к евреям, утверждает: «Ваш отец дьявол» (8:44), а в Откровении Иоанна Богослова еврейское молитвенное собрание названо «сборищем сатанинским» (2:9 и 3:9). Последний эпитет даже стал банальным из-за постоянного употребления в более позднюю эпоху. В IV и V веках, когда церковь наконец встала на ноги и смогла открыто выступить против своих врагов, такого рода оскорбления буквально сыпались на иудаизм и его традиционное учение.

В самом первом законе, принятом Константином о синагоге, она была названа словом, которое никогда прежде не применялось по отношению к религиозному сооружению, и на жаргоне римлян обозначало «публичный дом». Иоанн Златоуст заявлял, что «синагоги суть места идолопоклонства и служения демонам, пусть даже и нет в них дьявольских изображений», и настаивал на том, что «евреи поклоняются не Богу, но дьяволу, а посему все их праздники суть мерзость и нечестие». Ссылаясь на Библию (Пс. 96:37), он утверждал, что евреи «приносили в жертву дьяволу своих сыновей и дочерей... они (евреи. — *Дж. Т.*) хуже диких зверей, ибо безо всякой надобности своими же руками умерщвляли чад своих, дабы ублажить злобных демонов, врагов рода человеческого». Его современник Иларий Пиктавийский (ок. 315—366 гг.) полагал, что «прежде получения Закона евреи были одержимы мерзким демоном, каковой, страшась Закона, временно отступил от них, когда же они отвергли Христа, демон тотчас вернулся на место свое». В описании одного из ранних диспутов (VII век) изображается радость

церкви и отчаяние дьявола по поводу того, что присутствующие на диспуте евреи обратились в христианство. Дьявола и евреев нередко связывали между собой более поздние византийские церковные писатели и проповедники. Так, например, в проповедях Евсевия Александрийского дьявол время от времени по-приятельски фамильярно обращается «к своим старым друзьям, евреям»²².

Представление о союзе между двумя исконными врагами Христа постепенно проникло в христианскую мысль. И здесь перед нами не только стремление лишний раз опорочить евреев: образ нечестивого союза еврея с Сатаной был рассчитан на то, чтобы в сознании, не способном к критическому осмыслению, эта ассоциация приобрела вполне конкретные черты. Развернувшаяся в средние века ожесточенная борьба церкви с силами зла в земном и в духовном плане (там противником выступал сам дьявол и его легионы) в немалой степени способствовала тому, чтобы в массовом сознании два аспекта легенды о Христе стали нерасторжимым единством. Христиане верили, что дьявол и евреи объединились не только ради преследования Христа еще во время его земной жизни, но продолжают бороться с ним и поныне, стремясь погубить его церковь и христианскую цивилизацию. Могуущественный аппарат церковной пропаганды разжигал ненависть к евреям, убеждая верующих в том, что, коль скоро Иисус сражался с дьяволом духовным оружием, то они, христиане, действуя доступными им средствами, должны покончить с пособниками Сатаны здесь, на земле, дабы враг рода человеческого не восторжествовал, лишив христиан надежды на спасение. Христианский мир призывал к священной войне не на жизнь, а на смерть. Целью этой войны была победа над Сатаной, а евреи выступали в качестве второго по значимости противника.

Изучение всего доступного нам материала показывает, насколько глубоко представление о непосредственной связи Сатаны с евреями было укоренено в средневековом сознании.

Средневековые мистерии сгушали краски, изображая события, связанные со Страстями. Они немало способствовали тому, что на евреев обрушилось основное обвинение — в сатанизме. В тексте одной французской мистерии XIV века мы находим примечание, согласно которому «некоторые актеры изображают евреев, отступивших от Бога, тогда как прочие персонажи суть народ Божий»²³. Причем за грехом богоотступничества, как трудно было догадаться, скрывались враждебные действия Сата-

ны. Во французской мистерии «*La Vengeance et destruction du Hierusalem*»²⁴ («Захват и уничтожение Иерусалима») евреи, которым Сатана внушил слепоту и упрямство после распятия Христа, отказываются принять очевидные свидетельства чудес и знамений, являющих гнев Божий, и считают их иллюзорными. Но в некоторых пьесах подобного содержания активным действующим лицом становится сам дьявол со своим воинством: он настраивает евреев против Иисуса и вместе с ними замышляет погубить его. В известной французской драме «*Le Mystère de la Passion*» («Мистерия Страстей») инициативу берут на себя демоны, слуги дьявола. Однако, когда им удастся успешно осуществить свой замысел —

придать евреям храбрости,
и воспользоваться их яростью,
чтобы убить его,
внушив им столь же лютую ненависть к нему,
как и у нас²⁵, —

центральную роль играют уже евреи, представляя собой главных злодеев пьесы, тогда как демоны уходят на задний план, ограничиваясь подсказками. В этой мистерии мастерски показан заговор евреев и дьявола: они действуют рука об руку с Сатаной, подговаривая Иуду предать своего учителя, а когда их план удастся, они впадают в неистовую демоническую радость и издают торжествующие вопли. Вокруг креста, на котором висит распятый Иисус, евреи кружатся в самозабвенном танце, насмехаясь над своей жертвой и восторгаясь успехом своего преступного предприятия. Так завершается сцена распятия во многих английских, немецких и французских мистериях²⁶.

Эта же тема широко варьируется в мираклях — пьесах, изображающих жизнь христианских святых и чудеса, совершение которых им приписывали. Когда еврей (неизменно выступающий в этих пьесах в роли злодея), обвиненный в осквернении гостии, наконец схвачен и приговорен к сожжению на костре, он взывает к дьяволу о помощи. В некоторых мираклях эпизод казни еврея завершается тем, что после наступления агонии на сцене появляются демоны и забирают его душу²⁷. Нередко в этих пьесах евреев именуют «исчадьями ада, врагами рода человеческого»²⁸. В рождественской пьесе, исполнявшейся во французском городке Шомон, актеры, изображавшие евреев, имели обличие демонов и, изрыгая про-

клятия, пытались не пропустить в город религиозную процессию²⁹.

В самой ранней немецкой версии легенды о докторе Фаусте еврей становится жертвой хитрости дьявола. Мораль этой истории, по указанию автора, заключается в следующем: «Дьявол вводит в заблуждение разум тех, чье сердце не хранит верности слову Божьему»³⁰. Отказ еврея принять истинную веру делает его легкой добычей Сатаны. Но легенда о Теофиле, чрезвычайно популярная в средние века, варианты которой существуют на всех европейских языках и представлены во всех литературных формах, легенда, сильно повлиявшая на легенду о Фаусте или скорее послужившая для нее образцом, представляет дело в ином свете.

Существует несколько драматических версий этой истории, каждая из которых изображает ситуацию с разными оттенками, однако все они согласуются между собой в одном существенном моменте: это — тесная связь между дьяволом и евреями. Если в одной из этих версий, распространенной в Нижней Германии, один из персонажей, еврей, производит на редкость благоприятное впечатление, то это можно объяснить ее антиклерикальной направленностью. Главный герой, благочестивый архидьякон Теофил, впадает в немилость и обращается за помощью к чародею с тем, чтобы тот свел его с дьяволом. Но чародей вместо этого посылает его к евреям. Однако когда Теофил приходит в синагогу и выражает желание принять иудаизм и стать членом общины, евреи отвергают его на том основании, что из плохого христианина не выйдет хороший иудей. Теофил настаивает и предлагает свою душу тому еврею, который захочет купить ее (как в сделке с дьяволом!). В конце концов после долгих и безуспешных попыток отговорить гордого клирика один еврей соглашается показать ему дорогу к дьяволу. Когда Теофил уже собирается войти в обиталище дьявола, еврей, прощаясь с ним, говорит, что ни за какие деньги на свете не согласился бы стать слугой Сатаны. Нелогичность этого эпизода слишком очевидна: евреи делают вид, что ненавидят дьявола, однако чародею известно об их связи с ним, что подтверждается дальнейшим ходом событий. Но автора не заботят несообразности в развитии сюжета. Показная защита евреев, которая сама по себе производит комический эффект, поскольку в ее серьезность трудно поверить (и это, несомненно, не ускользало от внимания публики), служит автору лишь фоном для сатиры на христианских клириков, готовых служить Сатане даже с большей охотой, чем евреи³¹.

Другая немецкая версия этой легенды более прямолинейна. В ней Теофил прямиком отправляется к еврею, и тот без долгих проволочек представляет его дьяволу, которому клирик вручает свою душу в обмен на восстановление своего доброго имени и положения в обществе³².

Во французской версии, авторам которой явно хотелось усложнить интригу, делается особое ударение на характере связи дьявола с евреями. Здесь Теофил обращается к еврею за помощью уже после того, как он продал свою душу дьяволу. Однако еврей — пособник Сатаны, хотя и притворяется другом и защитником несчастного клирика. Вместо того чтобы спасти Теофила, еврей помогает дьяволу окончательно прибрать к рукам его жертву. Еврей похвально Теофилу, что обладает «немалым влиянием при дворе дьявола», а когда Сатана является на его зов, еврей называет его «мой царь и господин», а также «мой хозяин и компаньон». Однако потом еврей начинает беззастенчиво командовать Сатаной, демонстрируя клирику свое могущество и власть над владыкой преисподней. Мнимый слуга оказывается господином над самим дьяволом, но при этом так же, как последний, он жаждет гибели христианских душ. (В тексте встречается выражение «еврейский дьявол», как будто дьявол и сам еврей!) «Много христиан совратил он с пути истинного», — сетует автор одного из французских вариантов легенды. «Через пагубные советы еврея не одна душа низринута в геенну огненную», — вторит ему другой, описывая эпизод, когда Теофил попался в сети, раскинутые евреем и дьяволом³³.

Эта легенда, пользовавшаяся огромной популярностью во всей христианской Европе, в немалой степени повлияла на представление о том, что евреи и дьявол — тесные союзники. Кто из них хозяин, компаньон или слуга, не имело особого значения. Какая разница? Для христиан было неоспоримым фактом то, что у них одни и те же интересы, и оба преследуют общую цель. Таким образом, еврей оказывался союзником дьявола не потому, что отверг христианскую истину, но *ab initio*, в силу того, что природа и характер обоих тождественны.

Другой цикл легенд, не менее популярный в Европе в средние века, складывался вокруг фигуры царя Соломона. Здесь особый акцент делался на том, что Соломон обладал властью над демонами. Еще в VI веке Леонтий Византийский в одном из диспутов обвинил евреев в том, что они, будучи некогда подданными Соломона, служили тем же демонам, которыми их царь повелевал, или по крайней мере вступали в отношения с ними, из-за чего — вполне логично с христианской точки

зрения — евреи и отвергли Христа. К этому построению впоследствии часто прибегали многие церковные писатели. Здесь перед нами замечательный образец присущей средневековой склонности приписать мифический элемент, ассоциирующийся с тем или иным библейским персонажем, — современным евреем. В течение нескольких столетий эти легенды, версии которых имелись на всех европейских языках, постоянно пересказывались и были представлены во всех литературных формах. Их воздействие на массовое сознание было основано на том же логическом построении, которое публично продемонстрировал Леонтий во время диспута: Соломон — еврей, а его власть над демонами — неоспоримый факт; следовательно все евреи так или иначе связаны с демонами³⁴.

Существуют и другие легенды, менее распространенные, но столь же убедительно доказывающие связь дьявола с евреями. В одной из них до крайности обнищавший христианин в отчаянии взывает к дьяволу о помощи. Внезапно перед ним появляется еврей и обещает помощь, если он откажется от веры в Иисуса. Другие версии этой популярной истории повествуют о человеке, который лишился немалого состояния и согласился — ради того, чтобы вновь разбогатеть, — отречься от Христа и святых, но не захотел отречься от девы Марии. (В некоторых вариантах легенды на этом настаивает еврей, который и свел христианина с дьяволом, а в других — сам дьявол.) Чисто случайное и несущественное для развития сюжета упоминание о связи евреев с дьяволом является красноречивым свидетельством чрезвычайной популярности этого представления, поскольку сама смысловая ориентация легенды совершенно иная: герой вознаграждается за верность деве Марии, которая чудесным образом возвращает ему утраченное богатство. Довольно часто в подобных рассказах еврей выступает сообщником дьявола, советуется с ним, активно сотрудничает с ним под его руководством в качестве его агента здесь, на земле³⁵.

Тот же взгляд на евреев мы обнаруживаем и в средневековой графике. Одно из самых ранних изображений еврея эпохи средневековья (Лесной Свиток из Эссекса, 1277 г.) имеет подпись «Aaron fil [ius] diaboli», то есть «Аарон, сын дьявола». Серия гравюр XVI века под общим названием «Juden Badstube» («Еврейская баня») показывает дьявола, который помогает евреям мыться, носит для них воду, растапливает печь и пр. На гравюре XVII века «Der Juden Synagog» («Еврейская синагога») дьявол присутствует на еврейском молитвенном собрании. На скандально известной гравюре «Judensau» («Еврейская свиноматка»)

изображена свинья, которая выкармливает своего еврейского отпрыска. (Это — самая популярная карикатура на средневековых евреев, причем иногда на ней изображали дьявола, с интересом наблюдающего за процессом кормления.) Внешность Сатаны неизменно имеет гротескно преувеличенные семитские черты. Мефистофеля обычно изображают смуглым, крючконосым и с вьющимися волосами, а когда на его плаще еще присутствует и еврейская нашивка, аллюзия становится совершенно очевидной. Обладая некоторой долей изобретательности, можно объяснить наличие этой нашивки знаком вассальной зависимости евреев от Сатаны, что не преминули сделать средневековые версификаторы. На острове Крит евреи были обязаны демонстрировать свою связь с Сатаной с помощью своеобразного варианта еврейской нашивки: к дверям их домов были прибиты деревянные фигурки дьявола³⁶.

Наконец в этой связи необходимо отметить, что даже еврейская ритуальная практика считалась сатанинской. Согласно этим предассудкам Сатана был не только участником молитвенного собрания евреев. Из глубины веков до нас дошли несколько стишков, которые до сих пор в ходу у немецких детей в качестве песен-читалочек. В них пародируются еврейские молитвы дьяволу, а нарочитая тарабарщина заменяет еврейские слова³⁷. (До недавнего времени крестьяне в некоторых немецких провинциях верили, что на «алтаре» синагоги евреи прячут жабу или кошку. Поскольку согласно распространенному у христиан поверью эти животные символически и телесно представляют самого дьявола, то получалось, что последний обладал в синагоге той же полнотой присутствия, что и Христос в церкви³⁸.) Как мы увидим в дальнейшем, во многих еврейских обрядах и ритуалах христиане находили зловещий и сугубо антихристианский смысл. Когда евреи молились, христиане верили, что в своих самых горячих молитвах эти «слуги Сатаны» испрашивают гибели всех христиан. Среди христиан мало кто сомневался в том, что еврейская ритуальная практика требует использования христианской крови (считалось, что она необходима евреям в продолжение всей еврейской Пасхи, на Пурим, при обряде обрезания и во время церемонии венчания). Даже неспособность или, скорее, отказ евреев извлечь из Писания тот смысл, который вкладывали в него христиане, в конце концов стали приписывать «злобе дьявола, который вкладывает абсурдные мысли в их головы». Только «*verzweifelten Teufelslugenmauler der Juden*» («бессовестные лживые чертовы еврейские морды») могли отвергать тот очевидный смысл, который всякий здравомыслящий христианин обнаруживал, читая Писание³⁹.

Едва ли мы найдем более адекватное выражение преобладающего в ту эпоху мнения о евреях, чем в пьесе Шекспира «Венецианский купец» (акт 3, сцена 1):

«Дай скорей сказать "аминь", чтобы дьявол не помешал моей молитве; вон он сам идет во образе жида»***.

Это же мнение, выраженное у Шекспира в предельно сжатой форме, мы находим и в другом месте пьесы (акт 2, сцена 2):

«Поистине еврей — сам дьявол во плоти».

Никто не сомневается в том, что в наши дни приписывание евреям сатанинской природы и верности дьяволу не что иное, как нелепая инвектива, поскольку клеветники пользуются бранным лексиконом минувших веков. Пусть так, но это обвинение — хотя бы даже в качестве насмешки или оскорбления — на протяжении столетий выдвигалось вновь и вновь с такой настойчивостью, что оно не могло не оставить отпечатка в легко поддающемся внушению массовом сознании. Более того, нередко это обвинение предьявлялось совершенно серьезно. Иначе было бы непонятно, почему массы — а здесь виновны не одни только массы, но и их духовные и интеллектуальные вожди и наставники, — поверили этим отвратительным вымыслам, в основании которых лежали столь шаткие доводы, и, однажды поверив, не раз давали волю ярости и прибегали к чудовищному насилию.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Exempla* (лат.) — примеры, образцы. Характерная для средневекового религиозного сознания тяга к конкретному проявлялась в частности в том, что правила христианского поведения и общежития обосновывали не только с помощью заповедей и предписаний, но и ссылками на «примеры», почерпнутые из Библии, а также из многочисленных преданий о подвигах святых и подвижников. Л.П. Карсавин по этому поводу пишет: «И проповедники, и благочестивые люди часто, даже чаще всего лишены оригинальных идей. Они любят повторять общие места, "ruminare" — "пережевывать" — давно известное. Им не скучно поучать себя и других; они везде ищут поучения, и бесконечно количество "exempla", то рассеянных по кодексам или записанных на последних страницах сборников проповедей, то слагающихся в собрания». (см. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности. Петроград, 1915, с. 217-218).

** *Passion* (нем.) — «Страсти», театрализованное представление, повествующее о событиях, рассказанных в Евангелиях.

*** Перев. Т. Щепкиной-Куперник (У.Шекспир, Полн. собр. соч. в 8 тт. — М.: Искусство, 1958. Т.3. С. 256).

Глава 2. АНТИХРИСТ

Наиболее ярко и впечатляюще эта концепция (то есть представление о евреях как о слугах Сатаны) выражена в многочисленных версиях легенды об Антихристе, широко распространенной в средние века по всей христианской Европе. Согласно этой легенде, к содержанию которой христиане относились абсолютно серьезно, христианский мир стоит перед угрозой близкой войны с воинством Сатаны. Эта война охватит весь мир, а после ее благополучного завершения на землю вновь придет Христос, чтобы под знаменем Вселенской Церкви провозгласить наступление своего тысячелетнего Царства. Не только массы простого народа, но и выдающиеся мыслители ожидали скорого появления Антихриста, который станет воплощением всякого зла, возглавит полчища Сатаны и, по словам Хильдегарды Бингенской (XII век), выразившей настроения, преобладавшие в массах, будет непревзойденным мастером «по части всех дьявольских наук и магии»¹.

В архивах испанской инквизиции сохранились документы, свидетельствующие о том, что мессианские чаяния, распространенные в XV веке среди жестоко преследуемых маранов*, трактовались церковью как непосредственное указание на ожидание ими Антихриста. Церковные полемисты, обсуждая этот вопрос, искусно объединили две темы. В самом начале христианской эры возникла идея о том, что «если Иисус — истинный Мессия, значит тот, кого ждут евреи — не кто иной, как Антихрист». Принятая в XI веке формула отречения от иудаизма требовала от новообращаемого предать анафеме «всех, кто надеется на приход еврейского Мессии, или, вернее, Антихриста». Контекст этого заявления определенно указывает, насколько тесно оно связано с еврейской мессианской традицией².

Однако сама по себе легенда об Антихристе (если отделить ее от веры в это существо и в его ожидаемый приход) — сравнительно позднего происхождения. Христианский источник X века, в котором говорится буквально следующее: «та монахиня (!), которая, как ожидают евреи, родит Антихриста», — позволяет нам предположить, что легенда о нем возникла примерно в это время³. Народная версия, которая впоследствии легла в основу легенды об Антихристе, наглядно иллюстрирует процесс формирования последней: в ней рассказывается о том, как после разрушения Иерусалима Сатана явился евреям, изгнанным из Палестины, и пообещал им вернуть их на родину. Однако

когда они согласились следовать за ним, он устроил так, что тысячи евреев утонули в море. Цель этого рассказа — выставить Сатану в качестве ожидаемого евреями Мессии — вполне очевидна. Но этот рассказ — всего лишь слабая пародия на действительное историческое событие. В V веке некто, называвший себя Моисеем и претендовавший на то, что он — Мессия, объявился на Крите и убедил тамошних евреев, что он проведет их через море до самой Палестины. Тысячи евреев, поверивших ему, бросались в море с утесов, в результате чего многие из них погибли. Христиане в своей интерпретации, превратившей это событие в легенду, просто отождествили еврейского лже-Мессию с дьяволом⁴.

Легенда об Антихристе как целостная и завершенная концепция получила всеобщее распространение и признание в христианском мире только в позднее средневековье. Ведущие схоласты той эпохи — Фома Аквинский и Альберт Великий отнеслись к ней со всей серьезностью. Они разделяли мнение о том, что Антихрист родится в Вавилоне, в еврейской семье из колена Дана, что в Иерусалиме над ним будет совершен обряд обрезания и что он с легкостью убедит евреев в том, что он и есть их давно ожидаемый Мессия. После этого он восстановит храм, поставит в нем свой престол и объявит себя Богом. С помощью чудес, подкупов и насилия он соберет огромную армию своих приверженцев, однако ему предопределено господствовать лишь три с половиной года. Когда исполнится назначенный срок, Бог пошлет Эноха и Илию, чтобы они воспротивились владычеству лже-Мессии, но он победит их и умертвит. Тогда Христос отправит архангела Михаила на Масличную гору, чтобы тот уничтожил супостата. Однако, согласно этой версии, из этого еще не следует, что тысячелетнее Царство начнется сразу же после вышеописанных событий⁵.

Народные верования в основном исходили из разработанной схоластами концепции, однако, как и следовало ожидать, история Антихриста щедро приукрашена многочисленными подробностями. Особый интерес у благочестивых христиан вызывал вопрос о его происхождении, по поводу которого строились самые экстравагантные предположения. Только немногие придерживались мнения, что Антихрист будет обычным человеком, рожденным в законном браке. Большинство представляло его себе незаконнорожденным или сыном блудницы, или отпрыском инкуба** и блудницы. Схоласты не спорили, когда народная фантазия сделала его мать блудницей, но когда место

отца отвели дьяволу, они запротестовали, хотя и готовы были допустить, что в какой-то степени дьявол оказал влияние на его рождение. Однако окончательно побороть тенденцию, сторонники которой жаждали предоставить дьяволу и его друзьям евреям ведущие роли в этой истории, не удалось. Этот процесс — к стыду и отвращению критически настроенной части христиан — достиг кульминации в точке антитетического сопоставления Антихриста и Христа, в результате которого первый стал плодом союза дьявола и еврейской блудницы по контрасту с сыном Бога и еврейской девственницы⁶. Эта параллель получила всестороннее и детальное развитие. Несмотря на то, что согласно легенде Антихрист родился в Вавилоне (или в Персии), вырос он тем не менее в Галилее и обучался магии у волшебников и колдуний, а в 30 лет объявил евреям в Иерусалиме о том, что он — ожидаемый ими Мессия. Его внешний триумф, обусловленный его напускной неподкупностью и праведностью, обширными и всесторонними познаниями, убедительными проповедями (в них он мастерски соединял идеи всех известных христианству ересей), чудесами, которые он совершал (хотя они и были не что иное, как магические трюки), его колоссальным богатством (его источником были зарытые в земле клады, тайну которых открыл ему сам дьявол), а также ужасом перед его несметными полчищами, — должен был продлиться ровно три с половиной года (продолжительность пастырской деятельности Иисуса). Когда Антихрист попытается совершить — подобно Иисусу — восхождение на небо (воспользовавшись помощью демонов), архангел Михаил с небесным воинством выступит против него и через 25 дней (по некоторым версиям через 40) уничтожит его армию. После этого наступит конец света и произойдет второе пришествие Христа. В таком виде биография Антихриста была известна массам.

Связь между Антихристом и евреями особенно подчеркивается в этих рассказах. Не только его родители — евреи, его окружение с юных лет всегда было еврейским. Художники, которые украшали рукописи рисунками, а позднее — гравюрами, а также мастера резьбы по дереву и художники, расписывавшие церкви старались показать еврейское происхождение не шадя сил. «Когда требовалось изобразить их (евреев. — *Дж. Т.*) в качестве злодеев и преступников, — пишет Улисс Робер' в своей работе, посвященной происхождению и истории средневековой еврейской нашивки на одежде, — пособниками Антихриста, убийцами Эноха и Илии или ненавистниками Христа, тогда размеры

этих нашивок были нарочито преувеличены, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что перед ним — евреи».

Кроме всевозможных памфлетов и трактатов в стихах и в прозе, а также сочинений назидательного характера, в которых легенда об Антихристе была исследована во всех деталях и со всеми леденящими кровь подробностями, эта тема — и заключенный в ней взрывной потенциал — широко разрабатывалась и на подмостках. В самых ранних сочинениях на эту тему, предназначенных для исполнения перед публикой и написанных на латыни (они стали прототипом для популярных в средневековье пьес об Антихристе) — *ludus paschalis de adventu et interitu Antichristi* («пасхальные действия о пришествии и гибели Антихриста») (XIII век), — евреям в развитии сюжета уделено довольно незначительное место: лишь после того, как Антихрист приобретает власть и могущество, они признают его своим избавителем. Но в более поздних французских и немецких версиях, отражающих популярные в народе представления, евреи играют уже первостепенную роль. В одной французской пьесе, исполнявшейся в Безансоне, проститутка еврейка пылко предлагает себя своему инфернальному возлюбленному в надежде понести от него: она мечтает о том, что их отпрыск впоследствии станет самым могущественным из людей и благодаря ему «*yert crestiente mort et juif seront releve*» («христианство будет уничтожено, а еврейство обретет жизнь»). В другой версии этой драмы еврей-сラストлюбец передает собственную дочь в руки Сатане, чтобы та забеременела от него и стала матерью Антихриста.

В обеих пьесах ребенка, родившегося от этого союза, воспитывает и готовит к его будущей миссии сам Сатана. Антихрист, когда приходит его час, сначала открывается евреям, которые тотчас признают его своим Мессией и избавителем и встают под его знамена. Таким образом, публика видела резкий контраст между тем, как евреи отвергли сына Божьего, и тем, как они признали сатанинского выродка. С помощью евреев Антихрист завоевывает весь мир и торжествует победу до тех пор, пока не вмешивается Бог, который посредством чудесных деяний раскрывает подлинную природу самозванца. Антихрист и евреи повержены и гибнут, и к вящей радости христиан наступает тысячелетнее Царство, знаменующее вечное осуждение евреев и окончательную победу Церкви.

В основе немецкой великопостной пьесы «Герцог Бургундский», написанной Гансом Фольцем (XV век), также лежит

легенда об Антихристе. В ней нет прямых ссылок на его еврейское происхождение, однако автор, желая подчеркнуть приверженность евреев к Антихристу, изображает их в той ситуации, которая действительно имела место в его время, когда еврейские общины были изгнаны из традиционных мест их поселения в долинах Рейна и Дуная. Евреи выступают в этой пьесе сторонниками Антихриста и превозносят перед христианской публикой «новый порядок», который наступит с его приходом. Характерной чертой этого «нового порядка» будет господство их *Judischheit* (еврейства), поскольку миссия Антихриста заключается в том, чтобы «положить конец христианству». Когда от Антихриста требуют «знамения», удостоверяющего его право на мессианские притязания, евреи с негодованием отвергают все подозрения в обмане и с наглой самонадеянностью предлагают герцогу Бургундии взять их в плен в том случае, если их ставленник окажется лжецом. Однако Антихрист не проходит положенного испытания, а евреи комично стенают и изрыгают проклятия. В конце концов самозванец вынужден раскрыть карты. В ответ на требование герцога объяснить, с какой целью он объявил себя Мессией, Антихрист произносит речь примерно такого содержания: в течение четырнадцати веков мы терпели от вас, христиан, жесточайшие преследования, и все это время вы даже не подозревали о той лютой ненависти, которую мы к вам испытывали, и не знаете, как ловко мы обирали вас, как наши лекари отравляли вас, не знаете, сколько ваших детей мы украли и убили и т.д. Антихрист говорит как еврей, от лица всех евреев. Он признает, что его мессианские притязания были попыткой смутить христиан и ослабить их сопротивление. Антихрист убежден, что если на этот раз его план провалился, то в будущем он непременно увенчается успехом. Однако его надежды тщетны. Люди герцога не долго думая хватают евреев, подвергают их жестоким и изощренным пыткам, и действие завершается веселыми плясками вокруг еврейских трупов³.

Воздействие этих пьес на чувства толпы легко себе представить, если мы обратим внимание на постановление, принятое франкфуртским городским советом в 1469 г., согласно которому во время исполнения такого рода пьес каждый раз принимали специальные меры по защите еврейского квартала от нападения⁴.

Для того чтобы как можно более полно оценить специфическое влияние этой легенды на средневековых христиан, мы должны учесть преобладавший психологический настрой,

определявший дух эпохи. Было бы слишком просто счесть эту легенду чистым вымыслом, одним из многочисленных сказочных мотивов, столь распространенных в средние века и не имеющих сколько-нибудь значительного воздействия на мышление и поступки простых людей. Однако Антихрист отнюдь не был драконом из сказки, изрыгающим воображаемое пламя, он оставался ужасающей реальностью даже в более позднее время, когда люди уже перестали ожидать его близкого прихода. Вся Европа буквально трепетала от страха, ожидая его явления с каждым восходом солнца! В XV веке континент захлестывал неистовый поток вины, отчаяния, ужаса и разочарования. Близился конец света! Охота на ведьм достигла невиданного размаха. Гуситы после ожесточенной борьбы откололись от церкви, отовсюду поднимали головы ереси, приверженцы которых становились все более дерзкими. Турки захватили Балканский полуостров и приближались к самому сердцу Европы. Массовая истерия, охватившая многие христианские общины, носила характер эпидемии и проявлялась как в физических, так и в психических явлениях. Эти феномены рассматривались не иначе, как свидетельства о близящемся конце времен. Даже распространение научного знания и изобретение книгопечатания, в результате чего появилось множество изданий Библии на национальных языках, с отчаянием воспринималось как знамение, непосредственно предшествующее концу света. (В начале XVI века мэтры Сорбонны обратились к королю с прошением, умоляя его запретить «дьявольское мастерство в изготовлении печатных книг»¹⁰.) Себастиан Брант в «Корабле дураков»¹¹ мрачно предрекает:

Die zit, die kumt! Es kumt die zit!
Ich vorch der endkrist si nit wit!

Время наступает! Наступает время!
Боюсь, что Антихрист уже недалеко!

Едва ли будет преувеличением сказать, что воздействие легенды об Антихристе на массы было колоссальным, если учесть, что она в одно и то же время аккумулировала и драматически отображала не только их крайнее недовольство существующим положением вещей, но и дурные предчувствия относительно ближайшего будущего. Нам сейчас гораздо легче распознать во всем этом характерные черты массовой истерии, вызванной

невыносимым напряжением жизни и страхом перед ожидаемым приходом Антихриста, чем средневековым христианам, которые были не способны критически осмыслить происходящее и лишь видели в этих явлениях «знамения» его пришествия. Освященные авторитетом церкви истолкования Библии, которые вдалбливали в их головы проповедники, постоянное обращение к теме скорого прихода Антихриста в богословской и светской литературе, в поэзии, драме и изобразительном искусстве, обсуждения и дискуссии на открытых диспутах (последние нередко проводились по настойчивым просьбам мирян), — все это приводило к тому, что вопрос об Антихристе стал предметом самой серьезной тревоги для каждого христианина, а не просто творением схоластических спекуляций. Матиас из Янова, умерший в 1394 г., когда апокалипсические настроения еще не достигли своего пика, писал, что эта тема была настолько популярна, что при появлении Антихриста даже несмышленные дети тотчас же узнали бы врага всех христиан. Поэтому невозможно не поверить полным скорби словам Иеронима из Виллавитиса, прозвучавшим почти полвека спустя: «Столько уже слышали мы о дне страшного суда и об Антихристе, что сердца наши трепещут несказанно». Уже на закате эпохи средневековья Жан Кальвин заметил: «Католики едва ли что-либо обсуждают так часто и подробно и знают столь основательно, чем ожидаемое явление Антихриста». Однако он заблуждался, полагая, что апологеты Реформации были свободны от этих предрассудков. Так, например, Мартин Лютер увлеченно собирал всевозможные «знамения», указывающие на его приход¹².

В легенде об Антихристе недвусмысленно говорилось о том, что Враг будет окончательно повержен. Почему же люди впадали в такое отчаяние? Здесь следует вспомнить о том, что пришествие Антихриста означало конец света и Страшный Суд. Кто мог ожидать наступления этих грозных событий без страха и трепета? К тому же исход битвы с Сатаной, предсказанный в легенде, мог быть и иным... Дьявол как-никак — могущественный противник! И никто еще не выяснил, насколько он силен. Что, если в конце концов он победит?!

И снова евреям суждено было играть зловещую роль в мировой истории.

Указания на их связь с Антихристом, как мы отмечали, прослеживаются уже на самом раннем этапе развития христианской религии, однако по-настоящему пугающими они стали лишь в позднее средневековье, когда было точно установлено

еврейское происхождение Антихриста, а в отношении самих евреев столь же твердым было убеждение, что именно они составят авангард его легионов. Воображение средневековых христиан рисовало их себе не такими уж слабыми и беспомощными, как это может показаться, если судить лишь по их количеству и социальному статусу. Ибо ужасные, таинственные еврейские полчища, скрывающиеся где-то на Востоке, ждали только сигнала, чтобы заполнить христианский мир и уничтожить его. Слухи о рождении Антихриста, которые после XIII века стали особенно настойчивыми и обстоятельными в изображении деталей, держали всю Европу в состоянии неослабевающего напряжения: христиане со дня на день ждали нашествия «красных евреев», живших где-то в горах неподалеку от Каспийского моря, куда их, согласно легенде, еще в древности оттеснил Александр Великий¹³. Это — самая удивительная деталь всего комплекса представлений об Антихристе, поскольку она отсылает к древнему еврейскому преданию, согласно которому десять «потерянных» колен Израиля до сих пор ведут независимую и безбедную жизнь где-то на Востоке и однажды, в самый критический момент еврейской истории присоединятся к своим соплеменникам. Действительно, распространенная среди христиан вера в то, что Антихрист родится среди евреев из колена Дана в Вавилоне или в Персии, вполне согласовывалась с этим преданием, поскольку колено Дана было одним из «потерянных» и обитало предположительно в этом регионе.

Когда в XIII веке до Западной Европы дошли известия о нашествии монголов, то евреи, как уверяют нас некоторые христианские источники, ликовали по поводу того, что их «братья, давно потерянные колена Израилевы», наконец-то пришли, чтобы избавить их. Согласно тем же источникам, евреев Германии обвинили в предательских действиях, призванных помочь ордам неприятеля и подвергли жестоким преследованиям¹⁴. Такого рода слухи время от времени вновь распространялись по Европе. Так, например, в 1596 г. был опубликован памфлет, в котором сообщались «доподлинные последние вести» о том, что пресловутые «красные евреи» (их армией, насчитывавшей от 196000 до 900000 человек, командовала девственница) уже напали на турок, намереваясь завладеть Святой Землей¹⁵.

Примерно в это же время Европу облетели слухи о появлении еще одной зловещей фигуры. Вечный Жид, о котором в Англии узнали триста лет назад (хотя с тех пор о нем мало что было слышно), в XVI веке внезапно объявился в Европе и с порази-

тельной быстротой обошел ее самые крупные города. Значимость появления этого легендарного персонажа, с тех пор получившего известность под именем Агасфер, заключалась для христиан в том «факте», что теперь, когда уже близко второе пришествие Христа, Вечный Жид должен умереть¹⁶.

Для того чтобы во всей полноте оценить силу воздействия этих сообщений на массы, их необходимо рассматривать в связи с постоянно возникающими слухами о рождении Антихриста. Историк того времени каноник Моро пишет, что в 1559 г., когда повсюду говорили о скором нашествии «красных евреев», по всей Европе «распространились слухи о том, что в Вавилоне родился Антихрист, и все евреи, которые там жили, тотчас признали его своим Мессией». Христиане, в очередной раз объявляя о появлении Мессии, которого ждут евреи, всегда пользовались одной и той же формулой, тогда как возведение о рождении Антихриста очевидным образом обнаруживает параллелизм между мифом о нем и мифом о Христе и указывает на то, что здесь подразумевается отнюдь не какой-либо псевдо-Мессия, известный истории, тем более что как раз в этот период не было зафиксировано ни одного претендента на эту роль. То, что легенда об Антихристе никак не связана с мессианскими чаяниями евреев, убедительно подтверждается следующим фактом: через год после названной даты, то есть в 1560 г., народная молва разнесла весть о том, что Антихрист родился в окрестностях Парижа от еврейки по прозванию Бланшфлёр, зачавшей его от Сатаны. Под пыткой ведьма рассказала о том, что когда она качала младенца-Антихриста на коленях, она видела когти на его ногах, из-за которых на него невозможно было надеть никакую обувь(!). Кроме того она утверждала, что младенец мог говорить на всех языках¹⁷.

Христиане той эпохи были не способны подвергнуть все эти рассказы об Антихристе критическому анализу, поскольку их постоянное повторение — с согласия и одобрения церкви — было рассчитано на то, чтобы подготовить христиан к его рождению, которое считалось предрешенным свыше: Сатана и евреи должны однажды обрушиться на христианский мир в безумной и яростной попытке окончательно его уничтожить.

Христианские теологи полагали, что на земле — два Царства: Христа и дьявола. Все люди принадлежат либо к одному, либо к другому. Эта вера была не просто эмоционально окрашенной благочестивой мыслью или символической аллегорией добра и зла, она была непреерекаемой реальностью как для простого

народа, так и для ученых схоластов. Один из домоладцев папы римского, касаясь в письме к Генриху, герцогу Баварскому, «еврейского вопроса», писал в 1449 г.: «wer nit an Got gelaubt, der ist des teufels» (тот, кто не верует в Бога, принадлежит дьяволу).¹⁸ Так, расхожая фраза «их (евреев. — *Дж.Т.*) отец, дьявол» была уже не наветом, она стала для христиан простой констатацией факта. Известный испанский теолог Альфонсо де Эспина в одной из глав своего фундаментального труда « *Fortalitium fidei*» («Об укреплении веры»), посвященного «происхождению евреев согласно доктрине Талмуда», даже умудрился доказать на основе еврейских источников, что евреи — дети дьявола. А те христиане, которые были соврашены с пути истинной веры и присоединились к «синагоге Сатаны», вошли в нее не иначе, как «по наущению дьявола», и там в окружении чад его «вызывали демонов и почитали их так, как подобает почитать одного лишь Бога». Когда христиане испытывали страдание, то это было «к великой радости дьявола и евреев». Когда же евреи твердо придерживались своей веры и отказывались отречься от нее вопреки уговорам христиан, своих спасителей, «предпочитая быть сожженными заживо, нежели отступить хоть на йоту от основ своей веры», то распознать источник их упрямства было легко: евреи были «проклятыми мучениками дьявола»¹⁹.

Нет ничего удивительного в том, что совесть христиан ввиду такой психологической установки была спокойна, невзирая на жестокие преследования евреев. Они сами в этом виноваты, заявил бы в ответ на наш вопрос рядовой христианин, поскольку для него то, что совершали по отношению к евреям сами христиане не шло ни в какое сравнение с угрозой, которой подвергался весь христианский мир, окажись он в их руках. «Мы — чада Божьи, вы же вредоносные твари; если бы вы имели такую же власть над нами, как мы над вами, ни один христианин не прожил бы и года», — писал средневековый рифмоплет²⁰. Эти настроения разделял и Лютер, а в XVII веке — Абрахам-а-Санта-Клара, который был убежден, что евреи «одержимы бесами» и утверждал следующее: «Кроме Сатаны нет у христиан опаснее противника, нежели евреи (...) Они несколько раз на дню молятся, испрашивая у Бога, чтобы Он уничтожил нас, наслав на нас чуму, голод и войну, дабы все творения Божьи поднялись на нас вместе с ними, евреями. Есть ли в целом свете более подлые мерзавцы, чем эти евреи?»

Нет ничего странного в том, что евреев обвиняли в самых

чудовишных преступлениях, коль скоро они действовали по наущению Сатаны. Чосер в «Рассказе настоятельницы» возлагает вину за убийство христианского младенца, которое приписывают еврею, на «our firste fo, the Serpent Sathanas, that hath in jewes herte his waspes nest» («нашего первейшего врага, Змея Сатану, который свил в сердцах евреев свое осиное гнездо»)²¹. Григорий Турский старается убедить христиан в том, что когда еврей, возмущенный крещением своего соплеменника, выливает ему на голову горшок с прогорклым маслом, то его руками действует сам Сатана²². Но едва ли имелась необходимость в подобной тавтологии: каждый и так знал, что дьявол и евреи — заодно. Поэтому евреев было так легко а priori обвинить в любом злодеянии, даже если обвинение было бессмысленным. От них ждали чего угодно: они могли ворваться в храм и осквернить священные изображения в присутствии целой толпы враждебно настроенных к ним христиан; публично насмеяться над христианской верой; оскорбить и забросать нечистотами религиозную процессию; отказаться подтвердить истинность чудес, которые своими глазами видели заслуживающие доверия христиане; участвовать в отвратительных сексуальных оргиях; сознательно совершать такие чудовищные преступления, как тайные убийства христианских младенцев, похищение и осквернение гостии, распространение ядовитых веществ с помощью ветра. Всевозможные преступления, которые приписывают евреям, можно перечислять бесконечно долго, и все они производят впечатление полной бессмыслицы, если, конечно, мы не приняли во внимание, что для христиан средневековья виновность евреев была очевидным фактом, ибо в их глазах евреи — злые и развращенные пособники Сатаны — были способны на все, что угодно²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Мараны - (от исп. *magranos*). После королевского указа 1492 г., предписывавшего всем евреям Испании перейти в католичество или покинуть страну, евреев, принявших христианство, тем не менее преследовала инквизиция, обвиняя в тайной приверженности иуданству.

** См. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности. В средние века в народе были широко распространены рассказы о том, как от нечестивых союзов между демонами и людьми рождаются дети. У христианских теологов на этот счет не было однозначного мнения, однако многие из них указывали на очевидную нелепость подобных

представлений: демоны, будучи духами, не способны к зачатию, поскольку не имеют семени, и они не способны творить из ничего, как Бог. Фома Аквинский попытался объяснить этот феномен следующим образом: «Когда от соития демона с человеком рождаются дети, они происходят не от семени демона или принятого им человеческого тела, а от семени, которое демон берет у другого человека. Демон, имевший сношение с мужчиной под видом женщины (т.е. как суккуб), может иметь сношение и с женщиной под видом мужчины (т.е. как инкуб)». Однако, как справедливо замечает Карсавин, «Фома не предусмотрел законов наследственности и не обратил достаточного внимания на фамильное сходство» (Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. — Петроград, 1915. С. 69). Члены доминиканского ордена, профессора теологии Я.Шпренгер и Г.Инститорис, издавшие в 1487 г. фундаментальный труд «Молот ведьм», доказывают невозможность порождения детей демонами (см. Я.Шпренгер, Г. Инститорис. Молот ведьм. — Москва, Интербук, 1990. Часть I. Гл. «Могут ли быть порождены люди суккубами и инкубами?». С. 96-108).

Глава 3. С РОГАМИ И ХВОСТОМ

Наш рассказ еще далек от завершения. Считалось, что евреям якобы присущи определенные физические свойства, столь резко обособляющие их от прочих представителей рода человеческого, что последние не без оснований отождествляют их с дьяволом. И это лишний раз подтверждает наш тезис: когда речь шла о евреях, в сознании средневекового христианина не было места для метафор и аллегорий, он все воспринимал буквально.

Фигура еврея с рогами на голове не была для средневековья чем-то необычным. Нам она известна на примере скульптуры «Моисей», выдающегося творения Микеланджело. Величайший законодатель показан таким, каким христиане изображали его в своих рукописных манускриптах, а также на росписях и мозаиках в средневековых церквях. Наличие рогов на голове Моисея обычно объясняют неправильным переводом одного библейского стиха. В еврейском тексте написано: «...кожа на лице его излучала сияние, ибо Б-г говорил с ним» (Исх. 34: 29—35)*¹. В древних переводах еврейский корень «каран» верно передан как «сияние», тогда как у Аквилы** и у Иеронима, автора Вульгаты — перевода, признанного церковью, мы читаем: «на лице его были рога». Неверное истолкование этого места можно объяснить следующими причинами: переводчикам скорее всего было известно, что у соседних с евреями народов — в Вавилоне и Египте — существовали рогатые божества (Син, Аммон), а у греков — рога символизировали могущество. Кроме того, известна легенда о двурогом Александре Македонском, которая упоминается в Коране (сура 18 «Пещера»: 82, 85). Вполне вероятно, что под влиянием этого неправильного истолкования у Микеланджело и сложился образ двурогого Моисея. Но в средневековых документах встречаются изображения простых евреев в типичной для того времени одежде, и при этом их головы тоже увенчаны рогами! Едва ли мы ошибемся, если предположим, что за этим фактом скрывается нечто большее, чем влияние неверных переводов.

Дело не только в том, что евреев изображали с рогами на голове. Евреи были обязаны появляться в общественных местах с заметным роговым выступом на какой-либо части своей одежды. В 1267 г. Венский Собор издал постановление, согласно которому евреи должны носить «рогатую шапку» (*pileum cornutum*). Впоследствии к этому условию, на неукоснительном соблюдении которого власти настаивали, прибавили еще одно:

Филипп III потребовал, чтобы евреи Франции к обычной нашивке на одежде, указывавшей на еврейское происхождение, прикрепляли еще изображение рогов¹.

Заговоришь о дьяволе — и его рога тут как тут, говорит пословица. В эпоху, столь детально осведомленную о внешности и атрибутах Сатаны, как средневековые, изображения рогатых евреев едва ли нуждались в комментарии, чтобы намек на их связь с дьяволом стал еще более прозрачным. Однако иным любителям пересолить этого казалось мало и рядом с рогатыми евреями — для полноты картины — нередко пририсовывали дьявола. Более того, по крайней мере в одном случае еврея с рогами откровенно отождествили с дьяволом, сделав на рисунке приписку: «Это Еврей Дьявол»².

Рога были не единственным физическим признаком еврея, указывающим на его сатанинское происхождение. Хвост дьявола — не менее характерная деталь, чем его рога, и воображению требовалось лишь незначительное усилие для того, чтобы узреть у евреев спинной придаток, хотя они и умудрялись тщательно скрывать его от посторонних взглядов³. Сейчас нам трудно поверить, что все это воспринималось совершенно серьезно. Однако эти суеверия живы до сих пор, причем не только среди невежественного европейского крестьянства, но даже в нашей просвещенной стране⁴.

Характерной чертой еврейской внешности, на которой постоянно делался акцент на средневековых рисунках и гравюрах, а также в народных сказках, считалась так называемая «козлиная борода» (Ziegenbart). Настоячивое и, казалось бы, бессмысленное подчеркивание этой детали обретет значимость, если мы рассмотрим ее в связи с распространенным образом еврея, который неизменно воспринимался в ассоциации с козлом. Последний выступал либо в качестве любимого домашнего животного евреев, либо как излюбленное транспортное средство (причем евреи почему-то садились на козла задом наперед, если судить по средневековым гравюрам)⁵. Иногда козел символизировал иудаизм и даже еврейского Б-га.

Der Itzig kam geritten
Auf einem Ziegenbock
Da dachten alle Juden
Es war der liebe Gott⁶.

«Когда приезжал Ицик*** верхом на козле, все евреи думали, это их возлюбленный Бог» — вот образчик до сих пор попу-

лярных в народе стишков, происхождение которых датируется поздним средневековьем. Здесь перед нами совершенно очевидное желание представить козла животным, особенно близким евреям, а акцент на «козлиной бородачке» позволяет увидеть в еврее козла в человеческом обличии. Примером может служить хотя бы популярный в средние века сюжет «Judensau» («Еврейская свиноматка»). Когда-то этот горельеф украшал городскую башню во Франкфурте, при входе на мост. Кроме свиноматки с ее еврейским выводком резчик по камню искусно изобразил еврея с двумя рогами на голове. Чтобы относительно происхождения этих рогов у публики не оставалось никаких сомнений, художник поместил рядом фигуру козла с такими же рогами⁸.

Козел, по распространенному в средние века поверью, был любимым животным дьявола и часто служил символом его сатанинской похоти. Согласно популярной легенде⁹ козла сотворил дьявол, и поэтому он стал излюбленным средством передвижения для гоблинов, ведьм и колдунов. В конце эпохи средневековья, когда всю Европу охватило безумие охоты на ведьм, христиане верили, что дьявол чаще всего является в облике козла, которому почитатели Сатаны воздавали почести. Кроме того, именно козла чаще всего приносили дьяволу в жертву. Для средневекового сознания между козлом и дьяволом установилась такая прочная ассоциация, что на рисунке, датированном началом XV века, на голове у Сатаны, ведущего за собой четырех евреев, — козлиные рога¹⁰. Цель этой ассоциации совершенно прозрачна. Скульптурная группа работы XV века в одной из голландских церквей изображает еврея, сидящего верхом на козле задом наперед; задние копыта животного раздвоены, а на его передних ногах — когти¹¹.

Согласно широко распространенному в массах предрассудку (который недавно стал предметом псевдонаучных исследований) евреи источают отчетливый и неприятный запах. Мы расцениваем это как явное стремление одной группы заклеймить и опорочить другую, угнетенную и бесправную, подчеркнуть ее низкий социальный статус физическим несовершенством, в силу чего у преследователей возникает ощущение превосходства. Оскорбительные высказывания по поводу дурного запаха, исходящего от евреев, которые мы находим у античных авторов, таких как Марциал и Аммиан Марцеллин, скорее всего выражали презрение к варварам, и едва ли имели какие-то иные цели¹².

Однако представление о так называемом «foetor judaicus» (еврейском зловонии), чрезвычайно популярное в средние века¹³, хотя и было (по крайней мере на ранней стадии возникновения) мотивировано схожими соображениями, имело более глубокий смысл для средневековых христиан. «Не бывало еще достаточно широкого пространства, чтобы всего лишь десятка три евреев не провоняли его своим зловонием и неверием», — сокрушался австрийский поэт XIII века Зайфрид Хельблинг¹⁴. «Зловоние и неверие» стали неизменными атрибутами, характеризующими евреев. Когда речь заходила о евреях, менялся обычно сдержанный и трезвый тон юридических документов. В 1421 г. власти города Офена (Буда) постановили, чтобы «евреи — подлые, упрямые, смердящие предатели Христа»¹⁵ — уплатили налог за свое вино. Смысл сочетания этой пары признаков, «зловония и неверия», начинает проясняться, когда мы, изучая средневековые источники, узнаем, что евреи источают зловоние в наказание за то, что они погубили Христа¹⁶. Но это лишь частичное объяснение. Почему дурной запах может расцениваться как наказание?

Оказывается, согласно распространенному среди средневековых христиан поверью, появление добрых духов сопровождается удивительно приятным запахом, тогда как злые духи и особенно Сатана отличаются чудовишным зловонием. Из могил христианских мучеников, как сообщают нам средневековые жития святых, поднимаются к небу чарующие ароматы. Когда открыли гробницу святого Стефана, воздух был напоен благоуханием. Вот уж, поистине, «благоухание святости»! Но когда дьявол, выдававший себя за астролога, разоблачен, он исчезает в воздушном вихре, оставляя после себя ужасный смрад серного дыма (*cum turbine et fetore recedens disparuit*)¹⁷.

Таким образом foetor judaicus — это еще одно характерное свойство «демонической фигуры еврея». На что похож этот специфический еврейский запах, средневековые источники не указывают, кроме нескольких упоминаний о том, что евреи «воняют как козлы»¹⁸. Однако согласно широко распространенному в средние века убеждению, после крещения евреи избавлялись от зловония. Сохранились свидетельства очевидцев, утверждавших, что «воды крещения устраняют еврейский запах» и от новокрещенных исходит аромат, который «слаще амброзии, коей благоухание окружает чело помазанного освященным маслом»¹⁹.

Популярность этого убеждения подтверждается тем, что оно легло в основу многих легенд. В одной из них еврей приходит

к своей дочери, которая только что крестилась, и она внезапно ощущает, что от него отвратительно пахнет (причем прежде, когда она была иудейкой, она этот запах не замечала). Другая легенда повествует о том, как новокрещенный еврейский юноша, все тело которого источает приятное благоухание, приходит домой, а его родителям кажется, что от него дурно пахнет. Еще одна легенда окончательно ставит все точки над «и». В ней рассказывается о том, как еврейская мамаша, чтобы сделать крещение своей дочери недействительным и избежать его воздействия, намеревается трижды окунуть свое заблудшее дитя в воды сточной канавы (но ее, конечно же, останавливают возмущенные христиане). Интересно, что здесь воспроизводится другая популярная история, в которой дьявола, случайно упавшего в освященную воду, выручает бабушка, которая, желая избавить внука от пагубных последствий его неосторожности, трижды погружает его в сточную канаву ада²⁰.

В более позднюю эпоху в высказываниях некоторых авторов, касавшихся вопроса о *foetor judaicus*, стали звучать скептические нотки. Тови²¹ пишет: «Автор труда *"Roma sancta"* замечает, что несмотря на дурной запах, присущий евреям от природы, они неизменно избавляются от него после крещения. Но Миссон в книге *"Путешествие в Италию"* объясняет это чудо тем, что эти люди (евреи. — *Дж.Т.*) перед тем, как появиться в церкви, обычно берут на себя труд как следует вымыться, а дурной запах, сопровождавший их до крещения, который, как считают некоторые предубежденные против них христиане, присущ им от природы, возникает вследствие их неряшливости, вошедшей в привычку из-за крайней нищеты». Браво, Миссон! Забрехала заря эры разума! Но как слаб еще ее свет! В последнее время тема *foetor judaicus* — причем в смягченной версии — по-прежнему обсуждается только в низкопробной массовой литературе: ныне дурной запах, исходящий от евреев, объясняется неумеренным и злостным «поеданием чеснока»²². Ну что ж, это — «современный» антисемитизм, в отличие от его средневекового варианта. (Однако теоретики национал-социализма считают «научно» доказанным фактом, что «тошнотворно-сладковатый» запах — отличительная характерная черта, присущая еврейскому народу в целом²³.)

Эти средневековые представления служат еще одним примером того, что церковь вела священную войну с силами Сатаны не на жизнь, а на смерть. Согласно убеждению христиан евреи могли избавиться от своих демонических атрибутов, лишь

отказавшись от своего прежнего «я» и родившись к новой жизни через обретение веры в Христа. Такова мораль всех вышеупомянутых историй и легенд. Однако с течением времени христиане стали сомневаться в том, что крещение может реально изменить природу евреев и навсегда избавить их от зловония. В XV веке в Испании христиане неоднократно выражали недовольство по поводу того, что *Conversos* (новообращенные евреи) дурно пахнут. Было ли это следствием их отпадения от христианской веры либо пагубного пристрастия к чесноку, так и осталось неясным. Летописец той эпохи, Андрес Бернальдес пишет: «В еде они (евреи, принявшие крещение. — *Дж.Т.*) никогда не отказываются от своих еврейских привычек (...) тушат мясо с луком и чесноком и жарят его в масле, брезгуя топленным свиным салом, тогда как мясо с маслом и чесноком производит дурной запах изо рта при дыхании (...) а посему они смердят ничуть не меньше, чем иудеи, каковые источают зловоние по причине того, что тушат мясо с маслом и чесноком, а так же как не принявшие святое крещение»²⁴.

Уверенность в том, что евреи — не такие, как все люди, в средние века проявлялась еще и иным образом. Все представители рода человеческого, и среди прочих также евреи, подвержены различным заболеваниям. Однако считалось, что евреи страдали от специфических болезней, которые были свойственны только им и которыми никогда не болели христиане. Это суеверие немало способствовало укоренению другого, согласно которому единственным эффективным средством от этих «еврейских» болезней была христианская кровь. Чаше всего среди недугов, присущих евреям, называли менструации, которые — по убеждению средневековых христиан — были регулярными не только у еврейских женщин, но и у мужчин. На втором месте стояли всевозможные кровотечения и геморрой, также вызывающий значительные потери крови. Кроме того, специфически «еврейскими» болезнями считались золотуха, малокровие и многочисленные кожные заболевания и язвы, сопровождавшиеся зловонными выделениями²⁵. (Здесь перед нами еще одно объяснение «зловония иудейского».) Некоторые поздние средневековые источники утверждают, что у новорожденных еврейских детей правая рука окровавлена и прижата ко лбу, «словно она прилипла к коже», из-за чего иногда требовалось хирургическое вмешательство. Кроме того, в народе ходили упорные слухи о том, что «евреи всегда рождаются слепыми»²⁶.

Считалось, что от вышеупомянутых болезней страдают все евреи, хотя обычно им удается скрывать их или лечить с помощью магических средств и христианской крови. (Это станет понятным, если иметь в виду, что причиной этих болезней христиане объявляли преследование и убийство Иисуса²⁷.) Разве не справедливо, что после того, как эти дьявольские отродья убили Спасителя, они с тех пор носят на себе следы своего чудовищного преступления? В XVII веке(!) стали изощряться в измышлении всевозможных классификаций этих воображаемых «еврейских» болезней, наделяя ими все 12 колен Израиля (невзирая на тот факт, что десять колен были угнаны в рабство ассирийцами и рассеяны задолго до распятия Иисуса, в силу чего с тех пор племенные различия среди евреев перестали существовать). В 1602 г. крещеный еврей Франциск из Пьяченцы опубликовал каталог тайных «еврейских» хворей и недомоганий, впоследствии переиздававшийся в дополненном виде и переведенный на другие европейские языки. Предлагаем читателю его краткий пересказ²⁸.

Члены колена Рувима, которые некогда схватили Иисуса в Гефсиманском саду и избили его, наказаны тем, что все растения, к которым они прикоснутся, через три дня засыхают.

В колене Симона страдают от того, что четыре дня в году у всех на руках и ногах появляются кровавые раны, поскольку их предки били Иисуса, когда он висел на кресте.

Евреи из колена Леви били Иисуса по лицу и плевали на него, за что их потомки не могут сплевывать болезнетворную мокроту.

Члены колена Зебулона, которые бросали жребий, деля между собой одежду Иисуса, наказаны тем, что каждый год 25 марта их мучают открытые язвы во рту и они харкают кровью.

У евреев из колена Исахара ежегодно, в тот самый день, когда Иисуса привязали к столбу и бичевали, все тело покрывается кровавыми рубцами.

Потомки евреев из колена Дана, которые кричали: «Кровь его на нас и на детях наших!» (Матф. 27:25), каждый месяц страдают от гнойных язв на всем теле и источают столь сильное зловоние, что вынуждены прятаться от соплеменников (исцелить их может только христианская кровь, которой следует смазать раны).

Евреи из колена Гада сплели терновый венец из пятнадцати колючих веток и так сильно прижали его к челу Иисуса, что колючки вошли глубоко под кожу. За это злодеяние ежегодно

пятнадцать болезненных наростов появляется у них на шее и на голове.

Евреи из колена Ашера били Иисуса по лицу, за что у них правая рука на ширину ладони короче левой.

Евреи из колена Нафтали приказали своим детям спрятаться в свинарниках, визжать и хрюкать. Когда Иисус, несший крест, проходил мимо, их родители спросили его, что это было. Иисус ответил: «Это ваши дети». Но поскольку евреи настаивали, что это хрюкали свиньи, Иисус сказал: «Если они свиньи, пусть будут свиньями и остаются свиньями». Поэтому до сих пор у их потомков во рту четыре больших свиных зуба, свиные уши, и они смердят, как свиньи.

Евреи из колена Йосефа (хотя такого колена не существовало!) выковали гвозди для распятия Иисуса и, следуя совету еврейки по имени Вентрия (Ventria), специально затупили их концы, чтобы усугубить его страдания. Они наказаны тем, что с тех пор у их женщин после тридцати трех лет во рту во время сна заводятся черви.

И, наконец, потомки евреев из колена Вениамина, которые предложили Иисусу, висящему на кресте, губку, пропитанную уксусом и желчью, с самого рождения не могут держать голову, всегда страдают от жажды, а когда пытаются заговорить, у них изо рта выползают черви²⁹.

В 1575 г. в иллюстрированной газете (Wunderzeitung) Иоганна Фишарта, в которой обсуждались всевозможные курьезные происшествия, было объявлено о том, что в местечке Бинцванген близ Аугсбурга еврейка разрешилась от бремени двумя поросятами³⁰. Учитывая дух эпохи и ее суеверия, можно с уверенностью сказать, что это сообщение едва ли вызвало недоверие у христианской публики. Когда речь шла о евреях, все принималось на веру, даже самые чудовищные измышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Ср. в «Синодальном» переводе: «...лице его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним» (Исх. 34:29).

** Греческий перевод еврейской Библии прозелита Аквилы, сделанный ок. 130 г. (до нас дошли лишь несколько фрагментов), был известен Оригену, кроме того об Аквиле упоминают и другие христианские авторы, например церковный историк Епифаний.

*** Ицик (нем.) — уменьшительная форма от имени Исаак.

ЧАСТЬ 2

ЕВРЕЙ — МАГ И КОЛДУН

Глава 4. ЕВРЕЙ ИСПОЛНЕН ЧАРОДЕЙСТВА

Когда в 1591 г. Иоганн Фишарт написал в своей газете, что «в наше время среди евреев много колдунов»¹, это ни для кого не стало откровением. Подобное утверждение было привычным штампом и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. В начале XVIII века франкфуртский теолог и любитель старины Иоганн Якоб Шудт² с энтузиазмом вспомнил и поддержал известный вердикт Лютера, согласно которому «в евреях столько же идолопоклонства и чародейства, сколько волос на спинах у девяти коров, я хочу сказать, что все их чародейские штуки невозможно ни сосчитать, ни измерить». Это представление оказалось на редкость живучим. Вплоть до наших дней крестьяне Восточной Европы страшатся еврейской черной магии, а в народных сказках, песнях и прибаутках еврей традиционно выступает в роли колдуна³. Пьер ван Паассен, описывая свое детство в голландской деревне, жители которой отнюдь не отличались дремучим невежеством, вспоминает: «Среди наших соседей было распространено какое-то смутное поверье, и о нем всегда говорили тоном таинственным и мистическим. Оно приписывало евреям магическую силу, позволявшую им задерживать естественный ход явлений и процессов природы или, по крайней мере, вмешиваться в них».

Средневековые унаследовало представление о евреях — колдунах и волшебниках от античного мира. «Магические папирусы»* эпохи эллинизма многое заимствовали из еврейской традиции, особенно это касается имен, которым придавалось особое значение в еврейском мистицизме. Кроме того, в массах было распространено убеждение в том, что евреи обладают познаниями во всех видах магического искусства⁴. Ювенал в своей известной эпиграмме говорит:

Евреи продадут по бросовой цене
Столько снов, сколько пожелаешь.

Безусловно, здесь перед нами типичное преувеличение сатирика, но у нас есть доказательства того, что за этими словами стояло мнение большинства людей, убежденных в магических способностях евреев. Йосеф, который узнал в Египте тайны

волшебства, был «первым истолкователем сновидений», и считалось, что его потомки, которые унаследовали его магические способности, обладают преимуществом перед чародеями, принадлежащими к иным традициям.

Однако истоки приверженности евреев к магии прослеживали еще дальше, вплоть до Моисея (при этом ссылались на Библию), которого считали самым могущественным чародеем всех времен. Согласно этому воззрению величайший законодатель зашифровал в своих законоустановлениях тайное учение. Поэтому неудивительно, что в иудаизме видели своего рода резервуар, заключававший в себе все виды магии, которую adeпты этого учения изучают с самого детства. Как маг и законодатель Моисей обладал таким авторитетом, что ему приписывалось авторство обширного свода магических правил и операций, содержащего описание сложных церемоний для посвящения кандидата в члены тайного братства. Соответственно весь этот корпус текстов носил его имя — «Книга Моисея». Его сестра — Мария, или, как ее чаще называли — Мария Иудейка, также считалась одной из величайших волшебниц древности, ей приписывалось авторство самых важных книг по магии. Легенды повествуют о том, что тайные знания она получала непосредственно от Бога.

Лукиан из Самосаты (II век) порицает «болвана, слушающего заклинания, которые бормочет еврей» в надежде на то, что они вылечат его от подагры⁴. Прокопий сообщает о том, что византийские полководцы и сам император Юстиниан обращались за помощью к прорицателям евреев⁵. Ориген, христианский богослов III века, который гордился тем, что хорошо знаком с еврейской письменной традицией, не преминул назвать магию специфически еврейским занятием⁶. Иоанн Златоуст, заклятый враг евреев, возмущенный поведением своих прихожан (они посещали еврейские молитвенные собрания, соблюдали еврейские посты и отмечали праздники, а также считали клятву, принесенную в синагоге, более обязывающей, чем та, что была принесена в церкви), был убежден, что христиан заманивали в синагогу с помощью чар и амулетов⁷.

Эти воззрения столь глубоко проникли в христианскую мысль, что постановления церковного Собора в Нарбонне (589 г.) в запугивающей форме воспрещали христианам обращаться к евреям, которые предсказывают будущее и занимаются волшебством⁸. И все же это не объясняет ни той ядовитой злобы, с которой средневековых евреев обвиняли в кол-

довстве, ни чудовищных последствий этих обвинений. Средневековые представления о евреях — колдунах и волшебниках — столь многообразны, а реакция масс носит столь негативный характер, что нам придется искать непосредственные и далекие от всякой двусмысленности причины этих воззрений. Вне всякого сомнения евреи невиновны в том, что им приписывали. Хотя у них и была довольно сложная и развитая магия, но она была не только недоступна христианам, — христианская Европа даже не знала о ее существовании. Средневековая еврейская магия была полностью лишена каких бы то ни было элементов сатанизма, который играл значительную роль в оккультных представлениях христиан. В еврейской магии демоны почти всегда рассматривались в качестве носителей зла, и с ними надлежало бороться; крайне редко они становились посредниками практикующего мага. Первейший принцип этой магии заключался в том, что ее адепту следовало во всем полагаться на силы добра, носителями которого выступали ангелы и многообразные дифференцированные и персоналифицированные атрибуты Бога. С последними маг вступал в контакт с помощью сложной техники подстановок и комбинаций букв еврейского алфавита¹⁰. В силу вышеназванного принципа, предполагающего доскональное знание еврейских мистических учений, эта благотворная по самой своей сути магия обладала характерными особенностями именно еврейского учения. Однако впоследствии нееврейские круги присвоили это учение, извратили его сущность и приспособили к своим целям. В этом виде оно распространилось в Европе под неверным названием «каббала». Вплоть до XVI века еврейская магия была недоступна для неевреев, и лишь немногим из них удавалось прикоснуться к ее тайнам.

За исключением отдельных случаев обвинение в колдовстве исходило не из тех или иных действий и поступков евреев, но являлось составной частью средневекового представления о евреях, которое распространялось на весь еврейский народ в целом. Фактически те магические практики, владение которыми навязчиво приписывали евреям, не имели почти ничего общего с магическими течениями в еврейском мистицизме; скорее они были отражением верований и практик, имевших хождение среди христиан.

Когда в духовной атмосфере Европы стали ощущаться первые веяния перемен и прогресса, когда движения Реформации и Ренессанса уже заметно набирали силу, подавляющее боль-

шинство населения континента все еще жило среди чудовищного невежества и мрачных суеверий, вдыхая воздух, отравленный миазмами злых духов и демонов, в постоянном противодействии силам зла, перед которыми люди чувствовали себя бессильными и беспомощными. Дьявол и его легионы, незримые глазу, старались их уничтожить, а на земле колдуны и ведьмы, связанные с тайными силами подземного мира, помогали сатанинским полчищам и подстрекали их ко все новым бесчинствам. Возрождение интереса к античной литературе и гуманитарным наукам в XII и XIII столетиях шло вровень с беспрецедентной по размаху и почти повсеместной приверженностью к магии. Страх перед Сатаной достиг своего апогея, и семена ведьмовства принесли первые плоды. В то время как даже представители интеллектуальной элиты разделяли общее суеверие, массы, в отличие от них, были полностью не способны приобщиться к новым, позитивным по своему характеру знаниям, несущим в себе возможность освобождения от невежества и заблуждений. Курьез состоит в том, что в XV и XVI веках, то есть как раз тогда, когда Реформация и Ренессанс расцвели пышным цветом, это суеверие приобрело пропорции настоящей массовой мании. Создается впечатление, будто все население Европы разделилось на два непримиримых лагеря: одни становились служителями ведьмовских культов и славили Сатану, тогда как другие, трепеща от ужаса перед слугами дьявола, тем не менее охотились за ними и уничтожали с фанатичной жестокостью.

В такой атмосфере приписываемое евреям сотрудничество с Сатаной не могло не найти самого горячего отклика в массах. Не кто иной, как дьявол, считался источником волшебства, которое имело силу лишь по его дьявольской воле и с его попустительства. Магия была техническим средством, с помощью которого Сатана способствовал осуществлению планов тех своих приспешников, которые боролись вместе с ним в надежде уничтожить христианский мир. Тайный сговор между евреями и Сатаной, о котором возвещали с церковных кафедр и говорили на улицах и площадях, сговор, некогда имевший целью погубить Иисуса, как нельзя более подходил к детальной разработке темы сотрудничества средневековых евреев с силами зла. В нескольких средневековых версиях «Страстей» евреи, подстрекаемые Сатаной, применяют против Иисуса самые страшные чары и заклинания, они варят ведьмовское зелье, сопровождая свои действия страшными обрядами, известными

по описаниям знатоков средневековых сатанинских культов, а дьявол внимательно наблюдает за происходящим¹¹. При таких обстоятельствах неудивительно, что евреев боялись и ненавидели, видя в них самых могущественных колдунов средневековой Европы. Христиане не только истолковывали любые, даже самые невинные действия евреев в свете их предполагаемых антихристианских замыслов, но и изобрели специфически еврейские преступления против христиан, преступления, которые как правило носили магический характер. Безоговорочное признание вины евреев в колдовстве было результатом особого сочетания невежества, суеверия и фанатизма, присущего средневековому массовому сознанию.

Трудно сказать, насколько важным фактором в развитии средневекового представления о евреях — магах и колдунах — были свидетельства античных авторов о превосходстве евреев во всевозможных видах волшебства. Если мы и встретим в средневековых источниках несколько прямых отсылок к клеветническим заявлениям античных писателей, то это лишь по той причине, что церковь тщательно собирала и хранила все сведения такого рода, используя их в качестве оружия в борьбе с евреями. Насколько серьезно к этим заявлениям относились в прежние эпохи, для средневековья было неважно. Несомненно одно: различные элементы антисемитских суеверий, которые оставались важной составляющей средневекового фольклора и народных верований, служили для средневековых христиан доказательством их неопровержимой истинности.

Еще в древности еврейский язык, на котором были записаны священные тексты евреев, приобрел статус эффективного магического средства. Сами евреи полагали, что их язык — единственный, который понятен ангелам, а синкретическая магия эпохи эллинизма охотно заимствовала из него многие слова и имена. С подобными заимствованиями мы сталкиваемся и в источниках, освещающих магические течения в исламском мистицизме, а также в оккультных писаниях знаменитых магов Западной Европы, убежденных в том, что экзотический и неудобопроизносимый язык придает особую действенность магическим формулам. Использование еврейских слов и имен играло особую роль в заклинаниях и книгах по магии. Бенвенуто Челлини, описывая сцену заклинания духов в римском Колизее, вспоминает, как некромант «начал творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество ... демонов ... и приказывал им силой и властью Бога несотворенного,

живого и вечного, на еврейском языке»**. Однако недавние исследования показали, что средневековые амулеты с надписями на еврейском языке, которые по этой причине считались принадлежностью еврейской магической и ритуальной практики, были на самом деле изготовлены христианами и исключительно для магических нужд своих единоверцев¹².

Таким образом, популярность еврейского языка у колдунов и магов способствовала тому, что в носителях этого языка стали видеть адептов тайных наук. Заклеймив евреев как «исчадий сатанинских», христиане не могли не воспринимать сам их язык как средство для призывания злых духов и получения помощи от дьявола. В средневековых мистериях актеры, изображающие евреев, которые призывают своих демонических сообщников, произносили неразборчивый набор звуков, имитируя еврейскую речь. Даже когда маг не был евреем (как, например, Саладин, волшебник из пьесы «Действо о Теофиле» [Rutebeuf. «Le Miracle de Theophile»], принадлежавшей перу Рутбёфа, одного из самых известных труверов XIII века), магические формулы, которые он произносил, передавались тем же бессмысленным набором звуков. Дж.Скьяво (G.Schiavo) заметил в этой связи, что средневековая публика едва ли состояла из филологов, а ставшее привычным представление о том, что на еврейском языке изъясняются колдуны и маги, позволяло увидеть в маге — еврея, и отождествить его язык с еврейским¹³.

Многие популярные в средние века легенды, будучи важной составной частью культуры той эпохи, также способствовали укоренению веры в то, что евреи — по определению — маги и волшебники. Как мы уже отмечали, средневековые не отличались развитым чувством истории и способностью к критическому анализу. Легенды на правах документальных свидетельств попадали в хроники, и в них видели описание реальных событий¹⁴. Преобладающие в этих рассказах элементы сверхъестественного и чудесного никого не смущали. Фантастическое так долго и упорно выдавало себя за фактическое, что описание самых немыслимых чудес лишь придавало этим повествованиям высшую степень достоверности.

Легенды о Соломоне заслуживают особого внимания, поскольку они производили колоссальное воздействие на воображение средневековых христиан. В содержании этих легенд необходимо отметить два основных момента: власть мудрого царя над дьяволом и демонами, и использование этой власти

ради достижения определенных целей магическими средствами. Последняя тема была разработана со множеством вариаций, так что в Соломоне видели как непревзойденного мага, так и первоначального создателя тайной науки. Вера в его магические способности так глубоко проникла в средневековое сознание, что достаточно было приписать ему авторство магической формулы или надписи на амулете, чтобы повысить их ценность в глазах приверженцев сокровенного знания. Кроме того, большинство самых известных книг по магии охотно пользовались его именем, чтобы повысить свой авторитет.

Имя Аристотеля также было окружено почетом в оккультных кругах средневековой Европы. Учитель легендарного Александра, чьи военные и магические подвиги были воспеты во многих преданиях, Аристотель считался автором широко известного труда «*Secreta secretorum*» («Тайны тайн»), в котором раскрывались тайны природы. Согласно распространенному мнению он был евреем и даже считался учеником Соломона. Оккультная традиция сообщает, что после многолетних штудий в огромной библиотеке мэтра Аристотель научился подчинять себе духов и заключать их в стеклянные или рубиновые флаконы, словно мух¹⁵.

Труды по магии, приписываемые Соломону, в которых последовательно рассматривались все аспекты магической практики, исчисляются десятками. Петр Коместор в своей «Схоластической истории», написанной предположительно в 1170 г., также считает Соломона автором всех книг по магии и прочим оккультным наукам, популярным в средние века¹⁶. Перейти от Соломона ко всему еврейскому народу в целом и сделать вывод о том, что евреи не только связаны с миром демонов, но к тому же обладают широкими познаниями в магии, было совсем просто. Уже в III веке Ориген, характеризуя евреев как народ, искушенный в волшебстве и наделенный магическими способностями, основывал это суждение на авторитете Соломона, прославленного экзорциста и заклинателя демонов. Формула «демоны — магия — евреи» не была слишком сложной для средневекового сознания, оно схватывало ее на лету, не сомневаясь в том, что магические таланты Соломона впоследствии унаследовали его соплеменники. Библиотека Иоанна Тринегиуса, который был настоятелем монастыря в Спонхайме на исходе XV столетия, содержала книги по магии, приписывавшиеся Соломону, Адаму, Сету, Ною, Аврааму, Моисею, Давиду, Иезекиилю, Даниэлю, Иову, Разиэлю, Йосефу, Реувену

и Эноху¹⁷. Христиане были убеждены в том, что именно древние евреи написали все основные книги по магии, а их современники и единоверцы в совершенстве овладели ее тайнами.

Еще один популярный персонаж средневековых легенд — еврейский волшебник Зебулон, который часто фигурирует в цикле преданий, посвященных Вергилию (последний также считался выдающимся магом и был героем многих средневековых легенд). Авторство трех важнейших книг по магии, запрещенных (как утверждает оккультная традиция) царем Езекией, приписывались то Соломону, то Зебулону. В легендах, связанных с последним, делался особый акцент на антихристианской ориентации еврейской магии. Согласно одной из версий, сохранившейся в хронике «Wartburgkrieg» (вторая половина XIII века), и в описании приключений Райнфрида из Брауншвейга (ок. 1291 г.) Зебулон, родившийся от матери еврейки и отца язычника, написал эти три книги с тем, чтобы предотвратить рождение Иисуса, ибо маг прочел по звездам, что из-за Христа «alle juden gar von eren gestozen wurden» («все евреи будут лишены всякой чести»). Тот факт, что названные книги так и не исполнили своего предназначения, отнюдь не повредил репутации Зебулона и не преуменьшил популярность еврейской магии. Эти сочинения продолжали оставаться для христиан, охваченных стремлением приобщиться к тайнам волшебства, авторитетными и заслуживающими пристального изучения источниками оккультных знаний. Насколько популярным был образ Зебулона, видно хотя бы из того, что в известном сочинении Бомонта и Флетчера «Обычай страны» (написанном в 1619 или 1622 г.) чародей, который приготовил любовный напиток, помогающий влюбленным воссоединиться, носит его имя¹⁸.

Церковное предание рассказывает о диспуте, на котором папа Сильвестр I (314–335) полемизировал с группой евреев. Это предание, положенное в основу сюжета многих средневековых хроник и мираклей, вошло в историю церкви, и к нему впоследствии часто обращались, чтобы придать весомость некоторым юридическим установлениям, которые, как полагали, были сформулированы в связи с предположительным обращением императора Константина в христианство. На этом диспуте, как утверждают христианские средневековые источники, еврейскую сторону представлял могущественный маг, еврей Замбри. Несколько версий этой истории не совпадают в деталях, однако во всех говорится о том, что группе евреев (ее

численность варьируется от 4 до 61 человека) предложили выступить с открытой критикой принципов христианской веры. Согласно некоторым версиям папа Сильвестр I одержал верх над своими противниками лишь с помощью веских аргументов, однако другие версии, более популярные, говорят о том, что дело дошло до прямого состязания в могуществе между папой и его оппонентом «магом Замбри, евреем по происхождению и волшебником, каковой облечен был высочайшим доверием у своих единоверцев», как его характеризует самая ранняя версия. Замбри берется убить разъяренного быка, произнеся шепотом в ухо животного священное и всесильное имя Бога. Когда у Замбри требуют, чтобы он поведал собранию о том, каким образом ему удалось узнать эту величайшую тайну, тот наконец сообщает, что он постился семь дней, затем налил воды в новый серебряный сосудец и произнес над ним магические заклинания, после чего на поверхности воды проступили буквы имени Божьего. Папа Сильвестр принимает вызов, и, когда Замбри выполняет то, что обещал, папа мгновенно воскрешает убитого быка, призвав имя Иисуса и доказав тем самым превосходство христианства над иудаизмом¹⁹. Так еврейская магия оказалась бессильной, ибо Христос могущественнее еврейского бога (читай: дьявола).

Личный врач императора Карла Лысого, еврей Цедекия, живший в конце IX века, также был популярной фигурой средневекового фольклора. Слава его увеличивалась на протяжении столетий, когда ему — уже на исходе средневековья — стали приписывать способность летать и прочие баснословные подвиги. Так, например, о нем рассказывали, что он мог проглотить целиком взрослого мужчину, а однажды он проглотил телегу, груженную сеном, вместе с лошадьми и возницей. Легенды донесли до нас и «коронный» номер Цедекии, который заключался в следующем: маг отрубал у человека руки, ноги и голову, а потом приставлял их на место, при этом не причиняя ему ни малейшего вреда. В 1378 г. Иоанн, настоятель монастыря в Триттенхайме, так описывал эту процедуру: «Цедекия подбросил его в воздух, разорвал туловище на части и свалил их в одну кучу, после чего опять соединил все члены воедино»²⁰.

Легенда о Теофиле окончательно завершает образ еврея — колдуна и волшебника, поскольку в ней еврейский чародей действует через посредничество Сатаны. Его называют не иначе, как «мэтр дьявольского искусства», и во всех многочисленных версиях этой легенды, отличающихся друг от друга некоторыми

детальями, содержится указание на то, что это искусство специально направлено против набожных и благочестивых христиан²¹.

Тема этой легенды перекликается с историей некоего Гелиодора. Последний жил в Сицилии в VIII веке и «был сведущ во всяком колдовстве и мошенничестве», так как учился «у одного еврея, знаменитого мага и чародея» и получил от последнего кусок пергамента с волшебными письменами, благодаря которому дьявол послушно выполнял все его приказания²².

Желая опорочить Фотия, патриарха Константинопольского и известного богослова (конец IX века), его противники объясняли его ученость и мудрость тем фактом, что он «якшался с еврейским чародеем» и тот предложил ему «чудесное заклинание», принесшее ему «богатство и благополучие, а также величайшую мудрость вкупе со счастьем». Взамен «еврейский чародей» потребовал, чтобы патриарх «отрекся от креста, на котором распяли Иисуса». Недоброжелатели Фотия в один голос утверждали, что он с готовностью выполнил это требование²³. В XI веке аббат Гибер из Ножана, озабоченный развращенностью своих клириков и их приверженностью к колдовству, почувствовал себя на твердой почве, свалив всю вину на евреев, которые, как он заявил, совратили монахов и заставили их служить «князю мира сего»²⁴.

Образы и представления фольклорной традиции казались христианам столь убедительными, что находили выражение — или, скорее, подтверждение своей подлинности — даже в тех ситуациях, которые непосредственно не затрагивали евреев. Наиболее яркое свидетельство того, что в массовом сознании прочно закрепилась формула «колдун = еврей», мы находим в некоторых административных положениях, касающихся чародеев нееврейского происхождения. Так, в немецком кодексе конца XIV века, который представляет собой алфавитный список действующих законов и предписаний, распределенных по тематическому признаку, в рубрике «Евреи» среди обычных правовых определений, касающихся свидетельских показаний, присяги евреев в суде, ростовщичества и пр., мы встречаем параграф, посвященный наказаниям чародеев, причем не еврейских чародеев, а вообще всех лиц, занимавшихся магией, гаданием и волшебством. Перечислив соответствующие нормы взысканий, составители кодекса как ни в чем не бывало переходят к следующим законоположениям, касающимся еврейского населения²⁵. Эту очевидную несообразность можно объяснить тем, что составители кодекса полагали, что параграф,

озаглавленный «О чародеях», должен входить в основную рубрику «Евреи». Кодекс Буды (с середины XV века — столицы венгерского королевства) в 1421 г. предписывал, что всякий горожанин, в первый раз обвиненный «в заклинании духов, колдовстве и ведьмовстве», обязан появиться в публичном месте «в остроконечной еврейской шапке на голове, на которой изображены святые ангелы Божии»²⁶. Как мы видим, для того чтобы показать толпе, что наказанный — маг и чародей, власти воспользовались этим характерным признаком, указывающим на еврейское происхождение. Той же цели служили желтые нашивки из войлока, которые монахи и священники, уличенные в колдовстве, должны были носить на груди и на плече: толпа видела в них вариант хорошо знакомой им нашивки на одежде евреев²⁷.

Юридические и исполнительные органы церкви и государства следили за неукоснительным соблюдением этих предписаний, что отнюдь не облегчало и без того трудное положение евреев, ибо репутация магов и колдунов разжигала в массах негативные настроения. В Византии в XI веке еврей, желающий принять крещение и стать членом христианской церкви, должен был сначала предать анафеме, *inter alia* (кроме всего прочего) «все их (евреев. — *Дж.Т.*) колдовство, заклинания, волшебство, прорипания, амулеты и филактерии»²⁸. Контекст этой официальной формулы отречения ясно дает понять, что магическая практика рассматривалась в качестве существенной части доктрины иудаизма. Однако только в XIII веке обвинения евреев в колдовстве приобрели характер жестоких преследований. Нападки на Талмуд в это время обусловлены подозрением в том, что в его текстах содержатся тайны еврейской магии и вредные антихристианские учения. Агобард из Лиона в сочинении «*De judaïcis superstitionibus*» («О еврейских суевериях») обрушился на Талмуд с обвинением в том, что его содержание насыщено элементами магии, что и составляет — с точки зрения автора — подлинное содержание еврейской религии²⁹. В декабре 1254 г. французский король Людовик IX издал «Указ об исправлении нравов». Поскольку несколькими годами раньше он распорядился о публичном сожжении Талмуда, это позволяет предположить, что король считал Талмуд вредной книгой³⁰. Нет никаких сомнений в том, что подобное отношение к Талмуду было широко распространено и в более поздние эпохи. В 1397 г. епископ Вюрцбургский и его ближайшее окружение подверглись издевательствам и насмешкам за то, что читали Талмуд.

Противники епископа объясняли его интересы тем, что для него и его учеников «священное Писание было недостаточно хорошим (...), потому-то все они старательно изучали Талмуд и учения его, называемые некромантией; а Сатана самолично присутствовал на их уроках»³¹. В 1553 г. в Венеции была создана специальная комиссия, члены которой поддерживали требование запретить евреям изучение Талмуда на том основании, что «большинство их талмудистов волшебники, еретики и люди злонамеренные»³². Отчасти в силу широкого распространения этих взглядов инквизиция и взяла на себя функции цензора и стала запрещать еврейские книги.

В Англии 26 июля 1240 г. синод Вустера издал следующее постановление: «Если станет доподлинно известно, что кто-либо занимается магией, будь то мужчина либо женщина, а также если кто обращается к евреям, желая с помощью магии узнать, что ему делать и как поступать, то пусть приведут таковых к епископу, дабы виновные понесли наказание». Как мы видим, здесь евреи, которые по определению — маги и волшебники, не подлежат юрисдикции епископа. Однако 6 мая 1255 г. Поместный Собор в Безье (Beziers) прямо обратился к евреям, приказывая им «прекратить богохульствовать, а также заниматься ростовщицеством и магией». Французский король Филипп Красивый неоднократно (в 1293 и в 1302 гг.) и в категорическом тоне запрещал инквизиции преследовать евреев по обвинению в магии и ростовщицестве, однако сам факт этого запрещения позволяет сделать вывод о том, что инквизиция уже воспользовалась этими обвинениями в качестве предлога и распространила свою юрисдикцию на евреев. Столетие спустя в Испании участились случаи обвинения крещеных евреев (*Conversos*) в том, что они тайно практикуют еврейскую магию, в связи с чем по тому же обвинению перед судом инквизиции не раз представляли иудеи. В 1409 г. папа Александр V предписал инквизитору Авиньона, Дофине, Прованса и Компаньенессена принимать особенно строгие меры в отношении нескольких категорий лиц, включая евреев, которые практикуют магию, а также заклинателей демонов и прорицателей³³.

Отношение к евреям как к магам и колдунам отразилось и на самой форме «еврейской клятвы», *more judaico*, которую евреи обязаны были приносить согласно требованиям средневекового судопроизводства. Тексты этих клятв были составлены таким образом, чтобы воздействовать на религиозные чувства евреев, ибо, как полагала церковь, только в этом случае можно

было рассчитывать на адекватность их показаний в качестве свидетелей и обвиняемых. Фактически «еврейская клятва» была не чем иным, как формулой принуждения, носившей явно магический характер, поскольку она, согласно замыслу христиан, должна была «связать» того, кто ее произносил, именами Бога-Творца и его ангелов. Таким образом, предназначение придуманной христианами *more judaico* состояло в том, чтобы отобразить в сжатой форме клятвы якобы присущие еврейскому тайному учению элементы магического принуждения. От евреев обычно требовали, чтобы они клялись еврейским именем Бога, Адонаи. Однако «еврейская клятва», предписанная для евреев Нарбонны, этим не удовлетворялась и требовала произнесения еще «семидесяти имен Бога», а наваррская клятва включала имена семидесяти ангелов и перечисление их чудесных свойств и способностей, что в целом представляло собой фантастическое нагромождение магической абракадабры. В Тортозе еврей был обязан поклясться именами таких святых, как «Tuobe, Trach, Bucisma, Mucrenti, Azdd» и т.д., после чего ему говорили: «Я заклинаю тебя, еврей, всем священным, что есть в небе, в море, на земле и под землей...» Эти формулы нередко включали перечисление различных атрибутов Бога («Тот, кто сотворил небо и землю»; «Тот, кто провел нас через Красное море» и пр.), что было характерно для средневековых заклинаний. Вдобавок еврея обязывали — в том случае, если он нарушит клятву и даст ложные показания — призвать на свою голову серию проклятий, почерпнутых из Библии и добавленных по усмотрению местных блюстителей закона. В число этих проклятий обычно включали: лихорадку, потерю зрения, утрату имущества, нападение диких зверей, чуму, голод, смерть детей и т.д. Целью подобных заклятий было не только запугать евреев этой процедурой, но сделать так, чтобы они автоматически подчинялись, страшась тех наказаний, которые само небо найдет на них, если они нарушат клятву. В некоторых случаях органам правосудия и этого казалось мало, и тогда евреи должны были пройти своеобразный магический тест, напоминающий ордалию. Так, в XI веке во Франции на шею испытываемому еврею надевали ожерелье из колпачек, а через промежность с силой протягивали ветку около пяти локтей длиной с острыми шипами; если эти действия не причиняли ему физического вреда, его клятва считалась приемлемой, а свидетельство — истинным. Со схожим подходом мы сталкиваемся в силезском «Земском праве» («Landrecht») XIV века: еврей

приносил клятву, стоя босиком на стуле, у которого была предусмотрительно отпилена одна ножка; если он падал со стула, он должен был уплатить штраф, но четвертое по счету падение делало его клятву бесполезной, и на его свидетельство нельзя было полагаться³⁴.

Обратившись к средневековым документам, мы заметим следующее: несмотря на то, что повсеместно на евреев буквально сыпались обвинения в занятиях магией и колдовством, источники упоминают на удивление мало фактов, свидетельствующих против них, а описания их преступных деяний отличаются странным единообразием в деталях. Разобрать эти несколько случаев не составит труда.

Считалось, что у евреев дурной глаз. Знаменитое 49-е правило Эльвирского Собора (320 г.), запрещавшее христианам обращаться к евреям, чтобы те прочли благословение над хлебом на корню, очевидно имело целью внушить крестьянам опасение в том, что заклятие, коему зловерные евреи могут подвергнуть хлеба христиан, впоследствии не сможет снять даже бенедикция священника³⁵. Вероятно, та же подозрительность стала причиной того, что в 1189 г. во время коронации Ричарда I, делегацию английских евреев с дарами и письменно засвидетельствованными заверениями в преданности не допустили на церемонию. Как сообщает еврейская хроника тех лет, «собрались также самые богатые и влиятельные евреи, желая поднести подношения государю, но злые люди начали клеветать, что не приличествует евреям смотреть на государев венец, когда монахи и священники возложат венец на его главу». Судя по всему, «злые люди» боялись, как бы евреи не «сглазили» короля. Однако другое свидетельство современника представляет дело в несколько ином свете. Мэтью Парис с уверенностью утверждает, что евреев не пустили на коронацию «по причине того, что евреи особенно славятся искушенностью в магии, к каковой иные злодеи подчас прибегают на коронациях». Кроме того, он высказывает предположение, что евреи могли поставить своей целью воздействовать магическими средствами на короля. По мнению Уильяма из Ньюбэри Ричард I распорядился прогнать евреев «либо потому, что не был столь благосклонен к ним, как его отец, либо же имел некое предчувствие, в которое верил и которое касалось злоумышлений некоторых лиц по отношению к его особе». Каковы бы ни были объяснения, ясно, что речь шла о магии. Этот инцидент фактически стал сигналом к нападениям на евреев, которые часто сопровождались

кровапролитием и продолжались в течение года, в результате чего пострадали все еврейские общины Англии. Здесь перед нами самый ранний пример массовых нападений на евреев по обвинению в колдовстве³⁶.

Кроме всего прочего, евреи обладали завидным умением предсказывать будущее — по крайней мере этот вывод можно сделать на основании того, что им настойчиво приписывали эту способность. Насколько высока была их репутация в этом искусстве, можно судить хотя бы по известной легенде о том, как Лев Исавр «учинил разбиение икон и прочих христианских святынь (...) по наущению двух богопротивных евреев (...) искушенных в предсказывании грядущего, бросании жребия, смешивании ядов и прочих непотребствах». Согласно этой легенде, евреи предсказали Льву Исавру, что он станет императором Византии, если поддержит иконоборцев³⁷. (Этот рассказ напоминает о предсказании Иосифа Веспасиану.) Хроника XIII века, имевшая хождение под названием «Филомена», повествуя о взятии Нарбонны войсками Карла Великого (в действительности город взял Пипин в 759 г.), среди причин, приведших к такому исходу событий, также называла предсказанное евреями падение города³⁸. Шудт, пересказывая многочисленные истории о том, как евреи изошрялись в искусстве предсказания, приводит — среди прочих аргументов в пользу теории о том, что цыгане произошли от евреев, — широко известный факт, а именно, что цыгане также претендуют на умение предсказывать будущее. Сам он был не слишком высокого мнения о соответствующих способностях евреев. Перечисляя несколько известных ему примеров того, как евреи безуспешно пытались справиться с этой нелегкой задачей, он замечает: «Еврей — скверные предсказатели и ничего не смыслят в том, как узнать будущее»³⁹.

Многочисленные предания о кладах также тесно связаны с евреями, поскольку считалось, что о местонахождении спрятанных сокровищ знает их союзник, дьявол, который зачастую сам зарывал их в землю. Евреи фигурируют в этих легендах в качестве хранителей сокровищ либо они разыскивают их с помощью магических средств и поработенных ими служебных духов. Синагоги по общему мнению также были вместилищами кладов. Уже в 1783 г. среди жителей Гамбурга было распространено поверье, что для успешного извлечения клада из земли необходимо принести в жертву еврейскую девочку⁴⁰.

Испанские средневековые источники приписывали евреям способность вызывать дождь во время засухи, когда молитвы

христиан оказывались бессильными⁴¹; кроме того, испанских евреев считали искусными истолкователями снов, хотя они и отрицали за собой это умение⁴². При папе Мартине V (1417-1431) евреев Авиньона обвинили в том, что они при помощи магических заклинаний вызывают демонов⁴³, а в Вене в 1599 г. было опубликовано сообщение о том, что два еврея, прибегнув к колдовству, вызвали падеж 2000 голов скота⁴⁴. Друзья Мартина Лютера советовали ему опасаться известного лекаря еврея, который с помощью магии по желанию мог сделаться невидимым⁴⁵. В Киссингене, в зале городской ратуши до недавнего времени хранилась статуя, воздвигнутая в честь одного еврея, который отличился тем, что во время Тридцатилетней войны, когда город осаждали шведы, ухитрился отлить такие пули, которые неизменно попадали в цель⁴⁶. Колыбельные песни, которые у европейских крестьян почти не изменились за последние несколько веков, доносят до нас средневековое поверье, согласно которому евреи могут превращаться в кошек⁴⁷.

Астрология — «основополагающая доктрина средневекового мировоззрения», как охарактеризовал ее известный историк науки Линн Торндайк, а также ее сестра, псевдонаука алхимия, в эпоху средневековья захватили умы всех, кто обладал интеллектуальными способностями, достаточными для того, чтобы подвизаться на этом поприще. Поэтому не удивительно, что в средневековых документах мы встречаем многочисленные ссылки на астрологов евреев, тем более что последние славились обширными познаниями в этой области, особенно на юге Европы, где они часто были придворными астрономами у высокопоставленных прелатов и вельмож. И все же, как полагает Торндайк, несмотря на высокую репутацию евреев в сфере астрологии, их едва ли можно поставить рядом с арабами, «последователями халдеев и законными наследниками их искусства распознавать судьбу по звездам»⁴⁸.

Алхимия также считалась традиционным занятием евреев, невзирая на тот факт, что число известных нам алхимиков евреев ничтожно, а среди нескольких тысяч книг по алхимии евреи не могут похвастаться ни одним мало-мальски оригинальным сочинением. (Безусловно, евреи были знакомы с алхимией, но ее популярность ограничивалась пределами Европы.) Работу воображения, в котором устанавливалась прочная ассоциативная связь между евреями и алхимиками, облегчал тот факт, что алхимия рассматривалась в качестве одного из разделов магии: так, в 1345 г. алхимик еврей с острова Мальорка*** был

охарактеризован как «*magnus experimentator et nigromanticus*»⁴⁹. Среди евреев южной Европы насчитывалось всего несколько adeptов этой науки, а в ее северной части не было известно ни одного. Основателем иудео-христианской секты в Новгороде, которая, возникнув в 1470 г., чрезвычайно разрослась и приобрела приверженцев в Москве (пока это движение не было жестоко подавлено в 1504 г.), был еврей по имени Захария. Ему приписывали обширные познания в алхимии и черной магии, посредством которой, как утверждала русская церковь, он совратил с пути истинной веры немало христиан⁵⁰. В середине XVI столетия в Германии было всего три алхимика еврея, причем ни один из них не пользовался каким-либо авторитетом у своих коллег христиан⁵¹. Пражский раввин Иегуда Лёв (1523—1609) в европейской оккультной традиции также считается алхимиком. Сохранились упоминания о том, что 16 февраля 1592 г. император Рудольф II, страстно увлеченный поисками «философского камня», удостоил раввина аудиенции и беседовал с ним о тайнах «Великого Делания». Однако эти сведения не подтверждены никакими документами, а биограф Иегуды, Натан Грюн, показывает, что тот не интересовался алхимией и не обладал какими-либо серьезными познаниями в этой области⁵².

Заслуживает упоминания следующий курьезный факт: Лютер призывал курфюрста Иоахима II Бранденбургского не слишком доверять евреям, которых тот держал при своем дворе, на том основании, что последние куда больше смыслят в алхимии, чем в возложенных на них обязанностях. Дело в том, что по иронии судьбы как раз Иоахим II, который постоянно нуждался в деньгах и надеялся пополнить казну с помощью «искусства трансмутации», учредил при своем дворе алхимическую лабораторию, где трудились ведущие представители этой отрасли знания. Среди них не было евреев, а если последние и играли хотя бы косвенную роль в деятельности по добычанию золота, то она сводилась к тому, что еврей Липпольд, финансовый агент и поверенный в делах курфюрста периодически должен был покрывать расходы, связанные с содержанием лаборатории⁵³.

Лютер, как и многие его современники, отождествлял алхимиков с евреями. В конце концов, разве основные труды, трактующие вопросы тайного знания, не приписывались Аврааму, Адаму, Моисею и Соломону? Разве средневековые алхимики не шеголяли такими авторитетными именами (которые

они, конечно же, присвоили), как Давид, Илия, Исая, Иезекииль, Безалеэль, Захария, Малахия, Даниил, Эзра, Иов? Разве Мария Иудейка не почиталась алхимиками как наиболее осведомленная в тайнах магии? Уже в начале XI века алхимики христиане признали каббалу источником их знаний. В XVI веке между этими учениями установилась настолько тесная связь, а почерпнутые из них образы и представления стали так популярны, что их названия стали употребляться в качестве синонимов. Даже символика «философского камня» включала в себя изображение звезды Давида и надпись на древнееврейском языке. С учетом вышеизложенного становится ясно, почему никого не смущал тот факт, что реальная доля участия евреев в алхимических опытах приближалась к нулю. Так что Лютер всего лишь разделял убеждения большинства, которое не допускало на этот счет каких-либо иных мнений.

Репутация евреев — знатоков драгоценных и полудрагоценных камней — также была весьма высокой. Средневековая Европа живо интересовалась сверхъестественными оккультными свойствами драгоценных камней, по поводу которых даже велись жаркие дебаты. Теологов особенно волновал вопрос об источнике этих чудесных свойств: были ли камни наделены ими по божественному произволению либо они обладали ими от природы? Евреи, которые в раннее средневековье занимали ведущую роль в торговле драгоценными камнями, считались посвященными в тайны их магических свойств. Конрад фон Мегенберг, перечисляя в своей «Книге Природы» чудесные силы, скрытые в камнях, опирается на авторитетные труды «величайшего еврейского учителя» по имени Tethel. «*Christianos fidem in verbis, Judaeos in lapidibus pretiosis, et Paganos in herbis ponere*» («Христиане верят в слово, евреи полагаются на драгоценные камни, а язычники — на свойства трав») — гласит популярная в ту эпоху поговорка, которую перефразировал Гёте в десятой балладе «Рейнеке-лиса»: «*Und auf Krauter und Steine versteht sich der Jude besonders*»****. Однако, как отмечает Steinschneider, «в еврейской средневековой литературе едва ли найдутся серьезные исследования, посвященные этой теме (...)» те же, что имеются, написаны гораздо позднее и не отличаются оригинальностью, поскольку представляют собой компиляции на основе нееврейских источников»⁵⁴.

И, наконец, средневековые источники часто упоминают о том, что евреи специализировались в изготовлении и распространении волшебных амулетов. Чудесные свойства последних

характеризует распространенная легенда, которую приводит в своем сборнике Шудт⁵⁵. Христианин купил у еврея амулет, с помощью которого надеялся укротить непокорного жеребца; хозяин коня не обманулся в своих ожиданиях, и амулет исправно служил ему много лет; однако, когда его раскрыли, в нем обнаружилась надпись на древнееврейском языке следующего содержания: «Владелец коня будет принадлежать дьяволу до тех пор, покуда конь стоит смирно и сносит удары хлыста!» В Кастилии популярна легенда о том, как Педро I стал жертвой ревности своей любовницы, Доньи Марии де Падильи. Последняя подарила ему пояс, который предварительно заколдовал казначей короля, некий Самуэль Галеви. Когда Педро I надел его перед приемом во дворце, пояс «на глазах придворных превратился в огромного змея, каковой обвил тело короля к вящему ужасу всех, кто лицезрел происходящее»⁵⁶. Интересно отметить, что обвинения в тайном переходе в иудаизм, которые испанская инквизиция предъявляла марамам, часто были основаны лишь на том, что подозреваемые носили на шее еврейские амулеты, как будто последние были необходимой чертой еврейского ритуала и без них невозможно было обойтись⁵⁷.

Известность, которую евреи приобрели в качестве изготовителей и распространителей амулетов, нередко становилась поводом для едких насмешек. Так, Лютер пересказывает популярный в его время анекдот о том, как еврей предложил графу Альбрехту Саксонскому купить амулет, который, по словам еврея, делал его владельца неуязвимым для любого оружия. Граф Альбрехт принудил еврея продемонстрировать ему чудесные свойства амулета: он повесил его на шею еврею и пронзил его мечом⁵⁸.

В еврейской хронике XVII века ***** сохранился рассказ о трагическом эпизоде, который служит ярким примером того, какого рода выгоду можно было извлечь евреям из популярных среди христиан суеверий, воспользовавшись репутацией магов и колдунов. В 1648-1649 гг., когда на Украине бесчинствовали банды Богдана Хмельницкого, во время погрома в городке Немирове казак похитил еврейскую девушку с явным намерением ее обесчестить. Однако та предпочла иную участь. Она предложила злодею такой же амулет, как в анекдоте, который пересказал Лютер. «Если не веришь, — сказала она казаку, — испытай амулет на мне. Стреляй, и увидишь, что я останусь жива и невредима». Доверчивый похититель, не сомневаясь в правдивости слов девушки, выстрелил в нее в упор, «и она упала замертво, прославив имя Б-жье и сохранив чистоту. Да

смиляется Б-г над душой ее!» Так завершает свой рассказ благочестивый хронист, описавший одну из самых кровавых страниц еврейской истории⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Магические папирусы» — записанные на папирусе греческие и коптские тексты «магического» содержания, в частности различные заклинания. Были обнаружены европейскими учеными в Египте в 1880 г. (см. Дойель Л. Завещанное временем. — М., 1980).

** См. Бенвенуто Челлини. Жизнь Бенвенуто Челлини. — М.: Художественная литература, 1989. Гл. LXIV. С. 146-147.

*** Мальорка — один из Балеарских островов, которые входят в состав Испании.

**** В десятой Песне Рейнеке рассказывает королю о волшебном перстне:

Тыльную сторону перстня, что самого пальца касалась,
Всю испещрил письменами гравер и залил их эмалью:
Те письмена составляли три слова еврейских с особым,
Тайным значением. У нас их никто б не прочел и не понял.
В них только Абрион, мастер из Трира сумел разобраться.
Это — ученый еврей, что все языки и наречья
\...\ / постиг в совершенстве.
В травах же и в драгоценных камнях
он знаток несравненный.

См. Гете. Собр. соч. В 10 тт. Т.5. С. 498 // пер. Л.Пеньковского.

***** См. Натан Ганновер. Пучина бездонная // Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничины». — Москва-Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 99-100.

Глава 5. ЕВРОПА ОТКРЫВАЕТ КАББАЛУ

В силу какого-то необъяснимого парадокса конец эпохи средневековья ознаменовался необычайным оживлением типично средневековых представлений о евреях. Из самой колыбели Ренессанса, в момент его расцвета, пришло наиболее авторитетное суждение, в котором недвусмысленно выразилась позиция христиан в их отношении к евреям.

«Однако хуже всего то, что они своими сатанинскими наваждениями, предсказаниями будущего, магией, волшебой и ведьмовством совращают с пути истинного многих безрассудных и малодушных христиан, внушая им суетную веру в то, что грядущие события можно распознать посредством гадания, что украденное имущество можно получить обратно, сокрытые в земле клады успешно отыскивать и многое из того, что безвозвратно утрачено, обрести вновь». Этими словами папа Пий V сопроводил изданный им в 1569 г. указ об изгнании евреев из всех городов и земель папской области, за исключением Рима и Анконы¹.

Пий V объяснял свое решение повальным ростом заинтересованности широких кругов населения Италии в магической практике, которой якобы занимались одни лишь евреи. В этой связи у любого историка естественно возникает немало вопросов. В какой мере на интерес к еврейской магии повлияло знакомство с сочинениями вновь открытых античных авторов (вспомнить хотя бы Ювенала, который в ярких красках живописал предсказателей евреев, занимающихся своим ремеслом на Аппиевой дороге, ведущей в Рим), а также какую роль сыграло здесь засвидетельствованное в источниках почти повсеместное распространение магических практик, и, что особенно важно, насколько дошедшие до нас сведения отражали действительное положение вещей. Евреи, безусловно, извлекали выгоду из навязанной им репутации магов и предсказателей, ибо слишком велико было искушение воспользоваться этим в обществе, где платили немалые деньги за ворожбу, составление любовных напитков и медленно действующих ядов, а уважение мог обрести лишь тот, кто обладал властью и внушал страх. Поэтому даже незначительная доля участия евреев в торговле магическими препаратами и снадобьями была достаточной для того, чтобы в глазах христиан их репутация магов оставалась на должной высоте. В Риме XVI столетия еврейские женщины были по общему признанию непревзойденными мастерицами по части изготовления всевозможных косметических средств,

которые пользовались огромным спросом как у прекрасных дам, так и у стареющих матрон. Однако занятия такого рода были недалеко от магии, ибо для успешного производства чудодейственных мазей и кремов подчас требовались самые экзотические ингредиенты, не говоря уже о заклинаниях, гарантировавших требуемый эффект. Пьетро Аретино писал, что римские блудницы, которые «пытались усилить свою привлекательность с помощью магических средств, не поддающихся никакому описанию», заимствовали это умение у некой еврейки, обладавшей всеми магическими аксессуарами (*malie*). Целиком полагаясь на такого рода свидетельства современников, историк Рима Фердинанд Грегоровиус отмечает, что «еврейские женщины предсказывали будущее в домах знати и под покровом ночи варили приворотное зелье для томных красоток»².

Рассказы о еврейской магии зачастую носили совершенно нелепый и фантастический характер. Герой комедии Лудовико Ариосто, еврей, изгнанный вместе со своими соплеменниками из Испании, притворяется могущественным волшебником. Он похвастается тем, что может «силой заклинаний омрачить свет дня и осветить мрак в темную полночь, становиться невидимым и превращать людей в животных». Этот комичный персонаж убеждает простаков в том, что способен вызывать духов и беретса заставить покойника заговорить. В фантастических историях Ортензио Ланди, в которых часто фигурируют два мага, еврей, и сицилиец, мы встретим целое нагромождение чудес: волшебное зеркало, отвечающая на вопросы голова мертвеца, птицы, силой магии остановленные в своем полете, и пр.³. Когда для завязки сюжета требовался колдун, фигура еврея всегда приходилась кстати. Поэтому указ Пия V возник не на пустом месте: он выражал настроения, преобладавшие среди масс не только в Италии, но и во всей Европе.

В это столетие перед христианами Европы открылись тайны каббалы. Вплоть до XVI века они лишь догадывались о том, что у евреев есть свое мистическое учение. Хотя некоторые европейские адепты оккультных наук и утверждали, что их магические прозрения инспирированы каббалой, в действительности мало кто из них хорошо знал древнееврейский язык, чтобы приобрести глубокие познания в сфере еврейской мистики. Растущий интерес к изучению древнееврейского языка — одна из характерных черт эпохи Ренессанса — способствовал тому, что постепенно перед любопытствующими взорами европейцев раскрылись некоторые страницы еврейской теософской системы. Пико делла Мирандола и Иоганн Рейхлин первыми

популяризировали в христианских кругах азы своих каббалистических познаний. Оба были убеждены, что их заслуга состоит не только в том, что они открыли высшую «науку о природе». Поскольку это открытие было сделано у евреев, оно стало окончательным подтверждением божественности Христа! Этот двойной интерес и побудил Пико делла Мирандолу и Рейхлина показать учение каббалы во всем его блеске перед новой, жадной до знаний аудиторией. Однако та каббала, которую в конце концов узнали европейцы, не имела ничего общего с каббалой евреев.

На периферии еврейской теософии занимало довольно скромное место магическое учение, о существовании которого неевреи долгое время почти ничего не знали. Это учение, которое было лишь приложением к основной доктрине, к «теоретической каббале», евреи называли «практической каббалой». Именно она, причем в теософском одеянии, пришлась христианам по вкусу, тем более что ее было сравнительно просто усвоить. Так «практическая каббала» стала для христиан ценным дополнением к астрологии и алхимии, чудесным магическим аппаратом. Очень скоро ее специфически еврейские элементы были поглощены иными, чуждыми, или настолько искажены, что остались еврейскими лишь по названию. Начиная с XVI века стали в огромном множестве появляться сочинения по новой, «христианской» каббале, которая окончательно утратила всякую связь с еврейской и стала развиваться в совершенно ином направлении. В этом новом качестве само понятие «каббала» стало синонимом магии⁴.

В эпоху средневековья евреев редко обвиняли в занятиях магией, поскольку в качестве предлога для гонений широко использовались другие обвинения, — отравления, ритуальные убийства, уничтожение и осквернение гостии и пр., которые представлялись христианам достаточно убедительными для того, чтобы дать выход своей ненависти. Но в эпоху Реформации, когда стала очевидной несостоятельность и нелепость подобных наветов, а приверженцы каббалы уже успели охладеть к ее волнующим откровениям, обвинения евреев в магии вновь стали набирать силу.

Шудт рассказывает, как в 1551 г. герцог Кристофер Вюртембергский жестоко притеснял евреев и в конце концов приказал им покинуть его земли, ибо «все они суть явные колдуны»⁵. Подобные обвинения вскоре настолько участились, что стали главной угрозой для существования еврейских общин. Это подтверждают акты Ваада (Vaad), Совета литовского еврейства, первое заседание которого состоялось в 1623 г. В 1637 и в 1647 гг.

Ваад издавал постановления, согласно которым издержки, связанные с обвинениями евреев в занятиях магией (то есть денежные компенсации христианам за ущерб, якобы причиненный им в результате еврейского колдовства, и также вспомоществования пострадавшим еврейским общинам), должны нести все литовские евреи, а не только та община, которая будет наказана и подвергнется гонениям. В 1681 г., когда эти обвинения продолжали сыпаться на евреев с прежней силой, а бремя компенсаций стало непосильным для общин, истощенных набегами банд Хмельницкого, а отчасти истребленных во время кровавых погромов, Ваад обратился за поддержкой в Совет Польского Еврейства (знаменитый «Совет четырех земель»), призывая польских евреев возложить на себя часть бремени компенсаций⁶. Эти документы служат очевидным доказательством возобновившихся с небывалой силой преследований евреев по обвинению в колдовстве, а также свидетельствуют о массовой антиеврейской пропаганде.

Когда Лютер поносил евреев за их суеверия и пристрастие к магии, подлинной мишенью его нападок была новоиспеченная каббала⁷, поскольку авторы новых книг по магии, которых становилось все больше, похвалялись тем, что источником их инспирации было еврейское мистическое учение⁸. Когда гонения на евреев по обвинению в колдовстве особенно ужесточились, а папа дал официальное выражение антиеврейским настроениям в своем указе, причиной преследований евреев опять же была христианская версия каббалы. На фоне этих событий только оголтелый юдофил мог усомниться в правдивости упорных слухов о том, что морская экспедиция Карла V, который в 1542 г. воевал с Алжиром, не удалась по вине мага еврея. (Последний устроил на море страшную бурю, причинившую непоправимый ущерб императорскому флоту, и затея Карла V провалилась.)⁹ Известно, что Парацельс разрабатывал план создания гомункулуса с помощью методов алхимии. Он не сомневался в успехе своего предприятия: ведь каббала раскрыла перед ним свои тайны! Шудт доверительным тоном сообщает о том, что «польские евреи и по сию пору большие умельцы в такого рода делах, они часто изготовляют “големов”» (гомункулусов. — *Дж. Т.*), каковых держат в своих домах наподобие кобальдов, либо домашних духов и используют их для всяких домашних работ»¹⁰.

Каббала и в наш просвещенный век осталась излюбленным объектом изучения у христианских псевдомистиков и доморощенных магов. А в силу того что этот термин, как и прежде, служит для обозначения еврейского теософского учения, евреев

продолжают поносить как отъявленных колдунов: давняя традиция антиеврейских наветов жива, и виновность евреев во всех злоумышлениях наконец-то полностью доказана!

Ввиду вышеизложенных фактов естественно предположить, что документы средневекового судопроизводства — как светского, так и церковного — представляют богатейший источник информации по интересующему нас вопросу. Церковь и государство жестоко искореняли магию, и до нас дошло бесчисленное множество отчетов о процессах над прорицателями и колдунами, особенно в эпоху яростной охоты на ведьм. Если евреи действительно отличались злостной склонностью ко всякого рода чародейству, как в этом нас стараются убедить средневековые источники, то среди злодеев, осужденных за волшебство и понесших наказание, должны преобладать лица еврейского происхождения. Однако если наше предположение представляется вполне разумным и логичным, то факты в данном случае явно противоречат логике. В огромной литературе по интересующей нас теме я подобрал несколько наиболее ярких примеров обвинения евреев в занятиях магией. Этот перечень отнюдь не претендует на полноту, но я уверен, что даже самый дотошный исследователь едва ли сможет убедить нас в том, что среди колдунов и волшебников были сплошь одни евреи, составлявшие ничтожно малый процент от общего числа осужденных¹¹.

Самое раннее упоминание о евреях, обвиненном в колдовстве, датируется 637 г.: некий Даниэль из Саламиса был сожжен заживо за то, что занимался чародейством¹²; к сожалению, не сохранилось никакой информации о том, в чем конкретно его обвиняли. Затем, на протяжении почти пяти столетий не зафиксировано ни одного обвинения евреев в магии. Следующий случай датируется 1131 г., когда евреи Лондона должны были уплатить штраф в размере 2000 фунтов «за то, что умертвили немощного и болящего». 2000 фунтов — огромная сумма, явно не соответствующая штрафам, которые обычно взыскивались за такого рода преступления (для сравнения: за «убитого еврея» взималось всего 20 шиллингов). Поэтому я присоединяюсь к мнению Джозефа Джекобса, который полагает, что скорее всего «здесь имело место обвинение в магии»¹³. Если приведенный пример кому-то покажется сомнительным, напомню, что мой список и так слишком краток, поэтому не приходится быть слишком придирчивым в подборке материала.

Нижеперечисленными отчетами мы обязаны усердию и тщательности, с которыми отправляла правосудие испанская инквизиция. В 1352 г. Моше Порполер из Валенсии был оштрафован

за то, что он вместе с несколькими соплеменниками пытался с помощью магии вернуть украденные вещи; от полной уплаты довольно крупной суммы его освободил король Педро IV Арагонский. Четверть века спустя преемник последнего на троне, Хуан I, аннулировал решение инквизиции, согласно которому трех евреек из Теруэля оштрафовали по обвинению в колдовстве. Их магические операции, целью которых было вернуть украденные вещи (как и в первом случае), заключались в следующих таинственных действиях: они ходили по улицам еврейского квартала, разматывая клубки тонких ниток, потом заманили в уединенное место и похитили одного из своих соплеменников, после чего отправились к городской тюрьме и накормили нескольких узников кушанием, которое было особым образом приготовлено, и, наконец, спрятали концы размотанных клубков при входе в синагогу и на еврейской бойне¹⁴. Неясно, что побудило короля заступиться за них: личная вражда с инквизитором, тонкий расчет, истинное благородство? Тем более что, судя по всему, эти женщины действительно были виновны в том, в чем их обвиняли. (К счастью, наше суждение уже не сможет принести им никакого вреда.) Описанные подробности их магических действий не производят впечатления чего-то надуманного, поскольку в ту эпоху подобного рода колдовством широко пользовались как евреи, так и неевреи.

В 1393 г. Якоб Фасан, еврей из Мурвиедро, предстал перед судом инквизиции по обвинению в том, что он оказывал поддержку крещеным евреям, поощряя их в тайном обращении в иудаизм. Кроме того, он с помощью колдунов (предположительно евреев) пытался выяснить причины болезни своей дочери¹⁵, что также вменялось ему в вину. В 1451 г. в на Сицилии, в Мессине была приговорена к тюремному заключению еврейка по имени Гемма за несколько проступков, связанных с применением магии (*nonnullis criminibus artis magice*)¹⁶; а в 1485 г. инквизиция обвинила испанского еврея Хуана де Талавера в том, что он занимается магией¹⁷. Несколько лет спустя маран Гиллермус Раймундус Эсплюгес из Валенсии признался суду инквизиции в том, что практиковал *Negromancia*, хотя на основании свидетельских показаний его вина состояла лишь в том, что он приобрел волшебный амулет у врача еврея, чтобы облегчить жене роды, после чего передал этот амулет другой женщине. Как бы то ни было, дома у Эсплюгеса нашли книги по алхимии, и для его обвинителей этого было достаточно¹⁸.

Заслуживает внимания дело обращенного еврея, Иоганна Пфефферкорна, казненного в Галле в 1514 или 1515 г.¹⁹ (Некоторые путают его с крещеным евреем, носившим то же имя,

чьи споры с Рейхлином по поводу Талмуда вошли в историю.) Согласно протоколам допросов Пфедферкорн сознался, что украл «беса, заключенного в фиале» у одного христианского священника (!) из Франконии, после чего проделывал с помощью этого нечистого духа много магических трюков, пока не продал его за 5 гульденов. Но этим список его прегрешений не исчерпывается. Подсудимый рассказал, что отравил многих христиан, несколько раз выкрадывал из церкви освященную гостию, а также похитил двоих детей. Одного ребенка он продал евреям, чтобы те воспользовались его кровью для своих тайных ритуалов, а другого отпустил, «ибо он имел рыжие волосы»! Скорее всего Пфедферкорн был типичным преступником своего времени, и к тому же слегка помешанным, если исходить из тех скудных сведений о нем, которые нам доступны.

И это почти все! Осталось рассказать лишь о знаменитом деле монетного мастера Липпольда. Процесс над ним позволяет нам словно через замочную скважину во всех подробностях увидеть неприглядную картину: как ненавистного еврея побивают все той же дубиной обвинения в колдовстве²⁰.

Монетный мастер Липпольд на протяжении нескольких лет служил у курфюрста Иоахима II Бранденбургского. Он был его казначеем и доверенным лицом и не только вел его денежные дела, но и выполнял поручения более деликатного свойства. Влияние Липпольда на своего господина было столь велико, что в конце концов удачливого и дерзкого еврея возненавидели не только все придворные и члены семьи самого курфюрста, но и его единоверцы. Однако, даже если чрезмерная самоуверенность Липпольда и заслуживала справедливого порицания, он не заслужил столь ужасной участи, которую ему уготовили.

Буквально через несколько дней после смерти Иоахима II, последовавшей 3 января 1571 г., его преемник распорядился арестовать Липпольда, обвинив его в растрате и воровстве, позднее присовокупив к этим обвинениям еще и отравление курфюрста. Тщательно проведенное дознание не обнаружило за ним никакой вины, и вскоре Липпольда освободили, установив за ним тайную слежку. Наконец, почти два года спустя, всплыли сведения о некой «чародейской книге» и дело приобрело роковой для Липпольда оборот. Соглядатаи подслушали перебранку Липпольда с женой, которая, перечисляя все его подлости и прегрешения, упомянула о «книге по магии», которую Липпольд держал в доме. (Сделала ли она это по оплошности или же была подкуплена, так и осталось неясным.) Как бы то ни было, но ее слова стали причиной гибели Липпольда: когда на него пало подозрение в колдовстве, участь его была пред-

решена. Дом старательно обыскали и пресловутое сочинение было найдено — небольшой трактат по каббале на еврейском языке (его название даже не фигурирует в документах), из тех, что были тогда в ходу у евреев. Говорилось ли в нем о «магии» — сейчас уже не важно, как, впрочем, было не важно и тогда. Достаточно того, что это была книга по каббале. Липпольда подвергли «обработке», но некоторое время он не сдавался и упрямо все отрицал. Наконец, 16 января 1573 г. он «сознался», причем добровольно (*in der guthe*), как следует из протокола очередного допроса, хотя из последующих документов мы узнаём, что «он также обратился с просьбой избавить его от пыток, ибо и так поведает обо всем, что хотят у него узнать».

Подробности признания Липпольда²¹ представляют собой типичный набор штампов, характерных для средневековых процессов над ведьмами и колдунами. К тому же он прекрасно знал, чего от него хотят инквизиторы, и был подготовлен к тому, чтобы полностью удовлетворить их ожидания. Он признал, что при помощи магии успешно осуществил несколько преступных замыслов против известных лиц. Прибегая к заклинаниям, он призывал дьявола, который предстал перед ним один раз под видом черного пса, а в другой раз — в человеческом облики. Липпольд заключил с ним договор и поднес ему «приношения», взятые «с тела, с головы и частички состриженных ногтей», после чего насылал «злобу дьявольскую» на некоторых людей, причиняя им всевозможные страдания, неприятности, несчастья, болезни и смерть. Кроме этого, он внушил одной супружеской паре взаимную неприязнь и отвращение друг к другу во время брачных отношений, разжег похоть у мужчины и женщины, которые не состояли в браке, распространял рецепты приворотного зелья и изготовил волшебный ключ, который открывал все замки и даже засовы.

«Далее в ходе дознания: коль скоро он еврей и по самой своей природе не благорасположен к христианам и опять же, коль скоро христиане в свою очередь отнюдь не питают ни малейшей приязни к евреям, то пусть ответит, не содержала ли названная книга тех либо иных способов того, как обрести благоволение в глазах честных людей; на что он отвечал, да, содержала, и были в ней описаны хитроумные приемы, с помощью коих обреталось благоволение в глазах всякого человека». Так Липпольд признался в том, чего от него и добивались: что он пользовался магическими средствами, чтобы войти в доверие к курфюрсту и завоевать его расположение и покро-

вительство. Не мог же, в самом деле, курфюрст подружиться с евреем и полностью полагаться на него без вмешательства потусторонних сил²¹!

В последнем пункте своего признания Липпольд сообщал о том, как с помощью магии он отравил своего господина.

После дознания, проведенного трибуналом инквизиции, его подвергли жестоким пыткам, чтобы удостовериться в истинности его показаний, и когда Липпольд снова подтвердил каждый пункт своего признания, его вину сочли окончательно доказанной. Этот документ был взят за основу на суде, который произошел 26 января. Когда Липпольду предложили принять крещение (иногда это давало шанс избежать смертной казни), он в самом конце отказался, предпочитая «умереть в своей вере благочестивым евреем». В соответствии с принятой в средневековые юридической процедурой от него снова потребовали сделать признание. Однако на этот раз упрямый еврей стал все отрицать и заявил суду, что «согласился признаться во всем, дабы избежать мучений». Но он не рассчитал своих сил и на дыбе, когда «лопнули жилы на шее и обильно потекла кровь», сдался и снова признался во всех перечисленных преступлениях. Липпольда казнили в Берлине, причем таким варварским способом, который даже по тем временам считался необычайно жестоким. Когда его внутренности сожгли вместе со злополучной «книгой по магии», из огня — как уверяли очевидцы — выпрыгнула огромная мышь, в которой толпа распознала дьявола и увидела в этом знаке окончательное подтверждение вины злобного еврея.

После казни Липпольда все евреи, которые были подданными курфюрста, также сполна заплатили за «преступление» своего единоверца. Их стали преследовать как врагов общества, а в итоге, после конфискации их имущества, изгнали из владений курфюрста. Так грехи Липпольда, фаворита Иоахима II, были с лихвой искуплены.

Перечисленные случаи исчерпывают официально засвидетельствованные сообщения о евреях, обвиненных в занятиях магией. Да, но ведь были еще и процессы над ведьмами! Может быть, здесь в полной мере обнаружилась вовлеченность евреев в служение силам зла? Бедняга Иоганн Шудт! Ему было явно не по себе, когда пришлось столкнуться с этим шекотливым вопросом. Не помогли старательно собранные предания и легенды, на примере которых он хотел лишний раз подтвердить, что евреи — известные на весь свет маги и чародеи. Ибо в конце концов ему пришлось спросить себя: насколько его уверенность согласуется с фактами? Шудт с некоторым смуще-

нием был вынужден признать, что «в трудах, посвященных процессам над ведьмами, не часто можно найти ссылки на евреев и евреек, они не упоминаются в числе осужденных, а также против них не имеется свидетельств, согласно коим они также участвовали в сборищах колдунов или же заключали договор с дьяволом». Ну что ж, с фактами не поспоришь! Однако Шудт попытался дать этим фактам свое объяснение: «Евреям не было нужды заключать союз с силами зла посредством договора, как поступали прочие чародеи, поскольку магия их каббалы — не что иное, как дело рук Сатаны»²⁴.

Среди нескольких тысяч документированных процессов над ведьмами за период в несколько столетий усилиями современных исследователей был обнаружен один случай — «по всей вероятности, единственный» — когда перед судом предстала еврейка и ее вина была доказана²⁵. В 1669 г. в Гессене некая Голда, которая была дочерью Кайафы из Келля и женой Реувена из Трейса, подожгла свой дом с целью спалить дотла всю деревню. Представ перед судом, она не только призналась в этом намерении, но поведала судьям, что продала душу дьяволу, блудодействовала в юности с булочником, что мать прокляла ее, когда она была еще во чреве, а она впоследствии отплатила матери тем, что наслала на нее смертельное заклятие. Это — самый непримечательный пример суда над ведьмой из всех процессов, которые нам известны. Осужденную заточили в башню в Марбурге, однако вскоре ее признали невиняемой и освободили. Здесь перед нами типичный пример того, как повсеместно распространенные рассказы о ведьмовстве будоражили воображение бедолаг вроде Голды, приводя к столь печальным последствиям.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Голем (*ивр.* — бесформенная масса). Согласно средневековой еврейской легенде, голем был вылеплен из глины и оживлен с помощью каббалистических заклинаний. Голем лишен души, не обладает даром речи и во всем подчиняется данным ему приказам. Однако он может выйти из-под контроля, и тогда он превращается в слепую разрушительную силу. Самое раннее упоминание о големе встречается в раввинистическом комментарии на библейский рассказ о сотворении человека: «Когда Святой, благословен Он, пожелал создать мир, он начал творение с первого человека, но создал его неодушевленным (големом)... Он поставил его на ноги, огромную бесформенную массу» (Брешит Рабба, 8,1).

Глава 6. МАГИЯ И МЕДИЦИНА

Как мы видим, обвинения евреев в занятиях магией были крайне редкими и носили случайный характер. Их источником было представление о евреях, которое сформировалось в христианском мире в средние века, но совершенно неверно утверждать, что, напротив, представление о евреях складывалось под влиянием этих обвинений. Необходимо подчеркнуть следующее: существенной чертой страха христиан перед евреями и их колдовством было то, что он проявлялся по отношению ко всему еврейскому народу, а не к отдельным его представителям. Хотя этот страх не был основан на каких-либо фактах, он, как мы заметили, тем не менее прочно владел умами христианских масс. Ибо евреи — чародеи и колдуны по определению, поэтому, что бы они ни делали, вызывало подозрения.

Свидетельства еврейских источников той эпохи, показывающие трагическое положение европейского еврейства, дополняют и без того впечатляющую картину, которая складывается в процессе изучения христианских документов. Не имея ни малейшего представления об иудаизме, христиане готовы были усмотреть угрозу зловредной еврейской магии в самых безобидных обрядах, которые в силу своей чужеродности вызывали у них неприязнь и подозрение. Так, например, обычай (кстати сказать, заимствованный у христиан) бросать после похоронком земли через плечо навлек обвинения в колдовстве, ибо, как сообщает еврейский хронист, христиане сочли, что это делалось специально для того, чтобы «навести на иноверцев магические чары, дабы их погубить». Этот инцидент, имевший место в Париже в начале XIII века, мог грозить евреям серьезными последствиями, если бы не раввин Моше бен Йехиэль, которому удалось убедить короля в том, что обычай носит абсолютно безвредный характер. Омовение рук после посещения кладбища также возбудило подозрения в колдовстве и привело к кровопролитию¹.

В конце концов бремя этих обвинений стало невыносимым, и средневековые раввины были вынуждены (очевидно под давлением еврейской общественности, обеспокоенной ужесточавшимися преследованиями) отменить некоторые ритуальные действия или, по крайней мере, предписать крайнюю осторожность при их совершении. «Коль скоро мы живем среди иноверцев и держим в своих домах слуг-иноверцев, нам следует быть настороже, как бы они не заявили, будто все это магия»,

— предостерегал еврейский автор XIII века. Это предупреждение впоследствии часто повторялось, причем почти буквально, и это заставляет сделать вывод о том, что угроза обвинений в занятиях магией постоянно тяготела над европейским еврейством. Что касается упомянутого обычая бросать за спину ком земли после похорон, то, «хотя многие и отказались от него из страха, что иноверцы обвинят их в колдовстве», обычай тем не менее сохранился, и авторитетные раввины не узаконили его отмену. Однако в некоторых случаях побеждал страх. По этой причине обычаи «обвязывать голову» во время оплакивания умерших и «переворачивать кровать» были отменены¹.

В талмудическую эпоху тот же самый страх побудил раввинов издать распоряжение о том, что глава семьи освобождается от обряда «поисков хамеца» в канун еврейской Пасхи, если семья живет поблизости от иноверцев. В средние века этот обряд не раз становился предметом жгучих споров, ибо многие требовали его окончательного упразднения, поскольку даже в стенах жилища «поиски хамеца» стали небезопасны, ибо — как свидетельствуют источники — «работают в наших домах служанки из иноверцев», а они могли поднять тревогу. В Провансе евреи отказались от ритуального очищения принадлежавшей общине печи перед приготовлением мацы к еврейской Пасхе ввиду того, что «иноверцы могли усмотреть в этом колдовство»². Мы также узнаем о том, что ягненка, который был умерщвлен с соблюдением всех предписаний, разрезали и тайно закапывали по частям, «дабы об этом не проведали иноверцы и не обвинили нас в чародействе»³. Эти меры были вынужденными, ибо евреями двигал страх перед тем, что они восстаноят против себя своих подозрительных соседей христиан.

Когда в домах евреев вспыхивал пожар, они не могли рассчитывать на чью-либо помощь и сострадание, поскольку толпа считала их колдунами, насылающими пагубу на христиан, и видела в постигшем их несчастье лишь справедливое воздаяние, которое незамедлительно следовало за их преступными действиями. В те дни огонь моментально распространялся по деревянным строениям, и, если где-нибудь вспыхивал пожар, он грозил охватить весь город. Но вся ответственность с таким упорством неизменно взваливалась на евреев — ибо целые общины периодически подвергались разорению и изгнанию даже в том случае, когда пожар начинался не в еврейском квартале, — что мы не можем приписать это обстоятельство исключительно алчности и ненависти толпы. Если христиане утверж-

дали, что вина за поджог целиком ложится на чародеев, подстрекаемых дьяволом, то евреи не могли быть избавлены от подозрений, ибо все знали об их преступном намерении — уничтожить христианский мир любыми средствами. Поэтому раввины той эпохи отличались необычайной терпимостью к нарушениям запрета тушить огонь в субботу и в День Избавления, «ибо речь идет о жизни и смерти, коль скоро иноверцы обвиняют и преследуют нас»⁵.

Случай, имевший место в Деггендорфе (Бавария) в 1337 г., служит яркой иллюстрацией того, с какой легкостью на евреев взваливали вину за пожар. После того как местных евреев обвинили в осквернении гостии, озверевшая толпа напала на еврейский квартал, разрушила и подожгла его. В результате загорелся весь город. Однако, когда через некоторое время в память об этом событии построили церковь, соответствующая надпись при входе в нее гласила:

В год 1337, в сентябре, после Михайлова дня
на сем месте убивали евреев:
ибо они подожгли весь город⁶.

Едва ли нужно удивляться тому, что евреи приобрели репутацию поджигателей, поскольку они, как утверждает Шудт⁷, постоянно совершенствовались в магических приемах тушения огня. То, что он стремится принизить их достижения в этой области, показывает, насколько в средневековом сознании была укоренена вера в способность евреев с помощью магии тушить пожар, что вызывало у христиан не меньшие опасения, чем приписываемое евреям умение при желании устроить пожар теми же средствами. Они несли наказание и за то, и за другое, и у раввина Нафтали бен Ицхака из Франкфурта было достаточно времени в тюремной камере для размышлений о жестокой судьбе евреев. Горожане полагали, что он знал магические заклинания, усмирившие пламя, но случилось так, что в его доме вспыхнул пожар, в результате чего сгорела значительная часть еврейского квартала. Раввина приговорили к тюремному заключению за то, что он вызвал пожар в ходе своих магических опытов по тушению огня⁸.

Евреев неустанно преследовали за их пресловутые магические опыты. Но подчас христиане сами нуждались в эффективной магической помощи. Достаточно лишь небольшого знания человеческой природы, чтобы понять, с какой легкостью

порок превращался в добродетель, когда на карту было поставлено слишком многое. Ведь если евреи — опытные маги, то их искусство может не только вредить, но и помогать! Мы уже упоминали о том, что христиане неоднократно обращались к евреям, чтобы те благословили их хлеб на корню, невзирая на недовольство клира. Сохранился рассказ раввина Ицхака бен Моше из Вены (XIII век) о том, как однажды, будучи в Регенсбурге, он узнал о том, что «иноверец, обладавший в городе большим влиянием, тяжело болел и приказал некоему еврею доставить ему вина из того, что изготавливается и употребляется евреями, ибо иноверец страшился, что наверняка умрет, ежели не отведаст еврейского вина. И я разрешил тому еврею послать могущественному иноверцу вина, дабы его не прогневать, невзирая на то, что многие из общины на это не соглашались и противились моему распоряжению»⁹. Очевидно, тот христианин полагал, что еврейское вино включает в себе чудесные свойства, ибо евреи произносили над ним свои благословения. Было бы интересно узнать, насколько эффективным оказалось лечение, но Ицхак бен Моше ничего об этом не сообщает.

Мезуза (прикреплявшийся к дверному косяку пергамент с текстами из Торы) также вызывала подозрение у христиан и одновременно с этим была объектом их алчности. Евреи Рейнской области были вынуждены одевать специальные чехлы на свои мезузот, ибо, как сетует еврейский хронист XIII века, «иноверцы единственно из злобы и чтобы постоянно донимать нас, вскрывали ножами мезузот и разрезали пергамент». Однако это делалось не только «из злобы», но и по той причине, что у христиан этот предмет пользовался репутацией «магического». Еврейский автор XV века увещевает своих читателей прикреплять мезузот к своим дверям, даже если они живут в доме, хозяин которого — нееврей, и существует реальная угроза того, что он может обвинить их в колдовстве. Кроме того известно, что даже некоторые высокопоставленные христиане выражали желание обладать этими таинственными предметами. В конце XIV века архиепископ Зальцбургский попросил одного еврея, чтобы тот дал ему мезузу, ибо он хотел прибить ее к воротам своего замка, однако раввины, к которым еврей обратился за советом, отказались удовлетворить просьбу архиепископа¹⁰.

В сфере медицины от врачей-евреев, носителей тайн еврейской магии, тем более ждали всевозможных чудес. Согласно популярному представлению, демоны и колдовство часто были ответственны за многие болезни, в силу чего медицина счи-

талась законной вотчиной чародеев, а традиционный набор заклинаний и волшебных амулетов воспринимался в качестве привычного элемента фармакопеи средневекового лекаря. Себастьян Брант с полным правом мог написать эти строки:

Всему готов поверить тот,
Кто исцеленья страстно ждет,
А глупых суеверий зло
Чрезмерно ныне возросло.
Я б описал их, но облыжно
Признают книгу чернокнижной*.

Жак де Витри (Vitry) рассказывает характерную историю: когда папа тяжело болеет, его посещает Сатана *in specie* *medici*** и предлагает излечить его, но папа дает отпор дерзкому самозванцу, отвечая ему, что больше доверяет молитвам благочестивых вдов, нежели лекарствам¹¹.

В средние века вера христиан в могущество еврейских целителей была столь велика, что «Саксонское Зерцало»*** упоминает о том, как евреи получили привилегию «королевского мира» (то есть обещание покровительства). Она была дарована им на том основании, что «Иосиф некогда получил названную привилегию в дар от Веспасиана, в награду за то, что сына его Тита Иосиф исцелил от подагры»¹². Эта легенда была широко известна и встречается в тексте нескольких сборников германского права, служа объяснением, почему евреи пользуются протекцией и покровительством германских правителей, которые считали себя преемниками римских императоров и претендовали на то, что неукоснительно выполняют некогда данные ими обязательства.

Вера христиан в непревзойденное мастерство лекарей-евреев была отнюдь не беспочвенной. Ибо хотя врачи-евреи отчасти также — правда, в гораздо меньшей степени — разделяли бытовавшие в ту эпоху суеверия, они были наиболее авторитетными представителями научной медицины в средневековой Европе. Их глубокие познания в языках, в силу чего важнейшие книги по медицине, написанные на греческом и арабском, имелись в переводах на еврейский язык, их любовь к путешествиям и умение учиться, их свобода от веры в чудесные исцеления и священные реликвии, которую пропагандировала христианская церковь, и не в последнюю очередь тот факт, что их обширная медицинская практика шла рука об руку с высочайшей уче-

ностью и образованностью, — все это ставило их в более выгодную позицию по сравнению с их соперниками неевреями.

Парадокс состоит в том, что искушенность врачей-евреев в медицине того времени делала их в глазах толпы сведущими в тайнах волшебства, а всякое достижение в сфере практики лечения больных повышало их репутацию опытных магов. Осведомленность лекарей евреев в магии (чаще всего ее приписывали им христиане) производила на массы куда более сильное впечатление, чем их врачебное искусство. Поэтому неудивительно, что критерием в оценке их компетентности в качестве медиков служило их умение толковать сны или проделывать таинственные операции «с буквами и сокровенными именами различных духов». Когда во время застолья у Лютера кто-либо из присутствующих упоминал о выдающихся способностях врачей-евреев, хозяин резко обрывал его словами: «Дьявол может еще больше!»¹³

Средневековые врачи-евреи пользовались популярностью в Европе несмотря на постоянное противодействие церкви¹⁴, которая запрещала христианам прибегать к их помощи. Клирики внушали мирянам страх перед тем, что евреи могут использовать свою зловредную магию против своих пациентов из христиан. Чтобы последние держались подальше от еврейских лекарей, церковные круги широко распространяли всевозможные наветы. Так, например, Григорий Турский рассказывал о том, как Леонаст, архидиакон из Буржа, получив чудесное исцеление, обратился к врачу-еврею, чтобы тот посоветовал ему, как предотвратить возвращение болезни, после чего хворь тотчас вернулась к архидiakону. «Он бы так и пребывал исцеленным, если бы после чудесного, самим Господом ниспосланного выздоровления не пошел к евреям», — писал Григорий Турский¹⁵. В этом высказывании интересно отметить употребление формы множественного числа, в силу чего виновными становятся все евреи.

В XV и XVI веках кампания против врачей-евреев, развязанная как по причине конкуренции¹⁶, так и из-за суеверий, достигла высшей точки, если судить по накалу ненависти, которая сопровождала всякое упоминание о еврейской медицине. Ни одно оскорбление не считалось достаточно низким, чтобы заклеймить евреев. Эти «сатанинские прихвостни, колдуны и безбожники, Христовы ненавистники, проклятые евреи» к тому же ничего не смыслили в медицине и часто по невежеству, или по злобе — ведь их целью было уничтожить христиан —

отправляли на тот свет своих пациентов. «Когда они собираются все вместе на их праздниках, каждый похвастается, сколько христиан он загубил своими снадобьями, того же, кто преуспел в сием злодействе более прочих, особо почитают», — пишет Иоганн Эск (Esk), на свой лад повторяя все те же клеветнические измышления¹⁷.

Зловещая фигура еврейского врача завоевала место и на подмостках. У Ганса Сакса мы находим злую пародию на еврея, который, будучи неспособным ни к одному делу, решает сделаться лекарем, хотя не имеет ни малейшего представления о выбранной профессии. Однако шарлатана это не смущает: «Я не изучал ни медицину, ни черную магию; не знаю, как лечить от хворей, зато я сумею так поставить клистир, что крестьянин вззоет от рези в кишках; одним и это помогает, а другие мрут, как мухи, но мне наплевать»¹⁸.

Резко негативное отношение к врачам-евреям особенно проявлялось на севере Европы, тогда как на юге, где была в чести образованность и ученость, атмосфера была более терпимой, хотя и там имели место случаи преследования медиков-евреев. Франко Саккетти, друг Боккаччо, повествуя о двух женщинах, которых надул еврей, продавший им снадобье, якобы помогающее забеременеть, завершает повествование горьким упреком в адрес своих единоверцев: «Однако странно, что христиане, как мужчины, так и женщины, гораздо охотнее доверяются какому-нибудь еврею, нежели целой сотне христиан, но при этом не питают ни малейшего доверия к одному христианину». В другой новелле он вновь сетует: «Нынче вошло в обиход искать исцеления в еврейском шельмовстве. В наши дни зачастую одному еврею верят больше, чем сотне христиан!»¹⁹.

Однако врачи-евреи, невзирая на истерические инвективы своих ненавистников, к голосу которых массы были не совсем глухи, продолжали пользоваться популярностью. В 1652 г. клирики Франкфурта обратились в городской совет с обвинением против еврейских лекарей. Их гневные нападки завершались следующими словами: «Лучше хворь по воле Божьей, нежели излечение через дьявола и запретные знания (магию. — *Дж. Т.*), ибо пользоваться услугами еврейских докторов все равно, как пригреть ядовитую змею на груди или же выкармливать в доме своем хищного волка»²⁰. Когда в 1657 г. врач-еврей получил разрешение практиковать в Халле (Швабия), местный клир выразил свое отношение к еврейской науке вполне в духе сред-

невековья: «Лучше умереть со Христом, чем стараниями лекаря-еврея выздороветь с Сатаной!»²¹. Но кто захочет рисковать жизнью ради теологических хитросплетений и предать себя в руки неопытного врача христианина, если можно позвать еврея, могущественного мага-целителя? Популярность «еврейских докторов» позволяет сделать вывод о том, что предпочтение, которое оказывали им благочестивые христиане, не ограничивалось исключительно случаями тяжелых заболеваний, но и, когда вопрос был спорным и приходилось выбирать между евреем и христианином, услугами слуг Сатаны тем более не брезговали. Отношение к врачам евреям иллюстрирует также история, которую приводит в своем сборнике Шудт. В ней рассказывается о двух женщинах, которые утверждали, что лекарь-еврей навел на них колдовские чары, из-за чего они не могли обратиться к услугам доктора христианина²².

Немалая доля ответственности за то, что врачебному искусству евреев оказывалось столь явное предпочтение (вопреки всеобщей неприязни к ним и невзирая на препятствия, которые чинились светским и церковным законодательством), лежит на представителях дворянства и церковной иерархии: высокородные принцы и даже высокопоставленные клирики, вплоть до самого папы, считали себя свободными от тех запретов, которые они предписывали массам. В еврейском источнике, повествующем о том, как в 1412 г. был принят Свод законодательных актов Вальядолида (Valladolid), говорится следующее: «Было постановлено, что не должно быть среди нас (евреев. — Дж.Т.) ...никаких врачей и целителей, кроме врача для короля...»²³! Последняя фраза, кстати сказать, отсутствующая в тексте упомянутого Свода законов, ясно указывает на то, что представители благородных сословий нередко нарушали запрещение. Действительно, папа Мартин V в булле от 20 сентября 1421 г. пожаловал испанскому королевскому дому специальную привилегию пользоваться услугами еврейских врачей. Даже брат Людовика IX, Альфонс принц Пуатье, один из самых неистовых преследователей евреев в истории того времени обращался к медицинской помощи еврея, чтобы тот спас его от слепоты²⁴. После 1290 г. евреям бело запрещено проживание в Англии, но в 1310 г. Эдуард II пожаловал врачу-еврею право въезда в страну, а столетие спустя Генрих IV выписал из Луки (Италия) двух искушенных в медицине евреев, Элию ди Саббатто и Давида ди Нигарелли, и еще одного врача еврея, некоего Сампсона из Мирабо (Франция). Названные врачи-евреи предназначались

для лечения его королевской персоны; кроме того, король разрешил им остаться в Англии на неопределенно долгий срок²⁵. Таким образом, всюду в Европе врачи-евреи были освобождены от запретов и ограничений, которые налагались на все остальное еврейское население.

Тех, кого это может заинтересовать, мы отсылаем к перечню врачей-евреев, практиковавших в Европе в средние века²⁶. Нам известны имена многих из них, поскольку они сохранились в христианских источниках, повествующих о том, как они служили христианским правителям и прелатам, получали и утрачивали привилегии, а нередко и расплачивались жизнью за свои профессиональные услуги. Ибо если пациент христианин часто считал, что рискует жизнью, обращаясь к доктору-еврею, то последний реально рисковал своей, когда засучив рукава брался за работу. Если его усилия увенчивались успехом, он мог приобрести репутацию мага, — со всеми вытекающими последствиями, то есть страх, уважение и нескрываемая враждебность. Если же именитый больной не выздоравливал, во врачех-евреех тем более видели мага, который должен был сполна заплатить за свои злодеяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См. Себастьян Брант. Корабль дураков; Ганс Сакс. Избранное. — М.: Худ. лит., 1989. С. 90. Гл. «О непослушных больных»./пер. Л. Пеньковского).

** Под видом лекаря (*лат.*).

*** *Sachsenspiegel* — один из важнейших кодексов германского права (составлен в 1221–1225 гг.).

Глава 7. ОТРАВИТЕЛИ

Наш современник Джемс Паркс пишет: «Если у короля врач — еврей, и король встречает смерть не на поле брани (...), то нет ничего удивительного в том, если его злополучного доктора обвинят в отравлении. Такая судьба постигла тех, кто лечил Карла Великого и Гуго Капета, хотя в последнем случае хронист, рассказавший нам об этом, оказался достаточно честным, чтобы предварить свой рассказ о причине смерти короля словами: "как говорят"»¹.

Однако подчас даже этой фразы «как говорят» бывало достаточно, чтобы подозрение превратилось в уверенность, и тогда оговорка добросовестного хрониста оказывалась не более чем мало значащей деталью, дополняющей упоминание о внезапной насильственной смерти врача. Одним из первых лекарей-евреев в Европе, о которых нам известно из средневековых документов, был Цедекия, придворный врач Карла Лысого. Причем репутация Цедекии как мага значительно превышала его славу опытного доктора. Его также обвинили в том, что в 877 г. он отравил императора, и хотя источники не упоминают о его дальнейшей судьбе (сочтя это не заслуживающим внимания), он, скорее всего, умер не своей смертью.

Довольно скоро обвинение в отравлении стало традиционным наветом по отношению к врачам-евреям, которые по вполне понятным причинам были не в силах его опровергнуть. В 1161 г. в Богемии 68 евреев были сожжены заживо по обвинению в пособничестве нескольким еврейским врачам, которые вошли в сговор и пытались отравить христианское население. Бернардin из Сиенны рассказывал, как лекарь-еврей из Авиньона якобы признался ему в том, что с помощью ядов умертвил несколько тысяч христиан². Средневековые документы переполнены примерами подобных обвинений, и запрещение обращаться за помощью к врачам-евреям часто основывалось на этих слухах и подозрениях как на фактах. В *Siete Partidas** было оговорено, что христианину дозволено принимать снадобье, прописанное ему лекарем-евреем, лишь в том случае, если врачу христианину известен состав назначенного лекарства. В 1610 г. авторитетные медики венского университета торжественно «подтвердили», что врачи-евреи в соответствии с требованиями своего закона обязаны убивать с помощью яда каждого десятого пациента христианина³. Вера в то, что все доктора-евреи поголовно — отравители, была настолько укоренена в

сознании масс, что с легкостью обходилась без доказательств. Королева Елизавета была вынуждена издать распоряжение о казни своего врача, крещеного еврея Родриго Лопеса, которого обвинили в том, что он намеревался отравить ее, хотя сама королева не верила навету и пожаловала вдове и детям невинно осужденного значительную сумму денег⁴.

Однако обвинение в злоупотреблении ядами не ограничивалось исключительно еврейскими врачами. Считалось, что все евреи сведущи в умении готовить всевозможные смеси и составы. В Рейнской области в 1090 г. евреи бойко торговали всевозможными снадобьями и притираниями, а поскольку все экзотические ингредиенты средневековой фармакопеи вывозили с Востока, то мы не ошибемся, если предположим, что этот товар был не на последнем месте у купцов-евреев. С XI по XIII век большинство европейских правителей жаловало последним специальные привилегии, позволяющие торговать лекарственными препаратами и порошками, но в последующие столетия положение радикальным образом изменилось, а светские и духовные власти неоднократно делали попытки пресечь эту сферу деятельности купцов-евреев⁵.

При этом не следует забывать, что для средневекового сознания понятия «лекарство» и «яд» фактически были синонимами, и точно так же оно не видело принципиальной разницы между магией и медициной. «Отравления с давних времен тесно ассоциировались с волшебством и магией. Таинственные случаи неожиданных смертей приписывали разным причинам, но как способность убивать с помощью яда, так волшебство требовали умения входить в контакт с могущественными скрытыми силами природы. В латинском и греческом языках для обозначения отравления и колдовства использовалось одно и то же слово, так же как для лекарства, яда и приворотного зелья. Доказанный случай смерти в результате отравления укреплял веру в возможность колдовства, а эта вера в свою очередь порождала чрезмерное преклонение перед ядовитыми веществами, которые, как утверждала молва, могли действовать даже на расстоянии и по истечении долгого времени». Немало выдающихся христиан, мирян и клириков были осуждены в средние века по обвинению в отравлении ядами или занятиях магией, а евреев, как и следовало ожидать, преследовали оба навета⁶. Связь между этими обвинениями хорошо прослеживается на примере процесса над придворным курфюрста Иохима, евреем Липпольдом: сфабрикованное против него обвинение в отрав-

лении курфюрста смогло получить дальнейший ход лишь после того, как его обвинили в занятиях магией.

В 1550 г. польский король Сигизмунд Август потребовал от русского царя Ивана IV (Грозного), чтобы тот в соответствии с подписанным между двумя странами торговым соглашением пропустил в Россию литовских евреев, занимавшихся торговлей. Ответ русского царя был коротким: «Не годится допускать на Русь жидов с их деньгами и товарами, да не свершилось бы через них многое зло. Ибо они завезут в наши владения ядовитые травы и будут отвращать народ русский от веры Христовой». Лютер писал: «Если бы они (евреи. — *Дж. Т.*) могли всех нас поубивать, они бы сделали это с превеликой радостью, да они уже и делают это, особливо те, кто прикидываются лекарями. Им ведомо все, что только известно о медицине в Германии. Они могут дать такой яд, от коего человек погибнет через час, или же через десять или двадцать лет; они большие мастера в такого рода искусстве». Если в словах Лютера и содержалась скрытая похвала выдающимся способностям врачей-евреев, то она проникла туда против его воли. К тому же известно, что Лютер боялся, как бы евреи не отравили его¹.

Поэтому ничего удивительного в том, что в народных сказаниях и легендах, а также в литературной традиции первое место среди отравителей занимают евреи. Елизаветинская драма испытала настоящее нашествие евреев-отравителей, которые фигурируют по крайней мере в девяти популярных пьесах, написанных за период всего в несколько лет на исходе XVII столетия¹. Варава, главное действующее лицо в пьесе К. Марло «Мальтийский еврей» (пьеса написана примерно в 1592 г.), так описывает начало своей многообещающей карьеры:

В молодые лета я изучал физику
И начал практиковаться на итальяшках;
Там, в Италии, попы моими стараниями
Неплохо заработали на похоронах,
А могильщики и пономари тоже не сидели сложа руки,
Роя могилы и звоня в колокола.

По ходу действия Варава без зазрения совести отравляет сначала вора, потом блудницу и в конце концов своего верного раба Итамора. В пьесе Джона Марстона «Недовольный» (1604 г.) дается высшая оценка способностям евреев по сравнению с их соперниками в злодеяниях, действовавшими на ином поприще. Приводим соответствующий отрывок из диалога:

Мендоза: Ты можешь отравить? Говори, можешь отравить?

Малевольт: Превосходно — лучше не сумеет ни еврей, ни аптекарь, ни политик.

Постоянные запрещения, зафиксированные в светских и церковных сводах правовых установлений, согласно которым христиане не должны были покупать мясо и другие продукты питания у евреев, нередко исходили из подозрения в том, что продаваемые продукты могут быть отравлены, как это недвусмысленно было заявлено на Соборах в Бреслау и в Вене (1267 г.), а также отмечено в Своде законодательных актов Вальядолида (1412 г.). Хотя на запрещение мог повлиять и тот факт, что христиане были оскорблены тем, что евреи продавали им те части туши, которые сами не могли употреблять в пищу в силу запретов ритуального характера⁹. В народе было распространено и такое суеверие: прежде чем продать мясо христианам, евреи заставляли своих детей помочиться на него или же иным способом делали его непригодным к употреблению; и если евреи и не клали в него яд, они отравляли его своими проклятиями, чтобы христиане болели и умирали¹⁰. В средневековых источниках сохранились упоминания о том, что некие Агобард и Амуло, жившие в IX веке, обвинили евреев в том, что они добавляют нечистоты в вино, которое продают христианам, причем это обвинение впоследствии аккуратно воспроизводилось и в более поздние эпохи¹¹. Специальный указ, изданный в Сицилии в XV веке, запрещал христианам покупать у евреев их вино, «ибо не приличествует христианам пить от лозы виноградной, каковую давили евреи ногами своими, а также неведомо какие иные ухищрения могли быть пущены в дело, дабы примешать к вину мерзкие нечистоты». Этот указ распространялся не только на вино, но и на «масло, мед и всевозможные текущие продукты или же что-либо сыпучее, как имбирь, мука и прочее, и вообще все, из чего можно произвести вредоносную смесь, каковая входит через уста в тело и может заключать в себе зловердные начала»¹².

Страх перед тем, что евреи могут отравить пищевые продукты, заставлял христиан издавать постановления одно круче другого. Так, например, в правовых установлениях города Боуена (Тироль) содержится следующая мера предосторожности, вызванная все теми же подозрениями на счет евреев: «Когда евреи желают купить нечто на базаре, они должны указать на желаемое; коль скоро они коснулись рукой того или иного

продукта, они обязаны купить его по той цене, которую назначит продавец»¹³. Другое постановление требовало, чтобы мясо, к которому прикоснулась рука еврея, продавали христианину только после предупреждения о случившемся, так что он покупал его на свой страх и риск. Подобные положения действовали во многих средневековых городах.

Вера христиан в возможность массовых отравлений была столь велика, что слухи о заговорах евреев, планировавших истребить как можно больше христиан (эти слухи стали циркулировать среди различных слоев населения Европы в начале XIV века), находили все более широкий отклик. Обвинения в отравлении колодцев и источников питьевой воды отнюдь не были чем-то беспрецедентным; они уже трижды предъявлялись евреям (в 1308 г. в Во, в 1316 г. в районе Эйленбурга и в 1319 г. во Франконию), но эти случаи не получили огласки за пределами названных местностей, и не повлекли за собой серьезных последствий для евреев¹⁴. Но в 1321 г., когда это обвинение обрушилось на всех прокаженных, живших во Франции, дело приняло совсем иной оборот. Прокаженных стали жестоко преследовать, однако вскоре выяснилось, что эти несчастные были всего лишь орудием настоящих злодеев и что вся ответственность лежит на евреях, которые держали в своих руках нити заговора. В одном документе упоминается письмо на еврейском языке, найденное в Партене (Parthenay) в 1321 г. и «переведенное» на французский местным крещеным евреем. В письме якобы подробно обсуждался план отравления источников питьевой воды во всей Европе. Целью этого чудовищного замысла было отравить всех христиан, а среди заговорщиков были евреи, прокаженные, а также испанские сарадины. В Теруэле (Арагон) некий христианин, задержанный и подвергнутый пыткам за попытку отравить местные источники воды, сначала свалил всю ответственность на некоего бретонца, но когда несчастный увидел, что эта информация не удовлетворила его мучителей, продолживших пытки, он признался, что к совершению этого гнусного преступления его подговорили евреи.

Хронист из Сан-Дени сообщает, что «знаменитый среди своих соплеменников и богатый еврей» подкупил прокаженных, чтобы те осуществили на деле еврейский замысел, и дал им рецепт яда, в состав которого входили следующие ингредиенты: «человеческая кровь и моча, три вида трав, названия которых виновный не помнил или не желал раскрыть», а также «тело

Христово». Эти сведения выдавались за признания прокаженного, пользовавшегося «величайшим уважением и почетом». Согласно другому документу в состав яда кроме выпшеназванных компонентов входили также «гадючьи головы, жабы лапы и женские волосы».

Огромное число прокаженных было подвергнуто перекрестному допросу, в результате чего были получены неисчислимые свидетельства против евреев, ответственных за подготовку этого чудовищного плана. Согласно полученным признаниям у истоков заговора стоял король Гранады, который обратился за помощью к евреям. Последние уклонились от непосредственного осуществления преступного замысла, но при поддержке дьявола побудили прокаженных тайно отречься от христианской веры и выносить из церкви освященные гостии, необходимые для изготовления яда. Некоторые прокаженные зашли так далеко в своих признаниях, что поведали о четырех собраниях, на которых присутствовали делегаты от нескольких лепрозориев. В ходе собраний прокаженные и вступили в преступный сговор, следуя наущению дьявола и подстрекательству евреев, обещавших справедливо поделить между прокаженными земли, которые опустеют после массового отравления христиан.

Совершенно очевидно, что власть имущие не верили в эти рассказы, поскольку указ, изданный 21 июня 1321 г., предписывал задержать и наказать прокаженных, подозреваемых в преступлении, но в нем ни слова не говорилось о евреях. Как бы то ни было, но на этом инцидент не был исчерпан, поскольку всегда хватало желающих поживиться за счет евреев. Согласно некоторым сведениям высший королевский суд присудил евреям Франции уплатить крупную сумму в порядке компенсации за хлопоты, причиненные органам правосудия в процессе расследования, а через год Карл V, конфисковав значительную часть собственности евреев, изгнал их из Франции за их участие в упоминавшемся заговоре¹⁵. Все эти события получили столь широкую огласку, что многочисленные рассказы о них, чрезвычайно популярные в народе, служили и в более поздние эпохи источником вдохновения для многих поэтов и хронистов и заняли не последнее место в европейском фольклоре.

Если обвинения евреев в 1321 г. не повлекли за собой кровавого исхода, то по всей вероятности это случилось потому, что поначалу непосредственным объектом ненависти масс были вдвойне несчастные прокаженные. Вероятно, о предполагаемом

участии евреев в этом заговоре стало известно лишь после того, как прокаженные уже пострадали от преследований добрых христиан, легко доверяющих слухам и скорых на расправу, в силу чего на этот раз евреи отделались сравнительно легко¹⁶. Но в 1348 г. всю Европу охватил ужас перед Черной Смертью: в апреле эпидемия достигла Флоренции, в августе она опустошила Францию и Германию, после чего скоро перекинулась на Англию. И когда за неполных два года чума сократила население Европы на треть, а в некоторых регионах — почти наполовину, слухи об отравлении евреями источников и колодезей снова ожили с прежней силой. Теперь реакция на эти слухи была мгновенной. К ужасам массовой эпидемии прибавились ужасы массовой резни евреев, тысячи которых были зверски убиты, а десятки тысяч потеряли кров и были изгнаны из мест их поселения¹⁷.

Представление о том, что евреи намерены уничтожить всех христиан, глубоко укоренилось в массовом сознании. Преследования прокаженных во Франции показали это во всей полноте, и теперь европейцы могли тешить себя мрачными фантазиями по поводу того, какую форму примет очередной еврейский заговор против христиан. То, что такой заговор реально имел место, мало кто сомневался как тогда, так и гораздо позже. Историк XVI века Иоганн Авентин утверждает, что в 1337 г. евреи замыслили отравить все христианское население Германии, но их план провалился. В том же столетии был популярен рассказ о том, как евреи Прованса, желая отомстить христианам за эдикт, принятый на втором Соборе в Сан-Руфе в 1337 г. (эдикт воспрещал смешанные браки между евреями и христианами, а также обращение к услугам врачей и аптекарей-евреев), специально завезли из Индии чуму, которая уничтожила население нескольких деревень в Провансе, после чего распространилась по всей Европе. Еще один документ XVI века повествует о том, как в 1348 г. евреи собрались в Бенфельде (Эльзас), и, «как они признались впоследствии», замыслили отравить все источники питьевой воды в Германии «от Немецкого моря до Итальянских (welsch) гор»¹⁸. Не столь важно, были ли в ходу все эти рассказы в период эпидемии Черной Смерти. Так или иначе, но они свидетельствуют о том, что среди христианского населения Европы была чрезвычайно сильна вера в злонамеренность евреев. Это подтверждается многочисленными и зафиксированными в документах обвинениями евреев в том, что они причастны к распространению смертоносной эпидемии.

Слухи о том, что евреи отравляют источники питьевой воды, мгновенно разнеслись по южной Франции, и в мае 1348 г. евреи провансальского города были сожжены на основании этого навета¹⁹. Оттуда волна преследований покатила на юг, через Пиренеи. Папа Климент VI пытался их остановить и 4 июля того же года вновь обнародовал старую буллу, воспрепятствовавшую применению насилия по отношению к евреям, а 26 сентября издал новую буллу, в которой отрицалась причастность евреев к возникновению эпидемии. Но его призывы были услышаны лишь в Авиньоне, папской резиденции, где евреям не причиняли никакого вреда (там распространение эпидемии объясняли с помощью астрологии, приписывая это бедствие гневу Божьему или естественным причинам, но никак не евреям). А в это время семена чудовищного навета повсюду падали на благоприятную почву. В Дофине многие евреи были брошены в тюрьмы, а их имущество конфисковано, и лишь потом началось расследование, которое, скорее всего, не нашло за ними никакой вины, поскольку не осталось сообщений о том, что они были наказаны. Но в Савое вместе с евреями пострадало немало христиан, которых обвинили в пособничестве еврейскому заговору.

Преследования продолжались независимо от результатов официальных расследований, в ходе которых евреи нередко «признавались» в совершенных злодеяниях, что опять-таки способствовало распространению навета, как это случилось в Шильоне, на Женевском озере. Тамашний хирург еврей Балавигнус показал на допросе, что несколько евреев — он даже назвал их имена: Якоб Паскатэ из Толедо, Пейрет из Шамбери и некий Абогет — приготовили в одном из городков на юге Франции ядовитое зелье (в его состав входили сердца христиан, пауки, ящерицы, человеческое мясо и освященные гости), после чего передали полученный порошок злоумышленникам, чтобы те подсыпали его в ручьи и реки, из которых христиане брали воду. На пике панического страха перед чумой население живо откликнулось на это «свидетельство», с легкостью приняв его в качестве объяснения причин бедствия. В ноябре того же года эпидемия вместе с сопровождавшим ее мифом о еврейских кознях захватила территорию Германии. Городские советы многих немецких и швейцарских городов активно обменивались официальными документами, содержащими протоколы допросов и якобы доподлинные признания евреев в совершенных злодеяниях, вырванные у них под пыткой. В Брейзахе (Брейзгау)

Еврейская свиноматка.

Ранняя версия изображения, украшавшего Франкфуртский мост XV века. Однако сюжетом приведенной гравюры послужили еще более ранние и чрезвычайно популярные в средние века мотивы.

Аарон ощущает дьявола.

Свиток из Эссекса. (1277 г.)

Евреи, воздающие почести Сатане.

Пьер Буасто. «Занимательные истории».
(Париж, 1575 г.)

*Инфернальные существа
с еврейскими нашивками.*

«Der Juden Erbarkeit». (1571 г.)

Еврейская баня.

Цикл гравюр начала XVII века, высмеивающих еврейскую чистоплотность. Если сам дьявол помогает готовить баню, не следует ждать ничего хорошего.

Еврейская баня.

Еврейская баня.

Ich aber wil dir also fragen
10. Das jederman von uns wird sagen.

Nun wusch ihn aber ist gantz rein.
11. Hat behalten weder gross noch klein.

Ich hab der Badet all mein Geld
12. Geh hin, dan uns solchs wol gefelt.

Еврейская баня.

Еврейская баня.

Евреи пытаются омыть себя от грехов в водах реки, а дьявол тайком вылавливает их для адской бани, грозящей грешнику в аду.

Еврейская баня.

На предпоследней гравюре мы видим еврейскую свиноматку, а на последней — тело отрока, умерщвленного в ритуальных целях.

*Девушки-христианки оскверняют гостю
по наущению дьявола.*
(Нюрнберг, 1567 г.)

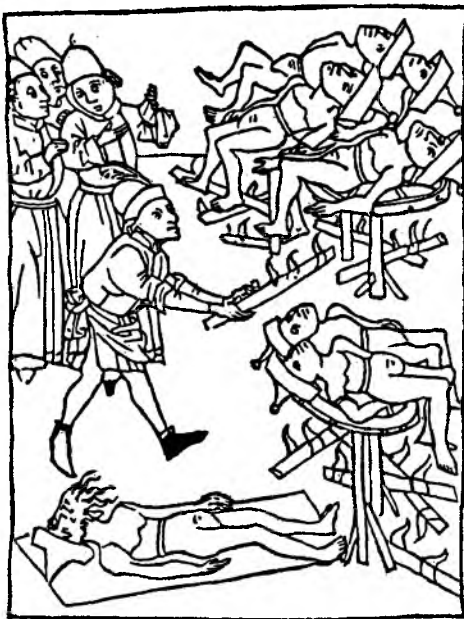

Евреи, оскверняющие гостю.
(Штернберг, 1492 г.)

Еврей закликает дьявола с помощью христианской крови, полученной в результате ритуального убийства.

(Пьер Буасто. «Занимательные истории»).

Пытка, которой подвергли евреев, чтобы вырвать у них признание в ритуальном убийстве Симона из Трента.

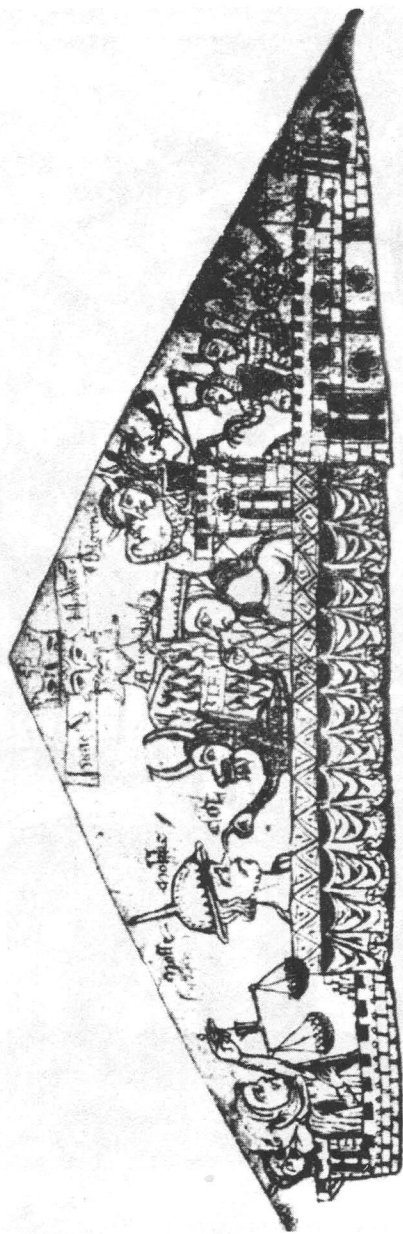
«История об убиенном в Тренте христианском отроке».

На первом плане голова Первородного, под языком которого золотая табличка с письменами. Воскурение фимиама перед Серафимом, завернутым в пелены.

Гравюра из «Литературного комментария к Библии»,
«Бытие и Исход». (Венеция, 1730 г.)

Первая (и возможно, единственная) средневековая английская карикатура, изображающая еврейских ростовщиков и дьяволов.

В центре гравюры Сатана (на его плаще еврейская нашивка). (Около 1620 г.)

*Средневековый диспут между христианскими теологами
и иудейскими мудрецами.*

(Опубликовано в Аугсбурге. 1531 г.)

следствие «обнаружило», что все евреи Страсбурга, Базеля, Фрайбурга и Брейзаха состояли в заговоре и общими усилиями наняли специальных агентов, в задачу которых входило отравлять источники питьевой воды ядом, изготовленным евреями Базеля. В более поздних документах утверждается, что евреи Базеля отравили еще и масло, вино и прочие пищевые продукты, предназначенные для продажи местному населению²⁰. На острове Готланд самыми злостными «отравителями», которых своевременно задержали и приговорили к смерти, оказались два клирика. Один из них перед казнью призвал христиан сторониться священников и монахов, этих — по его словам — наихудших врагов христианской религии, и предрек, что без прямого вмешательства Бога церковь неминуемо погибнет. Однако еще один «отравитель» (на этот раз — из преступников), пойманный на том же острове, заявил, что евреи поклялись страшной клятвой в том, что уничтожат весь христианский мир и что они поручили ему подсыпать яд в реки и источники на всей территории от Дасселя в Вестфалии до Любека и даже еще дальше, вплоть до Пруссии и Ливонии, после чего ему надлежало отправиться в Стокгольм и разнести заразу по всей Швеции. (В то время существовало очень мало еврейских поселений на Балтийском побережье, а население скандинавских стран вообще никогда не сталкивалось с евреями.) В некоторых местах Европы распространение чумы приписывали не только действию ядов, приготовленных евреями, но также их магическим заклинаниям. Число «отравителей» неуклонно росло, но если евреев принуждали признаваться под пыткой, то преступные элементы охотно шли навстречу желаниям властей, надеясь отвлечь их внимание от своих темных дел.

Фактически слухи и документально зафиксированные «свидетельства» о планомерном отравлении евреями источников питьевой воды значительно опережали распространение самой эпидемии, что позволяло христианам заблаговременно подготовиться к преступным действиям еще до их предполагаемого совершения. Весной 1349 г., когда Перлеберга в Бранденбурге достигли слухи о Черной Смерти (но еще не сама эпидемия), отцы города поспешили включить в текст привилегии, пожалованной местным евреям и свидетельствовавшей о лояльности со стороны властей, следующую оговорку: «Если же станет доподлинно известно и будет подкреплено свидетельствами лиц, пользующихся безусловным доверием, что евреи причинили либо намереваются причинить в будущем смерть христианам,

то евреи должны понести наказание, предусмотренное законом, ибо распространились известия о том, что в других местах их жительства евреи погубили многих людей посредством отравления ядом»²¹. В сущности такого рода постановления служили предупреждением для евреев, что в случае распространения эпидемии в местах их проживания именно они понесут все бремя ответственности за ее возникновение. Действительно, вместо того чтобы принять соответствующие меры и по возможности предотвратить вспышки эпидемии, германский император Карл IV фактически *заранее* развязал руки погромщикам, дав распоряжение о том, что в случае массовых беспорядков имущество евреев должно быть конфисковано. В результате жестокие преследования евреев имели место в Нюрнберге, Регенсбурге, Аугсбурге, Франкфурте и, весьма вероятно, также в других городах Германии.

Одновременно с Черной Смертью в Европе разразилась еще одна «эпидемия» — фанатического аскетизма, получившего выражение в движении флагеллантов. Последние надеялись отвратить Божий гнев и остановить распространение чумы с помощью всеобщего покаяния и аскетической практики (тем самым они, сами того не желая, лишали всяких оснований теорию об отравлении евреями источников питьевой воды). Это движение приобрело массу последователей, особенно в Германии, и несомненно способствовало разжиганию анти-еврейских настроений, поскольку имеется немало примеров того, как после посещения флагеллантов христиане нещадно преследовали местное еврейское население. Однако спонтанно возникшее массовое движение довольно скоро обнаружило свой не только антиклерикальный характер и навлекло неудовольствие церковной иерархии, в результате чего в октябре 1349 г. папа строго осудил его и запретил христианам принимать участие в шествиях флагеллантов. В течение месяца после издания папского указа случаев нападений на евреев стало значительно меньше. Однако хронист Жан д'Утремёз (Jean d'Outremeuse) возлагает ответственность за возникновение движения флагеллантов на евреев, полагая, что именно отравление источников питьевой воды помутило разум христиан, в результате чего и возникло это движение²²!

Привычка обвинять во всех несчастях евреев, которая у христиан стала правилом, привела в эти годы к таким серьезным последствиям, что представители еврейских общин Арагона встретились в декабре 1354 г. в Барселоне, намереваясь обра-

титься с петицией к папе, чтобы он при поддержке короля запретил специальным указом обвинения евреев в распространении чумы либо голода, или других стихийных и прочих бедствий, от которых страдает население, а также пресек кровавые преследования евреев, возникающие вследствие подобных обвинений. Как будто папский указ мог погасить фанатичную и уже неуправляемую ненависть! В этой лихорадочной атмосфере голос современника, Сириакуса Шпангенберга (Syracus Spangenberg), который позволил себе крайне редкий по тем временам скептицизм в оценке «преступной» деятельности евреев, остался никем не услышанным. Шпангенберг написал на страницах «Маннсфельдской хроники» следующее: «В год 1349 Господь Бог обрушил гнев свой на неверующих в его Сына единокровного упрямых евреев. Правда ли то, что они повсюду отравляли ядом источники, я не ведаю, однако же невероятно, чтобы из-за этого чума могла разнестись по Европе, ибо яд причиняет не чуму, но неминуемую смерть». Тем не менее Шпангенберг не ставит под вопрос справедливость преследований евреев, которые совершались, как он убежден, по божественному произволению. Его отталкивает лишь иррациональность предъявленных евреям обвинений²³.

Интересно отметить, что своего рода побочным продуктом клеветы на евреев в период эпидемии Черной Смерти стала фигура Шейлока из пьесы Шекспира «Венецианский купец». Ростовщик, требующий фунт человеческой плоти в возмещение долга, — известный персонаж средневековых легенд и рассказов, популярных в Европе, хотя его возникновением мы обязаны сказкам и легендам Востока. В этих первоначальных версиях ростовщик был язычником или христианином; в некоторых из них жертвой кровожадного христианина кредитора становился злосчастный еврей. Впервые последний выступает в роли ростовщика в сборнике народных рассказов и легенд, изданном в 1378 г. Джованни Фиорентино под названием «Ресогоне» («Баран»). Многие исследователи средневековой литературы согласны в том, что эта трансформация скорее всего имела место в результате своего рода инерции, поскольку четверть века до выхода в свет вышеупомянутого сборника наветы и преследования были привычным уделом евреев и мало кто сомневался в правдивости выдвигаемых против них обвинений. Впоследствии образ еврея — жестокого ростовщика — занял прочное место в европейской устной и литературной традиции, откуда его и извлек Шекспир и сделал бессмертным²⁴.

Однажды возникнув, пагубный обычай приписывать все напасти козням евреев, продолжал приносить свои плоды. Его осудил даже Шудт, от которого едва ли можно было ожидать сочувствия к евреям: «Было чуть ли не модой обвинять во всех бедствиях злосчастных евреев. Когда в 1357 г. чума вновь стала свирепствовать во Франконии, вину за это взвалили на евреев, которые распространили заразу посредством яда»²⁵. «Мода» продержалась довольно долго. В 1382 г. евреи из Галле подверглись гонениям по подозрению в том, что они отравили источники питьевой воды и вызвали эпидемию чумы. В 1397 г. это обвинение было вновь предъявлено евреям в городах Раппольтсвайер, Дюркгейм и Кольмар²⁶. В 1401 г. евреи Фрайбурга в Брейзгау были обвинены в «злоумышлениях, имеющих целью уничтожение христиан посредством отравления воздуха»²⁷ — здесь перед нами самое раннее упоминание о губительных возможностях использования отравляющего газа. Сплетни о евреях-«отравителях» были настолько распространены, что 20 февраля 1422 г. папа Мартин V издал буллу, запрещающую обвинять евреев в том, что они отравляют реки и источники, поскольку доказательств этому не обнаружилось. На основании этого распоряжения «все проповедники — клирики либо из мирян, невзирая на лица, чины, устав и прочее» были обязаны воздерживаться от пересказа подобных слухов²⁸, однако всего лишь за два года до выхода папской буллы вышеупомянутые обвинения послужили причиной изгнания евреев из Кёльна²⁹. Миф оказался весьма жизнеспособным: в 1448 и 1453 гг. те же наветы имели место в Швейднице³⁰, а в 1472 г. — в Регенсбурге³¹. В 1475 г. после кратковременной вспышки эпидемии местного значения всех немецких евреев снова обвинили в отравлении рек и источников Германии³². Уже в 1500 г. Иоганн Пфедферкорн приписал тот же злостный умысел своим бывшим единоверцам из города Галле³³. В 1541 г. слухи о евреях-«отравителях» зафиксированы в Бриге³⁴. В 1543 г. — снова в Швейднице³⁵. И это далеко не полный список.

В 1580 г. вспыхнула эпидемия в Эксе (Aix), древней столице Прованса. Соответствующий диагноз Томаса Флуда, английского врача, жившего тогда в Авиньоне, гласил: «виной сей напасти послужил яд, коим евреи натирали дверные молотки»³⁶. Способ, которым якобы был получен предполагаемый яд, произвел на меня столь неизгладимое впечатление, что я беру на себя смелость подробно описать его: летом, в один из самых знойных дней, рассказывает Флуд, евреи заманили в свое жили-

ше некоего англичанина, имевшего рыжие волосы, привязали его к кресту, вставили деревянную распорку ему в рот, чтобы тот не мог его закрыть, и натравили на него нескольких гадюк, которые нещадно жалили его в голую спину. Несчастный вскоре скончался, а евреи собрали слюну, стекавшую у него изо рта, и приготовили из нее болезнетворную мазь. В другой раз евреи воспользовались для изготовления отравы слюной рыжеволосой женщины (очевидно, цвет волос имел для описанной Флудом процедуры решающее значение): они закопали ее в стоячем положении, оставив над землей только голову и обнаженные груди, на которые также пустили гадюк, и те жалили ее до тех пор, пока женщина не умерла после обильного слюноотделения. Таковы были результаты проведенных доктором Флудом исследований в области эпидемиологии.

Разразившуюся в Вене в 1679 г. эпидемию чумы, которая поразила в первую очередь еврейский квартал Леопольдштадт, Абрахам-а-Санта Клара также приписал проискам евреев, хотя поначалу он не решился прямо обвинить их в этом злодействе, сославшись на то, что причиной эпидемии были, скорее всего, плохие условия жизни в гетто. Но это объяснение показалось ему слишком простым, поэтому позднее он перешел к прямым нападкам и стал утверждать, что злобные евреи нарочно разнесли заразу, ибо «всем известно, что таковые поветрия причиняют злые духи, евреи, гробокопатели и ведьмы»³⁷.

Заслуживает упоминания также следующий факт: по мнению Иоганна Якоба Шудта и других важных персон, «французская болезнь» была неизвестна в Париже до тех пор, пока евреи, изгнанные из Испании, не занесли ее туда и не распространили среди местного населения³⁸.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Siete Partidas* — Свод законов в семи частях, составленный в 1273 г. королем Альфонсом X.

Глава 8. ОСКВЕРНЕНИЕ ГОСТИИ И СВЯЩЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Из всего вышеизложенного должно быть ясно, что подозрение в колдовстве было порождено недоверием христиан к евреям; а это подозрение в свою очередь возникло из-за убеждения в том, что для союзников дьявола, этого архиврага всех христиан, возможен лишь один путь — искать любые, даже самые подлые способы уничтожения христианской цивилизации. Так весь еврейский народ, а не отдельные его представители, стал носить клеймо «колдунов», а подавляющая часть нападок и обвинений была обусловлена якобы деятельностью специфически антихристианского толка, а не какими-либо происками отдельных лиц, практиковавших черную магию, известную человечеству с незапамятных времен.

Одно из наиболее часто предъявляемых евреям обвинений, которое с нашей точки зрения меньше всего поддается каким-либо разумным обоснованиям, это уничтожение и осквернение гостии. В первые века христианской эры церковь была глубоко озабочена спорным вопросом о пресуществлении. Но массовое сознание, не вникающее в тонкости, сумело усвоить эту концепцию лишь в чувственной форме, в силу чего для простого народа вера в пресуществление носила в высшей степени буквальный характер. Это имело далеко идущие последствия. Роль, которую Тело Христово играло в народных суевериях и магии на протяжении всего средневековья, проявилась достаточно ярко уже в IV веке¹. Поэтому с точки зрения масс не было ничего необычного в том, что евреи, маги и противники Христа, могли использовать в своих дьявольских целях облатку, которой христиане причащаются на Евхаристии. Догмат о пресуществлении был принят на четвертом Латеранском соборе в 1215 г., и с тех пор освященная гостия стала для христианских масс объектом культа и почитания. Очевидно, здесь следует искать истоки легенды о том, что евреи виновны в уничтожении и профанации гостии, легенды, которая скоро была принята на веру и завоевала прочное место среди остальных антиеврейских наветов и предрассудков, пока движение Реформации не разрушило влияние этого католического догмата на сознание христиан Европы.

Ортодоксальная теология настаивала на телесном присутствии Христа в Хлебе Евхаристии, и массы верили так, как их учили, хотя и не без некоторых сомнений и колебаний. Бертольд из Регенсбурга, широко известный народный проповедник XIII века, счел необходимым разъяснить, почему Христос, присут-

ствующий в облатке телесно, пребывает в ней незримо для глаз причащающегося: «Кто бы пожелал откусить крошечную головку, или маленькие ручки, или ножки младенца?»* — вопрошал он свою аудиторию, и его простодушные слушатели были вполне удовлетворены таким объяснением¹.

Христианам, которые верили, что евреи виновны в этом преступлении, просто не приходило в голову, насколько абсурдно приписывать им не только принятие догмата, который совершенно чужд духу еврейской религии, но и обвинять их в том, что они с преступными целями используют магический потенциал, якобы заключенный в облатке. Церковь объявила об истинности веры в догмат о пресуществлении, в силу чего он должен быть истинным и в него *должны верить* все христиане. Что они думали об этой вере — это уже другой вопрос. В 1205 г. Иннокентий III, который должен был вынести догмат о пресуществлении на суд участников четвертого Латеранского собора, в письме к архиепископу Санса и епископу Парижскому утверждал следующее: «Когда в день Воскресения Господа нашего (на Пасху. — *Дж. Т.*) христианские женщины, выкармливающие еврейских детей, принимают Тело и Кровь Господа нашего, евреи заставляют этих женщин в течение трех дней сцеживать молоко в отхожие места, прежде чем вновь дают кормить им своих детей». Из чего следовало, что христианки не должны прислуживать в домах евреев. Церковь и раньше делала шаги, направленные на то, чтобы убедить христиан не наниматься на службу к евреям. Основанием для этого служила убежденность в том, что христианам не подобает занимать социальную позицию, которая ниже занимаемой евреями. Кроме того, для христиан, прислуживающих в еврейских домах и вступающих в непосредственный контакт с хозяевами, существовала опасность подпасть под их влияние. Утверждения Иннокентия III по поводу евреев — характерный ход в создании непреодолимой стены суеверий между двумя группами населения, стены, которую удалось воздвигнуть в течение столетия.

Эти предрассудки продолжали оказывать влияние на массы на протяжении нескольких столетий, после чего вновь получили официальное «подтверждение». Уже в 1581 г. папа Григорий XIII в своей булле «*Antiqua Judeorum*» повторно санкционировал популярные в народе представления в качестве достаточного основания для того, чтобы запретить кормилицам христианкам служить в домах у евреев. В этом случае евреев по всей видимости сочли гораздо в большей степени католиками, нежели самого папу, поскольку, как поясняет глоссатор, еврей

верили, будто «Тело Христово, попадая в желудок, становится одной из составных частей молока кормилицы» и через него переходит к еврейским детям, что глоссатор полагает невозможным и доказывает это с помощью «нескольких ученых аргументов»³.

Однако убежденность христиан в том, что евреи признают истинность догмата о пресуществлении, внушала им также веру в то, что евреи виновны в куда более серьезных преступлениях, чем то, о котором упоминал Иннокентий III. Средневековые источники изобилуют описаниями того, как евреи уничтожали освященную гостию, причем мотивом этих якобы постоянно совершаемых действий считалось стремление евреев таким способом выказать злобу и ненависть к Телу Христову. Молва разносила слухи об этих преступных деяниях задолго до того, как возник миф об осквернении гостии. Легенда X века повествует о том, как еврей, жаждущий оскорбить Христа, пришел на мессу, подошел к причастию, но не съел облатку, а хотел незаметно унести ее из храма, но когда он собирался вытащить ее изо рта и переложить в карман, он почувствовал ужасные боли и не смог закрыть рот. Легенда завершается тем, что он, как и многие другие евреи, фигурировавшие в средневековых христианских преданиях, под влиянием этого чудесного события принял крещение⁴. Целью этих рассказов было показать, каким могуществом обладала гостия, заставляя евреев переходить в христианство. Однако в течение XIII века природа и назначение этих преданий претерпели радикальные изменения.

Сюжеты поздних версий отличаются особой изощренностью. Попробуем изложить их в общих чертах. Еврей подкупает христианина, чтобы тот тайком унес из храма облатку, а получив последнюю в свое распоряжение, еврей уничтожает ее таким способом, какой воображению рассказчика представляется наиболее жестоким (он бьет ее, топчет, пронзает ножом, пробивает гвоздями, разрезает на части, сжигает, толчет в ступе и пр.), после чего из облатки начинает сочиться кровь и происходят чудесные явления (еврей немеет или теряет способность к передвижению, или облатка сама собой вылетает у него из рук, или голос с неба всенародно обличает его кошунственные деяния). На этом повествование утрачивает легендарный характер, а дальнейший рассказ становится сугубо реалистичным: еврея хватают и предают казни вместе с прочими его единоверцами, которые попадают под руку толпе возмущенных христиан. Тема уничтожения и осквернения гостии была чрезвычайно популярной в средневековой литературе, она была представлена во всех литературных формах, в силу чего глубоко укоренилась

в массовом сознании и оказывала сильнейшее воздействие на отношение к евреям⁵.

Проповедники и составители подробных отчетов о всевозможных еврейских бесчинствах любили подробно остановиться на тех мучениях, которым евреи подвергали Хлеб Евхаристии, но особое ударение делалось на чудесных явлениях, посредством которых Тело Христово свидетельствовало о причиняемых ему страданиях, ибо чудеса также были существенным элементом мифа. Излюбленной деталью рассказов об этих чудесах было явленное внешним чувствам присутствие младенца Христа в облатке — в силу чего приписываемое евреям надругательство над ней как бы непосредственно затрагивало самого Христа. Как свидетельствуют источники, однажды имел место феномен, диаметрально противоположный вышеописанному: в 1338 г. в Богемии несколько евреев якобы были уличены в глумлении над гостией, в результате чего многих их единоверцев немедленно казнили за это злодеяние, причем, как отмечает хронист, «из их израненных, а зачастую сильно изувеченных тел не истекала кровь»⁶. Другая примечательная черта многих обвинений состоит в том, что подобно прочим наветам, они распространялись не на отдельных лиц, но на все еврейское сообщество в целом. Даже в том случае, когда преступление было непосредственно вменено в вину тем или иным индивидам, от этого обычно страдала вся община. Кроме того, зачастую документы представляли дело таким образом, что злодеяния исходили как бы от всего еврейского народа в целом: в некоторых легендах евреи, совершившие вышеупомянутое преступление, раздают части разрезанной гостии всем желающим поглумиться над ней или приглашают отовсюду именитых и пользующихся авторитетом евреев, чтобы сообща совершить акт профанации. Кроме того, сохранилось немало упоминаний о том, что нередко все эти действия якобы совершались непосредственно *в синагоге*, как если бы они были частью еврейских обрядов; и по крайней мере дважды — согласно письменным источникам — осквернение гостии якобы имело место на праздновании по случаю бракосочетания, сразу после завершения свадебной церемонии⁷.

Рассказы о случаях открытых нападений евреев на процессии христиан, когда при большом скоплении народа через город проносили гостию, завоевывали все большую популярность вопреки вопиющей несообразности подобных измышлений. Тем не менее были предприняты официальные меры по защите гостии и тех, кто ее нес. Уже в 1267 г. Венский Собор издал указ, в соответствии с которым евреи должны были удаляться

в свои жилища, запирают двери и закрывают окна, услышав колокольный звон, возвещающий о том, что по улицам города проносят гостию⁸. «Убийцам» Христа не позволялось даже приближаться к Телу Господню. Впоследствии этот запрет в форме указов и постановлений неоднократно повторяли и следили за его неукоснительным соблюдением, из чего можно заключить, что в более позднюю эпоху власти пытались защитить уже самих евреев, поскольку толпа, чтобы расправиться с ними, едва ли нуждалась в предлоге вроде нападения на гостию (тем более что по мнению большинства эти инциденты действительно имели место и евреев следовало наказать уже за одно их гнусное намерение осквернить святыню).

Впервые обвинение в осквернении гостии было выдвинуто в 1243 г. в Белитце, неподалеку от Берлина, в результате чего все жившие там евреи были сожжены на месте, впоследствии названном Judenberг («Еврейская гора»). Однако вплоть до конца XIII века евреям больше не предъявляли подобных обвинений, после чего они буквально посыпались на них, и это продолжалось в течение последующих столетий, всякий раз вызывая более или менее жестокие преследования. Последний случай обвинения, имевшего серьезные последствия, зафиксирован в Берлине в 1510 г., когда 26 евреев были сожжены и двое обезглавлены. В последний раз случай публичного сожжения еврея, якобы похитившего гостию, зафиксирован в 1631 г. Но самое позднее отраженное в документах обвинение в осквернении гостии датируется 1836 г.⁹

Несмотря на уверенность христиан в том, что догмат о пресуществлении выражает несомненную и объективную истину, они не могли не замечать присущего евреям скептицизма по отношению к этой доктрине (внушенного им, как полагали христиане, самим дьяволом). (В популярной в средние века легенде рассказывается о том, как осел, наделенный крупницей мудрости, узрев гостию, преклонил перед ней колена, тогда как упрямый еврей, свидетель этого чуда, продолжал упорствовать в своем неверии.) Документы, засвидетельствовавшие факт одного из самых первых обвинений (Париж, 1290 г.), сообщают, что еврей, похитивший и осквернивший гостию, совершил это якобы для того, чтобы показать своим единоверцам, «какие глупцы христиане, верящие во всю эту чепуху». Это утверждение, в отличие от «признаний», полученных под пыткой, звучит вполне правдоподобно. Согласно другим источникам, в Праге в 1389 г. евреи якобы напали на монаха, несшего гостию, подвергли его побоям и оскорблениям и, насмехаясь над ним, говорили: «У тебя в руках Господь Бог твой, пусть же

он выручит тебя!» После того как дело получило огласку, 3000 евреев были уничтожены. В 1453 г. в Бреслау несколько евреев признались под пыткой в том, что они похитили гостию ради того, чтобы «посмотреть, правда ли, что в ней Бог»¹⁰.

Хотя по убеждению христиан главной целью этих преступлений, приписываемых евреям, было намерение последних инсценировать акт распятия (согласно источникам, самая распространенная форма увечий, наносимых гостии, заключалась в ее пробивании и пронзании гвоздями и ножами), в сознании самих обвинителей присутствовал еще один мотив, с помощью которого также можно было найти объяснение преступному интересу евреев к Телу Христову. Действительно, по мере того, как массы постепенно осваивали догмат о пресуществлении, а легенды, в которых воспевались чудесные свойства Хлеба Евхаристии, становились все более многочисленными и популярными, гостию стали использовать в практической магии как предмет, наделенный уникальными свойствами. (До XIII века также имели место случаи использования даров, приносимых на Евхаристии для магических операций, однако они были крайне редкими и не получили распространения.) Всего за несколько десятилетий гостия приобрела репутацию ценнейшего и весьма желательного компонента при составлении всевозможных исцеляющих снадобий, колдовских зелий, любовных напитков и ядов. В 1303 г. Собор в Губбио (Италия) издал указ, согласно которому Святые Дары и освященное масло следовало хранить под замком, «дабы их не могли выкрасть и использовать для изготовления ядов». Кроме того христиане верили, что Хлеб Евхаристии влияет на плодovitость скота, способствует получению обильного урожая, противодействует козням Сатаны, излечивает хвори и недуги и даже отсрочивает смерть — по свидетельствам современников папа Александр VI носил на груди освященную гостию в золотом футляре в надежде на то, что она защитит его от вредоносных влияний и преждевременной кончины. Немаловажную роль играла гостия и в ведьмовских ритуалах¹¹.

Евреев, которые пользовались репутацией могущественных магов, не могли не заподозрить в том, что и они не прочь воспользоваться гостией и ее чудесными свойствами для своих гнусных целей. Хотя в источниках не содержится прямых обвинений евреев в том, что они применяли гостию в своих магических операциях, это обвинение косвенным образом присутствует во всем комплексе представлений христиан об уничтожении и осквернении гостии. Шудт¹², приводя несколько примеров крайне неортодоксального подхода некоторых хрис-

тиан к использованию гостии, замечает: «Вполне вероятно, что и евреи нередко проявляли стремление применить гостию в своей бездарной магии». Это подозрение волновало не одного Шудта: его иногда высказывали и другие носители христианской учености. Мы уже рассказывали о том, как евреям приписывали включение «Тела Христова» в состав ядов, которые должны были уничтожить христианское население Европы. Информация, которую содержат источники из средневекового Майнца, проливает дополнительный свет на тему нашего исследования. Между 1384 и 1387 гг., когда Петр Люксембургский был майнцским епископом, имел место такой случай: слуги одной богатой вдовы, услышав плач младенца, доносившийся из закрытого ящика, открыли его и обнаружили там жабу и гостию, обильно кровоточащую от многочисленных укусов мерзкой твари. Епископ тотчас распорядился провести расследование, в результате которого обнаружилось следующее: вышеупомянутой вдове принадлежали большие запасы зерна, а поскольку она намеревалась продать зерно по самой выгодной цене, она обратилась за советом к еврею. Тот потребовал, чтобы вдова добыла ему гостию. Ей это удалось под тем предлогом, что она по причине серьезной болезни нуждается в последнем причастии. После этого еврей поместил гостию и жабу в закрытый ящик и пообещал вдове, что она получит прибыль, на который рассчитывает. Дальнейшие события развивались в соответствии с хорошо знакомой схемой: вдову и ее советчика еврея приговорили к казни через сожжение. Существенным моментом повествования является присутствие жабы в ящике с гостией, поскольку жаба, согласно широко распространенному у средневековых христиан поверью, символически и телесно представляла самого дьявола. Дать жабе гостию означало не что иное, как сознательное участие в самом «черном» из всех ритуалов черной магии (причем в ее специфически христианской разновидности)¹³.

Мы уже обращали внимание читателя на сходство между еврейской нашивкой и знаком, указывавшим на разоблаченного и наказанного колдуна. Но предписание, которое должны были выполнять христиане, виновные в кошунственном использовании гостии в магических операциях, а именно: носить на верхней одежде кожаные желтые заплаты в форме гостии, — позволяют говорить уже не о сходстве, а о «полном тождестве с обычной еврейской нашивкой»¹⁴. Едва ли можно было придумать более красноречивое указание на то, что между колдуном и евреем — осквернителем гостии — позволяет ставить знак равенства! Улисс Робер даже считает (и его предположение не

лишено оснований), что круглая еврейская нашивка изначально «изображала гостию, символ христианской религии, которую евреи отрицали, но именно этот символ им приходилось носить на одежде, коль скоро они отвергали его в своем сердце». Решение о введении специальной одежды для евреев было принято на четвертом Латеранском Соборе, который утвердил догмат о пресуществлении, а кампания по преследованию колдунов и евреев за осквернение гостии совпала по времени с учреждением одежды для евреев и еврейской нашивки. Невозможно с полной уверенностью говорить о прямой связи между двумя этими фактами, однако мы можем смело предположить, что в массовом сознании вполне могла возникнуть соответствующая ассоциация.

Еще и другой важный элемент мифа мог способствовать установлению этой ассоциации, поскольку терапевтическая функция магии также играла здесь определенную роль. Христиане были убеждены, что кровь, которая якобы сочилась из разрезанной или разорванной на части гостии, была необходима евреям, чтобы отбить пресловутое «зловоние иудейское» и излечить их тайные недуги. Обвинения, которые предъявлялись евреям уже на закате средневековья, указывают на частичный спад интереса к «ритуальной» версии: ходили слухи о том, что кровь, полученную из гостии, евреи используют в качестве румян, которыми подкрашивают бледные щеки своих юных красавиц¹⁵.

Большинство этих обвинений несомненно не имели под собой никакой реальной основы и были чистым вымыслом, о чем свидетельствует хотя бы схематичность повествования и обилие упоминаемых чудес. Иезуит Питер Брау (Broue), занимавшийся исследованиями по истории Евхаристии, тщательно изучил все дошедшие до нас источники и сделал вывод о том, что обвинения в профанации гостии составлены однотипно и безосновательно: *если* даже отдельные евреи и были виновны в этом преступлении, то в нем никак нельзя обвинять весь еврейский народ¹⁶. Кроме того, известно, что иногда облатки специально подбрасывали вблизи тех мест, где жили евреи, чтобы вызвать озлобление христианского населения. Случай подобной провокации имел место в 1338 г.: несколько еврейских общин в Нижней Австрии, Штирии, и в Моравии были уничтожены после того, как распространились слухи о том, что в доме одного еврея из Пулкау нашли кровоточащую гостию. Папа Бенедикт XII в послании к герцогу Альберту Австрийскому в откровенно скептическом тоне предложил ему провести расследование. Увы, сначала преследования, а уже потом — рассле-

дования! Дознание показало, что гостия была подброшена злоумышленником христианином в солому, которая лежала неподалеку от дома, где жил обвиненный в профанации еврей¹⁷.

Существенная черта всех этих рассказов — следы крови на гостии. Однако экспериментальным путем был установлен следующий факт: если облатку оставить на некоторое время в темном месте, то на ней образуются пятна красноватого цвета, являющиеся продуктом жизнедеятельности бактерий, которые в 1872 г. профессор Фердинанд Кон (Cohn) назвал *Microsoccus Prodigiosus*, «микробы чудес» (еще их называют «микробами кровоточащих гостий»). Вполне вероятно, что появление кроваво-красных пятен на освященных гостиях, которые некоторое время лежали в сыром помещении, после чего подверглись воздействию свежего воздуха, насыщенного пылью — излюбленного места обитания этих бактерий, — дало повод предположить, что это — кровь, и обвинить во всем злокозненных евреев. Праздник Тела Христова (*Corpus Christi*) был учрежден папой Урбаном IV как раз по случаю такого «чуда»: в 1264 г. один священник из Больсены, который терзался сомнениями по поводу истинности догмата о пресуществлении, сообщил, что когда он служил мессу, с освященной гостии упали «капли крови», убедив всех в действительном присутствии Христа в Святых Дарах¹⁸.

В соответствии со средневековыми представлениями Христос обладал действительностью физического присутствия не только в гостии, но также в распятиях и прочих предметах культа, которые украшали храмы и жилища христиан. Точно так же массы верили, что и другие освященные церковью персонажи христианской истории телесно присутствуют в своих изображениях. Хотя эти представления и не были официально одобрены церковью, они тем не менее составляли существенный момент веры типичного средневекового христианина. Особенно ярко это показано в бесчисленных легендах о том, как евреи тшились уничтожить эти священные образы и картины (явная параллель мифу об уничтожении и профанации гостии). Евреи в этих легендах молчаливо разделяют самые вопиющие христианские суеверия, поскольку цель их преступных действий (вроде уничтожения и осквернения гостии) заключалась в том, чтобы нанести оскорбление не только христианству в целом, но и Христу и его святым. При этом евреи не ограничивались одними лишь оскорблениями, но и причиняли священным изображениям и статуям физический ущерб, в результате чего они кровоточили, а порой — чудесным образом — даже наказывали своих мучителей¹⁹.

Эти обвинения носили многообразный характер: евреи якобы забрасывали священные изображения камнями и нечистотами, плевали на них, совершали непристойные действия и отпускали непотребные замечания, пронзали и разбивали их. Одна из ранних легенд рассказывает о том, что при обряде перехода в иудаизм от новообращенного требовали, чтобы он пронзил распятие с помощью ножа или гвоздей²⁰. В некоторых миражах евреи инсценировали казнь Иисуса следующим образом: они срывали его деревянную фигуру с распятия и распинали ее на кресте²¹. Тови (Tovey) передает рассказ о том, как в 1268 г. в Оксфорде во время религиозной процессии по случаю Дня Вознесения, «некий еврей, наделенный непревзойденной наглостью» (или, скорее, безрассудством. — *Дж.Т.*), выхватил крест у одного из членов праздничного шествия и «принялся яростно топтать его ногами в знак презрения к Христу». Если верить источникам, то евреи нередко прибегали к такого рода оскорбительным действиям: уже в 1571 г. — по свидетельству чешского хрониста — некий еврей сорвал распятие, висевшее в храме, и на глазах молящихся бросил его под копыта своей лошади²²!

Мэтью Пэрис также рассказывает ужасную историю (приводим ее в неподражаемом переводе Тови): «Один богатый еврей, что проживал в Беркхамстеде и имел в Валлингфорде дом... вознамерился путем тягчайших и безблагодатных поступков стяжать себе крайнюю немилость пред очами Господа нашего, Иисуса Христа, и вот упомянутый еврей взял вырезанную из дерева и должным образом раскрашенную статую Девы Марии и поместил оную в отхожее место (*in latrina sua*)... стыдно сказать и передать словом, какому нечестию несказанному подвергал он образ сей святой, посрамляя его так, *будто то была сама Дева* (курсив принадлежит Тови, которому, как следовало бы предположить, была доподлинно известна вся подоплека описанного им преступления. — *Дж.Т.*), и покрывая такой грязью, что и язык немеет перед дерзновением злобы его, и днем и ночью осквернял ее... И когда таковые дела его заметила жена его... *отерла она нечистоты смрадные с лица святого образа* (снова курсив Тови. — *Дж.Т.*), и когда стало известно сие еврею мужу ее, что она сделала такое, то муж ее тайно и злобно удушил ее, жену свою, не поглядев на то, что она была жена его»²³. Надо сказать, что по сравнению с популярными рассказами об осквернении гостии, эта история звучит куда более правдиво, поскольку в ней отсутствуют всевозможные тенденциозные элементы, а также описания чудес. Однако, если история об Аврааме из Беркхамстеда, обвиненном в этом преступлении,

— не досужий вымысел, то довольно сомнительно, что он смог отделаться лишь денежным штрафом, как сообщается в дальнейшем повествовании.

Необходимо помнить, что средневековые хроники, изобилующие подобными рассказами, суть сочинения явно тенденциозные. Написанные клириками, они преследовали вполне определенную цель — способствовать укреплению христианской веры (*ad corroborandam fidem catholicam*, по словам Григория Турского), в силу чего описание чудес играли в них важную роль. Это «рассказы, в которых легенда рационализована и выдает себя за повествование о подлинном событии, а историческое становится панданом легендарного или наоборот. Никогда не знаешь, где начинается одно и заканчивается другое». Легенды об осквернении евреями священных изображений с последующим чудесным обращением последних в христианство были своего рода зерном для мельницы средневековых хронистов, которые не упускали случая искусно приукрасить свои повествования согласно господствующему вкусу эпохи. Из хроник эти рассказы попадали в народные предания, становились частью фольклора, составляли сюжетную основу для драмы и входили в литературные произведения различных жанров, так что все слои средневекового общества были так или иначе знакомы с ними²⁴. В одной такой легенде крестьянин заходит в храм и обнаруживает образ Христа, сорванный со стены и покрытый кровотоочащими ранами. Тронутый до глубины души, крестьянин опускается на колени и произносит пылкую и наивную молитву: «О Господь Бог наш, пусть же сие будет уроком для тебя, и не приходи ты впредь к подлым злым евреям!»²⁵. Повествователь добродушно насмехается над наивностью крестьянина. Однако легко себе представить, какое воздействие оказывали такие рассказы на благочестивых христиан из народа.

Почти все средневековые западноевропейские хронисты считали источником и причиной движения иконоборцев во времена правления византийских императоров из исаврийской династии (717—802 гг.) глубочайшую ненависть евреев к основателям христианства и особенно к Деве Марии. Евреев изображали наиболее яркими ненавистниками священных изображений, а защитники иконопочитания создали ряд сказаний о том, как нечестивые евреи, пытавшиеся осквернить и разрушить священные изображения и статуи, чудесным вмешательством последних были обращены в христианство. «Сюжетная схема этих повествований всегда одна и та же. Еврей, который тем или иным путем приобрел священное изображение или какой-

нибудь предмет христианского культа, собирается осквернить их, однако святыня являет ему заключенную в ней чудесную силу, и еврей как правило принимает христианство»²⁶.

Истории такого типа оставались популярными еще долго после того, как движение иконоборчества прекратило свое существование. С началом Реформации, когда Лютер прибил свои знаменитые 95 тезисов на двери в церкви в Виттенберге, роль иконоборцев *par excellence* стали играть протестантские схизматики, и католическая церковь отвела евреям место дублеров.

Эти легенды и истории несомненно заключали в себе нечто большее, чем требовалось для целей обычной пропаганды, поскольку, во-первых, часто в них присутствует мотив крови: подвергнутый физическому воздействию священный образ обычно кровоточит. Мне неизвестны случаи обвинения евреев в том, что они как-то использовали эту кровь, однако параллели между этими легендами и рассказами об осквернении гостии, а также с мифом о ритуальных убийствах слишком бросаются в глаза, чтобы их можно было игнорировать. Более того, авторы этих рассказов преследовали еще и другую цель, а именно: показать решимость евреев во что бы то ни стало искоренить христианство и исказить образы его основателей. До нас дошел рассказ о том, как в 1020 г. Рим едва не погиб от урагана и землетрясения из-за того, что евреи насмеялись над распятием. Если даже мы увидим в грозивших городу стихийных бедствиях только знак Божьего гнева, все же — с точки зрения христиан — необходимо было произвести определенные действия для того, чтобы возбудить гнев Бога и заставить людей испытать на себе его пагубные последствия. Автор XVI века объясняет смущавшую многие умы неспособность Девы Марии совершить чудеса в некоторых местах христианской Европы тем, что там присутствовали евреи, которые «чудовишно поносили» Святую Деву, и из-за этого она сократила число своих чудесных посещений²⁷.

Сохранились свидетельства о том, что христиане использовали распятие в своих магических операциях, но если так, то почему им не могли воспользоваться также и евреи? Иоганн Эк (Eck) в своем сочинении «*Ains Judenbuchlin*» («Книжка про евреев») (1541 г.), пересказав ряд преданий о том, как евреи бесчестят священные изображения, каковые в силу наносимых им ран истекают кровью, упрекает христиан, которые отрезают кусочки от распятий, стоящих на перекрестках дорог, и пользуются этими частицами как амулетами либо применяют их в

магии, в результате чего «распятия при дорогах редко бывают целыми». Правда, Эк забыл поинтересоваться, почему распятия не кровоточили, однако для нас это не столь важно²⁸.

Однако акты физических нападений на Христа и его святых, якобы осуществляемые посредством осквернения и уничтожения священных изображений, были слишком просты в исполнении и едва ли могли удовлетворить искушенных в злодействах евреев. Поэтому они — если верить источникам — прибегали к более изощренным методам, чтобы излить яд своей ненависти на христиан и их Бога. В средневековых документах мы читаем, что ежегодно евреи лепят из воска фигурку Иисуса и посредством магии воздействуют на нее таким образом, что муки и пытки, которые при жизни терпели Иисус и его последователи, переживаются ими вновь с прежней силой (некоторые источники утверждают, что эта операция производилась прямо в синагоге). Фантазии на эту тему также были популярным мотивом средневековой литературы²⁹. Одна из самых ранних поэм, написанных на испанском языке и принадлежащая перу Гонсало де Берсео (Gonzalo de Berceo) (ок. 1250 г.), воспеваает чудесное явление Девы Марии архиепископу Толедо. Дева прерывает мессу и жалуется на то, что евреи вновь «распинают моего сына». Далее поэт в ярких красках описывает, как «взволнованные прихожане вместе с клириками поспешили в еврейский квартал, руководимые самим Иисусом Христом и Святой Девой. И какое же святотатство раскрылось их очам! В доме Главного Раввина они обнаружили большую человеческую фигуру, отлитую из воска и во всем сходную с образом Господа нашего. И эта фигура была распята, пригвождена огромными гвоздями и имела зияющую рану на боку»³⁰. Несколько ранних поэм, написанных на разговорном языке той эпохи, также были посвящены той же теме. Поэтому неудивительно, что в *Siete Partidas* (1263 г.) эти суеверия нашли формальное воплощение в постановлении о том, что евреям запрещено отливать из воска образ Иисуса, распятого на кресте³¹.

Здесь перед нами одна из версий широко известной и распространенной по всему миру образной магии. Испокон веков люди верили, что, втыкая иглы в изображение врага (иногда его сжигали либо наносили иные физические повреждения), можно непосредственно и телесно причинить ему эти мучения. Христиане не преминули приписать евреям частое использование подобной магической практики, с которой они, христиане, были сами прекрасно знакомы³², применяя ее на деле

против своих единоверцев. Одно из ранних обвинений в такого рода магии сохранилось в еврейском источнике, датированном приблизительно XI веком. В источнике говорится о некоем еврее-вероотступнике из Блуа, который, желая отомстить своим бывшим единоверцам за преследования, которые они некогда учиняли ему, придумал коварный план. В Лиможе он заказал у художника восковую фигурку Христа, которую тайком спрятал в шкафу в синагоге, после чего в присутствии управляющего провинцией обвинил евреев в том, что они трижды в год (по большим праздникам) якобы пронзают иглами восковую фигурку Христа, дабы навлечь на Спасителя смерть. «Так поступали их предки с вашим Богом, они же проделывают это с образом вашего Господа», — обличал он евреев перед властителем. Тот распорядился провести расследование, в результате которого была обнаружена восковая фигурка, и евреям грозила немедленная расправа. Однако в последний момент (мы должны помнить, что это — еврейское предание!) появляется художник, сделавший фигурку, и сообщает, что ее заказал упомянутый вероотступник. История завершается благополучно, кроме того что в народе — как не без грусти сообщает хронист — долго не утихало волнение, вызванное слухами о виновности евреев³³.

Широко известно предание об архиепископе Эберхардте из Трира. После того как он в 1066 г. распорядился изгнать евреев, отказавшихся принять крещение, последние сделали из воска фигурку епископа и подкупили одного из монахов, чтобы тот окрестил фигурку и дал ей то же имя, что и у епископа. (В некоторых версиях легенды евреи призвали на помощь раввина Мозеса из Вормса, слывшего «прославленным магом и некромантом».) Когда в назначенный для колдовства день епископ был занят приготовлениями к крещению, евреи подожгли фигурку; когда она наполовину сгорела, архиепископ почувствовал сильное недомогание и в тот же день умер, не выходя из церкви³⁴. Одна из несообразностей этой истории состоит в том, что магическая операция была назначена на субботу перед Пасхой. Христианские авторы этой легенды пропустили одну важную деталь: они не приняли во внимание, что по субботам евреи не разводят огонь.

По крайней мере в одном случае евреи определенно были замешаны в историю с убийством, хотя они играли в ней далеко не главную роль. Замысел принадлежал членам высшей церковной иерархии. В 1317 г. Юг Жеро (Geraud), епископ города Каора с несколькими клириками составил заговор, имевший

целью убийство папы Иоанна XXII. Аймерик де Бельвез, казначей епископа, нанял еврея по имени Бонмасип, чтобы тот добыл яд и восковые фигурки, необходимые для осуществления преступного замысла. Магический ритуал сначала был опробован на Жаке де Виа, любимом племяннике папы, и тот 13 июня скончался. Ободренный этим успехом Аймерик поспешил в Тулузу, где приобрел у некоего аптекаря яд, а у еврея Бернарда Журдена — три восковые фигурки. После того как эти фигурки были крещены, их вместе с ядом (интересный пример связи магии с отравлением!) завернули в полоски пергамента, на котором были написаны заклинания против папы и двух главных членов Курии, и запекли в хлеб, который отправили в папскую резиденцию Авиньон. Однако заговор был раскрыт, злоумышленников арестовали, подвергли пыткам и казнили в том же году³⁵.

Тот факт, что заговорщики, планировавшие магическую операцию, обратились к евреям, несомненно говорит о высоком авторитете, которым пользовались последние. Однако парадокс в том, что магию практиковали как раз представители церковной иерархии, то есть обвинители, тогда как вина упомянутых евреев состояла в том, что они лишь обслуживали своих многочисленных клиентов из христиан. Как видно, существовали довольно веские причины для того, чтобы слово «envouter» («навести чары на человека, пронзив иглой его восковое изображение») вошло во французский язык.

ПРИМЕЧАНИЕ

* В «Житии Василия Великого» описано, как «некий еврей, желая узнать, в чем состоят святые тайны, присоединился к прочим верующим как бы христианин и, войдя в церковь, увидел, что Святой Василий держит в своих руках младенца и раздробляет его на части. Когда верующие стали причащаться из рук святого, подошел и еврей, и святитель подал ему, как и прочим христианам, часть святых даров. Приняв их в руки, еврей увидел, что это была действительно плоть, а когда приступил к чаше, то увидел, что в ней была действительно кровь. Он спрятал остаток от святого причащения и, придя домой, показал его жене своей и рассказал ей обо всем, что видел своими глазами. Уверовав, что христианское таинство есть действительно страшное и славное, он пошел на утро к блаженному Василию и умолял удостоить его святого крещения» (см. «Жития святых святителя Димитрия Ростовского». — Москва: Синодальная типография, 1904. Кн. 5, январь. Ч. 1). Аналогичный рассказ содержится в «Чудесах св. Георгия», где очевидцем чуда пресуществления становится «некий сарацин», который обращается в христианскую веру (см. «Византийские легенды» — Москва, 1994. С. 200).

Глава 9. РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Из всех нелепых обвинений, которые когда-либо выдвигались против евреев, одним из самых чудовищных и имевших для них серьезные последствия стал так называемый «кровавый навет», или «ритуальное убийство». Согласно наиболее распространенной версии, евреи якобы нуждаются в христианской крови для совершения обрядов во время празднования Пасхи. Это обвинение не раз становилось предметом тщательных исследований и бесконечной полемики¹, в ходе которых была убедительно доказана его абсурдность, однако подлинная его природа так и осталась невыясненной. Легенда претерпела несколько редакций, прежде чем приобрела тот вид, в каком она известна в наше время. В ее ранней версии, в которой древние суеверия объединялись со средневековыми представлениями о евреях как о магах и колдунах, нет никаких упоминаний о том, что использование евреями христианской крови непосредственно связано с ритуальной практикой.

Нам сложно со всей объективностью оценить, насколько глубокое впечатление оказывал кровавый навет на воображение христиан средневековья. Обвинение в ритуальном убийстве окончательно ставило все точки над «и» в процессе «дьяволизации» евреев и способствовало формированию соответствующего представления о них. В столь жестокую и кровавую эпоху, как средневековье, тот неподдельный ужас, который внушали христианам евреи, можно сравнить разве что со страхом перед дьяволом. Поэтому неудивительно, что простой народ фанатично презирал, ненавидел и боялся евреев в одно и то же время.

Представители клира, создававшие общественное мнение в средние века, не упускали ни малейшей возможности, чтобы расписать в самых мрачных красках ритуальные преступления, которые приписывались еврейскому народу в целом. Папская власть, напротив, нередко пыталась пресечь распространение кровавого навета. Фактически почти все обвинения ритуального характера исходили от представителей клира, которые получали от них прямую выгоду (разумеется, не обязательно личную); так, например, место погребения святого, погибшего мученической смертью, и его рака становились местом паломничества верующих и приносили немалый доход. Когда предполагаемое ритуальное убийство Уильяма из Норвича в 1144 г. получило широкую огласку, настоятель монастыря в Льюсе (Lewes), которому случилось тогда оказаться в Норвиче, попытался получить тело для своего аббатства, не дожидаясь расследований о при-

чине смерти, ибо настоятель понимал, что эти останки могут стать объектом «благоговейного поклонения»². Разумеется, хронисты, писатели и художники той эпохи также сделали немало для того, чтобы все эти рассказы впоследствии составили значительную часть средневекового фольклора. «Kindermorderische Juden» (евреи-детоубийцы) — обычная характеристика евреев в средневековых немецких текстах. В английской литературе еврея называют не иначе, как «bloudie» (кровавый)³. В период с XIV по XVI век до нас дошло немало леденящих кровь повествований о том, как христиане, доведенные до отчаяния нищетой, продавали евреям своих детей, зная, что те будут убиты. Даже в 1699 г. (!) одна бедная женщина предложила Майеру Голдшмидту, придворному ювелиру датского короля, купить у нее ребенка⁴. Поэтому неудивительно, что вплоть до наших дней в некоторых местах Европы родители добиваются от своих детей повиновения, пугая их страшными рассказами о злых евреях, которые похищают детей⁵.

Едва ли имеет смысл перечислять здесь все обвинения «ритуального» характера, которые предъявлялись евреям в средние века. Достаточно будет сказать, что они всегда жили под угрозой расплаты за смерть или исчезновение христианских детей, и эта угроза нередко принимала конкретные формы в виде массовой резни и изгнания. В исследованиях, посвященных кровавому навету, упоминается около 150 случаев обвинений евреев в ритуальных убийствах, однако есть все основания предполагать, что эта цифра передает лишь ничтожную часть реального числа обвинений⁶.

Многие папы считали своим долгом опровергнуть эти клеветнические измышления, а светские власти, не питавшие особенной любви к евреям, порой также были вынуждены оказывать им свое покровительство в интересах общественного порядка, причем не только в беспокойные времена, но и в периоды относительного благополучия. Многие обвинения были сфабрикованы злоумышленниками, которые подбрасывали неподалеку от мест поселения евреев мнимые доказательства их вины (мертвое тело либо кувшин с кровью), после чего поднимали тревогу. (Подобные провокации стали популярной темой еврейских сказаний со счастливым концом: злодеев непременно находили и наказывали.) Поскольку случаи провокаций были не редкостью, власти принимали меры, издавая соответствующие постановления, которые мы обнаруживаем в некоторых хартиях. Одна из них была пожалована евреям Гартманом, епископом Аугсбургским в 1271 г.; другая, датированная 1361 г., позволяла евреям вернуться во Францию после того, как они

были изгнаны оттуда в 1322 г.; хартия Филиппа Бургундского Благочестивого (1374 г.) запрещала преследовать евреев на основании слухов о том, что они якобы прячут у себя в домах или в огородах тела умерщвленных ими христианских младенцев⁷.

Самое раннее упоминание об обвинении евреев в ритуальном убийстве принадлежит дохристианскому автору Демокриту, который утверждал, что каждые семь лет евреи ловят чужеземца, приводят его в Иерусалимский храм и приносят в жертву, разрезая на части его тело. Апион, который в несколько переработанном виде пересказывает эту легенду, уменьшил интервал между жертвоприношениями до одного года и придал повествованию поистине драматический характер: в его версии несчастный грек, обреченный стать жертвой кровавого обряда, сам рассказывает об ожидающей его участи Антиоху Епифану во время посещения последним Иерусалимского храма. Некоторые исследователи предполагают, что обе версии — Демокрита и Апиона — основаны на более раннем материале, а именно на памфлете, сочиненном Молоном⁸.

Нелегко найти источник этой легенды, однако упоминание имени Антиоха Епифана дает ключ. Есть все основания предполагать⁹, что изначально эта легенда была состряпана с пропагандистскими целями — опорочить еврейский народ и его религию — агентами полубезумного сирийского царя, чтобы оправдать осквернение им Иерусалимского храма, ибо этот поступок, вызвавший возмущение всего эллинистического мира, был непременным святотатством. Согласно Апиону, евреи, «поймав какого-нибудь греческого бродягу, в продолжение года кормят этого человека, затем, отведя в какой-то лес, убивают, тело его по своему обряду приносят в жертву и, вкусив от его внутренностей, во время жертвоприношения приносят клятву в том, что всегда будут ненавидеть эллинов»*. Следует отметить, что даже здесь, в самой ранней версии, ритуальное убийство в первую очередь выражает враждебность к врагам и чужеземцам, тогда как чисто ритуальный элемент играет второстепенную роль, а об употреблении крови вообще не упоминается.

Уже в дохристианскую эпоху подобные обвинения не были чем-то из ряда вон выходящим, причем жертвами этого навета становились не только евреи. Хорошо известно, что в первые века христианской эры язычники часто обвиняли самих христиан в том, что те якобы приносят в жертву детей. (Ориген считал, что эти слухи распространяют евреи, однако Паркс полагает, что даже если отдельные евреи могли быть виновны, едва ли можно видеть в этом пропагандистскую деятельность

евреев с целью дискредитации христиан. Кроме Оригена никто из христианских апологетов II века не приписывал распространение этих слухов евреям, хотя все так или иначе упоминали о них.) Впоследствии христиане, в свою очередь, не преминули обвинить в ритуальных убийствах гностиков, а также других своих противников¹⁰.

Что касается евреев, то их не обвиняли в ритуальных убийствах вплоть до XII века, когда внезапно над ними вновь повисла опасность стать жертвами этой клеветы. За все это время сохранилось упоминание лишь об одном инциденте, который, хотя он и не был напрямую связан с кровавым наветом, все же сыграл свою роль в его возрождении. Согласно источникам, в 415 г. в Инместаре (Сирия) во время празднования Пурима несколько евреев, одурманенных вином, повесили на кресте христианского мальчика и мучили его до тех пор, пока он не умер. Спустя несколько десятилетий Феодосий II запретил сжигать чучело Амана и насмехаться над крестом во время празднования Пурима (вполне вероятно, что он сделал эти распоряжения под влиянием сообщений о других случаях, подобных вышеописанному). Проклятия, которые по традиции посылали на голову Амана, легко могли привести к неосторожным жестам и высказываниям, а сверхчувствительные христиане могли истолковать их превратно. Доказательством того, что соблюдение Пурима и в более поздние эпохи вызывало самые мрачные подозрения у христиан, служит текст формулы отречения от иудаизма, составленный в XI веке. От еврея, принимающего крещение, требовалось предать анафеме «тех, кто отмечает праздник Мордехая... и тех, кто прибавляет чучело Амана гвоздями к дереву, присовокупляя к сему дереву знак креста, и вместе сжигает их, изрыгая ужасные проклятия христианам». Согласно христианским источникам, в 1191 г. на севере Франции, в Брэ (Bray) имел место случай, подобный вышеописанному. Во время празднования Пурима несколько евреев якобы казнили христианина, который олицетворял для них Амана. Сесил Рот полагает, что источником столь распространенных в средневековье обвинений в совершении евреями ритуальных убийств были именно такие случаи, по всей вероятности действительно имевшие место во время празднования Пурима, праздника, который иногда совпадал с христианской Пасхой. Однако здесь налицо слишком явная натяжка, поскольку упомянутые совпадения носили случайный характер и были крайне редкими. Тем более что «в чистом виде» случаи кровавого навета зафиксированы раньше, чем сообщение об инциденте в Брэ¹¹.

Проследивая источник этих обвинений, необходимо принять во внимание следующее: отдельные евреи, безусловно, были виновны в совершении тех или иных действий, которые вызывали гнев и возмущение христиан. Но всеобщая тенденция к обобщению бросает тень подозрения на всех без исключения евреев из-за вины лишь нескольких из них. Агобард, например, приводит достоверные свидетельства о случаях похищения детей во Франции еврейскими работоторговцами, а хронист XII века сообщает о том, что в восточной Франции евреи кастрировали нескольких мальчиков, чтобы продать их в качестве евнухов для мусульманских гаремов¹². В 1202 г. еврею Бонефанду из Бедфорда было предъявлено обвинение в том, что он «целиком отрезал половые части у Ричарда, племянника Роберта де Саттона: дознание установило, что в таковом преступлении Бонефанд невиновен и посему с последнего снято означенное обвинение»¹³. Как бы то ни было, но сообщения такого рода не могли не оказывать воздействия на общественное мнение.

«Мизантропия» евреев была важным козырем в пропаганде их враждебности ко всем народам. Жестокость американских индейцев из дешевого бульварного романа не шла ни в какое сравнение с теми ужасами, которые мы находим у Диона Кассия, описывающего еврейское восстание в Южной Африке во времена Траяна: «Евреи уничтожали и греков, и римлян. Они поедали плоть своих жертв и делали себе опоясания из их внутренностей, и красили лицо их кровью»¹⁴. Но если евреи столь безжалостны к язычникам, спрашивается, какие зверства они могут учинить по отношению к христианам?

Словно побуждаемые этим риторическим вопросом, власть имущие в Византийской империи и на Балканах принимали соответствующие меры. По их распоряжению именно среди евреев отбирали кандидатов на роль палача. В 1073 г. еврея заставили выколоть глаза низложенному императору Роману IV по приказу его преемника. С XIII по XV век в Византийской империи, а впоследствии под владычеством турок в Болгарии, Сербии, Венеции, Палермо и Марокко евреев часто вынуждали совершать публичные казни политических и уголовных преступников. На Крите и в других колониях Венеции еврейская община была обязана выделить одного из своих членов на роль палача, а глава общины лично отвечал за то, чтобы последний являлся и исполнял свои обязанности по первому требованию. Эта практика была распространена не только на Востоке, но и на Западе: в Англии в XII и XIII вв. евреи также были обязаны по требованию властей пытаться и казнить преступников¹⁵. Молва о якобы особой жестокости этих палачей распространялась по

всей Европе и отнюдь не способствовала благожелательному отношению к евреям, если к тому же учесть, что христиане были так твердо убеждены в их кровавых пристрастиях, что приписывали им чуть ли не всякое таинственное убийство. Симптоматично, что в то самое время, когда в Англии и Франции кровавый навет приобретал все большую популярность, немецким евреям были предъявлены обвинения в совершении нескольких убийств ритуального характера¹⁶.

Как бы то ни было, но все вышеизложенное не помогает обнаружить истоки возникновения средневекового кровавого навета, ибо для того, чтобы за столь короткий срок миф мог обрести такую жизнеспособность, его должны были стимулировать сильные мотивы довольно специфического свойства. Даже «ритуальный» аспект обвинения, впервые заявивший о себе в XII веке, не дает вполне удовлетворительного объяснения.

По-видимому, самый ранний пример подобного обвинения евреев содержится в повествовании о том, как в 1096 г. во время нападения половцев на Киев монах Печерского монастыря Евстратий был похищен и продан в Херсоне евреям, которые в 1100 г. *растяли его во время празднования еврейской Пасхи*¹⁷. Правда, это сообщение дошло до нас в тексте источника XIII века, в силу чего оно передает точку зрения, характерную для той эпохи, когда процесс объяснения подобных преступлений с помощью «ритуальной» версии вступил уже в зрелую фазу своего развития.

Насколько мы можем судить, самые первые случаи обвинения евреев в «ритуальных убийствах» не связывают напрямую факт преступления ни с Пасхой, ни с каким-либо другим еврейским праздником. Обратимся к свидетельству средневекового хрониста, рассказавшего о первой «жертве» евреев, мученике Уильяме из Норвича, пропавшем в 1144 г.: «Евреи Норвича купили христианского отрока перед христианской Пасхой и подвергли его всем мучениям, каковые претерпел Господь наш, а на Страстную Пятницу повесили его на кресте, злобствуя на Господа нашего, после чего закопали его». Рассказ не производит впечатления достоверного, однако он основан на показаниях крещеного еврея, некоего Теобальда из Кэнтербери, который охотно предоставил следующие объяснения: ежегодно *на христианскую Пасху* евреи должны приносить в жертву христианского мальчика. Согласно свидетельству Теобальда, место жертвоприношения было заглавременно определено на ежегодной встрече раввинов в Нарбонне, и их выбор пал на Норвич¹⁸. Несмотря на уверенный тон хрониста, современники Теобальда едва ли отнеслись к его версии с большим доверием,

поскольку никто из местных евреев не был ни допрошен, ни подвергнут наказанию, тем более что факт совершения убийства так и остался недоказанным. И все же объяснение, предложенное Теобальдом, согласно которому ребенка убили именно евреи, оказало определенное воздействие, поскольку в Глочестере в 1168 г. и в некоторых других местах Англии имели место схожие обвинения. Не будет лишним привести выдержки из рассказа современника, который живописал подробности мученичества Харольда из Глочестера, и тем самым воздать должное как рассказчику, так и логике той эпохи: «Отрок Харольд ...был тайно похищен евреями 21 февраля, и они прятали его вплоть до 16 марта. Той ночью... собрались там евреи со всей Англии... они подвергли отрока сугубым мучениям. Хотя и верно то, что при сем деле не присутствовал, а также ничего не видел и не слышал ни один христианин, а из евреев никто не признался в совершении названных злодейств... Однако же, коль скоро раны, нанесенные отроку, были должным образом освидетельствованы, то имеется вероятность того, что отрока постигли пытки и мучения. Несомненно, что отрок прославился во Христе как мученик»¹⁹. Обвинения, подобные вышеописанному, были предъявлены евреям в Блуа в 1171 г.; в Бэри Сент-Эдмонде в 1181 г.; в Понтуазе, Брэнлсе и в Сарагоссе в 1182 г., и в Винчестере в 1192 г. Ни в одном из упомянутых случаев не было проведено никакого расследования; одних лишь слухов оказалось достаточно, чтобы установить факт мученичества похищенных и злодейски убитых детей.

Рассказ Теобальда о регулярных пасхальных жертвоприношениях ни у кого не вызвал особого интереса, но его басне о столь же регулярных встречах всех раввинов страны суждена была долгая жизнь. Очевидно, она задела какую-то чувствительную струнку в народной душе, ибо легенда о ежегодных «конференциях» раввинов быстро распространилась по Европе, и ее неизменно вспоминали в связи с предполагаемыми ритуальными преступлениями евреев. Вскоре появилась ее расширенная версия. Согласно последней, существовало тайное еврейское общество, занимавшееся похищением и убийством христианских детей, а также распределением их крови между крупнейшими еврейскими общинами Европы в соответствии с распоряжениями совета, постоянным местом собраний которого в конце концов решили считать Испанию. Отныне большую часть нераскрытых преступлений списывали на счет этой таинственной организации²⁰.

Согласно самому раннему и широко распространенному в ту эпоху объяснению этих приписываемых евреям преступле-

ний, евреи *распинали* христианских детей обычно *во время пасхальной недели*, дабы воспроизвести распятие Иисуса и оскорбить христианскую веру. Все нападки на евреев, имевшие место уже в XX веке, основывались именно на этом мотиве, корни которого — в XIII столетии. (Исключением служит случай с Робертом из Эдмонсбери, о котором нам неизвестно ничего, кроме того что «отрок Роберт замучен евреями 10 июня») ²¹. В Норвиче в 1235 г. несколько евреев предстали перед судом за то, что они совершили ритуал обрезания над мальчиком (вероятно, новокрещеным), «с явным намерением распять его во время христианской Пасхи» ²².

То же обвинение было предъявлено евреям в связи с делом об убийстве Хью из Линкольна (1255 г.), которое получило широкую огласку. Большая группа евреев находилась тогда в Линкольне по случаю бракосочетания Беласет, дочери Магистра Бенедикта Мозеса. На следующий день в пруду обнаружили тело мальчика, пропавшего три недели назад. Вполне возможно, что он сам упал туда играя, однако предпочтение было отдано другой, более драматичной версии его гибели. Мэтью Пэрис, описывая подробности предполагаемого убийства, упоминает о том, как «отрока поначалу обильно откармливали ровно десять дней белым хлебом с молоком, а по истечении означенного срока чуть ли не всех евреев Англии пригласили на его распятие» ²³. Еврея по имени Коупин вынудили «признаться» в том, что мальчик был распят *in injuriam et contumeliam Jesu*. В результате около ста евреев были арестованы, и девятнадцать из них, включая Коупина, повесили без суда и следствия. Ходатайство ученого францисканского монаха Адама Марша, обеспокоенного судьбой остальных евреев, ни к чему не привело. Однако уже после осуждения и вынесения приговоров, их тем не менее отпустили на свободу, поскольку за них заступился Ричард Корнуэльский. Дело в том, что евреи королевства находились под его юрисдикцией и платили ему налоги, поэтому он был непосредственно заинтересован в том, чтобы сохранить свою собственность.

Те же обвинения нередко предъявлялись и евреям, живущим на континенте, так что даже в *Siete Partidas* (1263 г.) было внесено соответствующее установление, начинающееся словами: «Коль скоро дошли до нас слухи о том, что евреи на Страстную Пятницу крадут детей и прибивают их ко кресту в насмешку над Господом...» ²⁴. (Интересно отметить, что эти ранние упоминания напоминают версию Апиона, пересказанную Флавием, а этот текст, как известно, был особенно популярен у представителей клира.)

Примерно в это время миф обогатился новым содержанием: в источниках кроме подробностей о распятиях жертв евреев стали появляться упоминания о крови, что свидетельствует о специфически христианском представлении о еврейской Пасхе. О собирании крови впервые говорится в связи со случаем в Фульде в 1235 г. В 1247 г. во Франции, в местечке Валреас, у еврея под пыткой вырвали «признание» в том, что мертвый ребенок, которого нашли с ранами на лбу, ногах и руках, был распят по еврейскому обычаю, согласно которому в субботу перед христианской Пасхой евреям необходимо причаститься кровью христианских младенцев²⁵.

Случаи подобных обвинений и соответствующее «ритуальное» истолкование преступлений, якобы совершенных евреями, а также волнения в массах, взбудораженных слухами, побудили германского императора Фридриха II учредить комиссию из схоластов и выдающихся ученых из евреев, принявших христианство (в состав комиссии входили представители почти всех европейских стран). Задачей комиссии было выяснить, действительно ли евреи нуждаются в христианской крови на Страстную Пятницу — *Parasceve* (*Judei Christianum sanguinem in parasceve necessarium haberent*). Члены комиссии ответили следующее (их слова стоит процитировать): «Ни в Ветхом, ни в Новом Завете не говорится о том, будто евреи жаждут человеческой крови; напротив, в Библии, в законах Моисеевых, а также в собрании притч, правил и поучений для евреев, называемых Талмудом, сказано, что не подобает им осквернять себя кровью. Те же, кому даже вкушение крови животных строго воспрещено, явно не могут возжелать употребления крови человеческой, во-первых, поскольку пить ее — ужасная вещь; во-вторых, поскольку это противно самой природе; в-третьих, поскольку евреи, как и христиане, связаны общностью человеческого естества; в-четвертых, поскольку евреи не захотят по собственной воле рисковать жизнью и имуществом»²⁶. Поистине, исчерпывающий ответ, однако, как можно догадаться, эти слова не произвели должного воздействия на общественное мнение.

Принятое в средние века объяснение ритуального убийства делает акцент на традиционной враждебности евреев ко всему христианскому миру, а также на намерении евреев поиздеваться над христианами и выказать презрение к сущностному факту христианской веры, к распятию Иисуса и к таинству Евхаристии. Как бы то ни было, но даже сознание средневековых христиан с их некритичностью и легковерием не всегда могло вместить представление о том, что евреи отмечают *христианскую* Пасху, пусть даже на свой извращенный лад. Поэтому со вре-

менем место христианской Пасхи в легенде постепенно заняла еврейская, в чем был по крайней мере хоть какой-то смысл — по крайней мере для той эпохи. (Рассказ о том, что евреи *распили* монаха Евстратия во время *еврейской Пасхи*, что само по себе довольно абсурдно, представляет собой своего рода гибрид, возникший на переходной стадии развития мифа.) И все же упоминания о ритуальных преступлениях евреев в связи с христианской Пасхой не исчезают окончательно, и время от времени всплывают даже в обвинениях, предъявленных евреям в более позднюю эпоху. Даже в XVI веке источники утверждают, что убийство христианских детей и распределение их крови среди евреев есть «знак их вечной вражды против христиан», ибо «будь Христос ныне среди них, они бы распяли его, как это сделали их отцы, но коль скоро нет среди них Христа, то они и мучают вместо него невинных христианских чад»²⁷.

Ассоциация между еврейской Пасхой и обвинением в собирании христианской крови также имела место в первой половине XIII века. Ришер из Санса в *Gesta Senoniensis Ecclesiae* (опубликованных между 1239 и 1270 гг.) уточняет, что убийство нескольких христианских детей в Фульде произошло за день до еврейской Пасхи — 22 марта 1236 г. Натяжки и несообразности этого обвинения явствуют хотя бы из того факта, что остальные отчеты об этом деле, также написанные современниками, называют другую дату — 25 декабря 1235 г. Так или иначе, но представление о связи христианской крови с еврейской Пасхой (едва ли Ришер дошел до этого своим умом, скорее всего, он лишь пересказывал распространенные в его время слухи) довольно скоро приобрело множество сторонников, поскольку предлагало вполне приемлемый мотив для совершения евреями «ритуальных» преступлений. Молва с таким усердием разносила слухи о злодеяниях евреев, что папа Иннокентий IV в своей энциклике *Lachrymabilem Judaeorum Alemannie*, вышедшей в свет в 5 июля 1247 г. и обращенной к архиепископам и епископам Германии и Франции, встал на защиту евреев и заявил следующее: «Их ложно обвиняют в том, что во время своей Пасхи они причащаются сердцем умершвленного христианского ребенка. Полагают, что это суть требования их Закона, тогда как, напротив, совершение таких дел — вопреки их Закону. Где бы ни нашли мертвое тело, преследователи евреев сваливают вину на них». Кроме того, подтверждая послание *Constitutio pro Judeis*, изданное папой Калликстом II в 1120 г., Иннокентий IV счел необходимым добавить: «Пусть же впредь никто не обвиняет их в употреблении человеческой крови для религиозных обрядов...». В 1272 г. папа

Григорий X, переиздавая *Constitutio*, добавил от себя следующее: «Вновь... их враги обвиняют евреев в том, что они выкрадывают и умерщвляют христианских детей и приносят в жертву их сердце и кровь». Из того факта, что папа запретил клирикам поощрять распространение слухов о ритуальных преступлениях, можно сделать следующий вывод: в течение этого столетия уже широко распространилось представление о том, что евреям во время празднования своей Пасхи требовалось принести в жертву христианского ребенка²⁸.

И все же в формулировках самых первых обвинений ощущается некоторая неуверенность и неопределенность в том, что касается использования крови (это видно из текста цитированных выше папских посланий). Представления о том, что евреи добавляют христианскую кровь в мацу или смешивают ее с вином, которое пьют на Пасху, возникли не позднее XIV века и стали постоянным элементом мифа лишь в XV веке. Когда папа Мартин V в 1422 г. осудил кровавый навет, он высказался против суеверий, согласно которым евреи «якобы подмешивают человеческую кровь к маце», а также выразил возмущение тем, что «христианские проповедники рассказывают об этом своей пастве». Одной из наиболее важных причин, которые повлияли на изгнание евреев из Испании, было неоднократное обвинение их в том, что они пьют христианскую кровь²⁹. Согласно уникальному «признанию», полученному под пыткой у еврея, уроженца Савойи в 1329 г., евреи «приготавливают из голов и внутренностей умершвленных христианских детей некую пищу наподобие мази, называемую ими *ахарас* (*Haroseth*), каковую они поедают во время празднования своей Пасхи вместо жертвы; они готовят названное блюдо каждые шесть лет, ибо верят, что, поедая его, будут спасены»³⁰.

Таким образом, мы видим, что в то время доминирующей стала версия, согласно которой евреи употребляют христианскую кровь во время празднования своей Пасхи, и именно в такой форме эта легенда завоевала популярность, которую сохранила и по сей день. Но изучив документы по фактам предъявлявшихся евреям обвинений в убийствах христиан в тот период, когда легенда о ритуальных убийствах либо еще не возникла, либо не получила столь широкого распространения, как впоследствии, и проследив историю кровавого навета вплоть до самых его истоков, мы увидим, что прежде были распространены другие версии, а мотивы, якобы побуждавшие евреев добывать христианскую кровь, также были — по мнению народных масс — иными, и, что особенно важно подчеркнуть, именно те, более ранние мотивы и сыграли решающую роль в

укоренении легенды о ритуальных убийствах в массовом сознании. Необходимо учитывать следующее: за фактами обвинений в ритуальных убийствах, которые предъявлялись евреям, всегда стоял клир, а вся официальная документация также была целиком в ведении клира, в силу чего она не могла не отражать теологические склонности и предрассудки его представителей. При таких обстоятельствах те объяснения пагубного пристрастия евреев к добыванию христианской крови, которые были популярны в народе — а они на протяжении значительного отрезка времени сильно отличались от версии, насаждаемой клиром, — все реже встречались в письменно зафиксированных документах. «Ритуальная» версия несомненно была создана клиром. Однако в источниках сохранилось несколько примеров изначальной, «народной» версии, распространенной в период раннего средневековья, когда «ритуальная» концепция еще не окончательно оформилась. Кроме того, в нескольких редких случаях даже в более позднюю эпоху «народная» версия также получала право голоса, хотя доминировала всегда «ритуальная».

Действительно, в большинстве случаев самые первые засвидетельствованные факты обвинения евреев в умерщвлении христиан и собирании их крови не содержат никаких упоминаний ни о Пасхе, ни о том, что пресловутые убийства были совершены для каких-либо ритуальных нужд; единственной их целью считалось *получение крови либо иных частей тела*. Приведем несколько примеров:

1234 г. — Лауда-на-Таубере: обвинение в убийстве христианского ребенка скорее всего было предъявлено евреям в конце года (поскольку преследования евреев имели место в первых числах января 1235 г.) — это первый пример кровавого навета в Германии³¹.

1235 г. — Фульда: согласно источникам, пятеро мальчиков христиан были умерщвлены, а их кровь собрана в прововенные мешки; это случилось на Рождество, когда их родители были в церкви; упоминание праздника Рождества носит чисто случайный характер³².

1267 г. — Пфорцгайм: 1 июля был убит ребенок, а его кровью было пропитано льняное полотно³³.

1270 г. — Вайссенбург: евреев обвинили в том, что 29 июня они подвесили ребенка за ноги и вскрыли все артерии на его теле, чтобы сцедить кровь.

1285 г. — Мюнхен: в октябре евреев обвинили в том, что они похитили ребенка.

1286 г. — Обервезель: евреи в течение трех дней подвергали мучениям «бедолагу Вернера», пока тот не скончался; в самых

первых сообщениях об этом деле нет упоминаний о крови и о ритуальных целях убийства, однако в поздних документах говорится о том, что евреи собрали его кровь.

1287 г. — Берн: мальчика по имени Рудольф замучили, после чего отрезали ему голову.

1293 г. — Кремс: евреи умертвили мальчика, «чтобы получить его кровь»³⁴.

Здесь перед нами типичные образцы обвинений, зафиксированных в течение XIII столетия, в период расцвета кровавого навета (все случаи обвинений, имевшие место в XII веке, — лишь отражения самого раннего, сделанного Теобальдом из Кэнтербери). В более поздних также наблюдается отсутствие ритуальной мотивации. 12 июля 1462 г. в Ринне близ Инсбрука якобы имело место убийство мальчика, кровь которого была тщательно собрана в сосуды. В начале XVII века эта версия была переработана: теперь утверждалось, что сначала евреи обескровили мальчика, в силу чего его смерть стала прямым следствием произведенной над ним операции³⁵. Испанский теолог XV века Альфонсо де Эспина также упоминает несколько случаев убийств евреями христианских детей, однако он не упоминает об употреблении христианской крови во время празднования *еврейской Пасхи*, хотя в его время ассоциация с *еврейской Пасхой* была вполне привычной³⁶. Фактически обвинения, датируемые XV и XVI столетиями, делают акцент на сжеживании и собирании крови без уточнения, для чего она потом используется. В документах по делу об убийстве Симона из Трента в 1475 г. говорится о том, что убийство мальчика, которое сопровождалось «проклятиями, глумлением и заклинаниями», произошло через два дня после начала *еврейской Пасхи*, в силу чего его смерть никак нельзя было поставить в связь с пасхальными обрядами. Евреи якобы признались в том, что им требовалась «свежая христианская кровь», ибо шел юбилейный год (действительно, год был юбилейным, но *по католическому календарю*!) Кроме того, евреи не отмечали юбилейные годы еще с древних времен³⁷.

Вплоть до нынешнего времени в этих обвинениях, предъявляемых евреям, не говорится ни о *еврейской Пасхе*, ни об использовании крови жертв для ритуальных нужд. Так, например, нескольких евреев обвинили в том, что они в ночь на 13 июля 1834 г. убили мальчика неподалеку от Нойенховена (Дюссельдорф) и сседили его кровь. Широкую огласку получило печально известное дамасское дело об убийстве в 1840 г. монаха-капуцина отца Томаса и его слуги, однако в материалах следствия не упоминалось о том, что убийство носило ритуальный

характер. В смерти мальчика, чье тело было обнаружено 29 июня 1891 г. в Ксентене (Рейнская Пруссия), обвинили евреев, которые якобы обескровили его, однако не говорилось ни слова о том, что целью убийства было извлечение крови для совершения обрядов еврейской Пасхи³⁸.

Мы уже отмечали, что евреев подозревали в нездоровом интересе не только к крови, но также и к органам человеческого тела. В цитированных нами документах уже фигурировали голова и сердце; из одного еврейско-испанского источника мы узнаем следующее: «рассказывают, что в доме у одного еврея нашли мертвого ребенка, чье тело было разрезано на груди, и еще говорят, будто евреи вынули его сердце, дабы использовать его для своих обрядов»³⁹. Есть также свидетельство о том, что евреи якобы извлекали из тел своих жертв не только сердце, но и печень: 5 ноября 1447 г. папа Николай V выпустил в свет буллу, в которой сурово порицал клириков, распускавших слухи о том, что «евреям потребны сердце и печень христиан для своих праздничных обрядов»⁴⁰. Кроме того было распространено поверье, согласно которому евреи не пренебрегали и плотью убитых ими христиан. В Ворвике (Англия) некая еврейка якобы съела «губы и уши» своей жертвы; испанские источники упоминают о том, что евреи вырезали кусок живой плоти у христианского ребенка; в Пезинге (Венгрия) против евреев, кредиторов обвинителя, было сфабриковано обвинение в том, что они якобы отрезали половой член и яички у мальчика и обескровили его⁴¹. Два сообщения об изгнании евреев из Франции Филиппом Августом в 1182 г. (десять лет спустя после обвинения в ритуальном убийстве в Блуа) приписывают решение Филиппа его убежденности в том, что евреи *поедают* христиан. (Однако необходимо добавить, что другие источники объясняют изгнание евреев их ростовщической деятельностью.)⁴²

Промежуток времени с XII по XX век — довольно долгий период, но, увы, далеко не обо всем можно сказать: чем старше, тем лучше (как о вине и скрипках прославленных мастеров). Ученые-антропологи обнаружили в нынешней Германии и кое-где на Балканах области, жители которых все еще верят, что евреи едят человеческое мясо и запивают его кровью, которую высасывают по ночам у христианок, работающих в их домах!⁴³

ПРИМЕЧАНИЕ

* Иосиф Флавий. Против Апиона // Филон Александрийский, Иосиф Флавий. Трактаты. — Москва - Иерусалим: изд-во «Гешарим», 1994. С. 165.

Глава 10. КРОВАВЫЙ НАВЕТ

Для чего евреям так нужна кровь и части человеческого тела, если не для ритуальных нужд? Средневековый христианин не затруднился бы ответить на этот вопрос. Он был слишком хорошо осведомлен относительно широких возможностей их использования и, вполне естественно, предполагал, что евреи знают об этом не меньше его. Действительно, мастерство евреев по части практического применения крови и органов человеческого тела считалось непревзойденным, и не шло ни в какое сравнение с познаниями христиан. Убежденность в том, что в различных частях и выделениях человеческого тела заключены таинственные силы, которые можно с успехом поставить на службу медицине и магии, занимала одно из первых мест среди верований древнего мира и в еще большей степени характерна для средневековья. Магия той эпохи изобилует всевозможными рецептами, в которых описано, как применить в оккультных целях человеческий жир, кровь, внутренности, руки, пальцы; средневековая медицина наряду с органами человеческого тела в качестве одного из основных медикаментов часто использовала кровь, предпочтительно свежесвыпущенную или менструальную. Торндайк отмечает, что «принесение в жертву невинного младенца в целях колдовства или гадания было не редкостью у язычников». Позднее язычники обвиняли в совершении этих убийств первых христиан, а средневековые христиане — евреев и еретиков¹. Свечи, приготовленные из вытопленного человеческого жира, особенно ценились ворами на том основании, что пламя от этих свечей делало злоумышленников невидимыми и позволяло им безнаказанно заниматься своим ремеслом. Кроме того, всевозможные яды, как мы уже отмечали, также содержали элементы человеческого тела.

Согласно средневековым поверьям человеческая кровь употреблялась для ведьмовских ритуалов и колдовства. Использование крови для подписания договора с дьяволом упоминается уже в XIII веке, причем в связи с легендой о Теофиле². Для достижения наибольшего эффекта в колдовстве самой подходящей считалась *кровь еврея*. 13 июля 1784 г. в Гамбурге две женщины были колесованы за убийство еврея с целью получения его крови для магических операций. До сих пор в некоторых местах Европы существует поверье, что договор с дьяволом должен быть подписан кровью еврея³. Волшебные свойства, заключенные в человеческом теле и его элементах, были хорошо

известны в средневековом мире. Интересной иллюстрацией всеобщей распространенности этого суеверия, а в более узком смысле — примером того, как можно было воспользоваться этими представлениями в полемике с противником, служит спор между доминиканцами и францисканцами, происходивший в Берне в 1507 г., когда последние обвинили своих соперников в том, что они с тайными целями используют кровь и ресницы еврейских детей. А когда группу евреев (это случилось примерно в то же время) обвинили в убийстве ребенка, некто сочувствующий обратился к обвинителям с характерным вопросом: «А волшебники, заклинатели дьявола или охотники за кладами, разве все они не совершали таких дел, когда занимались колдовством?»⁴. Что касается употребления вышеупомянутых элементов человеческого тела для нужд медицины, то наиболее яркий пример можно привести, сославшись на эпоху, которая чисто технически была уже довольно далека от средневековья, но в некоторых аспектах своего мироощущения оставалась по сути средневековой. В 1699 г. во Франкфурте вышел в свет объемистый том, в котором с энциклопедической дотошностью была собрана всевозможная информация об исцелении от многих недугов и прочая медицинская премудрость. Книга была озаглавлена: «Curiese, Neue Hauss-Apothec, Wie man durch seine eigne bey sich habende Mittel, als dem Blut, dem Urin, Hinter- und Ohren-Dreck, Speichel und andren naturlichen geringen Mitteln seine Gesundheit erhalten, fast alle selbst vor incurabel gehaltene Krankheiten ... heilen ... moege und konne» («Занимательная новая домашняя аптека; как благодаря средствам, каковые наличествуют в человеке от природы — крови, моче, калу, ушной сере, слюне и прочим естественным средствам, — соблюсти свое здоровье, а также излечить почти все телесные хвори, каковые полагают неизлечимыми»). В книге описывалось применение в терапевтических целях костей, костного и головного мозга, жира, волос, сердца, ногтей, пота, последа, спермы, менструальной крови и пр.⁵. Все эти средства использовались медиками с незапамятных времен, и наверняка ими пользуются до сих пор. Недавно стало известно о том, что даже в конце XIX века крестьяне из окрестностей Граца всерьез верили, что доктора местной больницы раз в год лишали жизни одного из своих пациентов для врачебных нужд. «Иной раз молодой парень отправлялся туда, чтобы подлечить зубы или какую легкую хворь, а его хватали, подвешивали за ноги и шекотали, пока он не выпускал дух! Химики варили труп, приготавливали

из него всякие притирания и мази и отправляли их в аптеку вместе с жиром и костями. В народе поговаривают, что каждый год ближе к Пасхе в больнице обязательно исчезает какой-нибудь молодой парень, которого они там отправляют на тот свет»⁶.

Многие средневековые легенды приписывали евреям непосредственное участие в такого рода деятельности, и это вполне объяснимо, если учесть общепризнанные познания евреев в смежных областях магии и медицины. Некоторые предания возникли еще в эпоху становления раннего христианства, а поскольку они постоянно циркулировали в обществе посредством устной передачи, то существовало огромное количество их различных версий. Эти легенды стали своего рода неизменной составляющей средневековых верований. Одна из них повествует о слепом еврее, который прозрел, как только смазал глаза кровью убитых монахов. Широко была известна и история о Константине Великом, пораженном проказой за то, что прежде он преследовал христиан. Чтобы исцелиться, лекарь-еврей посоветовал ему искупаться в крови ребенка. В самой ранней версии этой легенды, дошедшей до нас в пересказе армянского монаха Моисея из Хорена (он умер в 487 г.), Константин получил этот совет от языческих жрецов, но в средние века имела хождение лишь упомянутая нами более поздняя версия⁷.

Тот же мотив мы встречаем в рассказе о Ричарде Львиное Сердце. Когда он заболел проказой, еврейский врач сказал ему следующее: «Знай же, что ты сможешь исцелиться, если омоешь свое тело в крови новорожденного младенца... Однако средство — внешнего порядка, поэтому надлежит обратиться еще и к вспомогательному снадобию, каковое способно уничтожить внутренний корень болезни. А именно: ты должен присовокупить к названной процедуре сердце младенца. Ваше Величество должны съесть его сырым и еще теплым, тотчас как его извлекут из тела». Недостоверность этого рассказа с очевидностью следует из того факта, что Ричард Львиное Сердце никогда не болел проказой и скончался на поле боя от ран. Не меньшей известностью пользовалась легенда о том, как папа Иннокентий VIII, лежа на смертном одре (он не был прокаженным), призвал к себе врача-еврея, который предложил умирающему ввести в жилы «живую кровь отрока»⁸.

Такой была реальная подоплека кровавого навета. Тот факт, что сама мысль об использовании частей человеческого тела и особенно крови для магических, медицинских либо каких-то

иных нужд⁹ была бы отвратительна евреям, не имел никакого значения. Имело значение другое, а именно то, что средневековый мир принимал чудовищную версию об употреблении крови и органов человеческого тела, списывая предполагаемую вину на счет евреев. Здесь, в области суеверий, мы должны искать мотивы, стоящие за средневековым кровавым наветом, мотивы, имеющие неодолимую силу.

Уже упоминавшийся нами Ришер из Санса сообщает об интересном случае, который произошел в начале XIII века в городке St. Die. Еврей из местной общины, стяжавший среди своих единоверцев славу величайшего мага и предсказателя, подпоил работницу христианку колдовским зельем и тайком вырезал у нее кусок плоти для каких-то таинственных целей. Когда распространились слухи об этом преступном деянии, девушку вызвал для допроса Филипп, провост герцога Лотарингского, после чего еврея судили и приговорили к смертной казни. Его привязали к хвосту лошади и поволокли на виселицу, но когда он попытался дать объяснение своему поступку, палач не дал ему говорить, поскольку евреи заранее подкупили палача, опасаясь, как бы их соплеменник не раскрыл что-то такое, что могло им повредить. Приговоренного подвесили за ноги, а два дня спустя евреи сняли его с виселицы и похоронили. Такова история, рассказанная Ришером, а ее мораль вполне очевидна: в колдовстве виновен не один только еврей-злоумышленник, но к его преступлению каким-то образом причастны и все его единоверцы, хотя им и удалось ускользнуть от наказания благодаря подкупу¹⁰. Если бы рассказ на эту тему был единственным, в нем можно было бы усмотреть лишь еще один пример средневекового суеверия, а еврейское происхождение преступника воспринимать как случайную деталь, не имеющую отношения к общему представлению о евреях в целом. Но некоторое время спустя имел место самый скандальный случай кровавого навета (один из ранних), и это дает нам повод предположить, что в XIII веке подобные преступления были не в новинку и считались характерными для еврейской магической практики.

Описав распятие отрока Хью из Линкольна (впоследствии мальчик был причислен к лику святых мучеников), Мэтью Пэрис продолжил свой рассказ и сообщил следующее: «Когда же отрок был уже мертв, они сняли его тело с креста и вынули из него все внутренности, но с какой целью это было совершено, — нам неизвестно; однако говорят, что внутренности нужны им для того, чтобы заниматься магией». Коупин, у

которого под пыткой вырвали «признание» в том, что его соплеменники виновны в совершении ритуального убийства, раскрыл их гнусные цели такими словами: «А когда он умер, они решили спрятать мертвое тело, но его нельзя было закапывать в землю. Ибо мертвое тело невинного ребенка не годится для ворожбы, потому его выпотрошили, чтобы можно было колдовать»¹¹. Подобно тому, как мотив распятия жертвы оставлял место для обвинения в магии, так и введение «ритуального» мотива, связанного с празднованием еврейской Пасхи, отнюдь не упразднило тему колдовства. Действительно, несмотря на свою популярность, «ритуальные» черты мифа оставались чем-то искусственным и носили слишком «теологический» характер, чтобы без ощутимых потерь занять место ранних — более примитивных и более «секулярных» представлений, которые настойчиво продолжали заявлять о себе. В 1401 г. жители Фрайбурга обратились к городским властям с прошением об изгнании из города евреев. Они обосновывали свою просьбу тем, что евреи опасны для общества не только по причине совершаемых ими детоубийств, ибо они высушивают кровь, добытую таким путем, перемалывают ее в порошок и рано утром, когда на земле лежит обильная роса, рассеивают этот порошок на полях. В результате через 3–4 недели люди и скот заболевают чумой, распространяющейся в радиусе полумили, и христиане жестоко страдают от болезни, тогда как хитрые евреи отсиживаются по домам¹².

Здесь перед нами сочетание элементов мифа в окончательно сложившейся форме: убийство, кровь, магия, яд, направленные на уничтожение христианского мира. Эта небылица варьировалась на все лады, дабы продемонстрировать, что никто не сомневается в правдивости ее содержания. Фактически уже ее первые версии, в которых мы сталкиваемся с ярким примером ассоциации мотивов отравления источников питьевой воды (наиболее ранний случай подобного обвинения) и убийства христиан, предвосхитили рождение самого кровавого навета. Сохранились сообщения о том, что во время первого крестового похода, 5 мая 1096 г. в Вормсе «некто... выкопал на кладбище мертвое тело, каковое пролежало в земле уже около месяца, и протаскил его по всему городу, выкрикивая, что евреи убили христианина, сварили его и разбросали части сего варева в источники воды, дабы отравить всю воду в городе»¹³. Не совсем понятно, каким образом сваренный и расчлененный труп можно было показывать толпе в качестве доказательства злодеяния, совершенного евреями, однако горожане и крестоносцы вос-

пользовались этим предлогом, чтобы преследовать евреев. Во Франции после эпидемии Черной Смерти была распространена иная версия этой легенды: еврей вынуждает обнищавшего и доведенного до отчаяния христианина продать ему сердце своего ребенка и гостию. Тот приносит требуемое, однако под видом сердца мальчика дает ему свиное. Еврей, не заметив подмены, приготавливает из гостии и сердца колдовскую смесь и подсыпает в колодцы и источники воды, чтобы отравить местное христианское население, но вопреки его коварному замыслу гибнут только свиньи, напившиеся отравленной воды, а людям она не приносит никакого вреда, «ибо сердце было не человеческое, но свиное»¹⁴.

Последующие столетия подлатали основательно истрепавшуюся басню, но от этого она не стала более привлекательной. В источнике XVI века, претендующем на то, что он сообщает о недавнем событии, еврей, которому подсунили свиное сердце вместо человеческого (оно было нужно ему якобы для лечения больных), закапывает его в поле, сопровождая этот акт захоронения «заклятиями и волшеббой», после чего все свиньи в округе устремляются туда и в ярости уничтожают друг друга. Много-речивый рассказчик завершает повествование явно излишним комментарием: «А в намерения сего еврея вне всяких сомнений входило то, чтобы до такого страшного дела дошли люди и поубивали друг друга насмерть»¹⁵. Существует еще и другая версия той же небылицы. На этот раз изменены место (Йегерсдорф, Силезия) и время (1535 г.), словно для того, чтобы намекнуть: дескать, всем известно, что такого рода случаи — не редкость. В этой версии еврей просит у кормящей матери продать ему ее молока, но та вместо своего дает ему свиное. Еврей, не подозревая об обмане, договаривается с задолжавшим ему крестьянином, что тот будет выполнять все его приказания в счет погашения долга (займодательство и ростовщичество часто служили полезным дополнением для характеристики еврея, постоянно вынашивающего всевозможные дьявольские планы). Вынудив крестьянина согласиться на это условие, еврей приводит его к месту казни преступников, заставляет снять с виселицы труп, расколоть ему череп и влить туда молоко:

«Когда же крестьянин исполнил все требуемое, еврей приказал ему: "Приложи ухо к голове мертвеца и скажи, что ты слышишь!" — Крестьянин отвечал, что слышит хрюканье множества свиней. — "Горе мне! — воскликнул еврей. — Та женщина обманула меня!" А на следующий день все свиньи в округе

собрались на том месте и поубивали друг друга». Чтобы мораль сей басни не ускользнула от внимания слушателей и читателей, рассказчик завершает свое повествование риторическим вопросом: «Благочестивые христиане, будь молоко, полученное от женщины, не свиным, но ее собственным, что могло бы произойти?»¹⁶.

В источниках XVI века сохранился также рассказ о «ритуальных» преступлениях евреев: «Ныне, когда евреи по причине страха перед христианской справедливостью уже не приносят человеческие жертвы, они все же изыскивали иной способ обеспечить себя кровью христиан, каковую они получают у цирюльников и хирургов; добытую у них кровь они помешают в стеклянный сосуд и нагревают на жаровне до кипения, произнося при этом различные заклятия и призывая демонов, а те являются и отвечают на все вопросы, что им задают, покуда кровь кипит на горящих углях»¹⁷. Здесь перед нами типичный пример практической магии, которая была в ходу у средневековых ведьм, гадалок и ворожей, и это помогает объяснить, почему в обвинениях, предъявлявшихся им, неизменно делалось упоминание о собирании крови в стеклянные сосуды. Одним из доказательств верности нашего предположения служит гравюра, украсившая издание «Удивительных историй» Boaistuau («Histoires prodigieuses»), вышедших в свет в Париже в 1575 г. На ней изображен еврей, который «заклинает дьявола, и тот является ему выходящим из стеклянного сосуда с кровью, каковая была взята из тела распятого младенца»¹⁸.

Но почему кровь должна быть взята именно у младенца? Иоганн Эк говорит следующее: «Им потребна невинная христианская кровь, но не взрослого христианина, каковой, обретая через крещение безгрешность, частично утратил ее по причине совершенных в течение жизни грехов»¹⁹. Таким было изначальное условие мифа, но в процессе своего развития последний отнюдь не исходил из псевдотеологических построений. Тот, кто знаком с принципами магии, без труда поймет, о чем речь. С незапамятных времен колдуны предпочитали использовать в своих операциях детей, особенно это касалось предсказаний, а в ведьмовских культах выше всего ценились кровь и части тела младенцев. Это предпочтение связано с тем, что для удачного завершения магической операции она должна производиться с использованием такого материального субстрата, который олицетворяет аспект абсолютной *новизны*. Дети — существа девственные и неиспорченные; в соответствии с осо-

бой логикой магии «невинная» кровь должна обладать наибольшей силой. В средние века, если не все, то во всяком случае подавляющее большинство людей с полной серьезностью относились к тому, что было связано с кровью.

Как бы то ни было, но постоянная потребность в добывании христианской крови была столь велика, а возможности получения свежей крови наилучшего качества настолько ограничены, что евреи — по убеждению средневековых христиан — были вынуждены умерить свои аппетиты, как случалось и с колдунами-нееврейцами в подобных ситуациях. Свидетельство, зафиксированное в Люблине в 1636 г., подтверждает распространенное в народе поверье о том, что цирюльники* и хирурги были для евреев вторичным источником пополнения запасов крови. Согласно этому документу, один монах кармелит утверждал, что евреи заманили его в какой-то дом и, принудив к подчинению, передали врачу-немцу, который вскрыл ему вены и собрал некоторое количество крови в сосуд, тогда как евреи в продолжение всей операции бормотали свои заклинания²⁰.

Такого рода обвинения были рассчитаны на ответную реакцию, и последняя не заставила себя ждать, поскольку Восточная Европа уже давно зарекомендовала себя в качестве подходящей почвы для успешного распространения мифа. Самые последние добавления, обогатившие тему «ритуального» убийства, были сделаны именно здесь. Так, например, в одном сочинении, увидевшем свет в Польше в 1716 г., утверждается, что евреи употребляют христианскую кровь для всех видов своей магии и колдовства, а среди способов ее использования названы следующие: они смазывают ею двери домов, в которых живут христиане, дабы расположить последних в свою пользу; они вводят ее посредством инъекции в яйцо, которое вручают новорожденным, и те должны съесть его, чтобы произвести обильное потомство; они пропитывают этой кровью куски ткани с написанными на них магическими формулами, после чего закапывают их перед дверями своих жилищ, чтобы обеспечить успех и процветание их обитателям²¹. Даже маца, испеченная — как полагали христиане — с добавлением христианской крови, якобы обладала магической силой, причем этой мацой могли с успехом воспользоваться и сами христиане! В провинциях Германии, а также в сельских районах Восточной Европы было распространено поверье, согласно которому *Judenmatz* (еврейская маца) обладала свойством гасить пламя, могла предохранить дом от пожара, защитить людей и животных от града и

удара молнии, уберечь шерстяную одежду от моли, предотвратить паралич, который возникал из-за козней ведьм и колдунов и т.д. Поэтому в народе считалось знаком особого расположения подарить кусочек мацы или разделить ее между друзьями²².

Если кровь и части тела жертв мнимых «ритуальных» преступлений евреев считались необходимыми составляющими магических процедур, то этим их применение — с точки зрения средневековых христиан — отнюдь не исчерпывалось. Считалось, что евреи используют их в своей пронизанной магией медицине, причем названные средства были — опять же, по убеждению христиан — совершенно незаменимыми для весьма специфических недугов этого проклятого народа. Средневековые источники не оставляют места для сомнений в том, что массы верили, будто подавляющая часть «ритуальных» убийств совершалась именно на этой почве.

Утверждение о том, что евреи нуждались в крови христианских детей «для собственного исцеления» (*ut ex sanguinem ad suum remedium elicerent*), родилось не ранее XIII века — в связи с первым случаем такого обвинения, имевшим место в Германии (Фулда, декабрь 1235 г.)²³. По какой причине им требовалась именно кровь для исцеления от каких-то таинственных недугов? В ранних источниках об этом ничего не говорится. Однако очевидно, что это странное объяснение было связано с другим, не менее фантастическим допущением, которое в течение столетия приобрело чрезвычайную популярность. Фома из Сантимпре, сообщая о случае в Пфорцгайме в 1267 г., разъяснил, что с тех самых пор, как евреи кричали Пилату: «Кровь его на нас и на детях наших» (Матф.27:25), они страдают геморроем (или кровотечениями). Некий мудрец поведал им, что их может излечить *solo sanguine Christiano* (только христианская кровь); евреи же восприняли этот совет буквально и усвоили обычай ежегодно проливать христианскую кровь, которую прикладывали к телу, «дабы избавиться от своей болезни». Фома же истолковывает слова мудреца в том смысле, что на самом деле подразумевалась кровь Христа²⁴. Этот рассказ, основанный — как считается — отчасти на проповеди Августина (но ее не нашли в его сочинениях), а отчасти на свидетельстве еврея, принявшего крещение, впоследствии стал устойчивым элементом средневекового фольклора, и его бесконечно повторяли на все лады. Если число и характер специфических «еврейских» болезней менялись в зависимости от склонностей тех, кто их

описывал, то лекарство оставалось неизменным. Потребность в христианской крови — как верили христиане — была для евреев столь настоятельной, что один автор XVI века высказал следующее предположение: евреям приходится заблаговременно запастись кровью, поэтому они смешивают ее с томатом, медом и имбирем, «ибо они не могут обойтись без нее, коль скоро она исцеляет их от недугов»²⁵.

Зачастую за обвинениями следовали разбирательства, в ходе которых насильственным путем получали «признания» в совершении преступлений ритуального характера, а если учесть фактор времени и свободный полет воображения, то легко себе представить, в каких масштабах миф о ритуальном убийстве распространялся среди христианского населения Европы. Так, например, после того как было получено несколько «признаний» в ритуальных убийствах, городской Совет Фрайбурга в Брейсгау обратился в мае 1401 г. с прошением к герцогу Леопольду, чтобы тот приказал изгнать евреев из их города, поскольку «каждые семь лет все евреи добывают христианскую кровь», которой они ежегодно натирают все тело, а также «глотают ее ради продления жизни и по причине зловония, от коего они надеются избавиться, ибо когда они не употребляют кровь, то они смердят столь злостно, что никто не может находиться рядом с ними»²⁶. Схожие «признания» были получены в Регенсбурге в 1476 г., когда распространились известия о том, что евреи пьют христианскую кровь, смешивая ее с вином, и намазывают ее на мацу *в качестве профилактического средства против проказы* или же втирают ее себе в щеки, чтобы избавиться от слабости и приобрести здоровый цвет лица²⁷.

В городе Тирнау в 1494 г. от евреев также добились соответствующих «признаний», что позволило дать следующие объяснения стремлению евреев добывать христианскую кровь: «Во-первых, их предки научили их, что кровь христиан есть наилучшее средство для заживления ран от обрезания. Во-вторых, они полагают, будто кровь, добавленная в пищу, пробуждает обоюдное влечение к любви. В-третьих, коль скоро у них и мужчины, и женщины равно подвержены месячным истечениям, и они проведали, что кровь христиан облегчает сии недомогания, то они пьют кровь. В-четвертых, они подчиняются древнему и тайному предписанию, согласно коему им положено во славу Бога проливать кровь христиан во время своих ежедневных жертвоприношений; они сказали, что в этот год жребий пал на наш город»²⁸.

Представление о том, что евреи используют христианскую кровь «для заживления раны от обрезания» скорее всего возникло в конце XV века, поскольку упоминания об этом начинают встречаться только в документах того времени. «Признание», в котором фигурирует этот мотив, было получено в 1476 г. в Бадене²⁹, а инцидент в Эндингене (воспетый в самой популярной драме XVII века *Endingen Judenspiel* — «Что творили евреи в Эндингене») наглядно показывает, каким образом от евреев добивались подобных «признаний». Между прочим, в упомянутой драме указывается, что событие, послужившее основой для сюжета, имело место во время еврейского Праздника Кушей (при этом ничего не упоминается о «ритуальных мотивах»). В 1462 г. в Эндингене было совершено убийство семьи христиан; восемь лет спустя в этом преступлении обвинили евреев и принудили их взять на себя вину. В тексте «признаний» многократно упоминается, что евреям была нужна не только кровь, но и *головы* своих жертв. («Сию кровь сохраняйте в жидком состоянии, а также не пренебрегайте и их головами для величайших целей, лишь нам известных, для умелого и полезного употребления»³⁰, — приказывает раввин в упомянутой пьесе своим преступным соплеменникам.) Для чего евреям головы христиан, так и осталось неясным, тогда как собирание ими крови тотчас получило готовое объяснение. Один из первых допрошенных заранее знал, чего от него ждут, и показал, что «евреям требуется христианская кровь во время совершения обряда обрезания в качестве смягчающего притирания» (в тексте протокола эта мазь обозначается словом *chrisam*, то есть «освященное масло», которое применялось в церковных обрядах). Однако следующий допрошенный был не достаточно искушенным, и то, как он мучительно пытался ответить на вопросы инквизиторов, производит поистине душераздирающее впечатление: «Поначалу он показал, что евреям потребна христианская кровь для медицинских нужд, ибо сие средство весьма благотворно. Но такой ответ нас не удовлетворил, и мы сказали ему, что он лжет... после чего он отвечал, что они лечатся кровью от проказы³¹. Мы же спросили у него: почему тогда твой сын — прокаженный? И мы не приняли сего ответа. Тогда еврей по имени Mercly показал, что евреи нуждаются в христианской крови по причине ее аромата, ибо сами чудовищно смердят. Но и такой ответ не удовлетворил нас». Так дознание шло своим чередом, и ему не видно было конца, пока наконец несчастный не попал, что называется «в точку»,

заявив, что «евреи используют христианскую кровь в качестве *chrisam* во время обрезания». Когда к удовлетворению инквизиторов допрашиваемый своим «правильным ответом» заслужил себе соответствующий приговор, ему задали последний и обычный в таких случаях вопрос: «Коль скоро вам, евреям, доподлинно известно, что христианская кровь обладает благотворными и целительными свойствами, почему же вы не сделаете и свою кровь столь же благотворной, приняв святое крещение?» На это он ответил: «Дьявол не дает»³². Так судьба его была окончательно решена, а инквизиторы обратились к остальным и тем же способом вытянули из них нужные показания.

«Лев, еврей из Пфортгайма» показал на том же дознании «добровольно и без принуждения, что однажды, тому назад восемнадцать или двадцать лет, он был со своим отцом на обряде обрезания и ненароком узрел нечто красное на маленьком блюде, и осведомился у отца своего, что есть сие красное, на что отец отвечал ему, раз ты не знаешь, то я скажу тебе, это есть христианская кровь, каковую евреи должны использовать при обрезании»³³. Это свидетельство, явно продиктованное желанием угодить инквизиторам, дает нам необходимый ключ. Ибо через несколько лет после следствия новокрещенный еврей Антоний Маргарита, не упускавший случая оклеветать своих бывших единоверцев, когда это казалось ему уместным и выгодным, в небольшом сочинении описал церемонии и обычаи евреев и указал, что после совершения обрезания они «используют кровь дракона, дабы облегчить страдания ребенка». Упомянутая «кровь дракона» представляет собой смолистое вещество темно-красного цвета, получаемое из некоторых видов пальмового дерева (*Calamus Draco*, *Pterocarpus Draco*, *Dracaena Draco*), и это — обычное средство, которое использовалось евреями для заживления ран от обрезания³⁴. Доверчивые и невежественные простолудины, убежденные в том, что евреи жаждут христианской крови, легко спутать эту смолу с кровью. Питать подобные подозрения извинительно для простого народа, но каковы были мотивы, двигавшие клириками и представителями светской власти, которые сознательно поддерживали парадоксальное утверждение о том, что для успешного завершения обряда, выделяющего представителей иудейской веры из всего человечества, необходимо применение *христианской крови*?

Существуют и другие суеверия, тесно связанные с вышеописанным, если не проистекающие непосредственно из него. Мы

уже говорили о распространенном в XV и XVI веках поверье, согласно которому у новорожденных еврейских мальчиков пальцы рук прилипают ко лбу, «словно они срослись с кожей». Некоторые проповедники и церковные писатели той эпохи пытаются уверить нас в том, что лишь применение христианской крови позволяло освободить пальцы новорожденных без риска для их жизни. «А еще кровь христианская также имеет особую надобность для еврейских отроковиц», — таинственным тоном сообщает нам один из средневековых авторов³⁵.

В Венгрии совсем недавно было зафиксировано такое суеверие: евреи ежегодно душат ребенка или юную девственницу филактериями, после чего извлекают их кровь и смазывают ею гениталии своих детей, чтобы впоследствии они приносили обильное и здоровое потомство³⁶. И, наконец, поверье (впервые о нем стало известно уже в XIX веке), согласно которому «евреи всегда рождаются слепыми». На почве последнего суеверия евреев обвиняли в том, что они смазывают глаза своих новорожденных детей христианской кровью, чтобы младенцы прозрели³⁷. Вполне возможно, что все эти нелепые представления также возникли из-за того, что кому-то случилось увидеть «нечто красное на маленьком блюде».

Всеобщая популярность волшебных амулетов и всевозможных колдовских зелий, предназначенных для облегчения родов, способствовали возникновению поверья, что еврейские женщины используют христианскую кровь, когда разрешаются от бремени. Впервые это предположение было сделано (правда, несколько неуверенным тоном) крещеным евреем Самуилом Фридрихом Бренцем, выпустившим в 1614 г. в Нюрнберге брошюру под названием «Judischer abgestreifter Schlangenbalg» («Змеиная шкура, содранная с евреев»). В ней он писал: «Когда у еврейки начинаются схватки, но при этом она никак не может разродиться, раввин берет три полоски пергамента, выделанного из оленьей кожи, пишет на них заклинания, и кладет одну полоску на голову женщины, а две других дает ей в руки». Состав чернил, которыми на пергамент наносятся еврейские письма, евреи держат в секрете, но «весьма вероятно», что это — христианская кровь. Несмотря на сомнительность инсинуации, она послужила новым основанием для обвинений в ритуальных убийствах, и несколько десятилетий спустя иезуит Радерус уже не сомневался в том, что каждая еврейка нуждается в христианской крови во время родов. Иоганн Петер Шпэт (Spaeth) из Аугсбурга, родившийся в католической семье и в

конце XVII века перешедший в иудаизм, приняв имя Мозеса Германуса, писал: «Даже в настоящее время много такого рода дел (то есть ложных обвинений, предъявляемых евреям. — *Дж.Т.*) происходит в Польше и Германии, где со всеми подробностями рассказывают о том, как евреи умерщвляют христианских детей и посылают друг другу в гусиных перьях их кровь для того, чтобы облегчить роды еврейским женщинам, а на улицах об этом даже распевают песни»³⁸.

Не менее популярны были слухи о том, что еврейские девушки также нуждаются в «чистой христианской крови», чтобы румянить щеки³⁹. Распространители этих рассказов пытались убедить всех в том, что мертвенная бледность, якобы присущая евреям от природы и столь успешно преодолеваемая магическими свойствами христианской крови, была следствием хронических кровотечений, от которых страдали все евреи без исключения в наказание за то, что распяли Иисуса.

Таким образом, мы видим, что доверчивые и легко поддающиеся игре воображения средневековые христиане не испытывали недостатка в объяснениях причин того, зачем евреям христианская кровь. Но самое удивительное истолкование еврейской кровожадности мы встречаем в источнике XVI века. Ганс Вильгельм Кирххоф в сочинении «Wendenmuth»⁴⁰ утверждает следующее: когда еврей лежит на смертном одре, его единоверцы совершают над ним обряд помазания христианской кровью, взятой у невинных младенцев, сопровождая свои действия молитвой: «Если Мессия, обещанный через пророков, действительно уже пришел и это Иисус, пусть сия невинная кровь обеспечит тебе (то есть умирающему. — *Дж.Т.*) жизнь вечную!» Мы уже отмечали, что христиане были уверены в том, что евреи кривят душой, отвергая Христа, и лишь их дьявольское упрямство заставляет их твердо стоять на том, что — с точки зрения христиан — не только неразумно, но и в высшей степени противно человеческой природе. Сочинение, которое мы процитировали, претендует на то, чтобы дать окончательное и убедительное доказательство этого факта. Получается, что на смертном одре еврей ведет двойную игру: дескать, быть может Иисус — подлинный Мессия, кто знает! Рассказы на эту тему встречаются довольно часто в сочинениях XVI и XVII веков, и будет нелишним обратиться к более полной версии из позднего источника. Согласно последней, умирающему еврею смазывают лицо «свежей» христианской кровью или кладут ему на лицо кусок пропитанного ею полотна и при этом на ухо шепотом

говорят следующее: «Если Иисус, в которого веруют христиане и на кого возлагают свои чаяния, есть подлинный Мессия, то пусть сия кровь, взятая у невинного чада, умершего с верой в своего Спасителя, поможет тебе обрести жизнь вечную!» В одном источнике подчеркивается, что кровь должна быть взята у новокрещенного ребенка, умерщвленного посредством удушения. Если в этой басне и был какой-то — пусть извращенный — смысл, то, вероятно, он заключался в том, чтобы доказать, что христианского спасения искали с помощью магии, используя свежепролитую христианскую кровь! Как бы то ни было, но в качестве объяснения еврейского обычая убивать христианских детей, эта легенда вполне годилась.

Таким образом, более древняя традиция истолкования подвергалась необратимому процессу усовершенствования и уточнения. Перед творцами и распространителями мифа о ритуальных преступлениях евреев открывались неограниченные возможности воздействия на массовое сознание. В XVI веке в Позинге (Венгрия) было получено «признание» в том, что евреи «высасывают кровь из тела маленьких детей с помощью соломинки», поскольку «этой кровью евреи, занимающие высокое положение, должны совершать помазание во время брачной церемонии», а принадлежащие к касте священников (коханим) должны омыwać в крови руки перед тем, как благословить общину⁴¹. В XVII веке мы встречаемся с некоторыми новыми деталями, дополняющими картину, изображенную в старых источниках, например, что употребление христианской крови способствует «установлению мира и единства» между евреями, и делает их «возлюбленными Господом»⁴². Позднее стали появляться упоминания о том, что во время празднования Пурима раввины угощают собравшихся блюдом, приготовленным из христианской крови; что умерщвленный христианский ребенок выступает в качестве замены пасхального ягненка; что на Пасху евреи намазывают христианской кровью дверные косяки, чтобы ангел смерти прошел мимо их дома⁴³. Последнее обвинение датируется 1816 г. Во всех перечисленных обвинениях присутствует «ритуальный» момент, который вышел на передний план в конце эпохи средневековья. Однако «ритуальная» интерпретация с ее мотивом жертвоприношения христианского ребенка во время празднования еврейской Пасхи все же не смогла окончательно вытеснить первоначальные черты мифа и те его элементы, которые лишь отчасти носили ритуальный характер, а по сути были не чем иным, как древними народными суевериями. Этот отталкивающий перечень призван продемонстрировать

читателю, что подозрение в приверженности магии (занимались ли ею ради обретения тайного знания либо она выполняла чисто функциональную роль — практического приложения к медицине) всегда стояло за обвинениями в убийстве детей. Многочисленные «признания», на которые мы ссылались, суть трагические свидетельства чудовищного положения евреев, вынужденных признаваться в том, что было заведомой ложью, но именно в эту ложь верили их преследователи, и только ее они желали услышать и воспользоваться ею в качестве доказательства их вины. Здесь перед нами трагические свидетельства могущества антиеврейской пропаганды, против которой выступали многие духовные лидеры христианского мира, однако их протесты ни к чему не привели. Подозрения в виновности евреев в кровавых преступлениях, однажды возникнув и пустив глубокие корни в сознании средневековых христиан, вдохновляли последних на безудержную охоту за подходящими истолкованиями, дополняющими изначальное и основное обвинение в сатанизме и колдовстве, обвинение, ставшее истоком зарождения антиеврейского мифа. Ассоциация с христианской Пасхой, которая имела место лишь в самых первых случаях обвинений, представлялась уже маловероятной, поскольку носила явно искусственный характер: вся эта концепция в целом была слишком христианской, и в ней не было ничего еврейского, в силу чего ее необходимо было заменить. Действительно, вскоре ее вытеснила версия о ритуальном убийстве во время празднования еврейской Пасхи, и в этом следует видеть сознательное, хотя и не обязательно тщательно продуманное желание заменить непригодную мотивацию, связанную с христианской Пасхой. Нетрудно представить себе, как наивные, одержимые теологией люди проецировали свои верования и связанные с ними обрядовые действия на религиозные представления другого народа: если «кровь Христова» может спасти христиан, почему бы и евреям не попытаться воспользоваться ее чудодейственными свойствами, и если кровь играет столь существенную роль в христианских обрядах, почему этому не может быть соответствия в еврейской ритуальной практике?⁴⁴ (При этом христиане, убежденные в том, что евреи знают о чудесных свойствах, заключенных в христианской крови, едва ли рассчитывали на то, что эти слуги Сатаны обратятся к Христу и откажутся от своих извращенных религиозных убеждений.) Однако мы все же не найдем в подобных представлениях какого-либо существенного элемента мифа на ранней стадии его формирования. Действительно, повествование Апиона дает

прецедент для «ритуальной» фазы кровавого навета, который в своем истоке был не более чем рационализацией, носившей случайный характер. Сам факт устойчивости и распространенности объяснения, основой которого были народные суеверия (это объяснение могло как сочетаться с «ритуальной» версией, так и существовать независимо от нее, ибо мы имеем в виду эпоху, когда «ритуальный» аспект уже давно стал неременной чертой обвинений евреев в добывании крови), сам этот факт свидетельствует о нерасторжимой связи между двумя мифическими фигурами — еврея-колдуна и еврея-детоубийцы.

Свидетельства о фактах ранних обвинений необходимо рассматривать на фоне средневековых суеверий и видеть в последних еще одно выражение убежденности христиан в том, что евреи суть исчадия дьявола, которые жаждут уничтожить весь христианский мир и готовы действовать не только прямыми методами, убивая христиан, но и косвенно — посредством магии. Иначе эти средневековые источники покажутся полной бессмыслицей. Один современный автор, предпринявший тщательное исследование христианской магии и ведьмовских культов, столь же доверчивый и подверженный суевериям, как и эпоха, которую он изучает, выразил типично средневековую точку зрения на интересующий нас предмет: евреев преследовали «не столько из-за соблюдения ими обрядов еврейской религии, как обычно предполагают, сколько из-за того, что они, следуя древним традициям, практиковали чудовищную еврейскую магию. С этим древним колдовством тесно связаны и ритуальные убийства... Во многих случаях существуют неоспоримые доказательства того, что тела и особенно кровь их жертв использовалась для ритуальных целей»⁴⁵. Монтэгу Саммерс, автор этих строк, несомненно верит в эти «доказательства». Но если современный католик может с такой легкостью принять за истину легенду об использовании евреями христианской крови для проведения магических операций, что же сказать о средневековых христианах, для которых эти «доказательства» были тем более неоспоримы?

ПРИМЕЧАНИЕ

* В средние века цирюльники нередко выступали в функции врачей; в частности, они специализировались на операции кровопускания, которое считалось полезным профилактическим средством от многих недугов.

ЧАСТЬ 3

ЕВРЕЙ КАК ЕРЕТИК

Глава 11. ЦЕРКОВЬ И ЕВРЕИ

Итак, средневековый христианский мир видел в евреях колдунов, убийц, людоедов, отравителей, хулителей и служителей дьявола. Но как возникли такие представления? Где их истоки? И почему подобный взгляд на евреев был особенно популярен в XIII и XIV веках? Каковы факторы, которые в ту эпоху внезапно обрели такую силу и сделали из евреев все-европейское пугало? Эти вопросы неизбежны. И если мы не возьмем на себя ответственность и не попытаемся ответить на них, нас не удовлетворит то описание средневекового представления о евреях, которое мы дали в предыдущих главах.

В этой связи не может не поражать тот факт, что несмотря на яростную антиеврейскую кампанию, развязанную ранней церковью, отношения между евреями и христианами не были враждебными. Действительно, промежуток времени начиная с падения Римской империи и до начала Крестовых походов — приблизительно с VI по XI век — был для евреев относительно благоприятным. Откровенная неприязнь со стороны визиготов, которые захватили территорию Испании и, отказавшись от арианства, приняли католицизм, а также целая волна изгнаний, которые постигли евреев в VII столетии, были, скорее, следствием официально насаждаемого антагонизма, нежели явных проявлений ненависти со стороны христианского населения. В общем можно сказать, что экономические и социальные отношения были в тот период вполне удовлетворительными. Некоторые христиане на протяжении довольно долгого времени продолжали соблюдать положенные для иудеев посты и отмечать еврейские праздники и жили в тесном контакте с евреями. «Дошло до того, что невежественные христиане дерзают утверждать, будто еврейские проповедники говорят лучше, нежели священники», — сетовал Агобард¹. Постоянные гневные инвективы церковных властей, осуждавших тесные связи социального и религиозного характера между этими двумя группами вплоть до порицания их совместных трапез, свидетельствуют о том, что между теми и другими установились дружелюбные и добросердечные отношения. Даже клирикам время от времени недвусмысленно запрещалось водить дружбу с евреями. Аббат Вестминстера в XI веке Гильберт Криспин, вспоминая о дружеских беседах с рабби Симеоном Хасидом из

Трира (Treves), пишет: «Он нередко навешал меня, не только по какому-либо делу, но порой лишь ради того, чтобы увидеться со мной как с другом... и при встречах мы в духе миролюбия и приязни тотчас начинали рассуждать о Писании и нашей вере»². Из источников X и XI веков мы узнаем о том, что на еврейские праздники евреи получали подарки от своих друзей христиан, а отправляясь в путешествие, оставляли соседям христианам ключи от своих домов. В Шампани, где евреи занимались виноградарством и виноделием, они охотно нанимали работников из христиан, а раввины упразднили древний ритуальный запрет на употребление вина, приготовленного с их помощью на том основании, что христиане — не язычники. Христиане и христианки служили в еврейских домах в качестве слуг и нянек, а еврейские купцы не гнушались торговать церковной утварью и прочими сопутствующими товарами. Деловые отношения свободно строились на основе полного доверия, и есть немало примеров коммерческого сотрудничества между партнерами, принадлежавшими к двум различным конфессиям.

Антиеврейская пропаганда, семена которой время от времени пытались насадить клирики и проповедники, не могла нарушить дружелюбные отношения между евреями и христианами, и последние не ощущали к евреям чувства вражды и неприязни. Так, например, французские евреи называли французский язык «своим наречием», а некоторые выдающиеся талмудисты той эпохи носили французские имена — Иуда Га-Коген, известный современникам как Леонтин; Иосиф, носивший имя Бонфис. Носить евреям французские имена отнюдь не считалось неподобающим и в Англии, где норманнский французский был в ходу не только у евреев, но и среди аристократов. Схожие процессы социальной адаптации преобладали также в странах Центральной и Южной Европы. Все эти явления служили явными признаками культурной и социальной близости, которая не могла бы установиться в атмосфере подозрительности и ненависти³.

Мы вовсе не намерены идеализировать ситуацию; в том, что касается отношения к евреям, отличие между ранним и поздним средневековьем не следует сводить к чисто формальным признакам. Даже в ранний период можно обнаружить явления, которые несли в себе зачатки неприятия и ненависти, свойственные более поздней эпохе. Однако процесс отчуждения довольно медленно набирал силу и достиг расцвета лишь в XII и XIII веках, когда картина — до этого менявшаяся едва заметно — полностью преобразилась из-за той неугасимой ненависти, которую мы и называем «средневековой». Безвозвратно

ушли в прошлое терпимость и обоюдная заинтересованность, которые выражались в общности социальных установок и религиозных переживаний. На смену добросердечным взаимоотношениям личного характера и принципам честного делового партнерства пришли подозрительность и недоверие, обоюдный страх и презрение, отравившие всякий контакт между христианами и евреями, которые отныне видели друг в друге лишь крайне нежелательных соседей, не имеющих общих точек соприкосновения.

На это изменение в положении евреев повлияли многие факторы, особенно ухудшение их юридического статуса в условиях развивающейся феодальной системы. Этот процесс достиг кульминации в следующих акциях и феноменах социального порядка: запрещение евреям носить оружие и проведение в жизнь концепции «*Kammerknechtschaft*» (то есть подчинение непосредственно императору) в XIII веке; упадок благосостояния евреев в результате развития европейского христианского общества и появления привилегированного класса купцов; социальные пертурбации и ухудшение социального статуса в период после первого Крестового похода. Однако действие всех этих факторов осуществлялось на фоне политики церкви, которая фактически управляла общественным мнением (и, соответственно, практикой отправления юридических и коммерческих процедур по отношению к евреям)⁴ и которая в конечном итоге и должна нести львиную долю ответственности за то, что отношение к евреям претерпело радикальное изменение.

Христианизация Европы осуществлялась медленно и на первых порах носила поверхностный характер. Англия стала христианской страной лишь в VII веке; племена германцев, а также жители Саксонии и Богемии стали в полном смысле слова христианами не раньше IX века; с населением Пруссии и Венгрии это произошло лишь в X веке. Потребовалось немало времени, чтобы массовое сознание усвоило христианские догматы, а новая мифология не просто дополнила прежнюю, как это и было поначалу, но фактически заняла ее место. В X и XI веках этот процесс уже близился к завершению. (В XI веке папство все еще стояло перед задачей подчинить своих клириков требованиям христианской доктрины, как, например, в вопросе о celibате священников.) Европа ассимилировала католическую версию легенды о Христе — и сопутствующее ей приложение — теологическую абстракцию еврея.

Быть может, именно здесь следует искать объяснение тому факту, что антипатия к евреям, проповедуемая церковью в пери-

од ее укоренения в Северной и Западной Европе, не имела большого успеха: ибо евреи легенды о Христе мало походили на тех евреев, которых знали на Западе. Еврей мифа о Христе был всецело созданием теологической мысли; он был своего рода экзотическим растением, не сразу пустившим корни в землях, обитатели которых лишь недавно обратились в христианство. Европейскому крестьянину еще предстояло узнать (а всякое знание давалось ему с трудом), что от него ждут умения поставить знак равенства между «теологическим» евреем и конкретным живым евреем, его соседом, с которым он дружил, работал и вел совместные дела.

Это странное создание было изобретено в восточной части Римской империи в ранний период борьбы церкви, стремящейся укрепить свои позиции. Христианство, пытаясь доказать свое превосходство перед иудаизмом, который оно намеревалось окончательно вытеснить, воспользовалось типичным приемом непримиримых спорщиков: очернить противника. Христианству было мало заклеить иудаизм как упадочную, отжившую религию, а евреев выставить убийцами сына Божьего, отвергнутыми самим Богом, — эти характеристики сами по себе были довольно опасными с точки зрения тех практических выводов, которые были из них извлечены впоследствии. Ранняя церковь определила принципиальную позицию христиан по отношению к евреям, заявив о том, что отвержение евреев и возникновение церкви было предрешиено еще в начале явленной истории, а также подчеркнув роль Авраама как отца многих народов, из которых был избран только один, а именно — Новый Израиль. Таким образом евреи были разоблачены как «жестоковейшие» мошенники и самозванцы, нагло претендующие на избранность, на которую они никогда не имели права. Развязанная против евреев кампания клеветы нагромоздила столько небылиц о продажности и предательских склонностях евреев, что нападать на них по причине все той же *odium generis humani* (еще недавно этот ярлык вешали на христиан язычники) стало обычным делом. Установка по отношению к евреям, которую насаждала и поощряла церковь, отображена в легенде о городе на острове Менорка, датируемой V веком. Сей город в силу дарованной ему божественной привилегии был недоступен для всевозможных мерзких тварей, как змеи, волки, лисы и евреи. Те же представители названных видов, которым случалось переступить городскую черту, тотчас сжигались небесным огнем¹.

Паркс отмечает², что фигура еврея, которого ранняя церковь демонстрировала своим приверженцам, «полностью лишена

каких бы то ни было человеческих черт, он — теологическая абстракция, чудовище, наделенное сверхчеловеческой злобой и коварством и более чем сверхчеловеческой слепотой. Его редко обвиняют в преступлениях, которые совершаются обычными людьми, а то немногое, что свидетельствует против него, почерпнуто из наблюдений за поведением и поступками современных наблюдателю евреев». Комментируя ядовитые диатрибы Иоанна Златоуста (IV век), Паркс отмечает: «Совершенно очевидно, что еврей, о котором говорит Иоанн Златоуст — не живой человек, а воплощение теологической необходимости. И если этот искусственно созданный образ не имел ничего общего с евреями — современниками Златоуста, жившими в Антиохии, это также списывалось на счет коварства евреев, в которых следовало видеть своего рода западни, расставленные дьяволом, дабы уловить души недостаточно осторожных христиан»⁷.

Поскольку это представление о евреях в конце концов было внедрено в массовое сознание, едва ли стоит удивляться тому, что христиане средиземноморья, утратив способность различать между теологической абстракцией еврея и своими живыми современниками, отвечали на провокационные внушения клира вспышками насилия. Сочинения и проповеди воинствующих вождей церкви будоражили общественное мнение и приводили к яростным преследованиям евреев, хотя те же самые церковные лидеры нередко и вполне искренно осуждали эти агрессивные действия. Папа Григорий Великий (VI век) часто оказывал покровительство евреям, однако он не преминул обрушиться на них с гневными упреками, порицая их как изгоев общества, на которых нельзя смотреть без ужаса и презрения. Паркс пишет: «Странно представить себе папу Григория, который сначала диктует какое-нибудь свое послание, в ярких красках обличающее козни евреев, их дьявольскую извращенность и отвратительные черты, а потом в письмах к епископам, только что принявшим к сведению позицию главы церкви и применяющим ее на практике, напоминает им, что победить упрямство евреев можно лишь любовью и милосердием, и даже если они не желают обратиться в христианскую веру, следует обращаться с ними по справедливости и не ущемлять тех прав, каковые предусмотрены законом»⁸. Светское законодательство, разумеется, принимало к сведению прямые и косвенные указания церковных властей: «Все законоустановления христианской империи, даже в тех случаях, когда они предусматривали защиту законных прав евреев, были сформулированы в оскорбительном тоне; язык юридических документов прозрачно наме-

кал на то, что ни о какой искренности по отношению к подзаконным евреям не может быть и речи».

Здесь заключен парадокс христианской политики по отношению к евреям. Жестоко заклеянных в качестве преступников и богоубийц, их все же терпели из соображений гуманности, а также на основании теологических построений, воспринимая их как живое свидетельство истины христианского учения. И все же стремление наказать ненавистных евреев и обратить в религию Христа любыми средствами постоянно находилось в противоречии с соображениями морального и догматического характера, которые, в лучшем случае, вдохновляли лишь незначительное число высокопоставленных представителей духовенства.

Центр влияния христианской доктрины переместился на север и на запад, и население этих областей начало постепенно усваивать те уроки, которые церковь столь успешно преподавала своей восточно-европейской пастве. Какое-то время евреи оставались для местных христиан человеческими существами, не имеющими ничего общего с тем образом, который навязывала им церковная пропаганда. Однако, как мы уже говорили, после X века в настроениях масс произошел перелом. В христианской мысли все еще доминировал образ еврея библейских времен, а если учесть, что со временем уроки, преподанные церковью, наконец начали приносить плоды, то уже не только массы, но и их духовные наставники с трудом отличали внедренную в их сознание теологическую абстракцию от своего реального современника. Характерные черты, приписываемые «библейским» евреям церковной традицией, переносились на поведение, характер и деятельность тех евреев, которые жили и трудились рядом со своими соседями христианами. Если в прежние времена мишенью для насмешек и ненависти служили евреи из легенды о Христе, то впоследствии христианский миф включил в себя также характеристики современных евреев вместе с оценкой их деятельности во всех сферах общественной жизни.

Парадоксальное отношение к евреям все больше становилось нормой, в силу чего предпринимавшиеся время от времени попытки церковных и светских властей защитить их от клеветы и преследований не давали никакого результата. Законы о евреях короля Вацлава II, провозглашенные в Брно в 1268 г., недвусмысленно отобразили это противоречие: «По причине преступления, каковое их отцы некогда совершили против Господа нашего Иисуса Христа, евреи лишаются покровительства и защиты их естественных прав и обрекаются на вечные

страдания за их прегрешения. Невзирая на то, что они схожи с нами по человеческому естеству, мы отличны от них в силу нашей христианской веры. Посему христианское великодушие поучает нас отринуть всякую грубость и защитить от них нашу веру; мы должны уважать их человеческую природу, но не их неверие»⁹.

Логическая противоречивость этих требований была слишком очевидной и могла ускользнуть разве что от завязтых тупиц. Папы нередко выступали в защиту евреев. «Веру должно беречь вместе с ними, и никто не смеет применять к ним насилие; церковь защищает евреев, ибо, как написано, она не желает смерти грешника», — провозгласил Собор в Бурже в 1236 г.¹⁰ Трудно найти более гуманный совет, чем тот, который предложил папа Иннокентий IV: «Ежели внять с должным разумением принципам христианской религии, то сколь бесчеловечно и несогласно с христианским благочестием досажать многими обидами, а также обрекать бесчисленным страданиям и тяжким мукам евреев, оставшихся в качестве свидетельства Его страстей и Его победоносной смерти и спасения, коим наш Спаситель по своей неизреченной доброте обещал благо спасения, а посему надлежит не только удерживаться от причинения им вреда, но ради славы Христовой и милосердия утешить их в нужде и скорбях». Однако это «*non sequitur*» («не следует») официальной установки фактически сводило на нет призывы к христианской добродетели и провоцировало проявления насилия. Так, например, в 1247 г. с попустительства архиепископа Вьенны (Vienne) прямо в его епархии были совершены несколько жестоких нападений на евреев¹¹.

«*Constitutio pro Judeis*», в которой было недвусмысленно запрещено применение насилия по отношению к евреям, впоследствии была 10 раз одобрена несколькими папами, занимавшими папский престол с 1120 по 1250 год; в преамбуле к ее очередному изданию папа Иннокентий III заявил: «Хотя еврейское вероломство заслуживает справедливого осуждения, все же, в силу того, что через них обретает подтверждение истина нашей веры, христианам не подобает жестоко их притеснять»¹². Даже папа выражался уклончиво, прекрасно понимая двусмысленность собственных требований: «не подобает жестоко их притеснять». Эти слова принадлежали тому самому Иннокентию III, который активно поддерживал законодательные акты, ущемляющие права евреев.

Светские власти также пытались защитить евреев, преследуя свои частные цели: евреи были удобным источником получения денежных средств. Епископы и прочие церковные иерархи,

движимые схожими интересами как светского, так и духовного характера, обычно проводили официальную политику ненасильственной терпимости. Но папы, короли, дворяне и епископы обладали незначительным влиянием на массы, которые в конце концов все же усвоили теологическую концепцию, выработанную в отношении евреев, хотя и без сопутствующих теологических ухищрений. Наибольшим и непосредственным влиянием на массы пользовались представители «меньшего» клира, далекие от властей предрежающих, но зато близкие к массам. Эти клирики из белого и из черного духовенства значительно опережали своих прихожан в невежестве, фанатической набожности и приверженности суевериям. К тому же они не были чересчур восприимчивы к требованиям церковных иерархов, даже если речь шла о жизненно важных вопросах, касающихся доктрины и ее применения на практике. Первые случаи массовой резни евреев были непосредственно инспирированы проповедниками, а бандами погромщиков нередко руководили священники. Уильям из Ньюбери, повествуя о нападении на евреев в Йорке в 1190 г., пишет: «В толпе же было множество лиц духовного звания, из коих особенно лютовал некий отшельник... Он-то и побуждал остальных к совершению тех ужасных дел... а сам стоял среди нападавших в белом одеянии и непрестанно повторял, возвышая голос, что врагов Христовых надобно непременно сокрушить...»¹³. Поздние обвинения евреев в ритуальных убийствах и профанации гостии возникли и нашли главную опору среди этих клириков, которые так же охотно приняли и распространяли слухи об отравлении евреями источников питьевой воды. Неоднократные опровержения этих клеветнических измышлений папами и церковными соборами не возымели никакого действия, поскольку между невежественными массами и церковной иерархией стоял упрямый и фанатичный клир¹⁴.

Такой была духовная атмосфера, в которой сформировалось средневековое представление о евреях и возникло соответствующее отношение к ним. Презрение и ненависть к евреям, поощряемые церковными кругами, так глубоко проникли в общественное сознание, что даже высшие церковные иерархи и светские властители были не в состоянии что-либо изменить.

Заслуживает комментария также фактор, который способствовал укоренению в общественном сознании негативной установки по отношению к евреям. Термин «еврей», используемый церковью, претендовал на то, что он охватывает весь еврейский народ в целом, включая его прошлое, настоящее и будущее. Принцип корпоративной ответственности, преобладав-

ший в средние века (налоги взимались с корпорации как со значимой единицы; штрафы и прочие меры взыскания за оскорбление члена корпорации накладывались на всю общину или национальную группу), сообщал дополнительную силу традиционной генерализации. Действие этого принципа не ограничивалось исключительно одними евреями, а его применение имело место не только в средние века. Но евреи особенно пострадали от последствий следования этому принципу на практике. Таинственные преступления, вызывавшие у людей суеверный ужас, считались делом рук «евреев», а не того или иного конкретного еврея, и от наказания страдала вся община. Поэтому легко можно себе представить силу воздействия этого принципа на образ еврея, уже сформировавшегося в воображении средневековых христиан. Действительно, в этот образ входили черты, позволяющие наглядно представить широкое поле деятельности евреев: кровь для магических операций или для ритуального употребления добывалась и распределялась по требованию некоего комитета, представлявшего интересы общины; яд для отравления питьевой воды переходил от одной общины к другой; профанация гостии и священных изображений была — по убеждению христиан — чем-то вроде торжественной церемонии, в которой принимала участие вся община.

Решающий поворот в отношениях между христианами и евреями произошел во время первого Крестового похода. Судя по всему, период идеологической обработки достиг своего апогея, а яд, который так тщательно собирали и терпеливо хранили, прорвал ветхие вместилища и устремился на свободу мощным потоком, поглотившим как евреев, так и самих христиан. Испанский поход против арабов в 1063 г. стал своего рода «вступлением к первому акту трагедии, начало которой приходится на 1096 г.»¹⁵. Полчища, влившиеся в испанский поход, убивали всех евреев без разбора во имя Крестового похода.

Разве не естественно, что страстная ненависть к «язычникам» находила выход, когда под руку случайно попадался нехристианин? Для масс еврей, убийца Христа, был хуже всех язычников. Первый Крестовый поход принес в Западную Европу волну массовых убийств евреев, обычно совершавшихся бандами *rauperes*, которых вдохновлял религиозный фанатизм. Показателен тот факт, что в европейских средневековых источниках не сохранилось упоминаний о том, что представители благородного сословия из армии крестоносцев дурно обращались с евреями. Ответственность за разжигание массовой ненависти

к евреям и поощрение преступлений мародерствующих банд целиком лежит на трех священниках. Это — монах Петр Пустынник, Фолькмар и Готшалк.

В большинстве случаев светские и духовные власти пытались защитить евреев, но их усилия были тщетны. Даже епископы были не в силах обуздать озверевших фанатиков, которых нередко подстрекали священники из их же епархий. Даже угроза отлучения от церкви не могла охладить ярость обезумевших толп. Сохранилось несколько свидетельств о том, как епископы, укрывшие евреев за стенами своих замков, были вынуждены выдать их разбойничьим шайкам, главарями которых были подчиненные епископам клирики. Характер той эпохи передает событие, имевшее место в Майнце, где поводом для уничтожения еврейской общины послужило решение какой-то бедолаги сопровождать свою госпожу в Крестовый поход. Толпа восприняла это как знак божественного благоволения к Крестовому походу и бросилась убивать евреев!¹⁶

Было бы натяжкой утверждать, что после Крестовых походов в отношениях между евреями и христианами произошел радикальный переворот. И те и другие старались возобновить прежние дружеские связи, столь жестоко нарушенные, а контакты между представителями обеих групп какое-то время сохраняли тесный и сердечный характер. Но ужасные переживания тех лет оставили неизгладимый отпечаток в душах тех и других. Подобно изнурительной болезни, которая даже после излечения оставляет красноречивые следы на теле выздоравливающего, первый Крестовый поход подорвал духовные силы еврейства, заразив его неисцелимым страхом и тревогой, чувством заброшенности и незащищенности. Эти чувства отныне стали подтачивать внутреннюю жизнь евреев и отягощать их отношения с христианами, которых теперь они стали опасаться. Что касается христиан, то разрушительные страсти, однажды вырвавшиеся на волю, продолжали свою разрушительную работу на протяжении нескольких столетий. Несмотря на то, что социальные и экономические условия жизни в Европе постоянно улучшались, средневековый фанатизм продолжал угрожать миру и безопасности на континенте. Национальные меньшинства подвергались жестоким преследованиям и резне, и не последнее место среди них занимали евреи. А древняя вражда породила целый выводок новомодных суеверий и обвинений, навязав миру такое представление о евреях, от которого он не избавился и поныне.

Глава 12. НЕВЕРНЫЙ ИЛИ ЕРЕТИК?

Теперь нам следует перейти к обсуждению следующих вопросов — что было непосредственным истоком возникновения обвинений, связанных с христианскими суевериями, обвинений, которые завоевали столь широкое признание в первые два столетия после первого Крестового похода? Должны ли мы искать ответ на этот вопрос в преобладающей тогда оценке ересей? Но ответ на него подразумевает еще и другой вопрос: как случилось, что «неверных» евреев повсеместно отождествляли с еретиками, тогда как каноническое право и неоднократные официальные заявления пап и церковных соборов специально останавливались на недопустимости такого отождествления?

Крестовые походы — ключ к пониманию глубокого внутреннего разлада, охватившего христианский мир. С высоты своего могущества католическая церковь внимательно следила за развитием современного ей мира и сознавала, что в нем присутствуют силы, реально угрожающие единству церкви, обретенному с таким трудом. Даже когда папская власть продемонстрировала в Каноссе свое превосходство над королевской, светские противники папства вновь заявили о себе в полный голос и поставили под вопрос вселенскую гегемонию папы римского. Речь шла не только о светской власти, которой обладала церковь; дисциплина в ней ослабла, и, что хуже всего, дерзко поднимали головы — как это уже было на заре христианской истории — неортодоксальные идеологии, стремящиеся подорвать основы католического вероучения. Требование момента заключалось в том, чтобы сплотить христианский мир вокруг Рима, побудив светские и клерикальные круги к заключению союза, на почве которого был бы признан и реализован христианский идеал церкви-государства. В 1096 г. были осуществлены несколько военных походов против мусульман. Нет ничего невероятного в том, что церковные иерархи, подобно мудрым государственным мужам всех стран и эпох, известных истории, питали надежду таким образом объединить христиан, подчинив их устремления одной цели: борьбе против общего врага. Цель этой борьбы церковь провозгласила превыше всех земных интересов, а что касается центробежных сил, которые уже так или иначе себя проявили, то церковь полагала, что в процессе борьбы с внешним противником они будут ослаблены или уничтожены. Было бы неверным видеть в Крестовых по-

ходах последовательное осуществление задуманного плана в духе политических принципов Макиавелли, но их исторической целью несомненно было объединение¹.

О том, что эта цель так и не была достигнута, а разногласия внутри христианского мира продолжали углубляться, свидетельствует создание такого института как инквизиция, задачей которой было добиться объединения посредством методов пропаганды и подавления. Тех, кого церковь не могла подчинить себе путем убеждения, она была готова принудить силой либо уничтожить. Однако в конце концов и инквизиция оказалась малоэффективной; движение Реформации довело до завершения неумолимый процесс раскола, подтачивавшего жизненные силы католической церкви, и христианский мир разделся окончательно.

По сути церковь представляла собой силу тоталитарного характера, жаждущую неограниченного влияния в светской и духовной сферах, питая при этом непоколебимую уверенность в том, что правом на господство она обладает в силу божественного предназначения. Как всякая тоталитарная власть, церковь отказывалась терпеть различие взглядов и независимость мысли и действия, ибо это ставило под угрозу прочность ее положения. В первые века христианской истории церковь яростно сражалась с ересями, не уступая им ни на йоту, пока все секты не были побеждены. Своих приверженцев церковь учила остерегаться неортодоксальных учений словно самого дьявола, — и не только остерегаться, но и искоренять их с той же безжалостностью, с какой надлежит противостоять Сатане. В течение нескольких столетий ереси мало беспокоили церковь. Но XI и XII века стали свидетелями того, как угроза организованного раскола единства католической церкви вновь стала актуальной, поскольку ширящееся социальное движение несло в себе зачатки бунта против церкви и той социальной и интеллектуальной системы, которую она воплощала. Церковь живо возобновила и усилила пропаганду против ересей, и ее отпор был столь действенным, что в XI и в начале XII веков имели место несколько случаев самочинной расправы над еретиками, ибо разъяренные толпы сочли меры пресечения, предлагавшиеся клириками, слишком мягкими. Но окончательно искоренить еретические движения было не так-то просто; когда отдельные акции против еретиков перестали давать результаты, церковь еще более энергично взялась за дело и, призвав к бдительности клириков и мирян, учредила официальный орган

для борьбы с еретиками, наделенный особыми полномочиями, — инквизицию.

В период обострения борьбы с неортодоксальными учениями государство также не оставалось в стороне. Церковь полагала, что государственные интересы носили подчиненный характер по отношению к основной задаче духовного порядка: сохранять чистоту веры. С этой точки зрения оскорбление папского престола считалось куда более серьезным преступлением, чем оскорбление, нанесенное светскому властителю, и последний — в силу того, что он своим положением был обязан папе, должен был безотлагательно уничтожить главную причину конфликта. Более того, церковь ввела в обиход следующее практическое соображение: еретики суть государственные преступники, возмущающие мир и общественное спокойствие, а посему государству надлежит принять самое непосредственное участие в борьбе с ними. Ранняя церковь время от времени карала еретиков смертью, но начиная с XII века карательную функцию и вынесение смертных приговоров еретикам официально взяла на себя светская власть. Первым, кто в 1197 г. осуществил это на практике, был Петр II Арагонский; Фридрих II придал этому положению необязательный характер в 1224 г., а в 1231 г. — обязательный, следуя указанию папы Иннокентия III, который оправдывал его на том основании, что ересь была равносильна предательству. «Передача» еретика карающей деснице светской власти была по сути дела фикцией, которая позволяла церкви снять с себя ответственность за пролитие крови.

Здесь не место исследовать истоки еретических движений; вполне достаточно для наших целей ограничиться указанием на факт их возникновения. Оппозиция официальной церкви, проявившаяся под разными именами и обликами (катары, альбигойцы, люциферианцы, неоманихеи, вальденсы), охватила обширные области Центральной и Западной Европы и обрела многих приверженцев. В конце XII века слабая «епископальная инквизиция» попыталась справиться с еретиками, но когда ее попытки не увенчались успехом, церковь перешла к более решительным мерам. В начале XIII века был предпринят Крестовый поход против альбигойцев, к которому призвал — с одобрения папы Иннокентия III — цистерцианский монах Арнольд из Цито. Эта акция ознаменовала начало деятельности «Монашеской Инквизиции» и безжалостной атаки на еретиков.

Ее первыми жертвами наряду с альбигойцами стали евреи Прованса. Следует отметить, что папа Иннокентий отказался

дать согласие на проповедь христианства среди евреев этой области¹. С самого начала этой акции было ясно, что от нее не в последнюю очередь пострадают евреи. И здесь мы снова встаем перед необходимостью ответить на второй вопрос, поставленный нами в самом начале этой главы: с помощью каких софистических ухищрений евреи попали в категорию еретиков? Понятие ереси включает в себя отклонение от установленного и официально принятого курса, но не отказ следовать ему *ab initio*. Согласно всем правилам логики евреям не могло быть предъявлено обвинение в ереси, и действительно, церковь — в лице своих иерархов — с этим не спорила. Однако сознание народных масс было свободно от ограничений, накладываемых требованиями логики. К тому же и реальная политика, проводимая церковью, была далека от того, чтобы рабски следовать логике. В христианском мире на еврея неизбежно смотрели как на еретика.

Подобное отношение к евреям оформилось еще на ранней стадии развития церкви. Уже тогда ее наиболее влиятельные деятели полагали, что иудаизм не представлял из себя независимую и самостоятельную религию, но был всего лишь искажением и отклонением от единой истинной веры. (Мы уже упоминали о том, что средневековые теологи относили возникновение христианства к началу явленной истории.) В апокрифических Евангелиях, которые стали появляться в середине II века, явно обозначена тенденция видеть в евреях еретиков, которые знают истину, но отвергают ее. В составленных христианскими авторами списках еретических учений в дохристианский период перечислялись только те учения, которые отклонялись от ортодоксального иудаизма. Однако в перечни еретиков современной им эпохи они включили евреев. В одной из версий «Успения Девы» Верховный Жрец восклицает: «Что же делать нам, не верующим в Христа? Враг рода человеческого сделал незрячими наши сердца, и позор пал на наши лица, дабы мы не признали всемогущества деяний Божиих...». Анонимный автор IV века настаивает на том, что «в евреях подобает видеть отступников от христианской религии, коим ведома была истина, они же злонамеренно отринули ее». Паркс в этой связи отмечает: «Представлениям, сложившимся еще в IV веке (речь идет об отношении иудаизма к христианской ереси. — Дж.Т.), суждено было определять церковную политику на протяжении более тысячи лет. Разрешить эту проблему было значительно проще, отождествив оба термина, и существует немало указаний

на то, что среди теологов и церковных деятелей IV века и последующих столетий было немало тех, чьи амбиции побуждали их поступить именно так»³. Если эти амбиции и не получали *законного* выражения, они, тем не менее, реализовывались во взглядах, преобладающих в обществе, которое нередко считало злобных евреев ответственными за возникновение даже церковных ересей. Так, несторианцев часто обзывали «евреями», а движение иконоборцев прямо возводили к вредоносным еврейским влияниям. Фактически отношение к евреям мало чем отличалось от отношения к еретикам⁴.

Позднее средневековье унаследовало эту довольно устойчивую традицию, которая уверенно ставила евреев в ряды еретиков и тем самым обрекала их на безжалостное преследование. Бертольд из Регенсбурга заявлял в своих проповедях, что евреи суть еретики, а их Талмуд представляет собой собрание чудовищных ересей, а посему было бы преступлением оставить евреев в живых (при этом упомянутый проповедник был далеко не единственным, кто называл Талмуд «еретической книгой»)⁵. Один из евреев, принявших христианство, с негодованием отверг предложение своих бывших единоверцев вернуться в лоно религии отцов и заявил им, что его прежняя вера — *ketzerie* (ересь). Но подобные взгляды он мог усвоить только у своих новых собратьев по вере. Известно, что нескольких выдающихся испанских теологов⁶ также обвинили в симпатиях к *heresia judaica* (еврейская ересь). На протяжении всего позднего средневековья мы встречаемся с этим сочетанием двух взаимоисключающих терминов. «Арианцы, фотинианцы, несторианцы, евреи и прочие еретики и фанатики» — так, без всякого различия на тех и на других вешали тот же ярлык. Лютер, считавший себя знатоком в этом вопросе, не упускал возможности на одном дыхании проклясть подлых евреев и еретиков; более того, крещение евреев он воспринимал как «возвращение к их естественной религии»⁷.

Евреев подозревали в том, что они поощряют возникновение раскольнических сект, а против последних самым распространенным обвинением было то, что они «объевреились». Такое популярное объяснение природы еретических движений достигло пика во время гуситских войн (1419–1436 гг.), когда проповедники с кафедр клеймили евреев как соучастников и подстрекателей воинствующих еретиков, что повлекло за собой жестокие преследования евреев. В Вене, где теологический факультет официально признал наличие преступного «союза

евреев с гуситами и вальденсами» и занес это утверждение в протокол своего заседания, раввины даже запретили всякие дискуссии религиозного характера между евреями и неевреями, в надежде (увы, она оказалась тщетной!) избежать последствий этого обвинения⁸. Клирики и миряне во всем старались распознать дьявольский умысел и злую волю евреев, совращающих простодушных христиан с пути истинной веры. И если христиане признавали какое-то различие между евреями и еретиками, то оно заключалось в том, что «еретики неправы в некоторых суждениях и действиях, тогда как евреи неправы во всем»⁹.

И снова необходимо сделать акцент на расхождении между официальной политикой церкви и конкретной политикой ее приверженцев. Несмотря на упорное желание церкви отождествить евреев с еретиками, все же ее теологи никак не могли преодолеть противоречивость и непоследовательность подобного утверждения. В конце концов евреи — не христиане и никогда ими не были, поэтому не было никакого логического основания для того, чтобы обвинить их в отклонении от учения, с принципами которого они никогда не соглашались. В средневековых церковных источниках и документах иудаизм характеризовался как «вероломство», но не как ересь. Действительно, несмотря на свою нетерпимость ко всем, кто был вне ее, церковь официально признала право еврейских общин на исповедание их веры и на учреждение необходимых им институтов в самом средоточии христианского мира. С.Барон¹⁰ в своем исследовании приводит созданную усилиями средневековых юристов, знатоков канонического права, рационализацию этого загадочного мягкосердечия: «Человечество как целое есть лишь мистическое тело Христово. В состав *corpus Christi* входят не только христиане, но также и неверные. В этом теле каждая его составляющая, каждая *universitas* (совокупность, объединение) обладает своей особой функцией подобно тому, как в теле человека каждый орган выполняет определенную задачу. Еврейскую общину, которая также есть член этого универсального тела, следует сохранять как такую отдельную *universitas*, с максимально возможным разделением и изоляцией...». Барон делает справедливый вывод: «Эта формула была тем более показательна, чем более бесспорной стала в христианском мире общая теория и практика нетерпимости». Несомненно, эта формула заслуживает высокой оценки, но, к несчастью для евреев, юристы в ту эпоху составляли меньшинство. «Общая теория и

практика нетерпимости» оставляла далеко позади все официальные формулы, как бы упорно церковь ни пыталась сохранить свою позицию.

Крестовые походы против еретиков и учреждение инквизиции побудили церковь разграничить сферы применения своей новой политики в соответствии с юридическим различием между неверными и еретиками. Первые, к которым относились евреи, мусульмане и язычники, полностью отвергавшие христианство, не входили в юрисдикцию инквизиции; только те, кто «избрал» (что соответствует изначальному значению греческого слова *aisis*) свою веру, не принимая учения церкви во всей полноте, считались еретиками и находились в ведении этого органа. Евреи как таковые были свободны от надзирающего ока инквизиции. Предметом ее пристального внимания были лишь те евреи, которые некогда приняли крещение, а впоследствии вновь перешли в иудаизм. Деятельность испанской инквизиции была направлена не против испанских евреев с их богатствами, но против маранов, которые приняли христианство, но втайне продолжали исповедовать иудаизм (по крайней мере их в этом обвиняли). В источниках сохранились упоминания (правда, редкие) о том, как инквизиторы силой или угрозами принуждали евреев принять крещение и тотчас привлекали их к ответственности как еретиков и вероотступников¹¹. Но на самом деле не было нужды прибегать к столь грубым приемам. Всякий раз изгнания и преследования евреев приводили к тому, что многие из них принимали крещение, причем немало среди крестившихся было и тех, кто сделал это лишь «для вида». Эти последние, наряду с теми, кто обратился в христианство по соображениям материального характера, но были обмануты в своих ожиданиях, часто пользовались малейшей возможностью для того, чтобы, как выражаются авторы нового Завета, «вернуться на блевотину свою» (2 Пет. 2:22) и, таким образом, стать в глазах церкви еретиками.

Инквизиция не без оснований предполагала возможность мнимых обращений евреев в христианство, но в силу того, что такие случаи действительно имели место, она теперь считала себя вправе не только относиться с подозрением ко всем евреям, но и вмешиваться в их внутренние дела якобы для того, чтобы предотвратить кощунственные акты ложного крещения. Как только пределы применения власти инквизиции были технически определены, она довольно скоро присвоила себе дополнительные функции, позволявшие ей переходить границы своей

основной деятельности. Однако по крайней мере в одном случае неправомерного вмешательства инквизиции в дела евреев виноваты были они сами. Этот инцидент заслуживает внимания читателя, ибо он иллюстрирует ту алчность, с какой охотники за ересями хватались за любую предлог лишь бы включить евреев в число своих законных жертв.

В начале XIII века сочинения известного еврейского философа Моисея Маймонида вызвали в еврейских кругах ожесточенные споры, которые привели к взаимным обвинениям между его последователями и оппонентами. В 1232 г. в Монпелье (Montpellier) группа ортодоксальных раввинов наложила запрет на изучение книг Маймонида, после чего опрометчиво пригласила доминиканцев, проводивших вместе с братьями францисканцами инквизиционные расследования, чтобы те применили к еврейским еретикам те же меры пресечения, какие полагались по отношению к христианским сектантам и раскольникам. Приглашенные живо — и даже скорее всего с энтузиазмом — откликнулись на этот призыв, и после дознания, проведенного под руководством папского легата в Монпелье, все произведения Маймонида были конфискованы, а в декабре 1233 г. в торжественной обстановке впервые было проведено публичное сожжение еврейских книг.

Этот случай показался инквизиции достаточным основанием для того, чтобы впредь следить за еврейской литературой, независимо от ее содержания, где бы она ни выходила. Примерно месяц спустя после *auto da fe* в Монпелье около 12 000 томов талмудической и прочей литературы были публично сожжены в Париже. Расширив таким образом сферы своего влияния, инквизиция присвоила себе право конфискации и уничтожения еврейских книг по своему усмотрению. В 1239 г. еврей-вероотступник Никола Донин, принявший крещение и вступивший в орден доминиканцев, выступил с гневными обличениями Талмуда, который назвал сугубо антихристианской книгой. В результате этого выступления папа Григорий IX издал распоряжение, в соответствии с которым короли и прелаты Франции, Англии, Кастилии, Арагона, Наварры, Леона и Португалии должны были конфисковать все книги, находящиеся у евреев, и передать их монахам доминиканского и францисканского орденов для тщательного изучения. Вскоре состоялся первый публичный диспут между христианами и евреями, имевший для последних далеко идущие последствия: в 1244 г. тысячи еврейских книг были сожжены в Париже и Риме. В 1248 г.

после еще одной тщетной попытки евреев спасти оставшиеся у них книги Талмуд снова был заклеен как произведение, носящее выраженный антихристианский характер, и евреям запретили иметь у себя его копии. В этом и следующем столетии инквизиция несколько раз производила опустошительные набеги на еврейскую литературу независимо от ее содержания и всякий раз выдвигала против евреев обвинения в том, что они хранят запрещенные книги. Поощряемые примером клира, светские власти также присоединились к охоте за еврейской литературой: когда в 1315 г. Людовик X позволил евреям вернуться во Францию после их изгнания Филиппом Красивым в 1306 г., в тексте хартии было оговорено, что им не дозволено иметь у себя копии Талмуда¹².

Это была первая кампания в жестокой войне против Талмуда, продолжавшаяся вплоть до наших дней и возбуждавшая неистовую (и необоснованную) ненависть к этой книге. Христиане верили, что она содержит проклятия в их адрес и клеветнические нападки на их религию, бесстыдные намеки и антихристианские уловки, суеверия и магию. Они видели в ней источник еврейской слепоты и упрямства. В XVI веке имели место еще два нападения (в Германии и Италии) на еврейскую литературу в целом и на Талмуд в частности. В Германии с обвинениями выступил еврей-вероотступник Иоганн Пфедеркорн, поддерживаемый доминиканцами. Благодаря заступничеству гуманистов и некоторых церковных иерархов акция не имела серьезных последствий, кроме жарких дебатов, хотя немецкие евреи несомненно ожидали худшего. Но в Италии дело кончилось тем, что в 1550 г. все захваченные у евреев копии «еретического» Талмуда были уничтожены в нескольких городах Италии, после чего инквизиция обратилась к папе Юлию III, чтобы он распорядился о проведении соответствующей акции во всем христианском мире. Специальная комиссия, заседавшая в Венеции, постановила, что «всякое еврейское сочинение, опирающееся на авторитет Талмуда, должно быть проклято святой Церковью как еретическое и богохульное и запрещено»¹³.

Так инквизиция, вторгаясь в сферы действия гражданской и клерикальной юрисдикции, неуклонно расширяла границы применения своей власти во всем, что касалось евреев. В 1288 г., когда 13 евреев были сожжены по обвинению в ритуальном убийстве, после краткого разбирательства, учиненного доминиканцами, наделенными инквизиторскими полномочиями, Филипп IV оспорил право орденов на замещение светских властей в вопросах, касающихся евреев¹⁴. Из документов, свидетельст-

вующих о нескончаемом конфликте инквизиции и государства по поводу евреев, видно, что братья обоих орденов сначала действовали, а уже потом проводили дознание. Папская курия тщетно пыталась осуществить на практике свою политику по отношению к евреям: в 1448 г. папа Николай V счел необходимым публично выразить неудовольствие по поводу деятельности инквизиторов и запретил им распространять свою юрисдикцию на евреев кроме тех случаев, когда последние были замечены в явной еретической или антикатолической пропаганде¹⁵. Однако даже вмешательство папы не охладило того пыла, с каким инквизиция вершила справедливость. В некоторых местах евреи были обязаны даже оплачивать часть издержек судопроизводства местных отделений инквизиции, а в случае неповиновения преследовались судебным порядком. С постепенным увеличением власти инквизиции расширялся также перечень тех преступлений евреев, за которые их преследовали: введение христиан в соблазн с помощью еретических учений, укрывание еретиков, строительство новых синагог, совершение обряда обрезания над христианами, богохульство и издевательство над таинствами христианской религии, похищение и осквернение гостий и пр.¹⁶ Если формально еврей не был еретиком, инквизиция находила все более изощренные пути для того, чтобы все же преследовать его как еретика.

Весьма важным представляется также тот факт, что введение в обиход еврейской нашивки совпало с началом деятельности инквизиции и войной против ересей. Это хронологическое соответствие отнюдь не было случайным. В тот период церковь сочла удобным обращать внимание и гнев общественности на преступников и врагов христианства (евреев, сарацин, магов и чародеев, еретиков, а также священников, запрещенных в служении или наказанных за различные проступки) с помощью определенных внешних знаков. Предполагалось, что последние должны различаться для каждой упомянутой группы, однако в силу того, что не существовало единого образца, в разных странах и даже местностях их каждый раз придумывали заново, причем зачастую так бездарно, что все эти значки были очень похожи. Поскольку обычно они представляли собой цветные лоскуты из войлока, нашитые на верхнюю одежду, то отличить, на какую категорию лиц указывает данный знак, было довольно трудно, а порой — невозможно. Из перечисленных групп преступников в Западной Европе чаще всего можно было встретить евреев и еретиков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что христианское население могло видеть в них представителей одного и того же преступного братства. К тому же наше

предположение подтверждается обилием средневековых иллюстраций, на которых еврей и еретик, оба с нашивками, изображены бок о бок¹⁷.

Таким образом, ввиду непрестанной антиеврейской пропаганды, явной целью которой было поставить евреев в один ряд с еретиками как непримиримых врагов церкви, а также ввиду того, что инквизиция, задачей которой было искоренить ересь, неправомочно распространила на евреев свою юрисдикцию, едва ли следует удивляться тому, что для широких народных масс то различие, которое церковь официально признавала между еретиками и евреями, носило лишь случайный характер и не имело никакого практического значения. Если раскол и сектантство отвратительны, как церковь усердно поучала свою паству, то еврей был воплощением мерзости, корень и ветвь всякого раздора и несогласия; поэтому никакие теологические различия не могли заслонить от глаз простых христиан подлинную роль евреев. При малейшем намеке на несогласие с ортодоксальным вероучением любого могли обвинить в страшном грехе «объевреивания». Еврей был таким противником христианства, которому не было равных, и *ipso facto* он попадал в категорию опаснейших врагов, жаждавших уничтожения христианского общества, будь то путем открытого нападения либо в результате внутренней подрывной деятельности, а изощренные теологические построения были чужды сознанию простого народа и, во всяком случае, выше его понимания.

Представление о безграничной ненависти евреев ко всему, что связано с христианством, довольно интересно с психологической стороны. Странно, хотя психологически вполне оправданно, что как раз те эпохи и те люди, чья ненависть к евреям стала их религией, больше всего обвиняли евреев в пестовании того самого чувства, которое определяло их собственное отношение к ним — в ненависти. «Они полны ненависти» — это постоянный рефрен антисемитской литературы как средневековой, так и современной. Бернард Клервосский, один из духовных лидеров второго Крестового похода, в результате которого немало евреев погибло насильственной смертью, в своих проповедях говорил следующее: «В то время как мы молимся за евреев, они преследуют и проклинают нас!» В устном и печатном слове клирики убеждали народ, что в соответствии с требованиями своей религии каждый еврей обязан воспитывать детей с самого раннего возраста в духе ненависти к христианам и ко всему христианскому миру. Евреев сгоняли с насиженных мест, они вынуждены были перебираться из города в город из-за жалоб благочестивого христианского насе-

ления, в которых говорилось, что евреи суть «насмешники, хулители и прямые враги христиан». Иоганн Эк в одной из своих самых злобных антиеврейских диатриб заявляет: «Если бы евреи могли утопить всех христиан в ложке воды, они бы с радостью сие проделали». На таком фоне ассоциация с ересью приобретала особенно зловещий смысл, ибо она отражала не только подозрение в том, что здесь имеет место отклонение от вероучения и обрядов, что само по себе считалось преступлением, но кроме этого она вызывала ощущение непосредственно грозящей опасности. На этом фоне и возникло представление о евреях как о враге рода человеческого, враге, который не задумываясь предаст своего близкого друга, или страну, или народ, его приютивший¹⁸.

Важнейшим моментом этой концепции, освященной авторитетом таких имен, как Юстин Мученик, Иероним, Ориген, Агобард, было неоднократно выдвигавшееся на протяжении всего средневековья как устно, так и письменно обвинение евреев в том, что они в своих молитвах ежедневно проклинают Иисуса и всех христиан¹⁹. На основе неверного понимания, которое, быть может, носило вполне невинный характер в ту эпоху, когда юная и неокрепшая религия болезненно воспринимала малейшую критику в свой адрес, на этой основе воля к ненависти состряпала позорную клевету. В одном из так называемых «восемнадцати благословений», составленных ближе к концу I века, содержался пренебрежительный отзыв о «миним», то есть о представителях еретических течений в иудаизме, но ранние христиане приняли это на свой счет*. Впоследствии, чтобы избежать конфликта с христианами (то есть в эпоху укрепления позиций ранней церкви и ее возрастающего влияния) или, быть может, под давлением, этот оскорбительный для них термин был заменен словом «малшеним» (доносчики, клеветники)²⁰. Однако это изменение не повлияло на христианскую традицию приписывания евреям проклятий Иисусу и оскорбительных замечаний в свой адрес. Со временем христиане стали ссылаться на другой текст, приводя его в доказательство того, что евреи продолжают возводить хулу на их веру. На этот раз это была молитва «Алейну Лешабеах», которая предвещает грядущее единство всех людей в служении единому Б-гу. В этой молитве говорится о тех, кто в отличие от евреев «поклоняется пустоте и тишете и молится божествам, которые не спасают»**. Христиане, обладавшие некоторыми познаниями в области еврейской мистики и молитвенной практики, настаивали на том, что в тексте «Алейну Лешабеах» подразумеваются Христос и его последователи и в качестве

решающего доказательства приводили следующий аргумент: числовое значение слов «и пустота» равно числовому значению имени «Иешуа» (Иисус)²¹! Эти словопрения отнюдь не носили академический характер, ибо повсюду и во все времена проклятие внушало ужас, будучи призыванием духов, каковые могли воспользоваться этим приглашением и сделать свое черное дело. Невзирая на то, что евреи отрицали такие истолкования, их возражения ни к чему не привели, равно как и изменения, сделанные евреями в текстах их молитв, не положили конец обвинениям и преследованиям. Фразу, которую мы процитировали, цензоры инквизиции нередко вычеркивали из молитвенников, и в конце концов она была изъята из молитвенников для ашкеназских общин (живших в северной Европе) после того, как в 1703 г. Фридрих I, император Пруссии, запретил чтение этого отрывка вслух. В синагогах за соблюдением его распоряжения следили специально для этого назначенные цензоры²².

Миф о еврейской ненависти породил несчетное количество басен о жестоких нападениях евреев не только на отдельных христиан, но даже на целые общины. Это может показаться невероятным, но в средние века жители многих городов всерьез полагали (или делали вид), что верят в нависшую над ними угрозу неожиданного нападения многочисленных еврейских общин, члены которых вынашивают чудовищный план уничтожения всех христиан. В Майнце некоторое время действовал запрет на звуки шофара (рог барана) утром еврейского Нового года, ибо христиане однажды решили, что эти трубные звуки означают сигнал к наступлению и, решив напасть первыми, разгромили еврейский квартал²³.

Итак, когда мы сталкиваемся с тем, что в популярной литературе той эпохи евреи не только отождествляются с христианскими схизматиками, но рассматриваются в качестве союзников полчищ мавров, а позднее — турок, временами грозивших захватить всю Европу, нам следует принять это как нечто неизбежное. Фактически представление о враждебности евреев было столь распространено, что считать их замешанными во все набеги на христианскую Европу — как внешних врагов, так и армий своих единоверцев-христиан — считалось чем-то естественным, даже если никаких нападений и в помине не было! Малая толика истины, составляющая подоплеку всех этих клеветнических измышлений, заключается в том, что положение евреев редко бывало настолько хорошим, чтобы они не хотели изменений, каких бы то ни было. Но на деле механическое повторение подобных обвинений и заведомая невозможность

событий, которые — согласно этим рассказам — якобы имели место, указывают на то, что здесь перед нами не факты, а скорее традиционные модели повествовательных сюжетов.

Средневековые источники приводят несколько свидетельств предательств, якобы совершенных евреями. Вот некоторые из них: в 508 г., когда предводитель франков католик Кловис осадил город Арлес, находившийся под властью вестготов-арианцев, то местные евреи составили заговор²⁴, с целью сдать город захватчикам (можно было бы ожидать, что этот поступок заслужит хотя бы скупую похвалу хронистов, которые сами были католиками, но они видели в нем лишь пример вероломства подлых евреев); Карл Великий якобы смог взять Нарбонну лишь с помощью предательски настроенных местных евреев (на самом деле город взял Пипин в 759 г.)²⁵; евреи якобы сдали Бордо нормандцам в 848 г.; Барселона якобы была захвачена маврами с помощью евреев в 852 г., хотя в действительности в тот год мавры не осаждали город; из-за предательства евреев мавры якобы захватили Тулузу, и в наказание за это преступление ежегодно какой-нибудь еврей должен был во время публичной церемонии получать пощечину, однако мавры никогда не захватывали Тулузу²⁶!

Легко представить себе последствия распространения подобных слухов. Наказание, которое было наложено на евреев в Тулузе, не шло ни в какое сравнение с реальной ценой, которую они обычно платили. Когда король Эгика заявил членам семнадцатого Собора в Толедо (694 г.), что евреи вошли в заговор с маврами и убеждают последних захватить страну, всех евреев королевства фактически обратили в рабство: их имущество было конфисковано, а их детей отдали на воспитание в семьи христиан. Слухи о том, что евреи замышляют в 1010 г. вместе с испанскими маврами разрушить храм Гроба Господня в Иерусалиме вызвали волну жестоких преследований еврейских общин. (На самом деле храм был разрушен Хакимом в 1008 г.) Дело в том, что в 1010 г. на Европу обрушились наводнения, эпидемии чумы и голод, а кроме того в тот год наблюдалось солнечное затмение. Все это было истолковано как знак божьего наказания за разрушенный храм, поэтому ничего не остается, как считать негодование масс по поводу предполагаемой преступной деятельности предателей евреев естественным и оправданным²⁷.

Эти же сюжеты были популярны и в позднее средневековье, ибо они служили не менее удобным предлогом для грабежей и убийств, чем прочие клеветнические выдумки. Во время восстания баронов в Англии лондонских евреев грабили последователи Симона де Монфора (1263 г.) на том основании, что те

якобы намеревались сдать город роялистам и «изготовили дубликаты ключей, дабы отворить ворота, а также греческий огонь***, дабы поджечь дома». Вторжение татаро-монголов под предводительством Чингиз-хана в XIII веке, когда их орды дошли до границ Германии, также приписывали тайной подрывной деятельности немецких евреев, которые якобы вызвались поставлять монголам отравленный провиант, а сами переправляли им оружие, спрятанное в бочонках и ящиках²⁸. Эти истории — типичные образчики средневекового фольклора. В некоторых легендах можно встретить еврея с турком (последний был могущественным противником и соперником всего христианского мира в более поздний период), которые вынашивают совместные планы по уничтожению общего врага, то есть христиан. Когда в XVI веке турки двинулись на север и выступили против империи, тотчас разнеслась молва о том, что евреи вступили с ними в тайный сговор и занимаются шпионской деятельностью в пользу неприятеля, представляя собой силу, которая в наше время называется «пятой колонной». По обвинению в предательстве евреев изгоняли из Богемии (1541 г.) и три раза из различных областей Австрии (1544, 1572 и 1602 гг.). Один житель Праги писал: «Если турки когда-либо — не приведи Господь! — придут в нашу страну, то дорогу им укажут евреи». В 1538 г. еврейский квартал Кандия на Крите буквально перевернули вверх дном в поисках турецких шпионов, которые якобы прятались там; однако в этот день все трудоспособные евреи занимались рытьем траншей и изготовлением оборонительных сооружений перед ожидаемым наступлением противника. В 1684 г., когда христианские армии, пытаясь вырвать Буду у турок, потерпели неудачу и были побеждены, в этом немедленно обвинили евреев, в результате чего толпы разъяренных фанатиков разгромили гетто в нескольких городах Италии в порядке мести за предательство²⁹.

В литературе той эпохи этот предрассудок также обрел должное место. Мы приведем лишь два примера из многих: «Комедия о Николаусе» Якоба Айрера, в которой еврей Мозес раскрывает секреты христиан турецкому султану, и Варавва, персонаж пьесы Кристофера Марло «Мальтийский еврей», совершающий злодеяния с помощью своего слуги, турка Итамора.

Лютер часто ссылался на рассказы о тайных заговорах евреев как на вопиющее доказательство вины последних. Ассоциация еврея и турка стала столь привычной, что в некоторых случаях их даже отождествляли друг с другом. Так, например, турок, пронзивший копьём образ Марии в одном раннем миракле, превратился в поздней версии в еврея, тогда как в нескольких

мистериях («Действо о пришествии и гибели Антихриста», исполнявшееся в Безансоне, и «Мистерия о священной гостии») персонаж еврей почитает Мухаммада (!) и клянется его именем. (С подобным отождествлением мы сталкиваемся и в гораздо более позднюю эпоху, например, в пьесе Роберта Уилсона «Три лондонские леди» /1584 г./.) Сходство между двумя зловеющими фигурами, нередко переходящее в равенство, стало общепринятым элементом в изображении еврея и часто встречалось в средневековой драме и поэзии³⁰.

Включение еврея и турка в понятие «еретик» точно отражает преобладающие настроения того времени. Если на попрание политики часто приходится терпеть самых нежелательных партнеров, то в еще большей степени это относится к сфере полемики с сектантами. С началом движения Реформации пришло новое осмысление старых представлений. Церковь заклеила Лютера и его сторонников, назвав их «евреями». Когда в 1534 г. четырех профессоров Сорбонны осудили по обвинению в ереси, одним из основных его пунктов было утверждение о том, что они закупают книги на греческом и еврейском языках в Германии, где их «печатали евреи лютеране»! В 1566 г. испанский посол в Англии сообщал следующее об упорных слухах по поводу турецкого вторжения в Венгрию: «Некоторые здешние католики полагают, что в нападении врага виновны еретики, иные же уверены, что ответственность за это лежит на евреях... я же ничего подобного не усматриваю...»³¹. Однако Лютер, который щедро раздавал проклятия на все четыре стороны, не видел ничего несуразного в том, что в качестве заклятых врагов Христа он на одном дыхании громил еретиков, евреев, турок — и приверженцев папы! В ту вздорную и охочую до споров эпоху сектанты самых несхожих взглядов награждались титулом «еврей»: реформаторы одного направления навешивали этот ярлык на своих оппонентов, католики награждали им протестантов, а протестанты — католиков. Однако даже Лютер в конце концов увидел, что так дело не пойдет. В своих сочинениях «Von den Juden und ihren Luegen» («О евреях и их лживых измышлениях») и «Vom Schem Hamphoras und vom Geschlesht Christi» («О полностью произнесенном имени Божьем и о родословии Христа») он раскаялся в поспешном отождествлении своих противников с евреями: не годится сваливать евреев в одну кучу с турками и приспешниками папы, ибо евреям приличествует быть в компании лишь с одним — с дьяволом, их хозяином, их отцом, их Богом³².

Следствием такой установки в отношении к евреям была политика их изоляции от общества. Ненависть христиан к

евреям еще больше усиливалась позицией церкви в вопросе о смешанных браках. Не удовлетворившись их запрещением, «ибо не может быть приязни между верующими и неверующими», церковь прокляла такие союзы как прелюбодеяние и была готова применить к ослушникам суровые меры наказания, вплоть до отлучения и смертной казни³³.

Самой яркой иллюстрацией глубокой антипатии по отношению к евреям может служить следующий факт: христиан, которые женились на еврейках или сожительствовали с ними, обвиняли в *bestialitas*, то есть в содомии. В 1222 г. в Оксфорде один дьякон после разбирательства, учиненного архиепископом Лангтоном, был сожжен по обвинению в содомии. Его вина заключалась в том, что он принял иудаизм, намереваясь жениться на еврейке. Е.Р.Еvans³⁴ пишет по этому поводу: «Христианским законодателям следовало бы усвоить еврейские установления, запрещающие совокупление людей с животными, а потом расширить их, чтобы поставить под запрет и сексуальные контакты с самими евреями». Средневековые юристы со всей серьезностью решали проблему: можно ли считать актом содомии сожительство христианина с еврейкой, или, соответственно, еврея с христианкой? Damhouder отвечал на этот вопрос утвердительно, а Nicholas Boer привел в качестве примера историю некоего парижанина, Иоганнеса Алардуса, или Жана Аларда, который жил с еврейкой и имел от нее нескольких детей. На основании обвинения в содомии его осудили и казнили через сожжение вместе с его любовницей, «ибо совокупление с еврейкой есть в точности то же самое дело, как если бы мужчина совокупился с псицей».

ПРИМЕЧАНИЯ

* Подробнее об этом см.: Сидур Врата Молитвы, нусах «Ашкеназ»; Введение, гл.3; 4.2. Благословение «против изменников», с. XLIV (Маханаим, Иерусалим-Москва, 5754 [1993]).

** Цит. по.: Сидур Врата Молитвы, с. 513; цитированная фраза отсылает к Ис. 45:20; в «синодальном» переводе: «Невежды те, которые носят деревянного своего идола и молятся богу, который не спасает».

*** Горючая смесь, состоявшая из канифоли, селитры и серы и применявшаяся в военных действиях до изобретения пороха. Известно об употреблении «греческого огня» при осаде Константинополя в 673 г.

Глава 13. БОРЬБА С РОСТОВЩИЧЕСТВОМ

В средневековом обществе ростовщики были его самыми презируемыми и ненавистными для всех остальных членами. В лучшем случае в них видели неизбежное зло, которое государство терпело до поры до времени, поскольку представители мелкопоместного дворянства нуждались в их услугах. Действительно, ростовщики обладали достаточной властью для того, чтобы уменьшить их долги как с помощью давления и экспроприации, так и посредством прямых выплат. Но в глазах масс ростовщики воплощали абсолютное зло. В экономике рудиментарного капитализма, когда торговля была довольно рискованным делом, а капиталовложения часто поглощались такими непродуктивными мероприятиями, как война или строительство замков, высокие проценты, устанавливаемые ростовщиками, ложились непосильным бременем на плечи крестьянства и нарождавшейся городской буржуазии: ни те, ни другие были не в состоянии достаточно быстро оборачивать капитал, чтобы согласиться на столь высокие проценты, а кроме того, они не могли воспользоваться *force majeure* в качестве обычного средства, доступного королям и богатым дворянам.

Однако кредит был необходим для все более расширяющейся экономической сферы, интенсивное развитие которой стало одним из важнейших последствий первого Крестового похода, а в силу стечения различных обстоятельств случилось так, что экономическая деятельность многих евреев ограничилась именно областью кредита. Прекращение широкой торговли евреев со странами Востока после Крестовых походов не оставило им никаких иных возможностей для участия в экономической деятельности, поскольку сельское хозяйство и занятия ручными ремеслами стали им практически недоступными — хотя отдельные евреи, а кое-где и небольшие общины продолжали вести прежний образ жизни, специализируясь в тех или иных ремеслах. Церковь, запретив христианам ссужать деньги под проценты и, таким образом, ограничив эффективную конкуренцию, признала право евреев на ростовщичество, в силу чего последние довольно скоро обрели выигрышную позицию в качестве займодавцев. То, что евреи с таким рвением стали осваивать эту новую для них сферу деятельности, было обусловлено ненадежностью, которой отличалось повседневное существование еврейских общин. Поскольку они жили в постоянном страхе перед изгнанием и физическим насилием, они понимали,

насколько важно в их положении иметь возможность быстро и легко перевозить и обращать в деньги свою собственность и имущество. Но самое красноречивое обстоятельство, проливающее свет на причины зарождения ростовщичества в еврейской среде, заключается в следующем: власть имущие поняли, что активность евреев в этой области будет им на руку, ведь они станут получать от нее прямую выгоду, и, поощряя ростовщичество, они таким образом обеспечат себе постоянный приток дани, тем более что вечный страх перед преследованиями заставлял евреев всегда иметь в запасе немалые суммы наличных денег¹.

Здесь перед нами порочный круг, из которого для евреев не было выхода. Христианское общество фактически навязывало им роль займодавцев — но эта деятельность превращала их в объект алчности феодалов и непримиримой ненависти простого народа. Пока евреи оставались источником наживы, государство их защищало. Но когда конкуренция со стороны самих христиан потеснила евреев на экономической сцене (как это произошло в XIII веке), поскольку христиане сообразили, что ростовщичество обеспечивает легкий и быстрый заработок, а их коммерческая активность настолько возросла, что евреи остались ни с чем, то государство скоро потеряло к евреям всякий коммерческий интерес. Коль защита евреев уже не окупалась, на это перестали тратить деньги. Из евреев немилосердно выкачивали то небольшое, что у них еще оставалось, а потом бесцеремонно указывали на дверь. В течение XIII и XIV веков евреев несколько раз изгоняли из Англии (первый случай имел место в 1290 г.), а также из некоторых стран на континенте исключительно по той причине, что они перестали служить источником дохода для королевской казны.

«Сложившееся представление о ростовщичестве как о еврейской монополии — миф»². К такой точке зрения пришли ведущие специалисты в этой области экономической истории средних веков. Запрет, наложенный церковью, не удержал христиан от занятия столь прибыльным делом. Фактически церковь гораздо больше была озабочена деятельностью ростовщиков христиан, а не евреев. Кроме того, займодавцы евреи отнюдь не были единственным объектом народной ненависти; ломбардцы и каорцы*, а также священники, промышлявшие займодавством (что, кстати сказать, случалось нередко, хотя последние старались не афишировать эту сторону своей деятельности), все они ничуть не меньше ощущали на себе нена-

висть своих должников. Как отмечает Бэрон, «известно, что ломбардцев и каорцев часто изгоняли вместе с евреями, а из Англии и Франции их обычно изгоняли в первую очередь и только потом изгоняли евреев»³.

И все же, «хотя средневековые источники на редкость единодушно указывают на ростовщиков евреев, а не на их конкурентов из христиан», недолгое участие евреев в этой области оставило на них неуничтожимое клеймо займодавцев. В XII веке слова «еврей» и «ростовщик» стали чуть ли не синонимами. Бертольд из Регенсбурга, один из наиболее влиятельных проповедников XIII века, неизменно пользовался словом «ростовщик» всякий раз, когда имел в виду еврея⁴. Так евреям с самого начала пришлось нести на себе все бремя народного негодования, и даже после того, как их временный перевес среди ростовщиков давно ушел в прошлое, они так и остались в памяти народных масс в качестве ростовщиков и должны были расплачиваться за грехи своих предшественников. Даже когда велась кампания против займодавцев из христиан, евреев не оставляли в покое, ибо они всегда оставались универсальным мерилом гнусности и мерзости: самый горький упрек в адрес ростовщиков христиан заключался в том, что они «хуже евреев». Более того, и здесь виноватыми оказывались евреи, ибо «будь достаточно евреев, христианам не пришлось бы становиться ростовщиками»⁵. Таким было да и поныне остается могущество мифа, фактическая подоплека которого была столь ничтожна!

Ненависть народа к ростовщикам получала сильнейшую поддержку в политике церкви, поскольку католицизм видел в ростовщичестве тяжкий грех, опираясь, скорее, на соображения догматического характера (основанные на запретах, известных из Библии⁶), нежели социального: займодавство было прегрешением против церкви Иисуса, и таким образом, против всего рода человеческого, который церковь жаждала спасти. Неизбежный прирост ростовщиков из христиан заставлял церковь ужесточать меры пресечения этого греховного занятия.

В XII веке ростовщичество стало серьезной проблемой, которой было озабочено как церковное, так и светское право, издававшее соответствующие указы и постановления, в силу чего деятельность займодавцев скоро приравнивали к таким преступлениям, как колдовство, поджог, убийство, святотатство и нарушение супружеской верности. Папа Александр III в 1179 г. издал указ об отлучении от церкви всех ростовщиков, а со стороны государства вскоре вышло распоряжение о конфис-

кации имущества ростовщиков, которые умерли не раскаявшись.

Но все эти меры были не в силах противостоять экономической необходимости, с которой была связана деятельность ростовщиков, и церковь тщетно поносила их и угрожала им земными и небесными карами. Оставалось сделать последний шаг, и в 1257 г. папа Александр IV выпустил в свет буллу, в которой ростовщичество официально отождествлялось с ересью, в силу чего отныне займодавцы попадали под юрисдикцию инквизиции, а Собор в Вене в 1311 г. подтвердил это положение. Сама по себе ассоциация между еретиками и займодавцами, в силу которой они фактически отождествлялись друг с другом, не была чем-то новым. Уже в 1209 г. в Тулузе имело место движение, которое ставило целью «изгнать еретиков и уничтожить ростовщиков». Мэтью Пэрис говорил о Милане, что это «дом всех еретиков — патериан, люцифериан, публикан, альбигойцев и займодавцев». Папа и Собор лишь формально санкционировали это распространенное представление. Тот факт, что некоторые средневековые секты активно занимались ростовщичеством, проливает дополнительный свет на причины возникновения этой ассоциации и объясняет, почему тех и других отождествляли с такой легкостью⁷.

Итак, ярлык еретиков особенно прочно закрепился в сознании средневековых христиан по отношению к евреям, чья активная деятельность в качестве займодавцев в самом начале развития европейской экономики сделала их в глазах общества главными преступниками, и в то же время придала ростовщичеству специфически еретический душок, тем более что церковь недвусмысленно и жестко запретила христианам давать деньги под проценты. Связь между ересью, ростовщичеством и евреями была для средневекового сознания столь бесспорной, что Бернард Клервосский, обращаясь к королю Людовiku VII (с просьбой запретить евреям ссужать деньги под высокий — как ему казалось — процент тем христианам, которые участвовали во втором Крестовом походе), сказал следующее: «Я уже не говорю о том, с каким прискорбием взираем мы на тех христиан, каковые, давая деньги в рост, ведут себя хуже евреев, если вообще уместно называть оных христианами, а не крещеными евреями!» Подобно тому, как еретиков часто обзывали «евреями», а самое обычное их обвинение заключалось в том, что они «ведут себя, как евреи», так и ростовщики христиане нередко несли на себе печать того же обвинения⁸.

Формула «евреи=еретики=заимодавцы» стала средневековым штампом, даже терминология не претерпела никаких изменений. Ростовщики христиане должны были смириться с тем, что на их голову сыпались проклятия за то, что «они суть те же евреи, только называющие себя христианами», или просто «*Kristen-Juden*». В XV веке в Германии деятельность ростовщиков христиан получила название «*Judenspiess*» («Еврейское копье»)⁹. В то время, когда евреи в этом качестве не были известны в Англии в течение нескольких столетий, сэр Фрэнсис Бэкон в эссе «О ростовщичестве» (1612) давал следующий совет: «Все ростовщики должны носить оранжевые головные уборы, ибо они ведут себя подобно евреям»¹⁰.

Роковым обстоятельством для евреев было то, что церковь начала непримиримую борьбу с ростовщичеством как раз тогда, когда для них были закрыты почти все остальные возможности проявления в экономической сфере. К тому же на них в тот период то и дело сыпались обвинения одно абсурднее другого. Взяв под свою опеку ростовщиков, инквизиция позаботилась включить в эту категорию евреев, заклеймив их не как обычных злоумышленников, но как еретиков. («Евреи обязаны воздерживаться от ростовщичества, богохульства и колдовства», — такова была троичная формула, характерная для той эпохи¹¹.) Когда же ростовщики были заклеймены как еретики и отныне несли на себе печать прислужников Сатаны, то ростовщики евреи считались гораздо более подходящими для этой роли, нежели все остальные.

«Едва ли не в каждом городе, деревне и селении Франции закоренелая злоба дьявольская утвердила синагоги (!) ростовщиков и вымогателей, обычно именуемые общинами; сии суть дьявольские институты, запрещенные церковью, ибо подкапываются под самый фундамент церковной юрисдикции», — записано в актах Собора в Париже в 1212 г.¹², то есть как раз в то время, когда заимодавством занимались почти исключительно христиане, вытеснившие евреев. Средневековые проповедники обрушивали на головы ростовщиков всевозможные проклятия, называя их «противными природе богомерзкими чудовищами». В Германии, Франции и Англии клирики и площадные рифмоплеты чуть ли не одними и теми же словами бичевали заимодавцев: «Господь создал крестьян, священников и солдат, но этих злыдней произвел на свет сам Сатана». В 1242 г. над входом в церковь Notre Dame в Дижоне можно было видеть скульптурное изображение ростовщика в когтистых лапах дьявола¹³.

Ростовщик, это порождение Сатаны, был не кем иным, как евреем, хорошо знакомым публике по пьесам, легендам, вульгарным стишкам и проповедям, составлявшим в совокупности интеллектуальную пищу народных масс. К этому неизбежному заключению мы приходим на основании того представления о евреях, которое сложилось у средневековых христиан. А сохранившиеся источники также предоставляют многочисленные доказательства того, что соображения по поводу непосредственной связи между еврейским ростовщицеством и антихристианской заразой отнюдь не были упущены из вида.

В средневековых пассионах Иуда, показанный в качестве орудия дьявольской злобы, предстает в типичном облиии ростовщика, который ассоциировался в сознании христиан с евреем. Подстрекаемый демонами, он заключает сделку с Сатаной: ухмыляясь и канюча, он пытается перехитрить самого нечистого. Когда Кайафа медленно отсчитывает тридцать *пфеннингов* (!) в качестве платы за предательство Иисуса, Иуда мелочно придирается к внешнему виду монет: «Эта монета совсем поблекла, эта стерлась, эта с трещиной, в этой дырка, эта плохо проштампована, а эта — не звенит» и пр.¹⁴ Иуда спорит, торгуется, ноет, а публика выражает свой восторг ревом и одобрительными возгласами, поскольку ей показали типичный портрет ее современника, подлого ростовщика еврея. Гуго фон Тримберг, миннезингер XIV века, обрушиваясь на жадность ростовщиков евреев, называл их «псами дьявола». В некоторых средневековых рассказах и легендах дьявол играет роль партнера евреев в их денежных махинациях¹⁵.

Художники также изображали дьявола партнером в финансовых операциях евреев. На титульном листе памфлета XVI века, в котором злобно высмеивалась ростовщическая деятельность алчных евреев, изображены три фигуры, сочетающие в себе признаки еврейской национальности и принадлежности к inferнальным существам: крючковатые носы, рога, хвосты, когти и непременные еврейские нашивки на одежде. На офорте, напечатанном в 1600 г., мы видим дьявола, который получает свою долю от ростовщических сделок евреев. На карикатуре XVII века среди группы евреев, занятых заключением различных сделок, также присутствует дьявол в еврейской одежде, типичной для той эпохи, и, разумеется, с еврейской нашивкой. В средневековой церкви (Arbogastkirche) в городке Руффлах (Эльзас) стоит скульптура, изображающая дьявола рядом с евреем, сжимающим раздувшийся от монет кошелек¹⁶.

Однажды Лютер, выступая перед аудиторией, которая целиком разделяла его взгляды, в грубой и оскорбительной форме бичевал ростовщическую деятельность евреев и завершил свое выступление словами, полными жестокой иронии: «Как же дьяволу не плясать и не смеяться от нечестивой радости, коль скоро он среди нас, христиан, обрел такое райское местечко, ведь через евреев, своих святых, он пожирает наши внутренности, а взамен наполняет наши уста и ноздри мерзостью и зловонием своего бесстыдства, и издевается над нами, и, заключая бесчестные сделки, проклинает Бога и человека?»¹⁷ Так дьявол, еврей, ростовщик и еретик соединились в одном и том же существе.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Ломбардцы и каорцы (или кавертинцы, как их называли в Германии), выходцы из Северной Италии. Каорцев именовали так по названию городка Каор (Cahors), административного центра французского департамента Ло. Они были христианскими купцами, пользовавшимися рядом привилегий. С XIII века они стали активно заниматься кредитно-денежными операциями и составили серьезную конкуренцию купцам евреям.

Глава 14. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

Отдельные ереси — и еретики — были недолговечны. За этим следила инквизиция. При помощи убеждения, преследований и физического уничтожения инквизиторы так или иначе справлялись со всеми, кто был не согласен с учением господствующей церкви, и хотя ереси упорно отказывались окончательно сдать свои позиции, все же ни одна еретическая группа на протяжении своего более или менее долгого существования не носила на себе вечное позорное клеймо. Только евреи были и остались исключением. Даже после того как движение Реформации завоевало политическую поддержку, в результате чего протестантская ересь постепенно приобрела respectable вид и сделалась относительно безопасной, у католиков и протестантов отношение к евреям осталось неизменным, ибо в массовом сознании оно уже окончательно оформилось и стало постоянной величиной. Но это отношение сложилось вовсе не из-за того, что евреям приписывали обвинение в ереси. Скорее оно возникло в результате зловещих коннотаций, порожденных этим обвинением, после того как несколько столетий усиленного внушения убедили Европу в том, что грех еретиков куда опаснее, чем полагают наивные миряне, и он не сводится к простому несогласию с догматами или обрядами церкви.

Когда магию отождествили с ересью и против еретиков устраивались Крестовые походы, сложился своеобразный силогизм, который непосредственно связан с описанным нами представлением о евреях: евреи суть еретики; еретики суть колдуны; следовательно, евреи суть еретики. Здесь мы наконец приближаемся к истоку средневекового представления о евреях как о непревзойденных волшебниках и пособниках дьявола. Церковь в ходе кампании с ересью и колдовством фактически создала модель оккультной практики, а массы впоследствии перенесли эту модель на евреев. Как мы надеемся показать, все основные обвинения против евреев — обвинения, для которых древние народные суеверия послужили благодатной почвой — формировались на основе этой модели.

Как мы уже отмечали, магические практики были широко распространены среди христиан Европы. Однако с самого начала своего существования в качестве института церковь так и не выработала по отношению к магии какую-либо определенную и однозначную политику. Позиции разных церковных

деятелей были неоднозначны: от терпимого, полуснисходительного скептицизма (он выражался в том, что магия — всего лишь беспочвенное суеверие, никак не связанное с действительностью, а поэтому нет нужды бороться с ней, хотя и не следует ее одобрять) до резких и страстных обличений, согласно которым магия — занятие дьявольское, имеющее характер непосредственного воздействия на реальный мир, и в силу этого она заслуживает самых суровых мер пресечения. Преобладала все же последняя точка зрения; церковь даже пошла на то, чтобы считать таинство брака недействительным, если совершению этого таинства препятствовали действия, которые были квалифицированы как магические, — так сильна была вера в силу колдовства. Но на деле борьба с магией велась довольно вяло и ограничивалась в основном деятельностью цензоров, поскольку церковь полагала, что самое эффективное средство — христианская вера. Уильям Овернский (Auvergne) утверждал, что в его время (XIII век) магия — большая редкость в христианских землях, ибо христианство лишило злых духов их бывшего могущества¹.

Однако именно в XIII веке имел место небывалый расцвет всевозможных магических практик, причем не только миряне, но и представители клира, вплоть до высшей церковной иерархии, открыто занимались магией. Некоторые клирики даже приобрели солидную репутацию опытных магов и применяли свое искусство в деле изобличения еретиков. Астрология особенно была в почете, поэтому даже когда волшебство и занятия магией наконец стали предметом пристального внимания инквизиции, астрология так и не была запрещена².

Немалая доля ответственности за такое положение вещей лежит непосредственно на самой церкви, хотя она, несомненно, едва ли догадывалась, что дело примет такой оборот. Принимавшиеся ею меры по пресечению колдовства долгое время носили слишком пассивный характер, тогда как вся ее деятельность фактически поощряла веру в действенность магии и служила для суеверных масс лишь дополнительным стимулом к тому, чтобы осуществить вполне понятное желание — добиться благополучия с помощью каких угодно сил — естественных либо сверхъестественных. Да и какого иного результата можно было бы ожидать от критики магии, если средневековые проповедники предваряли ее обличения признанием реального могущества ведьм, магов и колдунов, многословно распространяясь о том, что последние способны совершать чудеса с помощью

дьявола и подчиненных ему злых духов? Даже теология невольное способствовала укреплению веры в волшебство. Так, например, если раньше представление о том, что бурю можно вызвать с помощью колдовства, церковь осудила как еретическое (ибо в основе этого представления лежал манихейский дуализм, согласно которому видимый мир находится под властью Сатаны), то в конце концов оно было принято как вполне ортодоксальное, поскольку Фома Аквинский, прибегнув к теологическим хитросплетениям, смог доказать, что «с попушения Бога демоны могут вызывать завихрения воздуха»³.

Более того, церковь непосредственно стимулировала развитие подобных представлений, поскольку официально санкционировала «сакральную» магию. Она неизменно одобряла обращение верующих к «добрым» духам — святым и мученикам, а также поощряла культ священных объектов, которые в изобилии предлагались в каждой епархии, — освященной воды, соли, свечей, пальмовых ветвей, цветов и трав, священных изображений, мошей и пр. Верующие почитали *Agnus Dei*, фигурку агнца, которая была отлита из воска, остававшегося от пасхальных свечей, и освящена самим папой. Даже окончательно запретив продажу этих фигурок в 1472 г., папа Павел II не смог удержаться от того, чтобы не воздать им хвалу в качестве действенного средства, которое спасает «от пожара и кораблекрушения, против бурь, и ураганов, и молний, и града, а также немало помогает женщинам в разрешении от бремени»⁴.

Даже то обстоятельство, что в средневековых верованиях такое огромное место занимала фигура Сатаны, по большей части обусловлено политикой церкви. Ауст (Owst) пишет: «Князь Тьмы был для них настолько реальным и живым, что их воображение рисовало им его занятым бесчисленными подлостями; он постоянно вынюхивал людские слабости и пороки, замыслил и планировал все новые мерзости, сражался с сынами человеческими всеми доступными ему средствами, он был для них чуть ли не таким же существом из плоти и крови, как они сами, этот архизлодей на сцене повседневной жизни». Немалое место было уделено дьяволу и в средневеком искусстве — в скульптуре, живописи, витражах. «Стоило лишь внимательно оглядеться, и в каком-нибудь темном углу, на какой-нибудь невзрачной капители вы видели изображение Сатаны с когтями и крючковатым носом», — говорит Линиент (Lenient).

Сохранилась история XIV века о простаке (хотя, быть может, он был не так уж и прост!), который постоянно ставил свечку

перед изображением дьявола в церкви, куда он ходил. Начиная с XIII века в христианских кругах возникло явление, которое без преувеличения можно назвать настоящим культом дьявола⁵. Фактически с тех пор неверие в дьявола и его демонов расценивалось как неортодоксальное и могло послужить основанием для преследования инквизиции. Средневековый источник повествует о некоем раввине, который предстал перед инквизицией в Риме по обвинению в том, что он «отрицал существование демонов», и после соответствующего разбирательства был вынужден отречься от столь еретических взглядов!⁶.

Именно в ходе кампании против ереси церковь прочно внедрила в массовое сознание веру в магию и колдовство. Церковь всегда старалась убедить верующих в том, что ересь — это дело рук дьявола, ибо лишь поддавшись наущению Сатаны, честный христианин способен уклониться с пути истинной веры. Это утверждение принимали как должное, поскольку многие ранние ереси включали в себя элементы гностических учений, различные магические практики, унаследованные от дохристианских культур, а мироощущение некоторых еретических доктрин зачастую характеризовалось дуализмом явно манихейского происхождения. Еретиков с самого начала борьбы с ними заклеили как пособников дьявола. Но культ Сатаны включал в себя волшебство, поэтому ересь и волшебство стали взаимозаменяемыми понятиями. Еще в 385 г. испанец Присциллиан и шестеро его последователей были приговорены императором Максимусом к смертной казни как еретики на основании двойного обвинения: в манихействе и в магии. Одно обвинение подкрепляло и подтверждало обоснованность другого, в силу чего их вина была для их судей вполне очевидна. Разумеется, во многих случаях ассоциация между еретиками и колдунами была оправдана, поскольку еретики — как и христиане — зачастую практиковали магию⁷. Важно то, что уже в IV веке ересь и магия считались сопутствующими или даже неотделимыми друг от друга феноменами, как стали полагать впоследствии.

Средневековые ереси, появившиеся в Европе в XI и XII веках, распространились с удивительной быстротой, вызывая ярость церкви, которая привыкла к тому, что ее власть над душами и телами христиан непререкаема и неоспорима. Еще при своем зарождении еретические движения отнюдь не вызывали антипатию и враждебность народных масс. Более того, еретиков называли *bonhommes*, а Бертольд из Регенсбурга

даже сообщает об одном наивном монахе, который обратился к нему после того, как проповедник гневно обрушился на еретиков: «Брат Бертольд, как же нам обороняться против них, коль скоро их не отличить от честных людей?»¹. Кроме того, народ приписывал еретикам благую сверхестественную силу, которая позволяла им предотвращать ураганы, молнии и прочие стихийные бедствия, а после того как началось их массовое истребление, крестьяне жаловались, что прежде молнии и град причиняли их хозяйству меньше вреда.

Перед церковью стояла серьезная проблема: как избежать популярности еретических движений и их влияния на широкие народные массы? Осуждение ересей на том основании, что они отклоняются от ортодоксального вероучения поначалу не получило горячего отклика (за исключением нескольких отдельных случаев), особенно в тех областях, в которых ересь нашла многих приверженцев. Церковь сознавала, что должна увлечь народ за собой, а борьба с ересью — для того, чтобы быть успешной — должна стать массовым движением, поэтому она постаралась возжечь в своей пастве пламя нерассуждающей веры. Во-первых, церковь организовала военные походы против еретических сект, обосновавшихся на юге Франции, и учредила специальный орган для проведения в жизнь жесткой программы физического искоренения всех еретиков; во-вторых, церковная пропаганда стала изображать всех еретиков в черном цвете как пособников Сатаны, колдунов и непримиримых врагов не только христианской религии в целом, но и каждого христианина в отдельности.

Несомненно, для столь суровой борьбы можно найти оправдание, ибо в некоторых средневековых ересьх присутствовали элементы древнего манихейства, которое обожествляло силу зла наравне с силой добра. Каиниты верили, что библейский Бог олицетворяет злое начало, а люцифериане недвусмысленно подчеркивали превосходство Сатаны. Однако подобные представления не преобладали в еретических учениях, большинство из которых представляли собой искренние и вполне мотивированные попытки рациональной или теософской критики господствующей теологии. Тем не менее церковь заклеивала их все без разбора одним и тем же клеймом, навязывая *всем* еретикам прегрешения лишь некоторых из них, и даже эти последние были представлены в искаженном виде, лишь бы показать их «дьявольский» характер. *Crescit cum magia haeresis et cum haeresi magia* — «ересь вырастает вместе с магией, а магия

вместе с ересью», — писал теолог Томас Стейплтон (Stapleton) в 1549 г., утверждая в качестве несомненного факта взгляд, который церковь усердно насаждала в течение нескольких столетий. Действительно, из суеверия, осужденного церковью, вера в колдовство превратилась в XIII и XIV столетиях в настоящий догмат; отказ признать реальность воздействия магии на мир людей мог быть расценен как «величайшая ересь»: *Haeresis est maxima, opera maleficarum non credere*⁹.

Под влиянием этого нового лозунга европейцы устремились на борьбу с колдунами и ведьмами. Но пропаганда была настолько эффективной и носила такой реалистичный характер, что произведенный ею результат был неожиданным: многие из тех христиан, которые скептически относились к вере в магические способности, поверили в их силу, а невежи, ничего не ведавшие о возможностях колдовства, получили все необходимые сведения для его успешного осуществления; магия процветала как никогда прежде, а ведьмовские культы охватили огромную долю населения континента. Чем более очевидной становилась эта нежелательная ситуация, тем более яростными делались нападки церкви, пока наконец колдовство и ведьмовство не были раздуты до масштабов антицеркви, из-за чего в течение нескольких столетий Европа была вовлечена в фантастическую междоусобицу, в которой силы воинства Христова сражались с полчищами Сатаны¹⁰. К чему приводила эта война, можно проиллюстрировать следующим примером: в 1586 г. весна пришла в Рейнскую область с таким опозданием, что холодная погода продлилась до самого июня, и архиепископ Трирский приказал сжечь в Пфальце сто восемнадцать женщин и двоих мужчин, у которых под пыткой было вырвано признание в том, что они продлили зимние холода с помощью заклинаний! Согласно подсчетам, проведенным исследователями той эпохи, в период между 1450 и 1550 гг. в одной только Германии были казнены — в основном через сожжение — около тысячи ведьм¹¹. В других странах Европы атака на колдунов была не менее яростной, хотя число казненных и не было столь высоким.

До XIII века преступления, связанные с колдовством, целиком находились в сфере ведения светского законодательства и их рассматривали так же, как и обычные преступления. Но с началом кампании против ересей ситуация резко изменилась, причем светские органы правосудия восприняли новое положение вещей даже раньше, чем церковные. *Treuga Henrice*,

документ, обнародованный Генрихом VII в 1224 г., содержит самую раннюю в светском законодательстве ссылку на то, что колдовство приравнялось к ереси. В «Саксонском зеркале», — древнейшем германском кодексе, составленном примерно в это же время, кратко упоминается о том, что колдовство, ересь и отравление заслуживают смертной казни через сожжение. Точно такое же наказание предусматривается в «Швабском зеркале», составленном полвека спустя. Когда была учреждена инквизиция, она не распространяла свою юрисдикцию на преступления, связанные с колдовством, но, достигнув могущества, она значительно расширила сферу своего влияния, и в 1257 г. папа Александр IV в булле *Quod super nonnullis* разрешил инквизиции заниматься расследованием таких преступлений, «если явно речь идет о ереси». Сценой первого акта кровавой трагедии, которой стал Крестовый поход против альбигойцев, была южная Франция, ибо здесь инквизиция впервые на деле приравнила ересь к колдовству, а первый процесс над ведьмами имел место в последней трети XIII века. К 1320 г. дело приняло такой оборот, что папа Иоанн XXII мог уже приказывать своим инквизиторам охотиться за еретиками и магами. Весьма показательно, что когда колдовство таким образом попало под юрисдикцию инквизиции, то все преступления, связанные с применением магии, стали квалифицировать просто как ересь, то есть не как незаконные либо вредоносные действия, а как неортодоксальные верования. Все еретики были заклеены как колдуны, и, соответственно, всех колдунов стали считать еретиками¹².

Именно под этой рубрикой евреи и попали под «теплое крыло» инквизиции. Ее участие в их судьбе было столь трогательным, что французский король Филипп IV, пытаясь сохранить авторитет светской власти, в 1302 г. приказал представителям светского законодательства воздерживаться от всякого содействия инквизиторам в преследовании евреев, которых обвиняли в ростовщичестве или в колдовстве, если только сами представители светского законодательства не были согласны с теми мерами наказания, которые ожидали евреев. Приведем в качестве примера лишь один случай: осуждение Моше Порполера из Валенсии местным инквизитором в 1352 г. на том основании, что магия, при помощи которой осужденный надеялся вернуть украденные у него вещи, противна принципам католической веры и также несовместима с иудаизмом, в силу чего эта магическая практика попадает в разряд еретической.

Однако столь трогательная забота об укреплении еврейских законов встречалась крайне редко. Если этот аргумент больше не встречается в других случаях обвинений евреев, то можно быть уверенным в том, что они попали под юрисдикцию инквизиции по крайней мере на основе того определения ереси, которое было сформулировано христианами. Ассоциацию между ересью и Сатаной прекрасно иллюстрирует специальная одежда, предназначенная для еретиков, например, плащ, который в Испании обязаны были носить закоренелые еретики — *sanbenito*. Этот плащ был украшен алым крестом в окружении языков пламени, дьявола, демонов и извивающихся змей. Список запрещенных действий, опубликованных инквизицией, дабы сподручнее было выявлять еретиков, включает: призывание духов, а также использование домашних демонов для различных работ; заключение письменного либо устного договора с дьяволом; оскорбление распятия и священных изображений; гадание и пр.¹³

Кампания против ереси, которую проводила инквизиция, осуществлялась с размахом и свидетельствовала о богатом воображении ее организаторов и вдохновителей, поэтому довольно скоро европейцы усвоили предложенную им концепцию ереси, концепцию, ставшую одним из основных убеждений, довлеющих над средневековой мыслью. Сознание средневековых христиан подвергалось мощной обработке посредством проповедей, памфлетов и всех имеющихся литературных жанров до тех пор, пока отождествление еретиков, включая евреев, с сатанинскими отродьями и злобными колдунами, стало общим местом и уже никого не удивляло. Бертольд из Регенсбурга, чьи проповеди в основном были направлены на обличение еретиков, никогда не устал повторять, что «все евреи, язычники и еретики — в лапах дьявола». Интересно отметить, что в цикле легенд, посвященных злочлочениям Теофила, одного из персонажей, мага еврея (главная цель которого — борьба с ортодоксальным христианством) обвиняют в том, что он поощряет распространение ереси; Теофил, препоручая свою душу дьяволу (опять же по наущению еврея), обязан отречься от христианства и от Иисуса, а также обещать, что впредь он никогда не осенит себя крестным знаменем и не будет молиться перед образом Иисуса. Эти требования присутствуют во всех легендах, в которых фигурируют маги евреи. В немецкой драме об Антихристе евреи наряду с прочими безбожными еретиками поклоняются дьяволу. Позднее точно так же стали относиться к

еретикам протестантам: в католической Европе после победы Реформации в Германии драматические диспуты между *Catholica* и *Haereticus* уступили место прежним дебатам между *Ecclesia* и *Synagoga*, в которых *Haereticus* получал поддержку и поощрение от *Spiritus familiaris*, адвоката дьявола¹⁴.

Феномен ведьмовства как таковой характерен лишь для конца средневековья. Ведьмовские культы особенно широко распространились в XV столетии и достигли расцвета в XVI и XVII веках. Однако наше представление о них зиждется на таких источниках информации, которые не слишком достоверны: чаще всего это — написанные в истерическом тоне свидетельства клириков и набожных мирян, которые, разумеется, старались представить ересь ведьмовства как можно более неприглядной; кроме этого, в нашем распоряжении признания осужденных ведьм, многие из которых были явно не в своем уме (инквизиторы подвергали этих несчастных ужасным пыткам, вынуждая их признаваться во всем, что хотели от них услышать). Оба эти источника были в свою очередь обработаны и приукрашены на потребу невзыскательной публики писателями, охочими до сенсаций. Эти последние потворствовали вкусам эпохи своими фантастическими и леденящими кровь повествованиями как следует слобренными благочестивым негодованием по поводу шокирующих деталей, которые, увы, приходилось сообщать читателям. Поэтому едва ли здесь можно рассчитывать на то, чтобы однозначно отличить сообщение о подлинных событиях от чистого вымысла.

Вне всякого сомнения во всех упомянутых нами сообщениях и документах присутствует некий субстрат истины, поскольку ведьмовские культы действительно существовали, а их ритуалы в той или иной степени соответствовали тем представлениям о них, которые нам известны по описаниям в средневековых источниках. Однако довольно сложно ответить на вопрос: были ли упомянутые культы пережитками обрядов ранних еретических сект, вынужденных уйти в подполье из-за преследований, или же они возникли в результате спонтанного развития колдовства, которое было широко распространено в раннюю эпоху и постепенно приобрело более или менее систематизированный и организованный характер, или же они — искусственное образование, обязанное своим существованием деятельности инквизиции, которая, навязывая свою версию планов и программ расколнических групп, фактически сформировала психологию, породившую эти культы. Представляется наиболее

вероятным, что ведьмовство возникло в процессе совокупного взаимодействия всех названных причин, причем ни одна из составляющих этого феномена не оттесняла на задний план другие, и каждая сыграла свою роль, развиваясь в благоприятной социальной среде. А эта среда отличалась нищетой низших слоев населения, обессиленного тяжелыми условиями жизни и труда, и вспышками массовой истерии, которые нередко носили характер настоящих эпидемий и время от времени охватывали не только монастыри, но и общины мирян. Какие бы иные дополнительные факторы мы ни приняли во внимание, в этих обстоятельствах кампания, проводившаяся церковью, не могла не затронуть глубокие корни психики средневековых христиан. Весьма существенно и то, что ритуалы, совершение которых приписывали ведьмам, неизменно изображали в таком виде, что они выглядели как богохульные и циничные пародии на христианские обряды, не говоря уже о том, что все они носили гипертрофированный антихристианский характер. Когда ведьмовство стали преследовать как ересь, большая часть смертных приговоров была вынесена на основании теологических построений.

Хотя самые ранние документированные сообщения о ведьмовских культах датируются первой половиной XIII века, те черты, которые впоследствии стали их отличительными признаками и были использованы церковью в качестве позорного клейма, были давно известны христианам, знакомым с культами еретических сект. Этот факт имеет крайне важное значение, ибо мысль о том, что та же самая модель, которую инквизиция стала использовать в борьбе с ведьмовскими культами, задолго до этого служила орудием в деле искоренения раскольнических группировок — эта мысль до сих пор не получила должного признания. Действительно, и еретиков, и ведьм старались скомпрометировать, опираясь на одну и ту же схему. Параллельно с развитием еретических движений становились все более популярными «рассказы о таинственных сборищах, ...где сектанты поклоняются дьяволу, который присутствует среди них под видом кота или иного животного, и совершают свои нечестивые и мерзкие обряды». Эти истории рассказывали о катарах, подвергнутых массовому уничтожению в 1017 г., а также об их преемниках, еретиках более позднего времени... Со временем инквизиторы, проводившие дознание, стали ориентироваться на выявление подобных сборищ как на некую изначальную данность, а допрашиваемые — не без их подсказки — сообщали

детали, необходимые для создания нужной картины, пока, наконец, не сформировалось то представление о ведьмовских шабашах, которое дошло до наших дней. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с «признаниями» членов секты люцифериан, а также с теми «признаниями», которые были получены на допросах храмовников».

Гибер, аббат из Ножана (Guibert de Nogent), известный как «один из наиболее просвещенных и беспристрастных людей своего времени», описал в XI столетии еретическую секту, завершавшую свои обряды дикой сексуальной оргией, после чего ее участники приносили в жертву ребенка, которого сжигали и «приготавливали из его останков нечто вроде хлеба, каковой вкушал каждый из них наподобие причастия». Здесь перед нами явное приписывание еретическим группам тех самых действий, которые впоследствии стали характерными признаками ведьмовских культов. В XI и XII веках в целях антиеретической пропаганды клирики стали ссылаться на святотатственные и кощунственные обряды еретиков, а позднее эти обряды стали прототипом Черной Мессы¹⁵.

В XIII веке, когда Крестовый поход против ереси был в самом разгаре, картина уже сложилась во всех своих существенных деталях. Преобладавшие в то время представления христиан о еретических культах и обрядах ярко иллюстрирует булла папы Григория IX, вышедшая в 1233 г., в которой папа требует от архиепископа Майнца и Конрада Марбургского, чтобы они призывали народ к Крестовому походу против ересей, распространившихся в Германии. Описывая ритуалы еретиков, папа сообщает следующие подробности: «Когда новообращенный впервые допускается на собрание школы этих святотатцев, перед ним предстает некая тварь наподобие лягушки или жабы. Иные из собравшихся целуют сию подлую тварь в зад, а иные — в рот, засасывая в уста свои ее мерзкий язык и проглатывая ее обильную слюну... Они садятся трапезничать, когда же трапеза завершена, из некоего изваяния, каковое сии святотатцы имеют у себя в своих святилищах, выходит черный кот, повернутый ко всем спиной и имеющий хвост задранным кверху. И первым делом целует сего кота в зад новообращенный, затем мастер, а после и остальные, соблюдая установленный порядок... По завершении названных церемоний огни гасят, и они приступают к совершению мерзких и бесстыдных блудодеяний, во время коих не делают различия ни между родственниками, ни полами, ни возрастом. Когда же бывает,

что присутствует более мужчин, нежели женщин, то мужчины друг с другом утоляют свою похоть...»¹⁶. Перед нами — внушительная картина ереси, снабженная *imprimatur** самого папы, высочайшего авторитета всего христианского мира.

Первые жертвы Крестового похода против ереси — вальденсы и альбигойцы — подвергались яростным нападкам проповедников и церковных деятелей как раз за участие в обрядах, подобных вышеописанному. Действительно, наименование *vaulderie***, пришедшее из культа вальденсов, было принято для обозначения ведьмовского шабаша, а *vaudosie*** стало собирательным названием для колдовства и ведьмовства. Столь характерное для более поздней эпохи охоты на ведьм обвинение в поклонении животным, в частности коту или козлу, которые служили воплощением или олицетворением Сатаны, встречается во многих ранних обличениях еретических сект и так тесно ассоциируется с ними, что народная этимология возводит немецкое слово *Ketzer* (еретик) к слову *Kater* (кот), а слово *ketzerie* на средневерхненемецком означало как «колдовство», так и «ересь»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Пусть печатается» (*лат.*) — формула цензурного разрешения на публикацию.

** Этимологию слов *vaulder* и *vaudois*, которые в средние века служили пренебрежительным обозначением еретиков и колдунов, некоторые исследователи связывают с именем Пьера Вальдо (*Pierre Valdo*), одного из главных основателей секты вальденсов.

Глава 15. ЕРЕТИК - КОЛДУН - ЕВРЕЙ

Главная цель нашего исследования не состоит в том, чтобы подробно изложить историю ведьмовства или поведать о перипетиях борьбы между средневековыми ересями и церковью. Если мы и уделили столько внимания этим предметам, то лишь для того, чтобы продемонстрировать, что евреев ставили в один ряд с еретиками или даже полностью отождествляли с ними и что средневековые обвинения в совершении кощунственных обрядов, носивших антихристианский или магический характер (осквернение гостии, использование христианской крови и плоти, отравление ядами и пр.), были направлены против еретиков задолго до того, как они были перенесены на евреев. Старая вражда к евреям как нельзя более способствовала выработке такого представления о них, которое воспользовалось уже известными в древности обвинениями в качестве основы, а опираясь на эту основу, было легко навязать простым людям более обстоятельные характеристики, воплощенные в представлении о «еретике», представлении, преобладавшем в средневековом сознании. Не столь существенно, что церковь не предъявляла евреям как еретикам прямых обвинений в том, что они совершают подобные действия. Важно, что простой народ и их духовные наставники в лице клира установили эту ассоциацию¹ и вполне последовательно преследовали евреев, наказывая их за те действия, которые, как полагали христиане, евреи *должны* совершать в соответствии с общепринятой в христианском мире моделью еретически-магической практики. Если теперь мы постараемся свести воедино фрагменты этой «прокрустовой» модели, мы увидим, с каким наивным энтузиазмом христианский мир следовал ей, с каким доверием относился к фантастическим образам и построениям, созданным на ее основе, с какой готовностью клеймил за эти воображаемые преступления «демонических» евреев.

Едва ли есть необходимость в том, чтобы на этой стадии нашего исследования вновь обращаться к вопросам, поднятым в предыдущих главах. Достаточно будет напомнить читателю о том, что еретикам, колдунам и ведьмам приписывали поклонение Сатане и что это стало доминирующей характеристикой также в преобладающих представлениях о евреях. Поскольку христианская традиция уже давно заклеила еретиков как приверженцев дьявола, это облегчало задачу отождествления еврея с фигурой типичного еретика, каким его

видело позднее средневековье. Действительно, такое отождествление делало сильный акцент на «демоническом» элементе в популярном представлении о евреях. На еретиков и колдунов смотрели как на орудия дьявола, и, как мы уже отмечали, их прямо обвиняли в поклонении ему, а ведьмовские культы отличались чудовищным и извращенным характером обрядов, посвященных дьяволу, которого его приверженцы обожествовали. Средневековые христиане верили, что каждую ведьму неизменно сопровождают демоны или нечистые духи, находящиеся у нее в услужении. Интересно сравнить изображения колдунов и ведьм в средневековой графике² (с гипертрофированными «демоническими» признаками в виде рогов, хвостов, когтей, раздвоенных копыт и пр.) с изображениями евреев на многочисленных гравюрах, частично представленных в первой части нашего исследования, поскольку последние явно носят подражательный характер.

Когда еврея изображают верхом на осле либо воздающим неподобающие почести этому животному (этот сюжет нередко встречается на средневековых гравюрах), то здесь перед нами еще один пример операции перенесения на евреев одного из характерных элементов уже известной нам формулы: ересь = колдовство = ведьмовство. Дьявол являлся своим почитателям под видом животного; кот, фигурировавший в ранних обвинениях еретиков, уступил место ослу в поздних процессах над ведьмами, что подтверждается неисчислимыми легендами и изображениями (их излюбленным сюжетом выступает осел, которому ведьмы прислуживают либо используют его в качестве средства передвижения). Те же склонности и предпочтения позднее стали приписывать и еврейскому народу в целом, а окончательно ставило все точки над «и» полное отождествление евреев с колдунами и ведьмами, которые изображались с еврейскими нашивками на одежде и верхом на животном, олицетворявшем дьявола³.

Едва ли есть необходимость более подробно останавливаться на теме колдовства, которое в средние века прямо связывалось с поклонением Сатане и служило основным пунктом обвинений против всех еретиков без различия, а также вменялось в вину магам и ведьмам. Перечень специфических пристрастий евреев в сфере магии — лишь бледная копия длинного списка преступлений, в которых обвиняли колдунов и ведьм. Явный дефицит обвинений, направленных против евреев — якобы могущественных магов и прислужников Сатаны, — вызывает недо-

умение в свете всеобщей убежденности в том, что именно евреи были особенно яростными приверженцами ведьмовских культов и отъявленными колдунами. Как бы то ни было, невзирая на тот факт, что число обвинений в колдовстве, предъявленных христианам, не шло ни в какое сравнение с редкими случаями обвинений евреев в соответствующих преступлениях, все же репутация евреев как магов от этого никак не страдала. Благодаря слухам, которые для широких слоев населения средневековой Европы восполняли недостаток информации, ярлык магов и колдунов так прочно прилип к евреям, что любые их проявления в области культово-религиозной практики расценивались как колдовство. Даже способность превращаться в животных, которая была типичной характеристикой ведьм, также занимала значительное место в репертуаре антиеврейских сплетен, верований и предрассудков. Эта тема широко представлена во многих средневековых легендах, а мистерия XVI века «*La Vie de la Saint Martin*» в полунасмешливом тоне упоминает о шайке евреев, которые собрались на шабаш (от евр. «шаббат» — суббота), переодевшись волками и медведями, подобно ведьмам, которые, как верили христиане, точно в таком же виде совершают свои мерзкие обряды во время шабаша. Средневековые авторитеты в области ведьмовства зашли столь далеко, что даже в Талмуде нашли указания, относящиеся к правилам проведения ведьмовского шабаша со всеми отвратительными подробностями его ритуалов и церемоний¹, а сборище ведьм на шабаше обычно характеризовалось как «синагога».

Если евреев обвиняли в осквернении священных изображений, уничтожении и осквернении гостии, в издевательствах над обрядами и таинствами церкви, то в этом также нельзя не увидеть влияние крестового похода против ереси. Мы не собираемся отрицать предположительную вину отдельных евреев, но согласно мнению, широко распространенному в средневековье, сознательное участие в организованной кампании преступных действий против христиан и христианской религии вменялось в вину всему еврейскому народу в целом.

Известно, что средневековые маги и колдуны высоко ценили освященные церковью предметы, якобы обладавшие особой силой, потребной им для их магических операций. Одним из самых популярных ингредиентов всевозможных волшебных снадобий и напитков была гостия; кроме того считалось, что высоким магическим потенциалом обладают такие аксессуары христианских обрядов, как освященное масло и вода, распятия

и пр. Более того, маги во время своих заклинаний (а также для изготовления амулетов) широко пользовались текстами из библии и из христианской литургии, подражали церковным ритуалам и даже совершали обряд крещения над восковыми фигурками. Все это — типичные черты магической практики. Маги никогда не гнушались использовать религиозные предметы и верования для достижения своих целей.

Можно представить это и в иной форме: определенные элементы религиозных представлений и культа со временем приобретают — в глазах верующих — ауру святости и могущества, а поскольку у суеверных людей это ассоциируется с магическими свойствами, то как раз эти элементы религиозных представлений и символически-культовых действий и используются магами. Фактически здесь имеет место не столько сознательное принятие магом — который и сам является членом религиозной группы — вышеупомянутых элементов, сколько практическое применение именно тех инструментов и средств, которые всегда находятся у него под рукой. Суеверия должны существовать в сознании людей, прежде чем их можно будет использовать в магических целях. Христианская вера приписывала этим предметам мистические и сверхестественные свойства; почему же в таком случае и магам не ценить их столь же высоко?

В ходе кампании против ереси стараниями инквизиторов была обнаружена еще и скрытая подоплека преступных действий, которые приписывали еретикам, а именно — стремление уничтожить христианство. Оправданно или нет, еретиков и прежде обвиняли в профанации освященных предметов и церковной утвари — как это было с арианами, гностиками, Львом Исавром и иконоборцами, альбигойцами и пр. В средние века это обвинение стало неизменно сопутствовать обвинению в ереси. Когда в начале XIV века доминиканский монах Бернард Ги (Gui) составил практическое руководство в помощь своим коллегам инквизиторам, он особенно подчеркнул, что ключевым вопросом, который следовало задать еретiku в самом начале дознания, был следующий: не выносил ли он тайком из церкви гостию либо освященное масло? Это действие недвусмысленно определено как преступное в постановлении, принятом в то время городским советом Брюнна: «Всякий, кто похищает Тело Господне, подлежит сожжению как еретик»¹.

Вопрос об уничтожении и осквернении гостии, который приобрел такую остроту непосредственно после принятия четвер-

тым Латеранским собором догмата о пресуществлении, а также меры пресечения этого преступления, затрагивавшие еретиков, сначала никак не отразились на евреях, свободных от этого обвинения, но в конце столетия им также стали приписывать эти действия, ничуть не смущаясь несообразностью обвинения. В 1233 г. папа Григорий IX заявил в ходе резкой критики немецких схизматиков: «Каждый год на Пасху они получают из рук священника Тело Господне и тайно приносят его домой во рту, где выплевывают в отхожее место, дабы показать презрение к Спасителю». Указ, который Alexander Stavenby, епископ Ковентри, выпустил в 1237 г. для своей епархии, содержит следующее утверждение: «Есть иные люди, неверующие, либо сомневающиеся, либо скептики, как к примеру скверные и нерадивые христиане, а также евреи, каковые столь глубоко погрязли в пучине бездонной своего неверия, что по причине их презрения ко Христу или же из-за того, что занимаются магией, приохотились к дерзновенным и постыдным деяниям, оскорбляющим Евхаристию и освященное масло». Действительно, нам известно, что еретики, которых также нередко обвиняли в колдовстве, были обязаны принести перед представителями инквизиции клятву в том, что они не совершали подобных кощунственных действий. Ассоциация между «скептиками» и «скверными» христианами — с одной стороны, и евреями — с другой, когда и тех и других обвиняли в хищении освященных предметов христианского культа для совершения магических операций либо для каких-то иных «постыдных» целей, — довольно частое явление, с которым сталкивается исследователь в документах как светского, так и церковного судопроизводства на протяжении всего позднего средневековья⁶.

Непосредственным результатом распространения ересей (а также борьбы с ними) стало то, что в протоколах допросов и отчетах о судебных процессах святотатственные действия, приписываемые еретикам, постепенно обрели черты якобы регулярно совершаемых обрядов, которые со временем стали считать отличительным признаком ведьмовских культов. В ходе судебного разбирательства над преступлениями леди Alice Kyteler в 1324 г. (в Англии это был самый первый из процессов над ведьмами) было установлено следующее: «Осмотрев комнату леди, нашли облатку из освященного хлеба, на каковой было имя дьявола вместо Иисуса Христа». Согласно популярным в народе верованиям, ведьмы должны были принести дьяволу

клятву в том, что они «будут попирать ногами и оплевывать священные изображения и иконы, крест и мощи святых, и никогда не будут причащаться Святых Даров, иначе как ради совершения колдовства». Считалось, что во время Черной Мессы на ведьмовском шабаше служили литургию, которая пародировала церковную службу, и в ходе этой извращенной литургии всевозможными способами оскверняли гостию: кололи, резали, топтали, сжигали и пр. Знаменитая мазь, благодаря которой ведьмы якобы могли летать, изготавливалась — по убеждению суеверных христиан — из освященной гостии, которую ведьма, симулируя причастие, самолично должна была добыть и скормить жабе, после чего жабу следовало сжечь, а ее пепел смешать с кровью младенца, желательно некрещеного⁷.

Связь обвинений в колдовстве, которые приписывали евреям, с уже сформированной моделью ведьмовских культов иллюстрирует суд над аббатом цистерцианского монастыря в Серкансо (Cercanceaux) в 1323 г. Аббат, его монахи, а также несколько мирян обвинялись в следующем: они поймали кота, посадили его в ящик и кормили освященными гостиями, намереваясь через девять дней живьем содрать с него шкуру и разрезать на полоски, дабы использовать их в качестве могущественного магического орудия во время судебных разбирательств, ибо аббат верил, что это поможет ему обнаруживать украденные и спрятанные предметы, а также призывать дьявола. Все обвиняемые были признаны виновными, но сожгли только мирян, а клириков приговорили к пожизненному заключению⁸. Этот род магии — скормливание Тела Христова дьяволу — был широко известен в средние века и, по-видимому, пользовался высокой репутацией.

Святотатственные действия стали приписывать магам евреям, а также еретикам в XI веке, когда средневековые ереси уже становились массовыми движениями, которые пользовались поддержкой у простого народа. Аббат Гибер из Ножана, отличавшийся яростными нападками на ереси, а также на евреев как зачинщиков и подстрекателей всех еретиков, поведал об одном монахе еретике, который подружился с лекарем-евреем и уговорил его открыть ему секреты колдовства. Еврей вызвал дьявола с помощью заклинаний, а когда монах пожелал, чтобы его посвятили в тайное учение, Сатана сперва потребовал от него, чтобы он отступился от христианской веры и принес ему жертву. Когда же монах поинтересовался, какую именно жертву следует принести, дьявол сказал ему: «Ты должен излить

передо мной свое семя, после чего должен отведать его первым, как подобает причастнику»⁹. Тому, кто знаком с более поздними документами, описывающими обряды колдунов и ведьм, это раннее упоминание об излиянии семени и последующий акт причастия семенем наглядно покажут, как из культовых действий, приписываемых еретикам, постепенно сформировалась модель ведьмовских ритуалов.

В этот период еретиков и колдунов постоянно обвиняли в отравлениях; создается даже впечатление, что это обвинение было своего рода подготовительным актом, после чего обвиняемому обычно приписывали еретические взгляды¹⁰. В народе верили, что колдуны умеют искусно составлять яды, а поскольку еретики — как убеждали народ проповедники — были посвящены в сатанинские секреты колдовства, то им также нередко вменяли в вину отравления. Было широко распространено мнение, что ведьмы чрезвычайно усовершенствовали этот род магии, превратив его в тончайшее искусство, из-за чего многих несчастных сожгли заживо либо четвертовали за преступления, якобы совершенные ими с помощью ядов. Поэтому представление о том, что «еретический» еврейский народ в целом всерьез замышляет отравить всю Европу, выглядело вполне приемлемым для средневекового сознания. «Как только была установлена причинная связь между колдунами и евреями, последние неизменно должны были расплачиваться за вспышки заразных болезней и эпидемии»¹¹.

Суеверие, согласно которому колдуны и ведьмы — а следовательно и еретики, — нуждаются для совершения своих обрядов и заклинаний в человеческой плоти и крови, в немалой степени повлияло на представление о том, что евреи также участвуют в подобных ритуалах. Согласно источникам, младенцев, предпочтительно некрещеных, приносили в жертву Сатане, а ведьмы на пиршествах во время шабашей пожирали человеческое мясо. Один английский автор так описывает эти чудовищные трапезы: «Мясо же, каковое они потребляют, есть мясо младенцев и юных отроков, и сие мясо они варят и приготавливают из него кушанья в Синагоге». Жир, извлеченный из человеческого тела, часто использовали в качестве основного ингредиента мази, которой колдуны и ведьмы натирались, прежде чем подняться в воздух. В состав любовных напитков также входили элементы человеческого тела. Мадам де Монтеспан (Montespan) обвинили в том, что она умертвила около 1500 младенцев, пытаясь добиться того, чтобы привязанность к ней

Людовика XIV никогда не ослабевала; в этом деле было замешано огромное число людей, в том числе многие представители клира, и 246 человек (среди них были и женщины), принадлежавших к различным сословиям и занимавших самое разное положение в обществе, предстали перед судом: 36 из них были казнены, а 147 приговорены к тюремному заключению.

Использование колдунами и ведьмами человеческой крови было самой характерной чертой их обрядов, о чем свидетельствует бесчисленное множество зафиксированных протоколов допросов и судебных отчетов. Кроме того, что кровь шла на изготовление ядов, исцеляющих снадобий и любовных напитков, ее также применяли во время кошунственных обрядов шабаша для следующих целей: в качестве возлияния дьяволу; для крещения ведьм в ходе их посвящения; для кормления животных, которые служили им вместо «домашних духов»; для подписания договора с дьяволом; в качестве питья во время обряда причастия, пародирующего Евхаристию; для добавления в пищу, приготовляемую для шабаша; в качестве напитка, укрепляющего силы. Один из самых скандальных процессов той эпохи — дело маршала Жиля де Пе (Rais), сподвижника Жанны Д'Арк, которого в 1440 г. обвинили в умерщвлении нескольких сотен детей с целью получения их крови¹².

Можно привести еще много очевидных «доказательств» тождества между «демоническим» евреем и еретиком-колдуном. Но несколько десятилетий назад J. Tuchmann¹³ составил исчерпывающий собирательный портрет тех категорий лиц, которых жестоко преследовала церковь — еретиков, колдунов и ведьм, поэтому едва ли имеет смысл снова впадать в подробности. Простое резюме его исследования наглядно показывает, что описанная нами «демоническая» фигура еврея по своим характеристикам почти не отличалась от прочих типичных противников христианства, поскольку и тем и другим приписывали следующие общие черты: они суть порождения дьявола, с которым они заключают тайный союз и которого обожают, совершая кошунственные и циничные обряды; они приносят жертвы демонам; они проводят тайные собрания, в ходе которых строят козни против христианского мира и замышляют всевозможные пакости; они издеваются над христианской верой и совершают акты профанации над ее священными символами и предметами культа; они отвратительно смердят; их глаза неизменно устремлены вниз, к земле; они зачастую носят «козлиную» бородку, а во время своих сборищ надевают маски

в виде козлиных голов; они украшают себя козлиными рогами, а их жены прикрепляют себе хвосты; они страдают от странных и мерзких болезней; они жестоки и алчны; они покупают либо выкрадывают детей, чтобы принести их в жертву Сатане; они пожирают человеческую плоть и пьют кровь; они верят, что приношение в жертву невинного существа будет способствовать продлению их жизни.

Хотя в исследовании J. Tuchmann'a нет ни одного упоминания о евреях, оно тем не менее исчерпывающе описывает не только обобщенные типы еретика, колдуна и ведьмы, но и еврея, каким его хотело видеть средневековое. Вывод напрашивается сам собой: «демоническая» фигура еврея была продуктом перенесения *in toto* верований, касавшихся презируемой и преследуемой группы лиц, входящих в состав европейского общества, на другую группу, нарочитая независимость которой помещала ее в ту же категорию преступников.

В XIII веке был провозглашен крестовый поход против ереси и колдовства, а клир официально санкционировал отождествление между ними, кроме того, распространилась вера в то, что не только миряне, но и клирики активно занимаются колдовством. Это же столетие характеризуется формированием концепции о евреях как о колдунах, опекаемых самим дьяволом, изобретением легенды об уничтожении и осквернении гостии, возрождением мифа об осквернении священных изображений, и возникновением и распространением кровавого навета в той форме, в какой он зафиксирован в средневековых источниках. Хронологическое соответствие здесь — далеко не простое совпадение. Постепенно эти представления расширились и оформились в концепцию, а в XIV и XV веках обросли массой подробностей и уточнений, поскольку в это время евреев стали обвинять в отравлениях и наделять демоническими атрибутами. Во всем этом трудно не увидеть, насколько сильное влияние на настроения масс оказала инквизиция с ее активной анти-еврейской пропагандой.

Мифическая фигура еврея, обрисованная в общих чертах в ранней христианской теологии и в конце концов раздутая до невероятных размеров, вытеснила из средневекового сознания реального еврея, и он просто перестал существовать. Вместо него средневековые христиане предпочли видеть перед собой некую фикцию, плод своего воображения.

Эпilog. ПО-ПРЕЖНЕМУ ОТРОДЬЯ ДЬЯВОЛА...

Средневековые представления о евреях, сложившиеся в цельную концепцию, были распространены во всех слоях христианского общества. Разумеется, были и такие христиане, которые обнаруживали терпимость по отношению к евреям, но все же их взгляды не выходили за рамки доминирующих представлений и не отличались от них качественно. Иначе и быть не могло, поскольку христианская цивилизация была устроена по принципу строгой иерархии. Даже революционные преобразования структуры и формы этой цивилизации ничего не изменили в представлении масс о евреях. Со временем церковная цензура ослабила свою жесткую хватку и «ересь» обрела самостоятельность — не только ересь свободы вероисповедания, но и ересь интеллекта, независимого от вероучения церкви, а также ересь независимого научного исследования. Движение Реформации привело к разительным переменам, и внешние характеристики общеевропейской культурной парадигмы на большей части континента стали иными. Однако под внешней оболочкой все еще доминировали — и продолжают доминировать — образы и представления, свойственные средневековью. Позиция масс в «еврейском вопросе» осталась такой же, какой она была выработана в ту эпоху, и по сути сводилась к одному — продолжать непримиримую борьбу с силами Сатаны.

Действительно, движение Реформации само способствовало дальнейшей пропаганде этой концепции уже через свои собственные авторитетные каналы. Что бы ни менялось в христианском мире, проблема отношения к евреям оставалась *in statu quo*. Мартин Лютер был столь же нетерпимым к ереси, которую предпочитал называть богохульством, как и его оппоненты католики. На протяжении многих лет он терпеливо ждал, что евреи обратятся в его веру. Когда же он вынужден был признать, что эти надежды оказались тщетными, он излил на евреев горчайший яд всех своих упреков и обвинений. Лютера, дерзнувшего бросить вызов старому порядку, едва ли можно было заподозрить в плагиате, когда он вновь и вновь демонстрировал приверженность средневековым представлениям о евреях. Неподдельная искренность и честность его утверждений, которые звучали так, словно были сделаны чуть ли не помимо его воли, слишком очевидны¹.

Он писал, что Евангелие было проповедано в их стране (то есть в Палестине. — Дж. Т.) язычникам, а еврейское государство разрушили римляне. С тех самых пор евреи блуждают по земле,

не имея ни родины, ни государства, ни армии — ничего, что они могли бы назвать своим, всюду они — нежеланные гости. Никакой другой народ не постигла столь горькая участь. То, что они, ловкие займодавцы вымогают у местного населения и добывают хитростью, забирают у них, когда их изгоняют или грабят. К ним относятся хуже, чем к собакам; всякий, кто вредит им либо обманывает их, полагает, что тем самым он совершает доброе дело. С апостольских времен ни один еврей не заслужил уважения в христианском мире и не обрел благоволения перед лицом Бога. А неверие их — то же самое, что и у их предков; даже то, что черным по белому написано в Библии, не может их переубедить. Можно вновь обрести разумение, можно побороть человеческую слепоту. Но Сатана, который неизменно стоит рядом с евреями, не позволяет им ничего понять².

В проповеди от 25 сентября 1539 г. Лютер привел в качестве поучительных примеров несколько анекдотов, в которых проводилась мысль о том, что даже отдельные евреи не меняются окончательно и бесповоротно, приняв крещение. В одном анекдоте говорится о еврее из Кёльна (Cologne), который крестился и по причине своей набожности и истинно христианского благочестия был рукоположен в священники; однако, когда после его смерти вскрыли его завещание, в нем содержалось следующее распоряжение: поставить на его могиле статуи кошки и мыши (подразумевалось, что еврей так же не способен сделаться христианином, как эти животные не могут мирно жить бок о бок). В соборе во Фрайзинге (Freising) есть изображение «Еврейской свиноматки» (Judensau), а под ней имеется надпись: «Так же, как мышь никогда не съест кошку, так и еврей никогда не станет истинным христианином». Нет надобности да и невозможно обращать в христианскую веру дьявола и его приспешников — такой окончательный вывод делает Лютер. Таким образом, известная притка — «пропавший, как еврейская душа», вполне оправдана³.

Но если разум оказывается здесь бессильным, то есть другой, более эффективный способ. К нему Лютер и призывает в одной из своих поздних работ «Von den Juden und ihren Lugen» («О евреях и их лживых измышлениях»). В решении вопросов, касающихся евреев, непозволительно впадать в жалкую сентиментальность. Те чересчур сострадательные христиане, чье слепое милосердие позволяло евреям убивать и богохульствовать, согрешили против Бога, ибо если Христос есть его Сын, а Новый Завет — Его книга, то также истинно и то, что в ходе мировой истории Он отгнул евреев вкупе с отцом их, дьяволом. А посему христианам подобает со всей серьезностью и ответст-

венностью и отнюдь не в духе легкомыслия, жечь их синагоги, изымать их книги, запрещать им совершать свои богохульные обряды; а чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда, надлежит изгнать евреев из христианского общества. Да придет конец этому проклятию⁴!

К такому выводу пришел Лютер. Мир изменился, но евреям в нем по-прежнему нет места. С благословения Лютера, к которому в наши дни присоединилась католическая церковь, средневековые представления о евреях продолжали сохранять жизнеспособность и в новое время. Не следует думать, что яростные нападки Лютера на евреев оказали решающее влияние на то, что антиеврейские настроения владеют массами и поныне. Однако эти нападки показывают, как глубоко укоренены антисемитские настроения в западной культуре и объясняют их живучесть в современных условиях. Протестантизм ничего не изменил в отношении к евреям, его установка по отношению к ним осталась по сути средневековой. Эра рационализма и либерализма ничего не изменила — она не коснулась суеверий, которые продолжают владеть массовым сознанием. До тех пор, пока средневековые принципы и привычки мышления — а также социальные условия, в которых они процветают, — не будут окончательно искоренены, никаких изменений не произойдет.

В современную эпоху христианская религия в некоторых антисемитских кругах крайне непопулярна, их важнейшая цель — уничтожить все христианские ценности, тогда как церковные антисемиты проповедуют ненависть к евреям во имя лицемерного и ложного христианства. Каким бы ни было отношение тех и других к учению церкви об Иисусе, антисемитизм, этот аппендикс средневекового христианского фанатизма, делает их близкими друг другу. Магия слов преобразила зловерное средневековое суеверие в куда более отвратительный предрассудок нашего времени. Нынешний антисемитизм стал «научным»; его апологеты пренебрегают такими устаревшими понятиями, как сатанизм и колдовство, и не включают их в современный лексикон преступлений и прегрешений евреев (хотя эти понятия в самом деле ни на есть буквальном смысле отнюдь не исчезли). В наши дни для антисемита, каких бы убеждений он ни придерживался, евреи стали интернациональными коммунистами, или же интернациональными банкирами, или даже теми и другими одновременно. Но задача у них одна: уничтожить христианство, захватить мир и поработить его, подчинив своим — ну конечно же — дьявольским целям.

До сих пор, все еще — «дьявольские отродья»...

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Ссылки на источники даются по имени автора той работы, которая цитируется либо упоминается в той или иной связи; полнотой названия и все выходные данные указанных сочинений приведены в библиографии в алфавитном порядке.

Глава 1. ДЬЯВОЛ ВО ПЛОТИ

¹ Ср., напр., Michelson, p. 96 и далее. В Англии более двух с половиной веков не было еврейской общины, когда сэр Томас Норт написал в «Diall of Princess» (1568): «Пусть же будет повнимательнее и не зовет своих прислужников пьяниц, воров, злодеев, евреев и прочий сброд, какими бы подлыми именами они ни назывались» (Modder, p.19).

² Kynass (p.7), подвергнув тщательному исследованию немецкие народные предания, баллады и сказки, отмечает, что «ни в одной народной песне нет и следа дружелюбного отношения к евреям». См. также: M. Bulard. *Le scorpion, symbole du peuple juif dans l'art religieux des XIV, XV, XVI siecles* (Paris, 1935); Michelson, p.70.

³ Strumpf, p. 18, 39, примечание 18; Frankl pp.10, 89 и далее; Carrington, p.8.

⁴ Strumpf, p.37, прим. 6, цитирует следующие строки из французского миракля:

...каждый должен иметь
Столько же, сколько и прочие люди,
А у нас нет ничего, что мы можем почитать своим.
У богатых сеньоров немало добра,
А у бедняков ничего,
Кроме злосчастья и горя...

⁵ Browe, *Die Eucharistischen Wunder des Mittelalters*, p.1. ; Crane, p. xix и далее., liii и далее., Owst, *Literature and pulpit in Medieval England*.

⁶ Heise, p.213.

⁷ *The Middle Ages* (New York, 1928), p. 25.

⁸ Христианский святой II века Юстин Мученик (или Юстин Философ) в своем сочинении «Диалог с Трифоном Иудеем», написанном от первого лица, выразил позицию церкви и всех христиан в следующих словах: «Хотя вы и читаете ваши Писания или, скорее, не ваши, но наши, но их дух вы не постигаете». Ср. Parkes, I, 97, 251 и далее, 392; Williams, p. 33 и далее; 225, 402.

⁹ Ср. C.D.Ginsburg, Предисловие к книге: Elias Levita «*Massoreth haMassoreth*», р. 45 , 47.

¹⁰ *Werke* (Weimar, 1920), LIII, 478. Tovey (р.136) проявил чуть ли не милосердие, когда написал: «Евреи, безусловно, плохие истолкователи Священного Писания и в особенности это касается Пророческих книг».

¹¹ М. Paris, Chron. Maj., III,161, и далее. V, 340 и далее.

¹² Ср. *JE*, XII, 462 и далее.; *EJ*, I, 1147 и далее.; L. Neubaur, *Die Sage vom ewigen Juden* (Leipzig, 1893).

¹³ См. напр. точку зрения Раймунда Мартина, которую он отстаивает в своем сочинении «*Pugio Fidei*» (1278) — Graetz. *Geschichte der Juden*, VII, 150.

¹⁴ «The Medieval conception of the Jew», *Essay and Studies in Memory of Linda L. Miller* (New York, 1938), сс. 171-190. Strumpf (с.37, прим.5) также обращает внимание на «наивные представления средневековья ... с которыми мы то и дело сталкиваемся в текстах "мистерий", а именно: что евреи целиком разделяют истинность предания и учения Церкви, что они верят в догматы католической Церкви и истолковывают Священное Писание так, как это принято у христиан». Он также согласен с С. Ротом в том, что «отказ евреев от принятия христианства приписывали их злобе и упрямству». Ср. там же с.34,39; Michelson, с. 77.

¹⁵ J. H. Greenstone, *JQR*, XXX (1939), 206. Недавно, слушая выступление одного известного протестантского теолога, (представителя так называемой «либеральной теологии») я убедился в том, насколько глубоко этот взгляд укоренился в христианской мысли. Выступавший поведал университетской молодежи о том, что бого-человек Иисус Христос есть «психологическая необходимость» и что евреи, отрицая Иисуса, были «потеряны» в течение последних двух тысяч лет. Таким образом, получается, что существа, которые не испытывают пресловутой «психологической необходимости», должно быть, не совсем такие, как прочие люди, если вообще их можно считать людьми.

¹⁶ Williams, с. 387.

¹⁷ Trachtenberg, на с. 35 я подробно рассматриваю этот вопрос. Всестороннее исследование отношения христиан к данной теме можно найти в книге: Gustav Roskoff's «*Geschichte des Teufels*» (Leipzig, 1869), 2 vols.

¹⁸ В «Синодальном» переводе: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола», Матф. 4:1-11; Марк. 1; 12,13; Лук. 4:1-13.

¹⁹ Ср. Michelson, с.15 и далее, 50. Проповедники обычно уделяли этой теме особое внимание во время «Страстной Недели». См. также Cruel, с. 582.

²⁰ Подобные построения мы находим в проповедях Николауса Динкельшпюля (Dinkenspuhl), выступавшего перед своей паствой в Вене в 1420 г., а также у его современника, английского проповедника Джона Мирка (Myrk), который утверждал следующее: «Our lady was wedded to Joseph, forto deceyve the fende, that he schule wene that he was his fadyr and not conseynet of the Holy Ghost» («Наша Госпожа обручилась с Иосифом, дабы ввести в заблуждение Врага, и тот уверился бы, что Иосиф отец младенца, а не зачавший его Дух Святой»). Owst, *Literature and pulpit in Medieval England*, с.512.

²¹ Лук.23:4, 7-15; 20. Ср.также Деяния 3:13. См.также Parkes I, 203, 298; Strumpf с.38. Авторы мистерии XII века «*La resurrection du saviour*» («Воскресение Спасителя») явно симпатизировали Пилату, который сетовал, что он мог потерять все, даже свою жизнь, если бы не подчинился требованию евреев предать Иисуса смерти (Michel et Monmerque, *Theatre francaise*, с.12).

²² Parkes II, 12; I, 160.164,285,299; Murawski с. 52.

²³ Lifschitz-Golden, с.14.

²⁴ Strumpf с.13.

²⁵ Strumpf с.6:

De mestre aux Juifs encourage
Qu'il le tuent par leur outrage
Et qu'il le haient com nous faisons

Ср.также текст Пассиона, исполнявшегося в городе Альсфельдер (Frankl, с.11), а также в Донау (Roskoff, I, с.368 и далее), в которых живописуется альянс между Иудой и дьяволом.

²⁶ См. Strumpf с.9; *Cambridge History of English Literature* (1910), V.44. В английском *Corpus Christi pageant*, «Предательство Христа», Иуда появляется на сцене в огненно-красном парике — эта деталь костюма во многих пьесах указывала на дьявола. (Modder, с. 15).

²⁷ Lifschitz-Golden сс. 90, 94 и далее; Strumpf сс. 21,30.

²⁸ Dyables d'enfer, ennemys du genre humain; perversorum humani generis inimicorum; demonum humani generis inimicorum; ср.также Lifschitz-Golden, сс.83, 98, 103.

²⁹ Strumpf с.2.

³⁰ Frankl с.61 прим.2.

³¹ Guedemann III 207 и далее; Geiger, *Zeitschrift*, III, 298.

³² Loewe с.43 и далее.

³³ Lifschitz-Golden с.117 и далее; *REJ*, LXXXIX (1930), с. 124.

³⁴ Goebel с.69.

³⁵ Crane, No. 296; Klapper с. 282; Loewe сс.16, 47; см.там же на с.32 относительно легенды о дьяволе и о ее связи с евреями. Ее очевидная мораль в том, что евреи творят на земле то же, что дьявол в своем царстве. Одно из самых поразительных описаний евреев, которое датируется приблизительно XV веком, мы находим в Испании: каждый орган тела еврея сравнивается с соответствующим органом мифи-

ческого животного мусульманской мифологии по имени Аль Бурак (al-Buraq), на котором Мухаммад совершил путешествие на небо. См. *REJ*, XVIII (1889), 238 и далее; а также XXI (1890), liii.

³⁶ Ср. Michelson, фронтиспис; Liebe, .30,35,37, 69; Fuchs с.13,20. Подробнее о «*Judensa*» см. Fuchs с.114 и далее, 124 и далее; D.Kaufman «*La truite de Wittemberg*», *REJ*, XX (1890), 269-273; Stobbe с.267, прим.152; Liebe на с.60 приводит гравюру XVII века, которая служит иллюстрацией к нижеследующим стихам:

Es thut jederman nachfragen,
Warum die Juden Ringlin tragen?
Merkt auff ich will es sagen fein,
Vielleicht mags die recht ursach sein.
Erstlich weil sie des Teuffels sindt,
Drum man solch zeichen bey ihn findt.
Denn wen sie denckn ahns ohrt der qual
Schreyen sie O O allzumahl.

Всякому охота знать,
Почему евреи носят нашивку в виде кружка?
Так слушайте же, что я вам скажу,
Быть может, вот в чем причина:
Во-первых, они — от дьявола,
Посему мы и находим у них этот знак.
А во-вторых, когда они об этом вспомнят
В тех местах, где пытаются и мучат,
Все они кричат О! О!

Схожее объяснение мы находим в стихах, написанных столетием раньше на латыни, см. Bondy-Dworsky, I, с.405. Подробнее о евреях на Крите см. Baron, II, с.90.

³⁷ Ср. Kynass, сс.58. 241.

³⁸ Bachtold-Staubli, IV, 817.

³⁹ Lewin, 57,85. Одна из важнейших работ в истории польского антисемитизма, сочинение о.Пржеслава Моецкого (Przeslaw Mojecki) «Еврейские злодеяния, убийства и суеверия» содержит в предисловии ко второму изданию (Краков, 1598) подробное изложение того, как Сатана избрал евреев в качестве орудия уничтожения человечества. См. *EJ*, II, с.1002.

Глава 2 . АНТИХРИСТ

¹ Thorndike, II, с.138; см.также с.672,674, 844,954, 960. Следует отметить, что эта тема отнюдь не устарела. Ее современный вариант обнаруживается в широко известном сочинении «Протоколы сионских мудрецов», в котором детально «раскрывается» еврейский заговор,

ставящий своей целью завоевание мира. Названное произведение непосредственно связано со средневековой традицией литературы об Антихристе. Многие мотивы «Протоколов» уже прозвучали в книге С.А. Нилуса «Великое в малом», вышедшей в России в 1905 г., автор которой предостерегал, что грядущий Антихрист будет действовать через своих агентов, евреев. См. John Curtius. *An appraisal of the protocols of Zion* (New York, 1942).

² См. Baer, II, с. 515; Parkes I, с. 99, 397; Starr с.175. Тема Антихриста возникла из еврейского представления о языческом царе (Сеннахирим, Гог), который выступит против Израиля и будет побежден Мессией. Но еврейской мысли чуждо псевдомессианство христианской концепции, и, вероятно, последняя оформилась как прямая реакция на то, что евреи упорно продолжали отвергать Христа. (*EJ*, II, 906; *JE*, I, 625; *HERE*, I, 578; W. Bousset. *The Antichrist Legend*. London, 1896). Таким образом, в христианской мысли, трактующей этот предмет, отождествление Антихриста с ожидаемым евреями Мессией носит как имплицитный, так и эксплицитный характер (хотя ранняя христианская литература эпохи гонений считала Антихристом обожествленного римского императора, а позднее церковь причисляла к слугам антихриста своих врагов, гностиков). (См. у Bousset [с. 166 и далее], который цитирует ранних Отцов Церкви). Рабанус Маурус, архиепископ Майнца (IX век), писал: «Евреи чают пришествия своего Христа, о котором мы доподлинно знаем, что он Антихрист, а также лелеют мечты о том, чтобы Содом вновь восстал из праха и обрел былое величие» (Murawski, с. 36). О взглядах Петра из Блуа (XII век) см. Jacobs с.182. Формула «еврейской клятвы» в Тортозе в конце XII века предусматривала, чтобы еврей поклялся «*per mesias qui es dit Antechrist, lo cual vosaltres esperats*», то есть «Мессией, который есть Антихрист, и коего вы ожидаете» (Amador, I, 572).

³ Stagg, с.104. Еврейская девственница, рождающая Мессию, — популярный мотив в западноевропейской литературе, а его буквальное истолкование в народных массах способствовало широкому распространению анекдотов на эту тему. Так, например, в одном из них еврейка, которую соблазнил христианин, убеждает своих родителей в том, что в ее чреве — семья Святого Духа. Весть об этом быстро облетает всю округу, и когда ребенок должен вот-вот появиться на свет, местные евреи собираются, чтобы прославить ожидаемого Мессию, который, увы, оказывается девочкой. Согласно другой версии евреи, которые верят, что Мессия должен быть зачат «воздействием небесным», отправляют своих самых красивых девушек ночевать в палатках под открытым небом все восемь ночей праздника Кушей. Однако пресловутое «небесное воздействие» на деле оказывается вполне земным и к тому же христианского вероисповедания, в результате чего складывается комичная — с точки зрения рассказчика — ситуация. Здесь перед нами еще один интересный пример того, как евреям припи-

сывали христианские идеи и представления. См. также Aronius прим. 418; Schudt, I, с. 411; Geiger, Zeitschrift, II, сс.348, 373.

⁴ Эта легенда фигурирует в хрониках (M. Paris, Chron.Maj., I, с.180), среди *exempla* (Welter с. 412 прим. 5) и в собраниях народных рассказов (Geiger, Zeitschrift, II, с.356). См. также Graetz, Geschichte, IV, 352 f. В одной такой легенде волшебник претендует на роль Мессии (Welter).

⁵ См. Preuss, с.11 и далее. Чрезвычайно распространенное среди христиан (Bousset, с. 26, 171; Williams с. 280) и подкрепляемое ссылкой на Библию (Быт.49:17 — «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад») представление о том, что Антихрист должен происходить из колена Дана (многие христианские авторы, прослеживая родословную Иуды Искарота, утверждали, что он также из колена Дана), вне всяких сомнений связано с еврейскими традиционными представлениями, согласно которым Мессия со стороны матери будет принадлежать к этому колену. (JE. I. С. 627; L.Ginzberg, *Legends of the jews*, V, с. 368, прим. 392, VI, с.144, прим. 854).

⁶ Один автор XV века полагал, что блудница, которая произведет на свет Антихриста, должна быть «Juden wybelin» («еврейской бабенкой»), потому что «das soll yedoch das boste sein» («ибо таковые подлее всего») (Preuss 15). Представление о том, что Антихрист — сын змея и еврейской блудницы (Baech-Staubli, IV, с. 816), содержит двойную аллюзию, отсылая к Сатане и к уже упоминавшемуся тексту книги Бытия (49:17). — см. прим. 5. То, что связь между Антихристом и Сатаной не исчерпывается исключительно отношениями «отец — сын», подтверждается множеством иллюстраций в сочинениях XV века, посвященных интересующей нас теме. На них на заднем плане изображен дьявол, который опекает своего отпрыска, служит ему источником вдохновения во время составления речей и проповедей и направляет все его действия (Preuss сс. 35,36,38,40,41). Анонимный манускрипт тех лет, посвященный обсуждению еврейских грехов и преступлений против христиан, озаглавлен «*Tractatus de Antichristo et discipulus eius*» — «Трактат об Антихристе и учениках его» (Scherer с. 433). Еще одно указание на распространенное в христианских массах представление о еврейском Мессии можно увидеть также в бытующем у европейских крестьян поверье, согласно которому «евреи радуются, когда гремит гром и сверкает молния, ибо они как раз в такую погоду ждут пришествия своего Мессии» (Margaritha L. la-b). Считалось, что бури и грозы служат прикрытием для нечестивых деяний демонов и колдунов.

⁷ *Les signes d'infamie au moyen age* (Paris,1891), s.104.

⁸ Strumpf, с.16; Frankl с. 27; Preuss с. 28. Следует отметить, что немецкая версия драмы, *Das Entchrist Vasnacht*, в противоположность французской следует образцу, написанному на средневековой латыни, и милосердно позволяет евреям принять христианство после победы

над Антихристом, в силу чего крещенные евреи также могут наслаждаться благоденствием тысячелетнего царства Христа.

⁹ Preuss с.29 1.

¹⁰ Lenient, *La Satire ... au XVI siecle*, I, с.160.

¹¹ *Das Narrenschiff*, с. 213.

¹² Preuss сс. 5, 23, 41.

¹³ Preuss с. 17. Убеждение в том, что «потерянные колена» Израиля не рассеяны, а обитают где-то на Востоке, было столь живучим, что известному авантюристу Давиду Реувени (Reubeni), жившему во второй четверти XV века, который претендовал на роль эmissара независимого еврейского царства, не составило труда добиться аудиенции и получить значительные денежные суммы от папы и португальского короля. Получившие широкую известность послания от мифического «Пресвитера Иоанна» в немалой степени способствовали укреплению этого убеждения.

¹⁴ M.Paris, Chron. Maj., IV, сс. 77,131 и далее: см.также Н.Bresslau, «Juden und Mongolen», *Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland*, I, (1887), 99-102.

¹⁵ Geiger, *Zeitschrift*, II, 363.

¹⁶ Возрождение интереса к этой фигуре можно объяснить всеобщей тревогой по поводу угрозы близкого «конца света». См. L. Neubaug. *Die Sage vom ewigen Juden* (Leipzig, 1893), а также Geiger op.cit., с. 366.

¹⁷ Baring-Gould с.168. Легенда об Антихристе была известна и среди мусульман, причем они также связывали пришествие Антихриста с оживлением и подъемом еврейства.

¹⁸ Browe, *Die Eucharistischen Wunder des Mittelalters*, с.85 и далее; Stern, *Urkundliche Beitrage*, I, с. 50. Когда Бенедикт из Йорка рассказал в том, что принял крещение, то, как сообщает хронист, архиепископ Йоркский «впал в дух яростный» и разразился гневной отповедью: «Коль скоро он не желает быть христианином, пусть же принадлежит дьяволу». Так Бенедикт вернулся «ко греховности еврейской, аки пес на блевотину свою» (Jacobs, 105).

¹⁹ Подобные выражения были настолько в ходу, что едва ли имеет смысл давать ссылки на источники. Тем не менее укажем, что цитата, в которой идет речь о призывании демонов, взята из «Эдикта о Вере», вышедшего в Валенсии в 1519 г. (Roth, *Spanish inquisition*, 78). Источник последней цитаты – Grunwald, *Juden in Wien*, с.5. Вероятно, легенда, распространенная среди кабилы северной Африки, отражает это европейское представление: кабилы некогда вторглись в Испанию и уничтожили всех мужчин в одном городе; женщины, оплакав свою горькую судьбу, вняли совету мудреца и легли на могилах своих мужей, тесно прижавшись к земле, в результате чего забеременели (может быть, от демонов, которые обитают на кладбищах?) и родили детей евреев, которые уехали из Испании в Кабилию (Leo Frobenius, *Volksmaerchen der Kabylen*. Jena, 1921, I, 103). Тема связи евреев с дьяволом популярна до сих пор. Легенда, возникшая уже в наши дни,

повествует о том, как крестьянин из поместья Ротшильда как-то поспорил с дьяволом, и, перехитрив последнего, тотчас же стал евреем! (Baech-St., IV, 813). Ныне в Германии немецких детей также учат видеть в евреях исчадий Сатаны: на первой странице книжки стихов для самых маленьких, составленной Эльвирой Бауэр, крупным шрифтом набрано: «Отец евреев — дьявол».

²⁰Frankl c.18; Lewin cc.109, 47.

²¹*Complete works of Geoffrey Chaucer*, ed. W.W. Skeat (Oxford, 1924), IV, 184, line 1748. В пьесе «Святая Мария Магдалина», которая в английской литературе знаменует начало перехода от мистерии и миракля к моралите, «перед нами в последний раз появляется персонаж еврей, после чего он окончательно скрывается за такими нейтральными именами как Неверие, Маммона, Порок, или Дьявол». В пьесе Чосера персонаж по имени Неверие объявляет себя дьяволом. порождением дьявола, возвещает, что его имя — «Справедливость Моисеева», и говорит, что неверие «настолько прочно вошло в сердца евреев, что они никогда не поверят учению Христа и чудесам его» (Michelson c. 63).

²²Lifschitz-Golden c.167.

²³Описывая общие установки в отношении к евреям среди представителей различных социальных групп христианского общества, установки, которые в немалой степени способствовали появлению в 1569 г. буллы «Hebraeorum gens» папы Пия V и его решению об изгнании евреев из всех своих владений, кроме Рима и Анконы, Родоканаки замечает: «Повсюду, как среди простонародья, так и при дворе Папы их обвиняют в совершении самых страшных злодеяний... одним словом, все утверждают, что они суть посланники Сатаны». Ваг, I, 198.

Глава 3. С РОГАМИ И ХВОСТОМ

¹Ср. также Авв. 3:4; см. *JE*, VI, 463.

²Scherer, pp. 341, 547; Singerman, p.20. От евреев требовали, чтобы края конусообразной шляпы, которую должны были носить мужчины, были загнуты кверху в форме рогов. В Испании евреи должны были носить черную шляпу с прикрепленными к ней красными кистями (их могли заменять волосы) или с нашитыми полосками из льняного полотна. (Singerman, p.28; *EJ*, IX, 546).

³«Dieses ist der Juden Teufel», Liebe, pp.38, 63; Fuchs, p.30; *REJ*, VI (1882), 117.

⁴*REJ*, loc. cit., а также XX (1890); Roth, *Essays and Studies in Memory of Linda R. Miller*, p.176.

⁵Мне пришлось удостовериться в этом на личном опыте. Проезжая через штат Канзас, я встретил фермера, который никак не хотел поверить, что я еврей, поскольку у меня на голове не было рогов. С течением времени я убедился в том, что и в наше время подобные представления отнюдь не редкость.

⁶ Ср. Liebe, pp.35, 92, 105; Kynass, pp. 42, 43, 61, 62, 77, 83, 88, 105, 135; Goebel, p.282.

⁷ Kynass, pp.77 и далее.

⁸ См. гравюры в: Schudt, II, i, pp. 256-257.

⁹ Hans Sachs, *Saemtliche Fabeln*, I, i, № 172, pp. 489 и далее.

¹⁰ Robert, p. 23 (ср. также pp.103 и далее).

¹¹ Fuchs, p. 2. В «Gesta Romanorum» есть заслуживающий внимания рассказ (№ 76), в котором прослеживается на удивление тесная связь между дьяволом, козлом и евреями.

¹² Reinach, pp. 287,353; также см. M. Joel, *Blicke in die Religionsgeschichte zu Anfang des zweiten christlichen Jahrhunderts* (Breslau und Leipzig, 1883), II, 130. Carl Crow недавно сообщил о схожих представлениях среди китайских аристократов, которые верят, что все представители белой расы источают зловоние. Разумеется, есть вероятность того, что это мнение — чистой воды обобщение, обусловленное опытом контактов с отдельными индивидуумами, не отличавшимися чистоплотностью, или же здесь имеет место личное предубеждение против европейцев. Но когда подобные представления распространены столь широко, что нет возможности сослаться на вышеупомянутые случайные факторы, то поиск объяснений психологического характера вполне оправдан.

¹³ Ср. также в *REJ*, XIX (1889), 249, примечание 3, а также XX (1890), 101 и далее, 249; Frankl, p. 133 .

¹⁴ Guedemann, I, 145:

ez wart so groz nie ein stat
sie waer von drizec juden sat
stankes unde unglouben.

¹⁵ Friss, № 120, p. 161: «dye Juden, dye sneiden, hartneckygen, stinkunden Gotis verreter».

¹⁶ *REJ*, VI (1882), 117; Schudt, II, i, pp. 344 и далее; Chwolson, p. 209. Schudt сообщает (IV, 2, p. 165), что он лично обсуждал этот вопрос с одним евреем, который даже гордился специфическим запахом своих одноплеменников и объяснял его чрезвычайную устойчивость частыми постами, а также ссылаясь на то, что этот запах «приятен Богу». Приходится допустить, что этот еврей был знатоком античной литературы, поскольку такую же версию «еврейского зловония» предлагает Марциал. См. Martial, Epigr. IV, 4, 7 (см. также Reinach, p. 287).

¹⁷ Ср. у Loewe, p. 88, прим. 61; Williams, p. 165; Lifschitz-Golden, p. 73; Crane, № 263. Мусульмане также верят, что могила Мухаммада источает благоухание. Подобные представления совершенно чужды еврейской традиции. Единственный пример, который мне удалось обнаружить, содержится в *Tashbez*, № 445, где упоминается о непри-

ятном запахе демонов в Ноевом ковчеге. О скверном запахе этой земли, который оскорбляет обоняние обитателей рая, см. Trachtenberg, p. 62; о зловонии ада, см. *idem*, p. 67.

¹⁸ Бертольд из Регенсбурга в одной из своих проповедей сделал евреям своего рода двусмысленный комплимент: «Смотрите, вонючий еврей, от которого несет, как от козла, почитает свои праздники усерднее вас» (Siehe, ein stinkender Jude, der die Leute anbockset, ehret seinen Feiertag besser als du! Cruel, p. 621). Hans Wilhelm Kirchhof, который намеревался выразиться «более деликатным образом», тем не менее также удовлетворился замечанием, что евреи «смердят, как козлы» (Wendenmuth, III, 366); см. также Schudt, II, i, pp. 344: «Все евреи и иудеи... обладают неприятным запахом, ибо источают зловоние, как козлы» («Alle Juden und Hebraer... haben einen gewissen ublen Gestank, dass sie meistens nach Bock Ambra schmacken»).

¹⁹ Самую раннюю ссылку на эту легенду можно найти в поэме, автор которой Venantius Fortunatus повествует об обращении в христианство евреев из Клермонта в 576 г.: см. также Israel Levi, «L'Odeur des Juifs», *REJ*, XX, (1890), 249; а также Schudt, II, i, pp. 344.

²⁰ Loewe, pp. 28, 31, 32.

²¹ P. 95.

²² Hans F. K. Gunther, *Rassenkunde des deutschen Volkes*, цит. по: J. R. Marcus, *Rise and Destiny of The German Jew* (Cincinnati, 1934), p. 41. Перед первой мировой войной 1914 г. в Австро-Венгрии на улицах часто можно было услышать такие стишки:

Alle Juden stunken!
Alle Juden stinken!
Nur der Laser Jakob nicht.

Все жида воняют!
Все жида воняют!
Кроме Лазера Якова.

²³ Schudt, loc. cit.; Kynass, pp. 49, 74, 96, 123; Goebel, p. 282.

²⁴ *Historia de los Reyes Catolicos Don Fernando y Dona Isabel* (Seville, 1870), I, 124; цит. по: Salvador de Madariaga, *Christopher Columbus* (New York, 1940), p. 130; см. также: Amador, III, 243, прим. 1.

²⁵ См. также *REJ*, XIX (1889), 239; Loewe, p. 31; Guedemann, III, 119, прим. 1; *JE*, III, 261; Trachtenberg, pp. 7; Chwolson, pp. 207.

²⁶ Cruel, p. 583; Eck, p. 14; Dubnow, II, 77. Едва ли имеет смысл искать последовательность в этих народных поверьях, единственная цель которых — выделить евреев и представить их как совсем *иных*, нежели прочие люди: Margaritha (p. К 3а) приводит следующее свидетельство: «Говорят, что евреи живут дольше христиан и что они не подвержены таким заболеваниям, как оспа, чахотка, проказа и

пр.» Интересно привести также мнение одного антрополога XVII века, его цитирует Schudt (II, i, pp. 368), ссылаясь на него как на ученого, авторитет которого — как рассчитывал Шудт — должен был подтвердить его собственное (Шудта) утверждение, а именно: «Бог отметил их определенными знаками, а посему немедля и с первого взгляда возможно распознать, что те либо иные люди суть евреи, как бы последние ни исхитрялись это скрыть». Итак, этот антрополог, некий Scriver, «ученый муж поведал по поводу евреев, что, исследовав сотни из них, не нашел ни одного без какого-либо иного телесного изъяна, или же отвратительных черт: ибо они или бледны и желтолицы, либо же напротив — смуглы; по большей части они имеют большие головы и рты, надутые губы, глаза навывкате и ресницы жесткие, будто щетки, крупные уши, кривые ноги, руки до колен, а также огромные прыщи и бородавки или иные изъяны в пропорциях своих телесных членов».

²⁷ Приписываемые евреям кровотечения и менструации, которые регулярно бывают также и у мужчин, объясняли тем фактом, что, согласно Евангелиям, евреи кричали Пилату: «Кровь его на нас и на детях наших» — см. Матф. 27:25; см. также: *JE*, loc. cit.

²⁸ Chwolson, pp. 207 и далее; см. также Schudt, II, i, pp. 345 и далее; *REJ*, VI (1882), 117, а также XXI (1890), liii и далее.

²⁹ Весьма вероятно, что представления о специфических «еврейских» болезнях распространены и в наши дни. В 1890 г. «колдун» Wawrzek Marut, обвиненный в том, что он выкопал и похитил два трупа с еврейского кладбища, объяснил, что существует два вида тифа: обычный, который можно преодолеть с помощью молитвы Господней, и «еврейский», от которого могут исцелить только кости еврея. Другой подобный случай имел место в 1892 г. См. Strack, p. 94.

³⁰ Weller, p. 237; Frankl, pp. 65; Liebe, p. 57. Schudt (II, 2, pp. 11, 13) утверждает, что в 1631 г. одна еврейка из Вайскирхена (Моравия) родила живого слоненка, а в Глогау (Силезия) еврейка произвела на свет осленка! Однако справедливости ради следует отметить, что Шудт не умалчивает о столь же чудесных явлениях, которые происходили и с христианками.

Глава 4. ЕВРЕЙ ИСПОЛНЕН ЧАРОДЕЙСТВА

¹ Goebel, p. 287.

² Schudt, II, 2, p. 190; слова Лютера взяты из его эссе «*Vom Schem Hamphoras und vom Geschlecht Christi*», («О полностью произнесенном имени Божьем и о родословии Христа») Werke (Weimar, 1920), LIII, 602: «Ein Jude stickt so vol Abgotterey und Zeuberey, als neun Kue har haben, das ist: unzerlich und unendlich».

³ См. Goebel, p. 282, а также Baech-St., IV, 812. Среди действий такого рода, совершение которых приписывали евреям, можно назвать

хотя бы следующие: они заклинаят змей (St. Gall); они способны обрюхатить королеву с помощью волшебного яблока (греко-албанская легенда); у них есть книги по магии (Югославия, район Чернолесья); они приделывают к головам своих врагов оленьи рога (Познань); они могут околдовать домашний скот (Саар); они укрощают бури (Оберплатц); они могут совершить кровопускание на расстоянии (Оденвальд); они лечат бесплодие и импотенцию; они видят и изгоняют духов; они не тонут, когда их бросят в воду, и пр.

⁴ Подробно эта тема обсуждается в книге: см. N. W. Goldstein, «Cultivated pagans and ancient anti-semitism», *Journal of Religion*, XIX, (1939), 355 и далее; L. Blau, *Das altjüdische Zauberwesen* (Strasburg, 1898); *HERE*, VIII, 278.

⁵ Цитируемые фразы можно найти также в след. соч.: Reinach, pp. 292 (см. также Berliner, I, 114); 253, 165, 336, 160, 211. Относительно Марии см. *HERE*, VIII, 218 а, а также Pauly-Wissova, *Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft* (Stuttgart, 1894), I, 1350.

⁶ B. Goth., I, 9, а также I, 12. См. также: Иосиф Флавий, Иудейская война, VI, 5,4; Против Апиона, I, 22. Как бы то ни было, Иосиф успешно опровергает истинность предсказания; см. также: Деян. 13:6.

⁷ В своей знаменитой работе «Против Цельса» Ориген отвергает тезис Цельса, утверждавшего, что Иисус сам был магом и в силу этого чувствовал себя обязанным защитить еврейский народ от обвинений в колдовстве. («Они обожествляют ангелов, — заявил Цельс, — и они подвержены колдовству, в каковом искусстве Моисей был им первым наставником») Однако в своем сочинении «Комментарии на Евангелие от Матфея» Ориген допускает, что евреи могут заклинять демонов и применять для этих заклинаний те формулы на еврейском языке, которые взяты из книг, приписываемых Соломону. См: также Thorndike, I, 437; Goebel, p. 68.

⁸ Williams, p. 132.

⁹ Parkes, I, 354.

¹⁰ См. Trachtenberg.

¹¹ Согласно текстам Евангелий, некоторые иудеи обвиняли Иисуса в том, что он совершал чудеса с помощью дьявола и исцелял больных также благодаря силе дьявола (см. Матф. 9:34 и 12:24 ; Марк. 3:22). В известной средневековой мистерии «*Mystere de la Passion*» иудеи, обращаясь к Иисусу, также упрекают его в том, что он собирается сделать следующее:

a faire quelque sorcerie
ou charmes ou enchanterie
dont tu es ouvrier moult subtil

совершить некое волшебство,
либо навести чары, либо околдовать,
в чем ты непревзойденный мастер

Евреи, в свою очередь, замышляют прибегнуть к еще более могущественной магии, чтобы планы Иисуса потерпели крушение (Strumpf, p. 6, 7).

Средневековые проповедники (см. Gruel, p. 500) не раз брали на себя задачу опровергнуть эти «еврейские измышления», хотя в еврейских источниках, в которых чудеса, совершенные Иисусом, объясняются наличием у него особой магической силы (*Sanhedrin* 106 b; *Sotah* 47 b; *JE*, VII, 171), ни разу не упоминается, что источник этой предполагаемой магической силы — Сатана. Особое ударение на связи Сатаны с магией делали именно христиане, поглощенные борьбой с дьяволом и его приспешниками. Самый известный еврейский источник, в котором говорится об Иисусе, *Toledot Jeshu* (этот текст приведен в соч. J. D. Eisenstein, *Ozar Vikuhi*, New York, 1928, pp. 228-229), объясняет способность Иисуса совершать чудеса тем, что ему было известно Неизреченное Имя Божье, каковое Имя считается в еврейской магии наиболее могущественной силой, поэтому Иисуса можно было одолеть лишь прибегнув к уловке (см. также Blau, op. cit., pp. 117; Trachtenberg, pp. 90).

Мидраш (А. Jellinek, *Bet Hamidrash* [2d ed. Jerusalem, 1938], V, 60; VI, 11) наделяет и Святого Петра познаниями в области магии. Согласно этому мидрашу, Симон Кифа, по собственному почину и желая избавить евреев от назойливой секты назарян, похитил из храма Неизреченное Имя и с его помощью совершал чудеса. В результате назаряне поверили, что его послал Иисус. Войдя таким образом в доверие к ним, Симон Кифа ввел фундаментальные изменения в обряды первых христиан, в силу чего последние стали радикальным образом отличаться от правоверных иудеев. Симон оставался среди них до самой своей смерти, делая вид, что он — один из них, будучи на самом деле мучеником, принесшим себя в жертву ради сохранения согласия и внутреннего единства в иудаизме.

Интересно также отметить следующее: когда Павел в средневековом миракле «Обращение Святого Павла» (ср. у Strumpf, p. 20) проповедует свою новую веру в Иисуса в синагоге в Дамаске, евреи узнают в нем Савла и считают, что его обращение произошло в результате колдовства.

¹² Trachtenberg, pp. 74 и далее; Goldzieher, ZDMG, XLVIII (1894), 358 и далее; MGWJ, LXXVII (1933), 170, прим. 1; Baech-St., IV, 812; W. Ahrens, *Hebraische Amulette mit magischen Zahlenquadraten* (Berlin, 1916).

¹³ REJ, XLVI (1903), 148; G. Schiavo, *Zeitschrift für romanische Philologie*, XV (1891), 313.

¹⁴ См. например: W. Baring-Gould, *Curious Myths of the Middle Ages* (Philadelphia, 1869), где рассказывается о том, как подобные легенды долгое время считались повествованиями о действительных событиях, пока исследователи не доказали, насколько абсурдно было это предположение.

¹⁵ Stemplinger, p. 11.

¹⁶ Фигура царя Соломона, оказавшая столь сильное влияние на представления христиан о евреях, на самом деле отнюдь не является творением еврейской традиции, поскольку ее создало воображение христиан. Описание чудес, совершенных при помощи магии, занимает довольно незначительное место в еврейских легендах о Соломоне; в поздней талмудической литературе подчеркивается его мудрость и упоминается о его власти над природой и над миром духов. Но эллинистическая традиция делает столь сильный акцент на магии (даже само имя Соломона считалось наделенным особым могуществом и часто использовалось в заклинаниях той эпохи), что в позднюю арабскую (см. например: Коран, сура 38: 33-37) и европейскую литературу эта легенда принесла представление о царе Соломоне как о могущественном волшебнике. Ранняя церковь приписывала авторству Соломона некоторые книги по магии и сохранила немало фрагментов из них, поскольку они пользовались у христиан особенным почетом, тогда как раввинистический иудаизм осудил их и отверг. На эту тему существуют следующие интересные исследования: G. Salzberger, *Die Salomosage in der semit. Literatur* (Heidelberg, 1907); Goebel, pp. 66; *JE*, XI, 439; L. Ginzberg, *Legends of the Jews* (Philadelphia, 1928), VI, 291, 368.

¹⁷ Peuckert, *Pansophie*, pp. 55.

¹⁸ Goebel, (pp. 83) утверждает, что легенда о Зебулоне — всего лишь еще одна версия легенды о Соломоне, возникшая в результате неверно понятого эпизода о том, как дьявол похищает волшебные книги из-под трона Соломона. См. также Michelson, p. 93.

¹⁹ Lifschitz-Golden, pp. 133; Guedemann, II, 39, 295; Williams, pp. 339; *REJ*, LXXXIX (1930), 123; Vogelstein und Rieger, I, 161. Еще два персонажа ранней христианской литературы, которые ассоциировались с магией — самаритянин Симон Маг, который считался магом *par excellence* и часто фигурировал в популярных преданиях и легендах как типичный еврейский маг (см. также *HERE*, XI, 541), и «Лонгин слепой еврей», чье имя часто встречается в формулах средневековых заклинаний против слепоты, горячки и прочих болезней, а также против пожара. Согласно некоторым Евангелиям, сотник (центурион) Лонгин признал Иисуса и уверовал в него (Матф. 27: 54; Марк. 15: 39; Лук. 23: 47), в других христианских текстах так звали солдата, который пронзил Иисуса копьем, когда тот висел на кресте (Иоан. 19: 34). В литературе позднего средневековья Лонгин фигурирует в качестве еврея и обладает магической силой (см. Baech-St., V, 1335).

²⁰ Goebel, p. 287; Schudt, II, p. 210; Baech-St., IV, 811 примечание 24 на с. 813; Caro, I, 153. См. также рассказ арабского историка Mas'udi (A. Wallis Budge, *Egyptian Magic* [London 1899], pp. 23) о еврейском маге в Куфе (Месопотамия), который совершал удивительные вещи: он убивал человека, отрезал ему голову, потом приставлял ее обратно к туловищу, и покойник оживал.

²¹ См. выше (гл. I)

²² Starr, pp. 95.

²³ *Idem*, p. 104.

²⁴ Monod, *REJ*, XLVI (1903), 240. Guibert писал: «Евреи рыскали вокруг монастырей, словно стаи демонов, их братьев». Лютер яростно нападал на евреев, своих современников, которые якобы вводили в грех христиан посредством своей магии. Ср. Lewin, p. 84.

²⁵ Пользуясь случаем, чтобы принести благодарность профессору Guido Kisch'у, который обратил мое внимание на этот пункт. С ним можно ознакомиться в *Regula juris ad decus* (paragraf J 159) из городского архива Бреслау; этот документ профессор намеревается скоро опубликовать в III части своего труда *The Jewry-Law of the medieval German law books*. Позволив мне ознакомиться с фотокопией манускрипта, он укрепил мою уверенность в том, что здесь перед нами не интерполяция, но важная составная часть подлинного документа.

²⁶ Friss, № 127, p. 164. Повторное уличение в колдовстве означало для преступника смертную казнь через сожжение.

²⁷ Robert, p. 144.

²⁸ Starr, p. 175.

²⁹ Murawski, p. 35.

³⁰ См. Graetz, *Geschichte*, VII, 410.

³¹ Liliencron, I, 173.

³² *Essendo massimamente la maggior parte di loro Talmudisti negromanti, heretici et vitiosi* (Stern, *Urkundliche Beitræge*, I, 108). Эта точка зрения получила юридическое выражение даже в 1774 г., когда лондонский суд счел несостоятельным завещательный отказ недвижимости, оставленной неким евреем с целью учредить учебное заведение для изучения Талмуда. Аннулировав этот документ на том основании, что завещатель таким образом способствовал распространению «суеверия», суд принял решение потратить указанную сумму на покрытие расходов, связанных с обучением сирот и подкидышей началам христианской веры! См. Roth, *History of the jews in England*, pp. 203.

³³ Grayzel, pp. 331, 337; Parkes, II, 140; Thorndike, III, 37.

³⁴ Эта тема была мало освещена и заслуживает самого пристального внимания исследователей. Приведенные примеры взяты из след. соч.: Keiserling, *Navarra*, pp. 201; Amador, I, 572 (Tortosa); Regne, p. 149 (Narbonne); Stern, *Israelitische Bevolkerung*, III, 236 (Nuremberg); EG, IX, 534; См. также статьи Kisch'a, перечисленные в библиографии; *REJ*, VII (1883), 253, 255; Scherer, pp. 296; Baer, I, 1030 и прим. 6; Stobbe, pp. 262., прим 144; EG, IX, 533-541.

³⁵ Graetz, *Geschichte*, V, 63. Упомянутое 49-е правило отражает неудовольствие клира по поводу широко распространенной в народе практики обращения к еврейским раввинам, а не к христианским священникам для благословения хлеба на корню. Здесь перед нами доказательство того, что крестьяне, наделяя еврейское благословение магическим характером, считали его более действенным. Во всяком случае в средние века евреям неизменно приписывали обладание «дурным глазом» (см. Bulard, p. 313), причем это суеверие сохранилось

в восточной Европе доныне (см. Baech-St., IV, 831). В Германии во многих местах «сглаз» называют *Judenblick*, то есть «еврейский глаз» (Wuttke, pp.149,163, 444). Вера в особую силу еврейской молитвы распространена до сих пор. В Сааре крестьяне верили, что евреи с помощью молитвы могут вернуть здоровье умирающему (Baech-St., IV, 813); кроме того и в наши дни у них существует поверье, согласно которому можно расправиться с врагом следующим способом: необходимо вручить еврею черную курицу, после чего помолиться о том, чтобы враг умер (*idem*, p. 815). Wuttke сообщает о том, что если очень больной человек жаждет смерти, то следует попросить раввина, чтобы тот помолился о его выздоровлении и долголетию! Однако при этом считалось плохим знаком встретить на дороге священника! См. loc. cit.; Crane, p. 250; Lecoq de la Marche, *La Chaire française*, p.426.

³⁶ См. евр. источники в венском издании *Emek Habacha* (Leipzig, 1858), Hebrew Appendix, p.9; A. Neubauer, M. Stern, *Hebraische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge* (Berlin, 1892), p. 69; также M. Paris, *Historia anglorum*, II, 9; Jacobs, p.100; Prynne, I, 7. Parkes, II, 223, 361 отмечает, что мелкие бароны, а также молодые крестоносцы, задолжавшие евреям крупные суммы денег, также воспользовались этим обвинением, чтобы уничтожить документы, доказывавшие их задолженность; однако массы, ненавидевшие еврейских ростовщиков, были спровоцированы на антиеврейские выступления и погромы распространявшимися слухами о том, что евреев якобы уличили в колдовстве.

³⁷ Murawski, pp. 56.

³⁸ Regne, p. 193. См. Jacobs, p. 264, где рассказывается о еврее, принявшем крещение: его долгое время считали прозорливцем, пока не убедились в том, что его предсказания не сбываются. Scherer, p. 433, упоминает об анонимном манускрипте XV века, в котором обсуждается способность евреев к прорицанию, причем этот манускрипт был снабжен примерами, якобы взятыми из Талмуда.

³⁹ См. Vol. I, pp. 471 ff., II, i, p. 141, IV, i, p. 173, IV, 2, pp. 37.

⁴⁰ См. Baech-St., IV, 816.

⁴¹ *JE*, VIII, 256; Solomon ibn Verga, *Shebet Yehudah* (Wiener ed. Hannover, 1855), pp. 109, 122.

⁴² *Idem*, pp. 115. Многие книги, в которых истолковывались сны, приписывали Иосифу, Даниилу и другим еврейским мудрецам, известным из Библии; эти сборники были чрезвычайно популярны и имелись на всех европейских языках. Lea, *Inquisition of the middle ages*, III, 443; Thorndike, II, 162, 290; M. Steinschneider, «Das Traumbuch Daniels und die oneirokritische litteratur des Mittelalters», *Serapeum*, XXIV (1863), 193- 201, 209-216.

⁴³ *REJ*, VI (1882), 5.

⁴⁴ Weller, № 864, p. 360; тот же самый рассказ есть в книге Ludwig Bechschtein, *Thuringer Sagenbuch*, I (Leipzig, 1885), pp. 15-16, где он фигурирует как народная легенда, до сих популярная в Кобурге.

⁴⁵ Lewin, p. 39.

⁴⁶ Lowenthal, *A world passed by*, p. 433.

⁴⁷ Kynass, pp. 51.

⁴⁸ См. Thorndike, II, 214, 777, 973, IV, 317; Baer, I, 310, 570, 571, 862; *EJ*, III, 587. Bulard, pp. 236 отмечает, что в средневековом искусстве евреев часто изображали астрологами. Об астрологах-евреях в средние века см. *EJ*, III, 585; Trachtenberg, pp. 249, 311.

⁴⁹ Baer, I, 310; см. также idem, II, 513, 515; G.Scholem, «Alchemie und Kabbalah», *MGWJ*, LXIX (1925), 13-20, 95-110, 371-374, а также LXX (1926), 212-219; R.Eisler, «Zur Terminologie und Geschichte der Jud. Alchemie», *MGWJ*, LXIX (1925), 364-371, LXX (1926), 194-201; *EJ*, I, 137-159; *JE*, I, 328-332.

⁵⁰ Guedemann, III, 156; Dubnow, I, 306.

⁵¹ Brann, p. 154.

⁵² Grun, pp. 24; *EJ*, VIII, 1013. Существует предание о том, что рабби Йегуда Лев также занимался астрологией вместе с прославленным астрономом Тихо Браге (*EJ*, III, 587), однако Grun (p. 36) показывает, что они едва ли могли встретиться во время кратковременного пребывания Тихо Браге в Праге с конца 1599 г. и до его смерти в 1601 г., тем более что Тихо Браге вел крайне замкнутый образ жизни.

⁵³ Lewin, p. 105; Ackermann, *Muenzmeister Lippold*, pp. 11.

⁵⁴ См. Thorndike, I, 778, IV, 327; Konrad von Megenberg, *Das Buch der Natur*, ed. F. Pfeiffer (Stuttgart, 1861), pp. 469; M. Steinsneider, «Lapidarien», *Semitic Studies in memory of Rev. Alexander Kohut* (Berlin, 1897), pp. 42-72, а также *Die Hebraeischen Uebersetzungen des Mittelalters* (1893), p. 964.

⁵⁵ Vol. II, 2, p. 393. Подробнее о роли амулетов в еврейской магии см. Trachtenberg, pp. 132.

⁵⁶ Amador, II, 220, примечание 1.

⁵⁷ Baer, II, 455, 456, 478, 513, 543, 544.

⁵⁸ Werke (Erlangen, 1854), LXII, p. 375. Этот анекдот основан на рассказе «о еврейском волшебстве», который содержится в книге Kirchhof, *Wendenmuth* (III, 256).

⁵⁹ Nathan Hanover, *Yeven Mezulah* (Piotrkov, 1902), p. 15.

Глава 5. ЕВРОПА ОТКРЫВАЕТ КАББАЛУ

¹ Gregorovius, p. 27. Бенедикт XIV, 15 сентября 1751 г. обнародовал очень похожий документ, осуждавший еврейскую магию; согласно утверждению Rodocanachi (p. 266, прим. 4), эта булла была просто переизданием буллы Пия V. Однако мы, к сожалению не располагаем ее текстом, кроме того, нет никаких указаний на то, что имелись какие-либо причины для переиздания упомянутого документа.

² См. E. Rodocanachi *La Femme italienne a l'époque de la renaissance*, (Paris, 1907), pp. 108, 109; Burckhardt, p. 502, прим. 4; Gregorovius, p.

30. Schudt (I, 57, IV, i, p. 24) также ссылается на мастерство евреев по части изготовления любовных напитков.

³ Burckhardt, pp. 506, 503, прим. 2 (а также p. 337 прим. 1). Schudt (II, 2, p. 173) рассказывает об удивительном случае, имевшем место в Риме предположительно в 1554 г.: некий бенедиктинский монах с помощью экзорцизмов изгнал демонов из 82-х женщин; перед тем как освободить несчастных женщин от их мучителей, он потребовал от демонов объяснить ему, как они вошли в тела их жертв, и те поведали монаху, что это устроили евреи, желая отомстить этим женщинам, которые были еврейками и до своего недавнего крещения исповедовали иудаизм; так злобные евреи намеревались отравить своим бывшим единоверкам радости христианской жизни.

⁴ Кроме многочисленных каббалистических текстов существует обширная литература о каббале. О подлинной еврейской каббале см. превосходную статью L. Ginzberg, *JE*, III, 456-479, а также G. Scholem, *EJ*, IX, 630-717; о «практической каббале» см. *EJ*, IX, 717-726. Idem, pp. 726 и далее содержит краткий обзор «христианской каббалы». Peuckert (*Pansophie*) подробно рассматривает проблему влияния каббалы на европейскую мысль XVI века; см. также Rosenfeld, pp. 35; Baech-St., IV, 812.

⁵ Vol. I, p. 337.

⁶ S. Dubnow, *Pinkes ha-medinah* (Berlin, 1925), Nos. 307, 440, и стр. 285

⁷ *Werke*, (Weimar ed.), II, 491, V, 184 и далее.

⁸ Один из наиболее важных текстов, получивших распространение по всей Европе, был предположительно переведен с еврейского языка (оригинальное сочинение было написано неким Авраамом из Вормса в XV веке) см. *EJ*, I, 544, а также G. Scholem, *Bibliografia Kabbalistica* (Berlin, 1933), p. 2 (в этом томе приведен полный список всех каббалистических, а также псевдокаббалистических текстов). Немецкий еврей, известный под именем Simon Okes Bogues, приобретший репутацию мага в Амстердаме в 1610 г., несомненно пользовался тем, что каббала в то время имела высокую репутацию в кругах христианских мистиков и наживал на этом немалые деньги. (см. H. I. Bloom, *The economic activity of the jews of Amsterdam in the XVII and XVIII centuries* [Williamsport, Pa., 1937], p. 24, прим. 111).

⁹ Schudt, I, p. 90, II, 2, p. 212.

¹⁰ *EJ*, I, 144; Schudt, II, 2, p. 207.

¹¹ Столь исчерпывающие исследования, как: I. Krasauer, *Urkundenbuch zur Geschichte der Juden in Frankfurt am Main von 1150-1400*; A.F. Pribram, *Urkunden und Akten zur Geschichte der Juden in Wien*; M. Stern, *Nuernberg im Mittelalter*, etc., в которых приводятся тысячи ссылок из официальных архивных документов, не упоминают ни об одном случае обвинения евреев в упомянутых преступлениях: у братьев Лагумино — *Lagumina Codice diplomatico dei Giudei di Sicilia* — приводится один случай; F. Baer, широко цитирующий испанские источники в

своем соч. *Die Juden in christlichen Spanien*, называет пять случаев. В исследованиях, посвященных ведьмовским культам (e.g. Hansen, Soldan-Heppe, Lea etc.), а также средневековой магии (e.g., Thorndike), мы также обнаружили ничтожное число упоминаний о евреях.

¹² Starr, p. 86.

¹³ *Jews of Angewin England*, p. 15; cf. idem, p. 28.

¹⁴ Baer, I, 343, 608; Schudt (IV, 2, p. 333) передает рассказ о том, как в XVII веке некий еврей из окрестностей Страсбурга с помощью магии принудил вора возвратить украденные вещи и возместить стоимость тех ценностей, которые тот уже успел продать.

¹⁵ Baer, I, 706.

¹⁶ Lagumina, I, 508.

¹⁷ Baer, II, 379.

¹⁸ *Idem*, II, 513.

¹⁹ Ср. в: Schudt, IV, i, pp. 245 и далее.

²⁰ Наиболее подробное изложение истории Липпольда см. в книге: A. Ackermann, *Muenzmeister Lippold*; см. также EJ, X, 995; K. Burdach, *Vom Mittelalter zur Reformation*, III, часть I (Berlin, 1917), pp. 409.

²¹ Ackermann, op. cit., pp. 93; 55.

²² Филипп Август якобы также был околдован евреями, которые намеревались таким образом завоевать его симпатии и в 1198 г. вернуться с его помощью в Ile de France, откуда он изгнал их 17 лет назад (ср. Guedemann, I, 225).

²³ Ackermann, op. cit., pp. 61, 98; см. также Heise, pp. 281.

²⁴ Vol. II, 2, pp. 210.

²⁵ Soldan-Heppe, II, 94.

Глава 6. МАГИЯ И МЕДИЦИНА

¹ *Mahzor Vitri*, ed. S. Hurwitz (Berlin, 1889-93), № 280, p. 247; см. также REJ, III, (1881), 9, прим. 1. О Моше бен Йехиэле см.: H. Cross, *Gallia Judaica* (Paris, 1897), p. 513, а также Jacobs, pp. 225, 229. По поводу источника и значения этих обычаев см. в: Trachtenberg, pp. 178, 179.

² *Or Zarua* (Житомир, 1862), II, № 423, p. 173; *Mahzor Vitry*, loc. cit.; *Tosafot Moed Katan*, p. 21a; *Kol Bo* (Lemberg, 1860), № 114; *Yore Deah*, 387.2

³ *Pesahim*, p. 8b, а также Rashi ad loc.; Hayim Or Zarua, *Responsa* (Leipzig, 1860), № 144.

⁴ *Sefer HaOrah*, ed. S. Buber (Lemberg, 1905), II, № 127, p. 219.

⁵ *Sefer Maharil* (Warsaw, 1874), *Hilchot Shabbat*; Guedemann, III, 153; Baech-St., II, 1417. Несколько ярких примеров того, как евреев преследовали за якобы совершенные ими поджоги см.: Caro, II, 26; Bondy-Dworsky, I, 45, 72, 367, 400, II, 676, 893, 895, 995, 1009, 1015 etc.

⁶ Liliencron, I, 47; сравни: Scherer, p. 363.

⁷ Vol. II, i, pp. 74 и далее.

⁸ Dubnow, I, 204.

⁹ *Or Zarua*, II, № 53, p. 12a.

¹⁰ Moses b. Eliezer, *Sefer Hasidim Tinyana* (Piotrkov, 1910), p. 7a; Guedemann, I, 136; *Sefer Maharil, Hilhot Mezuzah, Yore Deah*, 291.2. Евреи также видели в своих мезузот средство защиты (Trachtenberg, pp. 146), и до сих пор они служат в качестве талисманов как у евреев, так и у христиан.

¹¹ Crane, p. 248.

¹² *Sachsenspiegel*, III, 7, 3. См. G. Kisch, «A Talmudic legend as the source of the Josephus passage in the Sachsenspiegel», *Historia Judaica*, I (1939-40), 105-118, а также *Jewry-law*, II, 165 и далее; H. Lewy, «Josephus, the Physician», *Journal of the Warburg Institute*, I (1937-38), 221-242. В другой средневековой легенде повествуется о том, как Тит, будучи больным, услышал о еврейском после, прибывшем из Иерусалима, и тотчас обратился к нему с просьбой об исцелении, даже не спросив у него, обладает ли он медицинскими познаниями (Lewy, op.cit., p. 242).

¹³ Ср. в: Stobbe, p. 279; Regne, p. 193; Schudt, II, 2, p. 212; Lewin, p. 102: есть упоминания также о нескольких женщинах-целительницах (Heffner, p. 45; Krasauer, *Geschichte der Juden in Frankfurt*, II, 256). Скорее всего их лекарства и способы врачевания мало чем отличались от обычного набора средств, прописывавшихся врачами-евреями.

¹⁴ Ср. в: Scherer, pp. 41, 52, 54, 58; Grayzel, pp. 319, 333, 337; *JE*, VIII, 417; Newmann, pp. 187 и далее.

¹⁵ Aronius, № 37; Caro, I, 92.

¹⁶ Ср. в: Guedemann, II, 337; Krasauer, op. cit., II, 258, 263; *MGWJ*, LXXXII (1938), 120. В жалобе медицинского общества, датированной от 13 декабря 1454 г., выражалось благочестивое негодование и тревога врачей христиан по поводу того, что в Вену прибыл доктор-еврей с лицензией, позволяющей ему заниматься врачеванием; однако члены общества недвусмысленно продемонстрировали предмет их подлинного беспокойства, указав, что «в городе уже и так практикуют 11 лекарей-евреев» (Scherer, p. 421).

¹⁷ Eck, p. F4b. См. также: Schudt, lin i, pp. 389, IV, 2, 184; Margaritha, p. G4b; Kirchhof, III, 255; Bondy-Dworsky, II, 741; *EJ*, VI, 359. Неудивительно, что граф Nicholas Schlick, рекомендуя врача еврея «достопочтенному прославленному бургомистру и совету богемского города Эгера», считает своим долгом оповестить их, что этот еврейский доктор не причинит своим пациентам никакого вреда («nit schad werdet haben») Bondy-Dworsky, I, 207, № 327).

¹⁸ Francl, p. 100.

¹⁹ Ср. в: Guedemann, II, 254.

²⁰ Krasauer, op. cit., II, 264. В 1657 г. представители клира обратились к Совету с просьбой, чтобы врачей евреев лишили лицензии на врачевание, мотивируя это тем, что евреи — враги Господа и всех христиан — пользуются магическими средствами и прибегают

к колдовству; будь на то их воля, — утверждали клирики. — «ни один из нас не прожил бы и часа» (*idem*, p. 267).

²¹ «Es sei besser mit Christo gestorben, als per Juden-Dr. mit dem Teufel gesund worden» (Kraiss, p. 56).

²² Schudt, II, i, p. 387.

²³ *Shebet Yehudah* (Wiener ed.), p. 88; Baer, I, 35, прим. 2.

²⁴ Stern, *Urkundliche Beitræge*, p. 29; Grayzel, pp. 155, 347; о том, как прелаты и короли нанимали на службу врачей-евреев см.: *REJ*, XVII (1888), 258, LVII (1909), 268, LXVI (1913), 80, LXI (1911), 37; Saige, p. 23; Newmann, pp. 188 и далее.

²⁵ Caro, II, 66.

²⁶ См.: I. Muenz, *Die Judischen Arzte im Mittelalter* (Frankfort, 1922); S. Krauss, *Geschichte der judischen Arzte* (Vienna, 1930); Carmoly, *Histoire des medecins juifs* (Brussels, 1842); а также Ferorelli, pp. 117 и далее; G. Kisch, *Die Prager Universitat*. Lagumina, (I, 69-77) приводят такую цифру: не менее 166 врачей-евреев в Сицилии с 1362 по 1492 гг.

Глава 7. ОТРАВИТЕЛИ

¹ Vol. II, 50.

² Bondy-Dworsky, I, № 14, pp. 7 f.; Guedemann, II, 262; см. также Krauss, pp. 54 ff.; Baer, I, 613; Schudt, II, i, pp. 391. Иоганн Пфедферкорн показал, что в бытность свою иудеем он промышлял целительством и пытался отравить архиепископа Альбрехта Магдебургского и курфюрста Иоахима Бранденбургского, а также их придворных, но когда их замысел не удался, он со своими сообщниками удовлетворился тем, что отравил 13 человек из христиан (Schudt, IV, i, p. 245).

Некий еврей по имени Давид, хирург из St. Quentin, был обвинен в том, что отравил несколько человек, причем среди них был священник, которому он задолжал крупную сумму денег! (Caro, II, 104).

³ Baer, II, 47; Grayzel, p. 74, прим. 147; Stobbe, pp. 180 ff.; *Jahrbuch d. Jüdisch-Literar. Gesellschaft*, XIV (1921), 217. Схожие представления были в это же время широко распространены в Польше; см. *EJ*, II, 1004.

⁴ Лопес был вовлечен в политические интриги, и его враги прибегли к этому обвинению, чтобы убрать его с дороги; см. Michelson, pp. 84; *EJ*, X, 1112; Graetz, *Shylock*, pp. 24 ff.; Friedlander, pp. 17 ff.

⁵ Aronius, № 170, item 15; Krauss, pp. 27 ff.; Parkes, II, 216; Amador, II, 497; Newmann, loc. cit.; L. Glesinger, «Beitræge zur Geschichte der Pharmazie bei den Juden», *MGWJ*, LXXXII (1938), 111-130, 417-422.

⁶ Thorndike, III, 525 ff.; *idem*, II, 860, 904 f., Index, s.v. «Poison»; Burckhardt, pp. 440 ff. Об отношении властей к распространителям лекарств и всевозможных снадобий можно судить хотя бы по тому соседиству, в котором они оказались в списке всех нежелательных лиц, составленном в Лондоне в 1192 г.: сводники, актеры, евнухи, муже-

ложники, аптекари, ведьмы, маги, попрошайки, танцоры и пр. (Jacobs, p. 148).

⁷ Dubnow, I, 243; Luther, *Werke* (Weimar, 1914), LI, 195 а также *Tischreden* (Weimar, 1916), IV, 338; Lewin, pp. 39 f. В чешском памфлете XVI века, обличающем козни евреев, говорится следующее: «Еврею ведомо, как составить яд, каковой причинит смерть через четыре недели или же через восемь, а то и через полгода и год, как того пожелает еврей» (Bondy-Dworsky, II, 569). В Бранденбурге в XVI веке аптекарям было строжайше запрещено продавать ядовитые вещества «всем подозрительным, особливо евреям!» Ackermann, *Muenzmeister Lippold*, p. 97, № 36).

⁸ W. Meyer, pp. 38 ff.; Michelson, pp. 79. Широко известное дело еврея Лопеса, личного врача королевы Елизаветы, вполне могло прямо либо косвенно повлиять на создание образа еврея-отравителя, однако фигура злокозненного еврея в пьесах той эпохи имеет столь обобщенные черты, что здесь перед нами скорее легко узнаваемый тип, чем определенный индивид.

⁹ Aronius, № 724-725; Grayzel, pp. 72, 74; *EJ*, II, 982; Scherer, pp. 45, 53, 333.

¹⁰ Ср. в: Schudt, II, i, pp. 377; Baech-St., IV, 827; Grayzel, p. 301, прим.

¹¹ Aronius, Nos. 89, 107; Williams, p. 354.

¹² Lagumina, I, 389.

¹³ Scherer, pp. 577 ff.: «Von den Juden. Wan die Juden khauffen wellen auf den Platzen: was sy khauffen wellen, darauf sollen sy zaigen; was sy aber anruern, das sollen sy khauffen und bezallen nach des Verkhauffers gefallen»: *REJ*, XV (1889), 49; Kayserling, *Navarra*, p. 140.

¹⁴ Названные примеры, однако, не являются первыми случаями подобных обвинений; 27 евреев казнили в Троппау (Богемия) в 1163 г. за отравление источников питьевой воды (Bondy-Dworsky, II, 886, № 1110), кроме того, по крайней мере дважды эти обвинения имели место в XIII веке: в Бреслау в 1226 г. и в Виенне в 1267 г. (Baech-St., IV, 825). Взваливание на евреев вины за распространение эпидемий имело прецедент и в древности. Рассказ Манефона о том, что евреев изгнали из Египта как разносчиков заразных болезней (см. И. Флавий, О древности еврейского народа, 26, с.144) охотно повторяли поздние греческие и римские писатели в качестве примера еврейской «мизантропии» (Parkes, I, 15 f.).

¹⁵ Caro, II, iii ff.; Parkes, II, 126, 174; Baer, I, 224; Lifschitz-Golden, p. 188; *REJ*, XVII (1888), 219 ff. Распространенный миф о том, что во Франции было много прокаженных евреев, возник на той основе, что еврейская нашивка была похожа на ту, которую носили на одежде прокаженные (сравни в: Robert, pp. 146 ff.): официальные постановления, касавшиеся тех категорий лиц, которые были обязаны носить такие нашивки, по сути отождествляли евреев и прокаженных, *Judeis*

et leprosis (*idem*, pp. ii, 148): в Бретани *cagots* считались особой разновидностью прокаженных евреев (*idem*, p. 174).

¹⁶ В предыдущем году во Франции в результате яростных нападений банд так называемых *Pastoureaux* было уничтожено 120 еврейских общин (сравни Caro, II, 107 ff.: Baron, II, 29).

¹⁷ Кроме опустошительных последствий эпидемии чумы, свирепствовавшей целых два года (евреи пострадали от нее ничуть не меньше христиан), около 300 еврейских общин в Германии, Франции и некоторых областях Испании было полностью уничтожено толпами разъяренных фанатиков, считавших евреев ответственными за распространение эпидемии. Кроме этого во Франции евреи страдали от нападений банд *Pastoureaux*, а в Германии, Богемии и Австрии их также жестоко преследовали — Rindfleisch (1298 г.), Armleder (1337 г.). Ср. (Caro, II, 195 ff., 202).

¹⁸ Geiger, *Zeitschrift*, II, 320; Mauvans, p. 220; Eck, p. Fib.

¹⁹ Подробнее об этом см. Caro, II, 206; Stobbe, pp. 189, 284; Scherer, pp. 369; *JE*, III, 233. В перечисленных исследованиях содержится также обсуждение экономической и социальной подоплеки этих всплесков насилия, что, безусловно, крайне важно для понимания их причин. Наша цель состоит в том, чтобы показать роль обвинений в отравлении источников питьевой воды в обострении социальных конфликтов. См. также: Ernest Wickersheimer, *Les Accusations d'empoisonnement* (Anvers, 1927). Интересно отметить, что Georg G. Coulton в своей книге «The black death» (New York, 1932) умудрился ни разу не упомянуть о евреях!

²⁰ Schudt, I, 457.

²¹ Heise, pp. 82.

²² Lifschitz-Golden, p. 191.

²³ Baer, I, 352; Francl, p. 120. Столетие спустя John Tritemius писал, стараясь выражаться как можно более сдержанно: «Заслужили ли евреи столь жестокие преследования или нет, этого я предпочитаю здесь не касаться, но не могу не удивляться этому... ибо евреи пользовались той же самой водой, что и христиане, и среди них также многие умерли от болезни... Многим в то время казалось немыслимым, чтобы евреи, столь малочисленные, могли осуществить такое пагубное деяние, в котором их обвиняли, а именно, отравить все источники воды в Европе, да и откуда им было взять столько яда! Потому многие полагают, что те христиане, которые участвовали в нападениях на евреев, были подвигнуты к этому не столько ревностным желанием послужить Богу и стать орудием справедливого возмездия, сколько ненасытной алчностью» (Schudt, I, 461 f.).

²⁴ Ср.: Graetz, *Shylock*, pp. 10; Friedlander, pp. 13 ff., 39 ff.

²⁵ IV, i, p. 299.

²⁶ Stobbe, pp. 287, 288; Baech-St., IV, 825.

²⁷ «Alle Juden... gedenkent cristenheit ze demment mit vergiffende den luft» (Wiener, p. 236).

²⁸ Stern, *Urkundliche Beitræge*, I, 32.

²⁹ Kober, p. 133.

³⁰ Baech-St., loc. cit.

³¹ Schudt, IV, i, pp. 231, 294.

³² Loewe, p. 78.

³³ Schudt, IV, i, p. 241.

³⁴ Baech-St., loc. cit.

³⁵ Schudt, I, 389.

³⁶ Mauvans, p. 225.

³⁷ Franci, p. 120. В 1705 г. пражских евреев обвинили в попытке отравления христианского населения с помощью «летучего яда», который они хотели распространить в атмосфере! *Historia Judaica*, IV (1942), 113.

³⁸ Vol. II, i, pp. 323 f. Вера в то, что евреи ответственны за распространение эпидемий, до сих пор распространена среди населения Европы (ср. Baech-St., loc. cit.). Надо сказать, что нацисты довольно ловко воспользовались этими суевериями. Сразу после прихода Гитлера к власти в апреле 1933 г. нацисты запретили ученым еврейской национальности из берлинского Института Кайзера Вильгельма проводить опыты с культурами бактерий тифа, холеры и пр., чтобы евреи не отравили питьевую воду! В сентябре 1939 г. в официальном органе фашистской прессы *Voelkischer Beobachter* (см. *New York Times*, 20 ноября 1939 г.) было опубликовано сообщение о том, что во время вступления германских войск в Польшу евреи отравили запасы воды, которую пили немецкие солдаты. А в официальном сообщении из Берлина говорится, что членам еврейской общины в Варшаве строго запрещено покидать территорию гетто, поскольку они — «переносчики заразы и опасной инфекции». Если сами авторы подобных сообщений в них не верят, то они, очевидно, надеются, что в это поверят их читатели. Приведем рассказ очевидца событий Абрахама Вайса («В нацистской Варшаве», *Contemporary Jewish Record*, III [1940], 488), который служит ярким примером нацистской техники эксплуатации глубоко укорененных народных суеверий: «Эпидемия тифа охватила весь город, и жертвы были как среди "арийского" населения, так и среди "неарийцев". Но нацисты решили выделить еврейский квартал в качестве "очага инфекции". Они официально объявили об этом и заставили еврейскую общину оплачивать издержки по содержанию больниц для ухода за всеми пострадавшими от эпидемии».

Глава 8. ОСКВЕРНЕНИЕ ГОСТИИ И СВЯЩЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

¹ Wuttke, p. 140. см. также *HERE*, V, 549 ff., о ранних диспутах по поводу Евхаристии.

² «Wer mochte einem kindlein sin houbetlin oder sinin hendelin oder sinin fuezelin abgebizen?» *Predigten*, ed. F. Pfeiffer (Vienna, 1880), II, 270.

³ Grayzel, p. 115; Tovey, p. 104; Rodocanachi, pp. 166.

⁴ Parkes, II, 32; Grayzel, pp. 136; Browe, *Die Eucharistischen Wunder des Mittelalters*, pp. 128.

⁵ Ср.: Browe, *Romische quartalschrift*, pp. 180; Meyer, pp. 13; Franci, pp. 125; Loewe, pp. 75; Strumpf, pp. 29.

⁶ Bondy-Dworsky, II, 891, № 1119.

⁷ Idem, I, 134, , № 245; Pauli, № 556; *MGWJ*, XLIX (1905), 167.

⁸ Caro, II, 190.

⁹ Browe, op. cit., pp. 173 ff.; Baech-St., IV, 819; Scherer, pp. 348.

¹⁰ Ср. в: Guedemann, II, 297; Browe, op. cit., p. 179; Bondy-Dworsky, I, 83; Schudt, I, 220.

¹¹ Ср. в: Browe, *Archiv fur Kulturgeschichte*, XX(1930), 134 ff.; *Die Eucharistischen Wunder des Mittelalters*, pp. 89 ff.; Crane, № 266; Cruel, p. 619; Schudt, II, i, pp. 316.

¹² Schudt, II, 2, p. 27.

¹³ Browe, *Die Eucharistischen Wunder des Mittelalters*, p. 134; а также *Archiv fur Kulturgeschichte*, XX, 142 — по поводу того, что жаба символически и телесно «замещает» дьявола. В Берлине в 1510 г. евреев обвинили в том, что они запекли в мацу кусочек гостии и подвесили ее в синагоге (*MGWJ*, XLIX [1905], 174; Heise, p. 214). Быть может, христиане предполагали, что за этими действиями, которые они приписывали евреям, кроется какое-либо суеверие? Во всяком случае, среди христиан такое «нетрадиционное» использование гостии, сулившее счастье или удачу, было довольно распространенным.

¹⁴ Robert. p. 143; Browe, op. cit., p. 146.

¹⁵ Ср. в: *JE*, II, 982; Chwolson, p. 275.

¹⁶ *Romische Quartalschrift*, XXXIV (1926), 188 ff. Будет нелишним привести мнение нашего современника: P. Lefevre (*Revue d'histoire ecclesiastique*, XXVIII [1932], 342) утверждает, что обвинение, предъявленное евреям в Брюсселе в 1370 г., представляется ему «совершенно оправданным... Даже допуская общую предрасположенность против евреев в ту эпоху, все же, учитывая документированные свидетельства, которые находятся в нашем распоряжении, едва ли возможно счесть обвинение против них ложным». Разумеется, те «документы», о которых упоминает автор, представляют собой обычный набор «признаний», полученных под пыткой, и пр.

¹⁷ Ср. у: Stobbe, p. 188; Scherer, p. 368; Caro, II, 204; Wiener, p. 50.

¹⁸ Сравни в: *JE*, VIII, 543 ff.

¹⁹ Известно, что евреи резко критиковали христиан за обожествление изображений, а порой открыто насмехались над их верой в чудеса (ср.: Caro, I, 92; Williams, p. 353).

²⁰ Parkes, I, 292.

²¹ Lifschitz-Golden, pp. 153 ff.

²² Tovey, pp. 168; Bondy-Dworsky, ii, 565. В 1494 г. в Италии еврей по имени Исаак Абенул (Abenul), сапожник по профессии, был

залючен в тюрьму за то, что «нацарапал крест» на подошве дамского башмака, однако орган королевского правосудия Camera della Sommatoria отклонил это обвинение, сочтя его недостаточным (ср. у: Ferorelli, p. 190).

²³ Tovey, pp. 128 ff; M. Paris, *Chron. maj.*, V, 114; Roth, *History of the jews in England*, pp. 55. См. Baer, II, 4654. 526 по поводу подобных обвинений, которые инквизиция предъявляла крещеным евреям (conversos).

²⁴ Ср. в: Franci, pp., 120 ff.; Fuchs, p. 183; Loewe, *Die Juden in die katholischen legende* (Berlin, 1912).

²⁵ «Ach, lieber herrgott, lass dirs ein witzung sein und kum nit mer under die schnoeden, boesen juden» (Goedeke, *Schwaenke*, p. 171, № 125).

²⁶ Parkes, I, 291; средневековая легенда обвиняет евреев в том, что они якобы подговорили халифа Йезида II провести кампанию по уничтожению священных христианских изображений; сравни в: Starr, p. 91; M. Paris, *Chron. maj.*, I, 330. Отчаяние христиан по поводу того, что евреи отказываются увидеть в их преданиях и легендах повествования о действительных событиях, иллюстрирует диалог между евреем и христианином, написанный в VII веке. Христианин с горечью восклицает: «Сколь прискорбно упрямство этих евреев, закоренелых в грехе! Сколько явлений, сколько чудес уже свершилось, сколько раз живая кровь истекала из священных икон и мощей святых мучеников! Они же, слепцы, вместо того чтобы под влиянием божественных знамений обратиться в веру христианскую, полагают эти чудеса игрой воображения и обманом!» Еврей наивно отвечает ему, что Писание запрещает обожествлять что-либо рукотворное! (Starr, p. 83).

²⁷ Parkes, II, 33; Vogelstein, p. 137; Geiger, *Zeitschrift*, II, 333.

²⁸ Loewe, p. 53; Browe, *Archiv fur Kulturgeschichte*, XX (1930), 140. *Exemplum*, созданный на основе жития Св. Григория, повествует о некоем еврее, который однажды ночью проснулся и обнаружил рядом с собой демона; осенив себя крестным знамением, еврей избавил себя от столь опасного соседства (Crane, № 131; Schudt, II, i, p. 309).

²⁹ Ср. в: Aronius, Nos. 330, 421; Cruel, p. 621; Browe, *Romische quartalschrift*, XXXIV (1926), 170; Loewe, p. 51; Schudt, II, 2, p. 105; Neufeld, I, 69, прим. 4. Широким распространением пользовались рассказы о том, как евреи распяли деревянную фигуру Иисуса (это произошло якобы в Магдебурге в 1301 г.), кота (в Офене в 1541 г.) и барашка (в Сиракузах, в 1113 г.), ср. у: Baech-St., IV, 822, Schudt, I, 116, 127. На Крите евреев несколько раз в XIV веке и еще один раз в 1449 г. обвиняли в том, что они совершали распятие ягненка; см.: Starr, *Proceedings of the American Academy for jewish research*, XII (1942), 65 f.

³⁰ Amador, I, 477; Williams, p. 242.

³¹ *Siete Partidas*, VII, 24, 2 (Baer, II, p. 45): «... говорят, что во многих местах евреи так отмечают день Страстей Господа нашего, Иисуса

Христа: они выкрадывают младенцев и распинают их на кресте или же вылепливают фигурки младенцев из воска, когда не могут достать живых младенцев...» Согласно этой версии, восковые фигурки якобы применялись только в том случае, если евреи не смогли выкрасть у христиан детей.

¹² Существенным моментом этой магии, распространенной среди христиан, было то, что фигурки следовало окрестить, поэтому требовалось содействие клириков. Поскольку последние не раз принимали участие в магических операциях такого рода, то против них предпринимались специальные меры пресечения; в их число входило и ношение желтой нашивки на верхней одежде, которая мало чем отличалась от еврейской нашивки. Ср. в: Robert, p. 144. Многочисленные примеры применения такой магии можно найти в след. соч.: Thorndike, II, 814, 818, 835; Browe, *loc. cit.*, p. 145; *Gesta Romanorum*, № 102, а также pp. 384 ff.

¹³ I. Lewy, «Le Juif sorcier», *REJ*, XXII (1891), 232 ff.

¹⁴ Aronius, № 160; Schudt, II, 2, pp. 212 f., IV, 2, p. 339. Roskoff, I, 304 f.

¹⁵ Ср. в: Guillaume Molat, *Les Papes d'Avignon* (2 ed. Paris, 1912), p. 44.

Глава 9. РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

¹ См. Н. L. Strack, *The jew and human sacrifice* (New York, 1909); I. Scheffelowitz, *Das stellvertretende Huhnopfer* (Giessen, 1914), chap. xii: «Gibt es im Judentum Ritualmord?»; D. Chwolson, *Die Blutanklage und sonstige mittelalterliche Beschuldigungen der Juden* (Frankfort, 1901); Baron, III, 38, 106; Roth, *The ritual murder libel and the jews* (London, 1935).

² Parkes, II, 125. О выгоде, которую можно было извлечь из поклонения мошам, а также о попытках искусственно создать видимость чудесных явлений, см.: Cruel, p. 55; Owst, *Literature and pulpit*, pp. 141, 148; Caro, I, 335; Burckhardt, p. 446.

³ Ср. в: Francl, pp. 134 ff.; Fuchs, pp. 183 ff.; Michelson, p. 97.

⁴ Grunwald, *Vienna*, p. 15; Heffner, p. 28; Cruel, p. 623; Schudt, IV, 2, p. 406.

⁵ Ср. в: Kynass, p. 57; Baech-St., IV, 830; Dubnow, II, 360. В XIX веке в некоторых областях Германии существовало поверье, согласно которому в печи обитал дух, называемый крестьянами *Juedel*; неожиданно выпрыгивая из печи, *Juedel* нападал на обитателей дома, особенно на малолетних детей. Действенным средством против этого духа считалось намазать дверцу печи свиным салом, и тогда *Juedel* не мог выйти из своего убежища. Вероятно, этот дух олицетворял народные представления о злом еврее, коль скоро только ненавистная евреям свинина могла отвратить *Juedel*'а от его диких выходок. (Guedemann, I, 226, прим. 3.)

⁶ См. списки в *JE*, III, 266 f., а также соч., цитированные выше, в прим. 1. Евреев продолжают обвинять в ритуальных убийствах даже в

наши дни. Самый последний случай кровавого навета, получивший широкую огласку, зафиксирован в России, в Киеве, в 1911- 13 гг. В сентябре 1928 г. (Massena, N.Y.) в связи с временным исчезновением малолетнего ребенка также возникло подозрение в ритуальном убийстве. Нацистская партия немало преуспела в оживлении этого мифа, прибегая к его широкой пропаганде: так, майский номер журнала *Stuerner* за 1934 г. (официальный партийный орган, издаваемый Юлиусом Штрайхером) целиком посвящен этой теме. Несколько выпусков этого журнала украшает иллюстрация, на которой раввин высасывает кровь из «арийского» младенца. Упорная жизнеспособность мифа говорит о его укорененности в воображении широких народных масс.

⁷ Ср. в: Roth, op. cit.; Grayzel, pp. 79 f.; Aronius, № 751, а также Parkes, II, 138, 176, 195.

⁸ Reinach, Nos. 60, 61, p. 121; Иосиф Флавий, *Против Апиона*, II, 8.

⁹ E. Bickermann, "Ritualmord und Eselskult," *MGWJ*, LXXI (1927), 171-187, 255-264.

¹⁰ Ср. в: E. Schuerer, *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi* (4 th ed. Leipzig, 1901-11), II, 552, прим. 250; Chwolson, pp. 212 ff.; Parkes, I, 110 ff.

¹¹ Ср. в: Parkes, I, 234; Starr, p.174; Roth, *Speculum*, pp. 521 ff.

¹² Caro, I, 138; Parkes, II, 46.

¹³ Tovey, pp. 65 f.; сравни в: Jacobs, p. 216.

¹⁴ Ср. в: Bentwich, *JQR*, XXIII (1932- 33), 340.

¹⁵ Starr, pp. 22 f., 202, № 149 (не № 151, как указано в тексте); Roth, *History of the jews in England*, p. 102. Хотя Дожд отклонил просьбу евреев Крита извинить их от этой повинности, в 1465 г. он милостиво согласился освободить палача еврея от исполнения его обязанностей по субботам и в дни еврейских праздников. См.: Starr, *Proceedings of the American Academy for jewish research*, XX (1942), pp. 68, 74 ff.

¹⁶ Aronius, Nos. 311, 322, 323 b, 337, 473, 668. Общие настроения масс по отношению к евреям показывает следующий инцидент: в 1343 г. в Рейнфальце могила отшельника, убитого неизвестными лицами, стала местом чудесных исцелений и паломничества, после чего многих евреев сожгли, приписав им обвинение в его убийстве. (Caro, II, 205).

¹⁷ Starr, pp. 209 f. Богемский хронист Hajek сообщает о том, что в 1067 г. евреи похитили христианского ребенка, намереваясь умертвить его, однако, упоминание о желтой еврейской нашивке делает его рассказ недостоверным, поскольку евреи не носили этот отличительный знак до XIII века (Bondy-Dworsky, I, 405, прим. 100).

¹⁸ Jacobs, p. 19; Roth, *Speculum*, p. 523; Tovey, p. 136; *JE*, III, 260 f.

¹⁹ Jacobs, pp. 45 f. Список обвинений, имевших место в XII веке, приведен в: *JE*, III, 261; Baech-St., IV, 822.

²⁰ Ср. в: Aronius, № 728; Grayzel, p. 265, прим.; Eck, pp. J4a-b; Loewe, p. 77. Здесь перед нами прототип «Сионских мудрецов».

²¹ Jacobs, p. 75.

²² M. Paris. *Historia anglorum*, II, 375.

²³ М. Paris, *Chron. maj.*, V, 518; ср. в: Tovey, p. 136. Длительный эффект, который имели подобные обвинения, иллюстрирует ореол легендарной славы, которая мгновенно окружила фигуру отрока Хью, якобы замученного евреями; впоследствии его причислили к лику мучеников, а его мощам стали приписывать чудодейственные свойства. «Эта легенда стала неотъемлемой частью фольклора английских крестьян, ею воспользовался Чосер в «Кентерберийских рассказах», кроме того она служила источником вдохновения для многих сочинителей английских, французских и шотландских баллад, которые народ передавал из уст в уста на протяжении столетий. Когда в Англии уже не осталось ни одного еврея, большая часть местного населения составляла представление о проклятом еврейском народе, исходя из поэтических описаний этого полупоэтического события» (Roth, *History of the jews in England*, p. 57). Обширный список средневековой литературы, посвященной страданиям и мученической смерти отрока Хью см. в кн.: Francisque Michel, *Hugues de Lincoln. Recueil de ballades anglo-normandes et ecossoises relatives au meurtre de cet enfant, commis par les juifs en MCCLV* (Paris-London, 1834); Cecil Roth, *Magna Bibliotheca Anglo-Judaica* (London, 1937) A. 8. 157-63; Modder, p. 13.

²⁴ См. прим. 31 к главе 8. В XIII веке обвинения евреев в распятии христианских младенцев имели место в Арагоне в 1250 г., в Лондоне в 1276 г. и в Нортемптоне в 1279 г. (Baech-St., IV, 822; Roth, *History of the jews in England*, p. 78). Эти обвинения служат ярким примером того, к каким практическим выводам может привести христианское учение, когда оно делает акцент на том, что распятие Иисуса — событие, современное для всех христиан, в силу чего оно должно занимать центральное место в сознании каждого верующего. Психологию, которая поощряет подобные обвинения, можно показать на следующем примере: 8 мая 1147 г., когда крестоносцы из Франции вошли в городок Rameu, они стали преследовать местных евреев; схватив выдающегося ученого, рабби Якова Тама (Jacob Tam), они, как сообщают евреи, очевидцы этого события, «пять раз ранили его в голову, говоря при этом: "Коль скоро ты самый знаменитый и прославленный муж в Израиле, то через тебя мы отомстим вам, евреям, за страдания Распятого, и пусть у тебя будет столько же ран, сколько вы нанесли Господу нашему"». (Neubauer and Stern, *Hebraische Berichte*, pp. 64, 195).

²⁵ JE, III, 261; ср. в: Grayzel, pp. 264 f., прим. 2.

²⁶ JE, III, 261, 263; Aronius, № 497; *Historia Judaica*, I (1938-39), 71 f.

²⁷ Loewe, p. 77; Eck, p. K3b. Baech-St., IV, 822, здесь дается дополнительный список обвинений евреев в распятии христианских детей: Прага, 1389 г.; Толедо (La Guardia), 1490 г.; Равенна (Michael) 1547 г.; Siebenburgen, 1791 г.; Ingrandes, Франция, 1892 г.

²⁸ JE, III, 263; Roth, *The ritual murder libel and the jews* (London, 1935). Stern, *Urkundliche Beitræge*, pp. 21 f., 97; Grayzel, pp. 271, 275; Bondy-Dworsky, I, 33; Stern, *Urkundliche Beitræge*, I, 6. Не странно ли, что немалая часть информации по поводу этих обвинений взята из папских посланий, которые отрицают их подлинность и запрещают их распространение? (ср. в: Roth, *op. cit.*, а также М. Stern, *Papstliche Bullen über die Blutbeschuldigungen* [Munich, 1900]). Папа Григорий X, например, писал: «Предписываю не принимать во внимание свидетельства тех христиан, каковые обвиняют евреев в совершении подобных действий... а также запрещаю заключать евреев в тюрьмы на основании указанных обвинений, если только — хотя мы и не верим в это — они не будут взяты с поличным и явно уличены в совершении таких дел» (Bondy-Dworsky, *loc. cit.*; ср. в: Vogelstein, *Rome*, pp. 175; Grayzel, p. 274, прим. 4).

²⁹ Ср. в: Bondy-Dworsky, I, 95. (также *idem*, pp. 328 f.); Stern, *Urkundliche Beitræge*, I, 32; Amador, III, 429.

³⁰ Stern, *op. cit.*, I, 9; Strack, p. 190. Влияние этого смещения акцента прослеживается на документах XV века в связи с делом Уильяма из Норвича, где его мученичество перенесено с христианской Пасхи на «праздник еврейской Пасхи» (Jacobs, p. 19). Хотя для еврейских пасхальных обрядов предпочтительнее употребление красного вина, рабби Давид бен Шмуэль Галеви из Ostrau (XVII век) указывал, что «ныне нам запрещено использовать красное вино по причине ложных обвинений» (*Magen David Orach Hayim*, 472.9). Восемь раз за шестьдесят лет (1623-1684 гг.) литовский Vaad издавал соответствующие постановления и указы в связи с фактами обвинений евреев в ритуальных убийствах. (Dubnow, *Pinkes Hamedinah* [Berlin, 1925], Nos. 9, 110, 307, 440, 684, 725, 768, 781).

³¹ Aronius, № 469.

³² *Idem*, № 474; Strack, p. 178.

³³ Aronius, № 728; Strack, p. 182.

³⁴ Strack, pp. 183; Scherer, p. 348.

³⁵ JE, III, 262; Scherer, p. 593.

³⁶ Williams, p. 278, прим. 4.

³⁷ Евреев также принуждали «признаваться» в том, что они подмешивают христианскую кровь к вину и добавляют ее в тесто, из которого выпекают мацу. Как фабриковались подобные обвинения, можно показать хотя бы на таком примере: евреям стали приписывать вышеупомянутые действия после ряда яростных и обличительных проповедей известного ненавистника евреев, францисканского монаха Bernadin da Feltre, который, произнося их перед своей паствой во время великого поста, *предсказал*, что евреи будут пытаться совершать именно такие действия, направленные на уничтожение всего христианского мира. Эта тема получила широкий общественный резонанс, стала сюжетной основой для произведений популярной литературы

той эпохи и, таким образом, сформировалась модель, в соответствии с которой впоследствии евреям предъявлялись подобные обвинения. Ср. в: Scherer, pp. 597; *JE*, III, 263; Gaiger, *Zeitschrift*, II, 308; Liliencron, II, 13.

³⁸ Strack, pp. 206, 207, 215.

³⁹ *Shebet Yehudah*, № 62.

⁴⁰ Bondy-Dworsky, I, 116; Stern, op.cit., I, 406; Baer, II, 315.

⁴¹ Roth, *History of the jews in England*, p. 121, прим. 6: Eck, p. M2b; Friss, pp. 404 ff.

⁴² Parkes, II, 379; Scherer, p. 435 приводит извлечение из анонимного памфлета XV века, в котором еврей с гордостью заявляет:

Es wer vil mer zu schreiben not,
Wie wir den christen tuen den tod
Mit mancher wunderlicher pein
An iren klein kindelein.
Wir fressen dann ir fleisch und pluet
Und glauben, es kumb uns wol zu guet.

Достоинство подробнейшего описания то,
Как мы умершвляем христиан,
Причиняя изощренные страдания
Их малолетним чадам.
Потом мы пожираем их плоть и выпиваем кровь,
Веруя, что сие будет нам во благо.

⁴³ Baech-St., IV, 825. Интересно указать на следующие факты: миссионеров католиков в Китае, а также французов на Мадагаскаре местные жители обвиняли в том, что они убивают детей и используют их сердца для совершения каких-то таинственных обрядов, а в Египте врачей христиан обвинили в том, что они поедают сердца своих пациентов мусульман и пьют их кровь (ср.: Stern, op. cit., II, 64, прим. 4).

Глава 10. КРОВАВЫЙ НАВЕТ

¹ Ср. в: Strack, pp. 50 ff., Thorndike, I, 62, 149, 418 f., 619, II, Index, s.v. «Blood», and «Human body, use of parts of».

² Roskoff, I, 347.

³ Bschr-St., I, 1438, IV, 815.

⁴ *JE*, III, 264; Eck, p. ala.

⁵ Strack, p. 19; ср. также в: Thorndike, II, loc. cit.

⁶ V. Fossel, *Volksmedizin und medicinischer Aberglaube in Steiermark* (Graz, 1886): Baech-St., I, 1436 f., 1443 f.,

⁷ Parkes, I, 293, 296.

⁸ Strack, pp. 62, 138; Franci, p. 17.

⁹ Trachtenberg, pp. 129, 203.

¹⁰ Aronius, № 749; Aug. Digot, *Histoire de Lorraine* (Nancy, 1856), II, p. 144.

¹¹ *Chron. maj.*, V, 517: Et cum exirasset puer, deposuerunt corpus de cruce, et nescitur qua ratione, euiscerarunt corpusculum: dicitur autem, quod ad magicas artes exercendas; а также *idem*, p. 518: «inutile enim reputabatur corpus insontis augurio, ad hoc enim euiscerabatur».

¹² Ср. в: Stobbe, p. 288. Эта жалоба заканчивается фразой, которую можно истолковать как обезоруживающую попытку сказать всю правду и быть справедливыми по отношению к евреям: «Aber an grossen toeden, die das land durchgant, habent sie nit schuld» («Но в многочисленных смертях, которые постигли наши земли, они не виновны.») Поистине великодушное признание, тем более что оно сделано всего лишь спустя столетие после эпидемии Черной Смерти!

¹³ Parkes, II, 69.

¹⁴ Schudt, I, 461, Basnage, *Histoire et religion des juifs*, VII, chap. xviii, Par. 19, p. 1824.

¹⁵ Eck, p. F3a.

¹⁶ *Idem*; Schudt, IV, i, p. 298, пересказывает ту же самую историю, которая случилась якобы в Кобурге (Франкония) .

¹⁷ Цитируется в: Schudt, IV, i, p. 61.

¹⁸ Friedlander, p. 7.

¹⁹ P. K3a.

²⁰ Dubnow, I, 100.

²¹ *Idem*, p. 173. *EJ*, II, 1004 здесь говорится о нескольких случаях, произошедших в Польше в течение XVI и XVII веков.

²² Baech-St., IV, 815.

²³ Aronius, № 474; *JE*, III, 261.

²⁴ Aronius, № 728; *JE*, loc. cit.; Crael, p. 622.

²⁵ Eck, p. K1a («И даже те евреи, каковые не нуждаются в христианской крови ради сохранения своего здоровья, все же умерщвляют христиан из ненависти», утверждает он): см. также Kirchhof, III, 366: «die Juden vermoegen ohne Christen blut nicht sein oder leben» («евреи не могут обходиться и даже жить без крови христиан»).

²⁶ Stobbe, pp. 288 f.; Wiener, p. 236. Абрахам-а-Санта-Клара также утверждает, что евреям потребна христианская кровь для того, чтобы избавиться от «мерзкого, отвратительного и подлого зловония» (Francel, p. 133).

²⁷ Stobbe, p. 289, прим.

²⁸ Strack, p. 202; см. также *idem*, pp. 174 ff. а также I. Loeb, *REJ*, XX (1890), 25 f., об использовании евреями христианской крови в качестве лекарства. Рассказ, приведенный у Иоганна Эка (р. B2b), повествует об убийстве христианского младенца в окрестностях Генуи в 1452 г. несколькими евреями, которые обмакивали различные фрукты в его кровь и ели их.

²⁹ Stobbe, *loc. cit.*; ср. также в: Francel, p. 133.

³⁰ *Endinger Judenspiel*, pp. 39 f., II. 595 ff.:

Dass blut derselben bhaltet flissig,
die haupter auch gantz unverdrissig,
zue grossen sachen, die mir wissen,
zue brauchen kunstlich und zue gniessen.

Сию кровь сохраняйте в жидком состоянии,
А также не пренебрегайте и их головами
Для величайших целей, лишь нам известных,
Для умелого и полезного употребления.

Ср. также в другом месте, p. 26, II. 211 ff.:

Zue dem so ist der christen bluet
zue vil sachen gar nutz und guet,
wie das soll wissen gschwinde meister,
die haben sonderliche geister.

Для чего же потребна христианская кровь?
Для многих полезных и благих целей,
Как сие надлежит знать тому, в ком есть разумение,
И в ком есть особый дух.

³¹ *Malenzye*, ср. Lexer, *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*, s.v. «malen-
zie», «malaterie».

³² См. текст «признаний», напечатанных в конце пьесы *Endinger Judenspiel*, pp. 95, 97.

³³ *REJ*, XVI (1888), 242.

³⁴ Margaritha, p. H3b; *JE*, III, 264.

³⁵ Ср. Eck, p. J4a; *Cruel*, p. 583.

³⁶ *Baech-St.*, I, 1439.

³⁷ *Dubnow*, II, 77.

³⁸ *Chwolson*, pp. 205 ff.; *Graetz, Geschichte*, X, 264. Согласно распространенным в народе слухам Moses Germanus в конце концов был отравлен каким-то евреем по неизвестным причинам; см. *Schudt*, I, 274.

³⁹ *Francel*, p. 134.

⁴⁰ Vol. III, p. 367; *Francel*, p. 133; *Chwolson*, pp. 193 ff.

⁴¹ *Friss*, p. 410; *Strack*, p. 204; *Chwolson*, p. 183.

⁴² *Francel*, p. 133.

⁴³ *Chwolson*, pp. 183 ff.; *Dubnow*, II, 73. В Ольденбурге было распространено суеверие, согласно которому евреи купаются в христианской крови (*Baech-St.*, I, 1439).

⁴⁴ Разумеется, психология кровавого навета лежит гораздо глубже. Средневековое христианство было одержимо темой крови, и эта одержимость довольно откровенно выражала себя в религиозной

литературе и фольклоре. Проповедники и церковные писатели чрезмерно долго и с дотошной внимательностью к мельчайшим деталям останавливались на страданиях Иисуса (проповеди, которые длились целый день, были отнюдь не редкостью); они изобретали новые и все более изощренные подробности его мук для услаждения своей аудитории, чуть ли не физически упиваясь кровью, которой буквально сочилась каждая произнесенная ими фраза. Так, например, некоторые проповедники утверждали, что во время молитвы Иисуса в Гефсиманском саду перед появлением предавшего его Иуды у Иисуса вместо пота проступала на лице и на теле кровь (хотя в Евангелии от Луки ясно сказано: «и был пот Его, *как* капли крови, падающие на землю» — Лук. 22 : 44 — курсив мой. — Дж.Т.). Точно так же с варварским восторгом множились и приукрашались чудовищные подробности приписываемых евреям убийств детей, сцены насилия нагромождались одна на другую, достигая пика в красочных описаниях увечий истекающих кровью жертв. Так или иначе, но кровь — кровь Христа, мучеников и святых, кровь детей, кровь, появлявшаяся на разбитых иконах и священных изображениях, а также на разрезанных изуверами гостях — эта кровь составляла один из основных элементов народного христианства. Трудно избавиться от мысли, что глубочайшее чувство подспудной вины заставляло христианский мир вновь и вновь воспроизводить убийство Иисуса, персонификацию их беспокойной совести, и искать избавления путем проекции своей вины на евреев, отмывая кровавые пятна на своей совести кровью того народа, к которому принадлежал Иисус. Но это уже другой вопрос, и мы не станем обсуждать его здесь. Однако он заслуживает самого серьезного обсуждения.

⁴⁵ Summers, p. 195.

Глава 11. ЦЕРКОВЬ И ЕВРЕИ

¹ Williams, p. 355.

² Jacobs, pp. 7 ff.

³ См. в: Parkes, I, 119, II, 16, 40, 49; S. Zeitlin, JQR, XXXI (1940), 30 f.; Rabinowitz, pp. 130; Baron, II, 40, III, 108; Roth, *History of the jews in England*, p. 93; Adler, pp. 21, 122; *Germania Judaica*, Introd., pp. xxxiv ff.; A. Berliner, *Persoenliche Beziehungen zwischen Christen und Jueden im Mittelalter* (Halberstadt, 1881). Достойны упоминания следующие факты: комментарии Раши на Библию и на Талмуд стали своего рода тезаурусом для старофранцузского языка, а Исаак бен Мозес в своем сочинении *Or Zarua* оказал столь же ценную услугу старочешскому, который он на страницах своей книги называл «наш язык», а Богемию называл «наша страна».

⁴ По поводу влияния церковной политики на светское законодательство см.: Scherer, pp. 50; Kisch, *Jewry-law*, II, 151.

⁵ Parkes, I, 97, 204.

⁶ Vol. I, p. 158; 297.

⁷ *Idem*, p. 166.

⁸ *Idem*, p. 220 f. Источник приведенной цитаты — *Historia Judaica*, I (1938-39), 33.

⁹ Kisch, *Proceedings of the American Academy for jewish research*, VI (1935), 259 f.; Bondy-Dworsky, I, 41 f.

¹⁰ *REJ*, XVII (1889), p. 215, прим. 2.

¹¹ Grayzel, pp. 264. Столетием раньше Святой Бернард обратился к мирянам и клирикам Англии, Франции и Германии с недвусмысленным повелением: «Вы не должны преследовать евреев, вы не должны убивать их, вы не должны даже вынуждать их к бегству» (Jacobs, p. 22).

¹² Parkes, II, 211; Grayzel, pp. 76, 93.

¹³ Jacobs, pp. 122, 123.

¹⁴ Parkes, II, 85, 125; Grayzel, pp. 79; Caro, I, 288; Rabinowitz, pp. 126; Murawski, *Die Juden bei den Kirchevatern und Scholastikern* (Berlin, 1925).

¹⁵ Parkes, II, 58; Regne, pp. 63, 92.

¹⁶ Parkes, II, 72.

Глава 12. НЕВЕРНЫЙ ИЛИ ЕРЕТИК?

¹ Cf. e.g., James Bruce, *The Holy Roman Empire* (New York, 1887), p. 159: «Во время этих войн (особенно в течение первых трех), был реализован — в первый и в последний раз — идеал Христианского Содружества... Религиозное рвение участников Крестовых походов... обратилось против тех, кто был не согласен с притязаниями Церкви; религиозный пыл крестоносцев вдохновлялся идеей служения Папскому Престолу, волю которого они исполняли с благословения самого Папы, который и являлся организатором всего проекта». См. также *idem*, pp. 200, а также *HERE*, IV, 350: самый значительный результат Крестовых походов заключался в том, что «возросла значимость Папства как воплощения единства христианского мира и лидера, обладавшего правом и властью призывать к войне с врагами Церкви».

² Caro, I, 299; Newmann, p. 310.

³ *Historia Judaica*, I (1938-39), 32; I, 102, 203, 239, 255, 300; II, 12; Murawski, p. 50; Williams, p. 319.

⁴ Starr, p. 90; Newmann, p. 304, 613.

⁵ Cruel, p. 62. Поэт XIII века Helbling (Francl, p. 46) писал:

ez war wol der in verbut
ir ketzerlicher talmut,
ein buch valsch und ungenaem

И был под запретом
их еретический Талмуд,
книга лживая и непотребная.

⁶ Mahari, *Responsa*, № 233; Amador, III, 270, прим. 1.

⁷ Francl, p. 58; Lewin, pp. 4, 6, 7, 12, 31, 45, 65, 106, 107 etc. Легкость, с которой понятия «еретик» и «еврей» менялись местами друг с другом, — обычное явление в поздних средневековых источниках.

⁸ Bondy-Dworsky, I, 101, II, 910; Scherer, p. 410; Kracauer, *Geschichte der Juden in Frankfurt am Main*, pp. 159 ff.; Guedemann, III, 155.

⁹ Newmann, pp. 131 ff., а также Index, s.v. «Judaizing»; Parkes, II, 30; Guedemann, I, 223, II, 92. Средневековые источники сообщают о еретической секте, которая объявилась в XI веке в городе Monforte (Ломбардия): члены этой секты «обожествляли идолов подобно язычникам и хотели совершать свои нелепые жертвоприношения вместе с евреями» (Coulton, *Inquisition and liberty*, p. 9); известно, что евреи прекратили практику жертвоприношений после разрушения Храма римлянами в 70 г.

¹⁰ Vol. II, p. 46.

¹¹ Parkes, II, 139.

¹² Cf. Newmann, pp. 317 ff.; Parkes, II, 172; Scherer, pp. 46 ff., 51, 55; Grayzel, pp. 336. Точная дата сожжения книг Талмуда во Франции окончательно не установлена. Ср.: Graetz, *Geschichte der Juden*, VII, 405 ff.; Grayzel, pp. 240, 252.

¹³ Stern, *Urkundliche Beitrage*, I, 407: «Ogni opera Hebraica che si serve dell' autorita del Talmuth tutto dannato dalla santa chiesa come heretico, prophano et prohibito» («Все еврейские книги, которые опираются на авторитет Талмуда, Святая Церковь считает еретическими, богохульными и запрещенными»). О Пфедферкорне и споре между Рейхлином и доминиканскими монахами, см.: Graetz, *Geschichte der Juden*, IX, 477-506, а также Index, s.v. «Pfefferkorn».

¹⁴ Caro, II, 80.

¹⁵ Stern, op. cit., I, 47.

¹⁶ См.: Saige, pp. 235; Parkes, II, 140. Обсуждение темы «Инквизиция и евреи» см. в след. соч.: Parkes, II, 136; Newmann, pp. 303.

¹⁷ Robert, pp. 107, 116. «Ce qui montre bien que les miniaturistes ont attache a la roue un caractere d'infamie, c'est qu'ils ne donnent pas ce signe aux Juifs dont le role sera honnete ou indifferent» (idem, p. 112).

¹⁸ Cruel, pp. 499, 622; Haenle, p. 23. Eck, p. E2a; Schudt, II, i, pp. 355 ff.; см. также Baech-St., IV, 818, 824, 836.

¹⁹ Murawski, pp. 21, 49; Williams, pp. 34, 260, 353; Scherer, p. 435; Graetz, *Geschichte der Juden*, VIII, 70 f.

²⁰ Graetz, *Geschichte der Juden*, IV, 400; I. Elbogen, *Der judische Gottesdienst in seiner geschichtlichen Entwicklung* (Leipzig, 1913), pp. 51; A. Z. Idelsohn, *Jewish liturgy and its development* (New York, 1932), pp. 102.

²¹ Буквы еврейского алфавита служили также в качестве цифр.

²² Cf. L. Zunz, *Die Ritus des synagogalen Gottesdienstes* (Berlin, 1919), p. 147; Elbogen, *op. cit.*, pp. 80; Idelsohn, *op. cit.*, pp. 116. Guedemann (III, 206, прим. 4)

²³ Cf. Parkes, *Im 133*: Scherer, pp. 467; Schudt, I, p. 390, IV, i, pp. 274 f., 298.

²⁴ I. Lewy, *REJ*, XXX (1895), 295 ff.

²⁵ I. Lewy, *REJ*, XLVIII (1904), 199 ff.; Regne, pp. 13 ff.

²⁶ Parkes, II, 33, 43; J. Mann, *Texts and studies in jewish history and literature* (Cincinnati, 1931), I, 16 f.

²⁷ Parkes, I, 368, II, 37.

²⁸ Roth, *History of the jews in England*, p. 61; M. Paris, *Chron. maj.*, IV, 77, 131 ff.; H. Bresslau, *Juden und Mongolen*.

²⁹ Bondy-Dworsky, I, 336, 447, прим., II, 567; Pribram, I, 8, 32, 45; J. Starr, *Proceedings of the American Academy for Jewish research*, XII (1942), p. 69. Schudt (II, i, p. 298) утверждает, что евреи якобы пытались обманым путем сдать Франкфурт неприятелю, когда город осаждали шведы в 1635 г.

³⁰ Lewin, p. 74; Franci, pp. 77.

³¹ *Historia Judaica*, II (1940), 98.

³² Franci, p. 58; Lewin, *passim* (см. ссылки в прим. 7 выше); Newmann, p. 617.

³³ См. Parkes, I, 174, 182, 351, а также *Appendix I*, Part 2, s.v. «Inter-marriage»; а также Starr, p. 144 — на тему ранних юридических установлений (как церковных, так и светских), которые дошли до нас в средневековых кодексах. По поводу наказаний евреев, состоявших в интимной связи с христианами, см. Stobbe, pp. 266, прим. 151, а также Scherer, p. 585, где приводится сообщение о том, как поступили с евреем, пойманным *in flagrante delicto*: «Год 1536 от рождества Христова. В Праге пойман еврей, уличенный на месте в постыдном и противозаконном соитии с женщиной христианкой; сего еврея принудили засунуть его мужской член во втулку просмоленной бочки, в каковой развели огонь, на бочку же рядом с ним положили тупой с зазубринами нож; когда же боль от жара в раскаленной бочке стала для еврея нестерпимой, то он сим тупым ножом по причине сильной боли отрезал себе свой член; и когда он с раной, из коей обильно истекала кровь, пустился оттуда бежать, на него натравили злых собак, и те разорвали еврея» (цит. по: Hondorff, *Promptuarium exemplorum* [Frankfort 1572], p. 350 а). Scherer отмечает, что здесь перед нами типичный случай «суда линча», никак не связанного с действовавшим в ту эпоху законодательством; однако, в соответствии с указом, принятым в Майнце в 1422 г., еврею «блуднику» полагалось отрезать его «Ding» (то есть половой член) и выколоть один глаз. Правда, этого наказания можно было избежать, уплатив штраф.

³⁴ *The criminal prosecution and capital punishment of animals* (London, 1906), p. 152.

Глава 13. БОРЬБА С РОСТОВЩИЧЕСТВОМ

¹ В Англии во второй половине XII века, когда там проживало около 2000 евреев (при этом численность коренного населения составляла примерно 1,5 миллиона), евреи были обязаны ежегодно отчитываться за 1/12 всей суммы королевского дохода (3000 фунтов из 35000); в 1187 г. посредством всевозможных штрафов, сборов, пошлин, специальных податей и пр. королевский казначей взимал с евреев 60000 фунтов, тогда как вторая половина суммы королевского дохода со всей Англии составляла 70000 фунтов! Jacobs (эти цифры взяты из его исследования, — см. pp. xviii f., p. 382) пишет по этому поводу следующее: «Для королевской казны евреи были своего рода губкой; они аккумулировали свободные деньги по всей стране, а время от времени их из них выжимали в сокровищницу короля... Таким образом, королю была выгодна ростовщическая деятельность евреев, и в своей стране он сам фактически выступал в роли архиростовщика». Более того, принадлежащее королю и оговоренное законом право конфискации имущества ростовщиков евреев весьма усиливало политическую власть короля над баронами и клиром, чьи долговые обязательства, таким образом, в конечном итоге попадали в его руки. См. также интересный материал по поводу защиты еврейских ростовщиков королем Богемии Владиславом в кн.: Bondy-Dworsky, I, 173 ff.

² Parkes, *Historia Judaica*, I, (1938-39), 37; Vol. II, chaps. viii, ix.

³ Vol. III, p. 107; Cecil Roth, «The most persecuted people?» *Menorah Journal*, XX (New York, 1932), 136-147.

⁴ Aronius, p. 319.

⁵ Guedemann, III, 182 f.; Geiger, *Zeitschrift*, II, 348, III, 297; Pauli, № 192.

⁶ «Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (В «синодальном» переводе Исх. 22:25); «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни золота, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост» (Втор. 23:19); ср. с прямым запретом в Евангелии: «... и займы давайте, не ожидая ничего...» (Лук. 6:35); в Вульгате: *Mutuū date, nihil sperantes*. Ростовщичество, разумеется, означало вообще одалживание денег под проценты, независимо от их величины.

⁷ Parkes, II, 283 ff., 288 f.; Newmann, pp. 194 ff., 197 ff. а также F. Schaub, *Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlauteren Handel* (Freiburg, 1905).

⁸ Caro, I, 223; Newmann, p. 197.

⁹ Brant, pp. 148, 188; Kirchhpf, V, 131; Guedemann, III, 192, 276 f.

¹⁰ Modder, p. 33.

¹¹ Ср. указ Людовика X Святого, изданный в 1254 г. (Graetz, *Geschichte*, VII, 410), а также постановления Собора в Безье (Beziers), который собрался в следующем году (Grayzel, pp. 336).

¹² Parkes, II, 284.

¹³ Owst, *Literature and pulpit in Medieval England*, p. 554, прим. 1; Guedemann, III, 189; Lecoy de la Marche, *La chaire française*, pp. 116 ff., 416; Crane, Nos. 168 ff.

¹⁴ Francl, pp. 88 ff.

¹⁵ Guedemann, III, 188, 191; Lenient, *La satire en France au Moyen Age*, pp. 182, 185. Schudt (I, 258) приписывает Edwin'у Sandis'у утверждение о том, что в Италии после крещения от евреев требовали, чтобы они отрелись от дьявола и всех его дел, включая ростовщичество.

¹⁶ Fuchs, p. 13; Liebe, pp. 18, 37, 69.

¹⁷ *Werke* (Weimar, 1920), LIII, 521.

Глава 14. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

¹ Cf. Lea, *History of inquisition*, III, 416 ff.; *Materials toward the history of witchcraft*, ed. by A. C. Howland (Philadelphia, 1939), 3 vols., pp. 105-98.

² Thorndike, III, 18 ff.; в XIII и XIV веках многие представители клира обвинялись в отравлениях, колдовстве, убийствах, магии и пр.; см. также: Lea, *loc. cit.*

³ Cruel, pp. 617 ff., Owst, *Literature and pulpit in Medieval England*, p. 112; Lea, III, 414.

⁴ Lea, *Inquisition*, III, 410. Проповедник XV века Geiler von Kaisenberg, перечислив в одной из своих проповедей многочисленные случаи чудесных исцелений, которые должны были служить доказательством эффективности упомянутых им средств, сказал следующее: «Итак, вы видите: когда что-либо освящено в честь святого или же касалось его мощей, сей предмет и сам становится пригодным для врачевания и иных благих дел. Так, против горячки можно воспользоваться водой Святого Антония, то есть той водой, в которую были заблаговременно опущены его мощи; вода Святого Умбрехта помогает при укусе бешеной собаки; вода Святого Петра излечит от простуды; хлебец Святой Агаты исцеляет от лихорадки; при болезнях горла надлежит носить на шее свечу, освященную в честь Святого Блеза; а вода Святого Валентина спасает от падучей болезни» (Cruel, *loc. cit.*).

⁵ Owst, *Literature and pulpit in Medieval England*, pp. 93 ff., 112, 146, прим. 7, 512; Lenient, *La satire en France au Moyen Age*, 173, 402; Cruel, p. 267; Roskof (I, 350, 317) пишет: «Все авторы, касающиеся вопроса о вере в дьявола в средние века, согласны между собой в том, что представления о дьяволе и страх перед его могуществом достигли пика в XIII веке и с тех пор овладели умами христиан».

⁶ Stern, *Urkundliche Beitrage*, I, 176, № 38.

⁷ О гностических ересьях и магии см. Thorndike, I, 360-384.

⁸ Guedemann, I, 220: «Bruder Bertholt, wie sulle wir uns vor in behuten, so lange daz sie guten luten so gar gliche sint?»

⁹ M. Summers, *Geography of witchcraft* (London, 1927), p. 469; Я. Шпренгер, Г. Инсигорис, *Молот ведьм* (Москва, Интербук), II, III.

¹⁰ Lea, *History of inquisition*, III, 432 ff.: *Materials toward the history of witchcraft*, ed. by A. C. Howland (Philadelphia, 1939), 3 vols.; а также работы, указанные в библиографии.

¹¹ Lea, *History of inquisition*, III, 549; Bertrand Russel, *Religion and Science* (New York, 1935), pp. 97 f.

¹² Cf. Lea, op. cit., III, 432 ff.; Francais, pp. 63 ff., 272. Geoffrey из Меаух в трактате по астрологии (1325 г.) утверждал, что человек, родившийся при определенном сочетании звезд и планет, будет склоняться к неверию и ереси и обнаружит пристрастие к колдовству (Thorndike, III, 289). Ассоциация между колдовством, ересью и неверием была характерной чертой массового сознания той эпохи.

¹³ Caro, II, 80; Baer, I, 343; Lea, loc. cit., and *A History of inquisition in Spain* (New York, 1906), II, 93 f. Гравюры, изображающие евреев и колдунов, см. в: Soldan-Heppe, I, facing p. 130.

¹⁴ Lifschitz-Golden, p. 123; Strumpf, p. 39, прим. 20 и 23; Loewe, p. 56.

¹⁵ Lea, *History of inquisition*, III, 495, 534: *REJ*, XLVI (1903), 243f. Roskof, Im 326 ff., II, 124; Soldan-Heppe, I, 137.

¹⁶ Soldan-Heppe, I, 142, ff.: в этой же книге есть несколько гравюр, изображающих еретиков, которые совершают свои оргиастические обряды, *idem*, facing p. 138.

¹⁷ Lecoq de la Marche, *La chaire française*, p. 427; Guedemann, I, 221; M. Lexer, *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*, s.v. "ketzerie."

Глава 15. ЕРЕТИК-КОЛДУН-ЕВРЕЙ

¹ Кодекс XIV века из Бреслау, о котором мы уже упоминали в главе 4, включает под рубрикой «Евреи» не только объемистый текст, посвященный колдунам, но непосредственно перед ним содержит также параграф (*J 158*), посвященный еретикам, причем и в нем нет ни слова о евреях. В подобном контексте это сочетание служит яркой иллюстрацией уже окончательно сложившейся формулы: еврей = еретик = колдун.

² Превосходная коллекция имеется в: Grillo de Givry, *Le Musée des sorciers, mages, et alchimistes* (Paris, 1929); а также в: Munich, 1911, ed. Soldan-Heppe.

³ Grillo de Givry, *Le Musée des sorciers, mages, et alchimistes*, pp. 36, 62, 63, 68, 70-74 etc.; Soldan-Heppe, Index, s.v. «Teufel, als Bock»; Johann Scheible, *Das Schalljahr* (Stuttgart, 1846-47), III, 212.

⁴ M. Bulard. *Le scorpion, symbole du peuple juif dans l'art religieux des XIV, XV, XVI siècles* (Paris, 1935), p. 48; Guedemann, I, 225; J. Scheible, *Das Kloster*, II (Stuttgart, 1846), 223; *REJ*, XX (1890), 231.

⁵ Browe, *Archiv für Kulturgeschichte*, XX (1930), 146, а также *Die eucharistischen Wunder*, p. 133. Тот же документ, из которого мы извлекли

указ городского совета города Брюнна (Bruenn), содержит рассказ о двух студентах христианах: последние похитили несколько гостей и хотели продать их местным евреям, однако те заявили на них властям, и студенты были арестованы и казнены как *еретики*.

⁶ Soldan-Heppe, I, 144; Grayzel, p. 329; в указе, изданном королем Кастилии Генрихом IV в 1465 г. (Baer, II, 331), говорится, что евреев, мавров и «дурных христиан», оскверняющих гостию, надлежит наказывать как еретиков.

⁷ Thorndike, II, 27; Loewe, p. 53; Murray, p. 148; Summers, pp. 89, 145; Lea, *History of inquisition*, III, 500; Baech-St., IV, 414; Browe, *Die Eucharistie als Zaubermittel im Mittelalter*.

⁸ Browe, op. cit., p. 147.

⁹ REJ, XLVI (1903), 240.

¹⁰ См. Thorndike, II, Index s.v. «Poison», где приводится несколько подобных случаев, имевших место в XIII и XIV веках.

¹¹ Joesten, pp. 10 f.: «Der Juden ketzerliches gift legten si all in die grunnen», («евреи еретики подсыпают свой яд в колодцы») — писал средневековый поэт (Liliencron, I, 47). См. также Soldan-Heppe, Index, s.v. «Gift».

¹² Упоминания убийства детей с целью использования их крови и частей тела часто встречаются в документах средневековых процессов над ведьмами и колдунами: см. например в кн.: Lea, *History of inquisition*, III, 407, 408, 502, 504 ff.; *Materials toward the history of witchcraft*, pp. 233, 237, 239, 780, 915 f.; etc.; Murray, pp. 49, 80, 81, 100, 150, 156; Soldan-Heppe, Index, s.v. «Kindesmord».

¹³ «Les Fascinateurs», *Melusine*, IV (1888-89), *passim*.

Эпilog. ПО-ПРЕЖНЕМУ ОТРОДЬЯ ДЬЯВОЛА

¹ В своем сочинении «*Vom Schem Hamphoras und vom Geschlecht Christi*» («О полностью произнесенном имени Божьем и о родословии Христа») Лютер пишет следующее: «О мой Бог, возлюбленный мой Отец и Создатель, ты милостиво соблаговолишь не прогневаться на меня за то, что я — хотя и с превеликой неохотой — все же почитаю своим долгом говорить о столь постыдных вещах перед Твоим божественным, извечным величием и обличать Твоих проклятых врагов, дьявола и евреев. Тебе ведомо, что я делаю это с пламенной верой и ради того, чтобы почтить Твое величие: ибо вопрос этот волнует меня до глубины души» (*Werke*, [Weimar, 1920], LIII, 605). В другом месте того же сочинения он говорит: «Увы, быть может, иные из наших сострадательных христиан решат, что я чрезмерно грубо и жестоко порицаю бедных, несчастных и жалких евреев, быть может, иные христиане сочтут мои слова о них чересчур дерзкими и язвительными. Ах, Господь и Бог мой, я слишком мал, чтобы состязаться с этим дьяволом в искусстве насмешки; хотел бы я владеть этим оружием в

той же мере, как и они, далеко превосходящие меня в умении с ним обращаться, к тому же их Бог, каковой есть мерзкий дьявол и злой дух — непревзойденный мастер по части насмешек и издевательств» (op. cit., pp. 590 f.).

² *Werke* (Weimar, 1897), XIX, 599, 600 ff.

³ Lewin, pp. 76, 82, 90. Анекдот, приведенный Лютером в проповеди и фигурирующий также в его «Застольных беседах» — *Tischreden* (*Werke* [Erlangen 1854], LXII, 371), основан на рассказе из уже упоминавшегося сборника: Kirchhof, *Wendenmuth*, III, 255. Надпись в соборе во Фрайзинге гласит: «So wahr die Maus die Katz nit frisst, wird der Jud ein wahrer Christ». Вероятно, в ту эпоху эта фраза была распространенным в народе присловьем (Francel, p. 56, прим.1). Необходимо отметить, что чрезвычайно популярное представление о том, что даже святое крещение не оказывает на евреев благотворного воздействия (Francel, pp. 54 ff.: Guedemann, III, 146; Geiger, *Zeitschrift*, II, 335, прим.1, 345, III, p. 297), получило распространение уже в раннем средневековье. В легенде VII века сохранилась бытовавшая среди христиан присказка: «Крестить еврея — все равно, что крестить осла» (Parkes, I, 290). Крещение может лишь на время избавить еврея от его дьявольского зловония, но со временем оно возвращается! Даже спустя несколько столетий благочестивой христианской жизни клеймо еврейского происхождения может воздвигнуть непреодолимый барьер между потомками крестившихся евреев и их соседями христианами. Разительным примером может послужить судьба Chuetas с Майорки (см. Baruch Braunstein, *The Chuetas of Majorca* [Scotland, Pa.], 1936).

⁴ *Werke* (Weimar, 1920), LIII, 535.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anrahams, Israel. Jewish life in the middle ages. Philadelphia, 1896.
- Ackermann, A. Der maerkische Hostienschandungsprozess vom Jahre 1510. *MGWG*, XLIXG (1905), 167-182.
- ...Geschichte der Juden in Brandenburg a. H. Berlin, 1906.
- ...Muenzmeister Lippold. Ein Beitrag zur Kultur- und Sittengeschichte des Mittelalters. Frankfort, 1910.
- Adler, Elkan Nathan. London (Jewish Communities Series). Philadelphia, 1930.
- Adler, Michael. Jews of medieval England. London, 1939.
- Ahrens, W. Hebraeische Amulette mit magischen Zahlenquadraten. Berlin, 1916.
- Amador de los Rios, Jose. Historia social, politica y religiosa de los judios de Espana y Portugal. Madrid, 1875-76. 3 vols.
- Aronius, J. Regesten zur Geschichte der Juden in fraenkischen und deutschen Reiche bis zum Jahre 1273. Berlin, 1902.
- Baech-St. — Baechtold-Staebli, Hans, ed. Handwoerterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin-Leipzig, 1927-39. 9 vols.
- Baer, Fritz. Die Juden in christlichen Spanien. Berlin, 1929-36. 2 vols.
- Baring-Gould, S. Curious myths of the middle ages. Philadelphia, 1869.
- Baron, Salo W. A social and religious history of the jews. New York, 1937. 3 vols.
- Bauer, J. Les juifs de Bedarrides. *REJ*, XXIX (1894), 254-265.
- ...Les juifs de la principaute d'Orange. *REJ*, XXXII (1896), 236-250.
- Bentwich, Norman. Of jews and hebraism in the greek anthology. *JQR*, XXIII (1932-33), 181-185.
- ...The Graeco-Roman view of jews and judaism in the second century. *idem.*, 337-348.
- Bergl, Joseph. Geschichte der ungarischen juden. Leipzig, 1879.
- Berliner, Abraham. Persoenliche Beziehungen zwischen Christen und Juden in Mittelalter. Halberstadt, 1881.
- ...Geschichte der Juden in Rom. Frankfort, 1893. 2 vols.
- ...Aus dem inneren Leben der deutschen Juden im Mittelalters. 2ed. Berlin, 1900.
- Bickermann, E. Ritualmord und Eselskult. *MGWJ*, LXXI (1927), 171-187, 255-264.
- Boaistuau, Pierre. Histoires prodigieuses. Paris, 1575.
- Boeckel, Otto. Die deutsche Volkssage. Leipzig, 1914.
- Bondy, Gottlieb und Dworsky, Franz. Zur Geschichte der Juden in Boehmen, Maehren, und Schlesien. Prague, 1906. 2 vols.
- Bousset, W. The Antichrist Legend, a Chapter in Christian and Jewish Folklore. Trans. by A. H. Keane. London, 1896.
- Brann, M. Geschichte der Juden in Schlesien. Breslau, 1896-1917.
- Brant, Sebastian. Das Narrenschiff. Ed. by Karl Goedeke. Leipzig, 1872.

Bresslau, Harry. Juden und Mongolen, 1241. *Zeitschrift fuer die Geschichte der Juden in Deutschland*, I (1887), 99-102.

Browe, Peter. Die Hostienschaendungen der Juden im Mittelalter. Romische Quartalschrift fuer christliche Altertumskunde und fuer Kirchengeschichte, XXXIV (1926), 167-197.

— Die Eucharistie als Zaubermittel im Mittelalter. *Archiv fuer Kulturgeschichte*, XX (1930), 134-154.

— Die eucharistischen Wunder des Mittelalters. Breslau, 1938.

Bulard, Marcel. Le scorpion, symbole du peuple juif dans l'art religieux des XIVe, XVe, XVIe siecles. Paris, 1935.

Burckhardt, Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy. Trans. from the 15th ed., by S. G. C. Middlemore. New York, 1935.

Calisch, Edward N. The Jew in English Literature. Richmond, Va., 1909.

Cardozo, J. L. The Contemporary Jew in the Elizabethan Drama. Amsterdam, 1925.

Carlebach, Ephraim. Die rechtlichen und sozialen Verhaeltnisse der juedischen Gemeinden: Speyer, Worms und Mainz. Leipzig, 1901.

Caro, Georg. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und in der Neuzeit. Frankfort, 1908—Leipzig, 1920. 2 vols.

Carrington, Herbert. Die Figur des Juden in der dramatischen Litteratur des XVIII. Jahrhunderts. Heidelberg, 1897.

Chwolson, D. Die Blutanklage und sonstige mittelalterliche Beschuldigungen der Juden. Frankfort, 1901.

Coulton, George Gordon. The Inquisition. New York, 1929.

— The Black Death. New York, 1932.

— Inquisition and Liberty. London, 1938.

Crane, Thomas F. The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques de Vitry. London, 1890.

Cremieux, A. Les Juifs de Marseille au moyen age. *Ref*, XLVI (1903), 1-47. 246-268.

Cruel, R. Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter. Detmold, 1879.

Curtiss, John S. An Appraisal of the Protocols of Zion, New York, 1942.

Debre, Moses. Der Jude in der franzoesischen Literatur von 1800 bis zur Gegenwart. Ansbach, 1909.

Dubnow, S. M. History of the Jews in Russia and Poland. Trans. by I. Friedlaender. Philadelphia, 1916-20. 3 vols.

Eck, Johann. Ains Judenbuechclins verlegung. Ingolstadt, 1541.

EJ—Encyclopaedia Judaica. Berlin 1928-35. 10 vols.

Endinger Judenspiel. Ed. by Karl von Amira. Halle, 1883.

Falb, Alfred. Luther und die Juden, Munich, 1921 (A strongly anti-semitic presentation).

Fehr, Hans. Massenkunst im 16. Jahrhundert. Berlin, 1924.

Ferorelli, Nicola. Gli Ebrei nell'Italia meridionale dall'eta romana al secolo XVIII. Turin, 1915.

Frankl, Oskar. *Der Jude in den deutschen Dichtungen des 15, 16. und 17. Jahrhunderts.* Maehrisch-Ostrau, 1905.

Freimann, A. and Kracauer, F. Frankfort (Jewish Communities Series). Philadelphia, 1929.

Friedenwaeld, Henry. *Apologetic Works of Jewish Physicians.*

JQR, XXXII (1941-42), 227-255, 407- 426.

Friedlander, Gerald. *Shakespeare and the Jews.* London, 1921.

Friedman, Lee M. *Robert Grosseste and the Jews.* Cambridge, 1934.

Friss, Armin. *Monumenta Hungariae Judaica.* Budapest, 1903.

Fuchs, Eduard. *Die Juden in der Karikatur.* Munich, 1921.

Geiger, Ludwig. *Geschichte der Juden in Berlin.* Berlin, 1871. 2 vols.

— *Die Juden und die deutsche Literatur des 16. Jahrhunderts.* *Zeitschrift fuer die Geschichte der Juden in Deutschland*, II (1888), 308-374. III (1889), 295-298.

— *Die deutsche Literatur und die Juden.* Berlin, 1910.

Germania Judaica, von den ältesten Zeiten bis 1238. Ed. by I. Elbogen, A. Freimann, and H. Tykocinski. Breslau, 1934.

Gesta Romanorum. Trans. by Charles Swan and revised by Wynnard Hooper. London, 1904.

Geyer, Rudolf and Sailer, Leopold. *Urkunden aus Wiener Grundbuechern zur Geschichte der Wiener Juden im Mittelalter.* Vienna, 1931.

Givry, Grillot de. *Le Musee des sorciers, mages et alchimistes.* Paris, 1929.

Glesinger, Lavoslav. *Beitraege zur Geschichte der Pharmazie bei den Juden.* *MGWJ*, LXXXII (1938), 111-130, 417- 422.

Goebel, Franz M. *Juedische Motive im maerchenhaften Erzaehlungsgut.* Gleiwitz, 1932.

Goedeke, Karl. *Schwaenke des sechzehnten Jahrhunderts.* Leipzig, 1879.

— and Tittman, Julius. *Liederbuch aus dem sechzehnten Jahrhundert.* Leipzig, 1867.

Goldstein, N. W. *Cultivated Pagans and Ancient Anti-Semitism.* *Journal of Religion*, XIX (1939), 346-364.

Goldziher, Ignaz. *Hebraeische Elemente in muhammedanischen Zauberspruechen.* *ZDMG*, XLVIII (1894), 358-360.

Graetz, Heinrich. *Geschichte der Juden.* 3d and 4th eds. Leipzig. 11 vols.

— *History of the Jews.* New York, 1927. 6 vols.

— *Shylock in der Sage, im Drama, und in der Geschichte.*

2d ed. Krotoschin, 1899.

Grau, Wilhelm. *Antisemitismus im spaeten Mittelalter: Das Ende der Regensburger Judengemeinde 1450-1519.* Munich and Leipzig, 1934 (An antisemitic presentation).

Grayzel, Solomon. *The Church and the Jews in the XIII th Century.* Philadelphia, 1933.

— *The Avignon Popes and the Jews.* *Historia Judaica*, II (1940), 1-12.

Gregorovius, Ferdinand. Der Ghetto und die Juden in Rom. Berlin, 1935. Reprinted from *Wanderjahre in Italien*, I, Stuttgart, 1853.

Grimm, Jakob. Deutsche Mythologie. 4th ed. Berlin, 1875-78. 3 vols.

Gross, Heinrich. Gallia Judaica. Paris, 1897.

Gruen, Nathan. Der hohe Rabbi Loew und sein Sagenkreis. Prague, 1885.

Grunwald, Max. Geschichte der Juden in Wien, 1625-1740. Vienna, 1913. Reprinted from Vol. V of *Geschichte der Stadt Wien*, pub. by the Altertumsvereine zu Wien. — Vienna (Jewish Communities Series). Philadelphia, 1936.

Guedemann, Moritz. Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der abendlaendischen Juden waehrend des Mittelalters und der neueren Zeit. Vienna, 1880-88. 3 vols.

Guttmann, J. Das Verhaeltniss des Thomas von Aquino zum Judenthum und zur juedischen Litteratur. Gottingen, 1891.

Haenle, S. Geschichte der Juden in ehemaligen Fuerstenthum Ansbach. Ansbach, 1867.

Hansen, Joseph. Inquisition und Hexenverfolgung im Mittelalter. *Historische Zeitschrift*, LXXXI (1898), 385-432.

— Zaubervahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter. Munich and Leipzig, 1900.

— Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter. Bonn. 1901.

Hecht, Emanuel. Die Geschichte der Juden im Trier'schen. *MGWJ*, VII (1857), 179-191.

Hefe, Karl. Die franziskanische Wanderpredigt in Italien waehrend des 15. Jhr. Tuebingen, 1912.

Heffner, L. Die Juden in Franken. Nuremberg, 1855.

Heinemann, Isak. Article «Antisemitismus,» in: Pauly-Wissowa, Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft, Supplementary Vol. V, Stuttgart 1931, 5-43. — The Attitude of the Ancient World toward Judaism. *Review of Religion*, IV (1939-40), 385-400.

Heise, Werner. Die Juden in der Mark Brandenburg bis zum Jahre 1571. Berlin, 1932. (Historische Studien, Heft 220.)

HERE — Hastings, James, ed. *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. New York, 1928. 13 vols.

Hildenfinger, P. Documents relatifs aux Juifs d'Arles. *REJ*, XLI (1900), 62-97.

Hoeniger, R. Zur Geschichte der Juden Deutschlands im fruehern Mittelalter. *Zeitschrift fuer die Geschichte der Juden in Deutschland*, I (1887), 65-97, 136-151.

Jacobs, Joseph. The Jews of Angevin England. London, 1893.

JE—The Jewish Encyclopedia. New York, 1901-1906. 12 vols.

Joesten, dr. Zur Geschichte der Hexen und Juden in Bonn. Bonn, 1900.

JQR—Jewish Quarterly Review.

Juster, Jean. *La Condition legale des Juifs sous les rois visigoths.* Paris, 1912.

— *Les Juifs dans l'empire romain.* Paris, 1914- 2 vols.

Katz, Solomon. *The Jews in the Visigothic and Frankish Kingdoms of Spain and Gaul.* Cambridge, 1937.

Kayserling, M. *Die Juden in Navarra.* Berlin, 1861.

— *Geschichte der Juden in Portugal.* Leipzig, 1867.

Kirchhof, Hans Wilhelm. *Wendunmuth.* Ed. by Hermann Oesterley, Tuebingen, 1869. 5 vols.

Kisch, Guido. *Research in Medieval Legal History of the Jews. Proceedings of the American Academy for Jewish Research*, VI (1934-35), 229-276.

— *Die Prager Universitat und die Juden, 1348-1848.* Maehrlsch-Ostrau, 1935.

— *The Jewry-Law of the Medieval German Law Books, Part 1. Proceedings of the American Academy for Jewish Research*, VII (1935-36), 61-145; Part II, *idem*, X (1940), 99-184.

— *Studien zur Geschichte des Judeuroides im Mittelalter, Hebrew Union College Annual*, XIV (1939). 431-456.

— *Nuremberg Jewry Oaths. Historia Judaica*, II (1940), 23-38.

— *A Fourteenth-Century Jewry Oath of South Germany. Speculum*, XV (1940), 331-337.

— *The Yellow Badge in History. Historia Judaica*, IV (1942), 95-144.

Klapper, Joseph. *Erzahlungen des Mittelalters.* Breslau, 1916.

Kober, Adolf. *Cologne (Jewish Communities Series).* Philadelphia, 1940.

Kracauer, J. *Aus der inneren Geschichte der Juden Frankfurts im XIV. Jahrhundert.* Frankfurt, 1914.

— *Urkundenbuch zur Geschichte der Juden in Frankfurt am Main von 1150-1400.* Frankfurt, 1914.

— *Geschichte der Juden in Frankfurt am Main.* Frankfurt, 1925-27. 2 vols.

Kracauer, J. *L'Affaire des Juifs d'Endingen de 1470. REJ*, XVI (1888), 236-245.

Krauss, Samuel. *Geschichte der juedischen Aerzte.* Vienna, 1930.

Kynass, Fritz. *Der Jude im deutschen Volkslied.* Greifswald, 1934.

Lagumina, Bartolomeo and Giuseppe. *Codice diplomatico dei Giudei di Sicilia.* Palermo, 1884-1909. 3 vols.

Lamm, Louis. *Zur Geschichte der Juden in Lauingen und in anderen pfalzneuburgischen Orten.* Berlin, 1915.

Landa, M. J. *The Jew in Drama.* London, 1926.

Lazard, L. *Les Juifs de Touraine. REJ*, XVII (1888), 210-234.

Lea, Henry Charles. *A History of the Inquisition of the Middle Ages.* New York, 1911. 3 vols.

— *Materials Toward a History of Witchcraft.* Ed. by Arthur C. Howland. Philadelphia, 1939 - 3 vols.

Lecoy de la Marche, Albert. Anecdotes historiques, legendes et apologues tires du recueil inedit d'Etienne de Bourbon. Paris, 1877.

— La Chaire francaise au moyen age. Paris, 1886.

Lefevre, P. La valeur historique d'une enquete episcopale sur le miracle eucharistique de Bruxelles en 1370. *Revue d'histoire ecclesiastique*, XXVIII (1932), 329-346.

Lenient, Charles. La Satire en France ou la litterature militante au XVIe siecle. Paris, 1877. 2 vols.

— La Satire en France au moyen age. 3d ed. Paris, 1883.

Levi, Israel. Le Juif de la legende. *REJ*, XX (1890), 249-252.

— Le Juif sorcier. *REf*, XXII (1891), 232 ff.

— Saint Cesaire et les Juifs d'Arles. *REf*, XXX (1895), 295-298.

Lewin, Reinhold. Luthers Stellung zu den Juden. Berlin, 1911.

Lewy, Hans. Josephus the Physician: A Medieval Legend of the Destruction of Jerusalem. *Journal of the Warburg institute*, I (London, 1937-38), 221-242.

Liebe, Georg. Das Judentum in der deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1903.

Lifschitz-Golden, Manya. Les Juifs dans la litterature francaise du moyen age. New York, 1935.

Liliencron, R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1865-66. 2 vols.

Linsmeyer, Anton. Geschichte der Predigt in Deutschland von Karl dem Grossen bis zum Ausgange des vierzehnten Jahrhunderts. Munich, 1886.

Loeb, Isidore. La Controverse religieuse entre les chretiens et les juifs au moyen age. *Revue de l'histoire des religions*, XVII (1888), 311-337; XVIII (1888), 133-156.

— Le Juif de l'histoire et le Juif de la legende, *REf*, XXI (1890), pp. xxxiii-lxi.

Loewe, Heinrich. Die Juden in der katholischen Legende. Berlin, 1912.

Lowenthal, Marvin. A world Passed By. New York, 1933.

— The Jews of Germany. New York, 1936.

Luther, Martin. Eine Vermanung wider die Juden. In: *Werke* (Weimar, 1914). LI, 195 f.

— Von den Juden und ihren Lugen. In:

Werke (Weimar, 1920). LIII, 412-552.

— Vom Schem Hamphoras und vom Geschlecht Christi. In: *Werke* (Weimar, 1920). LIII, 573-648.

Margaritha, Antonius. Der gantz Juedisch Glaub. Augsburg, 1530.

Maury, L. F. La Magie et l'astrologie dans l'antiquite et au moyen age. 4-th ed. Paris, 1877.

Mauvans, Barsilon de. Les Juifs de Provence. *Annales des Alpes* (1897-98), pp. 214-226.

Menzel, J. S. Beitrage zur Geschichte der Juden m Mainz im XV Jahrhundert. Berlin, 1933.

Meyer, Carl. *Der Aberlaube des Mittelalters und der naechstfolgenden Jahrhunderte*. Basel, 1884.

Meyer, Wilhelm. *Der Wandel des juedischen Typus in der englischen Literatur*. Marburg A. L., 1912. *MGWJ—Monatsschrift fir die Geschichte und Wissenschaft des Judenthums*.

Michel, Francisque. *Histoire des races maudites de la France et de l'Espagne*. Paris, 1847. 2 vols.

— and Monmerque, L. J. N., eds. *Theatre francais au moyen age*. Paris, 1885.

Michelson, H. *The Jew in Early English Literature*. Amsterdam, 1926.

Milano, Attilio. *Gli ebrei in Italia nei secoli Xlo e Xllo*. Citta di Castello, 1938.

Modder, Montagu F. *The Jew in the Literature of England to the End of the Nineteenth Century*. Philadelphia, 1939.

Monod, Bernard. *Juifs, sorciers et heretiques au moyen age*. *REJ*, XLVI (1903), 2 3 7-245.

Muenz, I. *Die juedischen Aerzte im Mittelalter*. Frankfort, 1922.

Murawski, Friedrich. *Die Juden bei den Kirchenvaetern und Scholastikern*. Berlin, 1925.

Murray, Margaret a. *The Witch-Cult in Western Europe*. Oxford, 1921.

Neubaur, L. *Die Sage vom ewigen Juden*. 2d ed, Leipzig, 1893.

Neufeld, Siegbert. *Die Juden im thueringisch-saechsischen Gebiet waehrend des Mittelalters*. 2 parts. Berlin, 1917 - Halle, 1927.

Neuman, Abraham S. *The Jews in Spain*. Philadelphia, 1942- 2 vols.

Newman, Louis I. *Jewish Influences on Christian Reform Movements*. New York, 1925.

Osborn, E. B. *The Middle Ages*. New York, 1928.

Ouverleaux, E. *Notes et documents sur les Juifs de Belgique sous l'ancien regime*. *REJ*, VII (1883), 117-138, 252-271.

Owst, G. R. *Preaching in Medieval England*. Cambridge, 1926.

— *Literature and Pulpit in Medieval England*. Cambridge, 1933.

Paris, Matthew. *Historia anglorum*. Ed. by Frederic Madden. London, 1866-69. 3 vols.

— *Chronica majora*. Ed. by H. R. Luard. London, 1872-83. 1872-83. 7 vols.

Parkes, James. *The Conflict of the Church and the Synagogue*. London, 1934 (Parkes, I.

— *The Jew in the Medieval Community*. London, 1938 (Parkes, II.

— *Christian Influence on the Status of the Jews in Europe*, *Historia Judaica*, I (1938-39) 31-38.

Pauli, Johannes, Schimpf und Ernst. Ed. by Johannes Bolte. Berlin, 1924, 2 vols.

Perreau, Pietro. *Educazione e coitura degl'israeliti in Italia nel medio evo*. Corfu, 1885.

Peuckert, Will-Erich. Article «Jude» in *Bach-St.*, IV (1931), 808-833.

— Pansophie. Ein Versuch zur Geschichte der weissen und schwarzen Magie. Stuttgart, 1936.

Pflaum, H. Les Scenes des Juifs dans la litterature dramatique du moyen age. *REJ*, LXXXIX (1930), 111-134.

— Der allegorische Streit zwischen Synagoge und Kirche in der europaischen Dichtung des Mittelalters. *Archivum Romanicum*, XVIII (Florence, 1934) 243~340.

Philpson, David. The Jew in English Fiction. Cincinnati, 1911.

Preuss, Hans. Die Vorstellungen vom Antichrist im spaeteren Mittelalter. Leipzig, 1906.

Pribram, A. F. Urkunden und Akten zur Geschichte der Juden in Wien. Vienna and Leipzig, 1918. 2 vols.

Prynne, William. A Short Demurrer to the Jewes. London, 1656.

Rabinowitz, L. The Social Life of the Jews of Northern France in the XII-XIV Centuries. London, 1938.

Regne, Jean. Etude sur la condition des Juifs de Narbonne du Ve au XVe siecle. Narbonne, 1912.

Reider, Joseph. «Jews in Medieval Art» in *Essays on Antisemitism*. Ed. by Koppel S. Pinson. New York, 1942, 45-58.

Reinach, Theodore. Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au Judaisme. Paris, 1895. / *REJ—Revue des Etudes Juives*.

Robert, Ulysse. Les Signes d'infamie au moyen age. Paris, 1891.

Rodocanachi, Emmanuel. Le Saint-Siege et les Juifs: Le Ghetto a Rome. Paris, 1891.

Rosenfeld, Beate. Die Golemsage und ihre Verwertung in der deutschen Literatur. Breslau, 1934.

Roskoff, Gustav. Geschichte des Teufels. Leipzig, 1869. 2 vols.

Roth, Cecil. Venice (Jewish Communities Series). Philadelphia, 1930.

— Feast of Purim and the Origins of the Blood Accusation. *Speculum*, VIII (1933), 520-526.

— The Ritual Murder Libel and the Jew. London, 1935.

— The Spanish Inquisition. London, 1937.

— The Medieval Conception of the Jew. *Essays and Studies in Memory of Linda R. Miller*. New York, 1938, 171-190.

— A History of the Jews in England. Oxford, 1941.

Rydberg, Viktor. The Magic of the Middle Ages. New York, 1879.

Sachs, Hans. Dichtungen. Ed. by Karl Goedeke. Leipzig, 1870-71, 3 vols.

— Saemtliche Fabein und Schwaenke. Ed. by Edmund Goetze. Halle, 1893 - 1913. 6 vols.

Saige, Gustave. Les Juifs du Languedoc anterieurement au XVe siecle. Paris, 1881.

Salzberger, Georg. Die Salomosage in der semitischen Literatur. Berlin, 1907.

Sartori, Paul. Sitte und Brauch. Leipzig, 1910-14. 3 vols.

Scheid, Elie. *Histoire des Juifs de Hagenu. Paris, 1885.*

— *Histoire des Juifs d'Alsace. Paris, 1887.*

Scherer, J. E. *Die Rechtsverhaeltnisse der Juden in den deutsch-oesterreichischen Laendern. Leipzig, 1901.*

Schiavo, G. *Fede e superstizione nell'antica poesia francese. Zeitschrift fuer romanische Philologie, XIV (1890), 89-127, 275-297; XV (1891), 289-317.*

Schlauch, Margaret. *The Allegory of Church and Synagogue. Speculum, XIV (1939) 448 - 464.*

Schudt, Johann Jakob. *Juedische Merckwuerdigkeiten. 4 parts. Frankfurt and Leipzig, 1714-18.*

Schwarz, Ignaz. *Geschichte der Juden in Wien bis zum Jahre 1625. Vienna, 1913. Reprinted from Vol. V of Geschichte der Stadt Wien, pub. by the Alterturnsvereine zu Wien.*

Singermann, Felix. *Die Kennzeichnung der Juden im Mittelalter. Berlin, 1915.*

Smith, Lucy T. and Meyer, Paul, eds. *Les Contes moralises de Nicole Bozon. Paris, 1889.*

Soldan, Wilhelm G. and Heppe, Henriette. *Geschichte der Hexenprozesse. 3d ed., revised and edited by Max Bauer. Munich, 1911. 2 vols.*

Sprenger, Jakob. *Malleus maleficarum. Trans. by Montague Summers. London, 1928.*

Starr, Joshua. *The Jews in the Byzantine Empire. Athens, 1939.*

— *Jewish Life in Crete under the Rule of Venice. Proceedings of the American Academy for Jewish Research, XII (1942). 59-114.*

Stemplinger, Eduard. *Antiker Aberglaube in modernen Ausstrahlungen. Leipzig, 1922.*

Stern, Moritz. *Urkundliche Beitrage ueber die Stellung der Papste zu den Juden. 2 parts. Kiel, 1893-95.*

— *Die israelitische Bevoelkerung der deutschen Stadte: III, Nuernberg im Mittelaker. Kiel, 1896.*

Stobbe, Otto. *Die Juden in Deutschland waehrend des Mittelalters. Berlin, 1923.*

Strack, Hermann L. *The Jews and Human Sacrifice. New York, 1909.*

Straus, Raphael. *Regensburg and Augsburg (Jewish Communities Series). Philadelphia, 1939.*

Strauss, R. *Die Juden im Koenigreich Sizilien unter Normannen und Staufern. Heidelberg, 1910.*

Strumpf, David. *Die Juden in der mittelalterlichen Mysterien-, Mirakel- und Moraltaeten-Dichtung Frankreichs. Ladenburg a. N., 1920.*

Summers, Montague. *The History of Witchcraft and Demonology. London, 1926.*

Taylor, Henry O. *The Medieval Mind. 4th ed. London, 1927. 2 vols.*

Thorndike, Lynn. *A History of Magic and Experimental Science. New York, 1923-34. 4 vols.*

- Tovey, d'Blossiers. *Anglia Judaica*. Oxford, 1738.
- Trachtenberg, Joshua. *Jewish Magic and Superstition*. New York, 1939.
- Tuchmann, J. *Les Fascinateurs. Melusine*, IV (1888-89), *passim*.
- Ulrich, Jakob. *Franzoesische Volkslieder*. Leipzig, 1899.
- *Proben der lateinischen Novellistik des Mittelalters*. Leipzig, 1906.
- Vidal, Pierre. *Les Juifs de Rousillon et de Cardagne. REf*, XV (1887), 19-55; XVI (1888), 1-23, 170-203.
- Vogelstein, Hermann. *Rome (Jewish Communities Series)*. Philadelphia, 1940.— and Rieger, Paul. *Geschichte der Juden in Rom*. Berlin, 1895-96. 2 vols.
- Weller, Emil. *Die ersten deutschen Zeitungen*. Stuttgart, 1872.
- Welter, J.-Tn. *L'Exemplum dans la litterature religieuse et didactique du moyen age*. Paris, 1927.
- Wickersheimer, Ernest. *Les Accusations d'empoisonnement portees pendant la premiere moitie du XVe siecle contre les lepreux et les Juifs; leurs relations avec les epidemies de peste (Communication faite au Quatrieme Congres International d'Histoire de la Medecine [Bruxelles, avril 1923])*. Anvers, 1927.
- Wiener, M. *Regesten zur Geschichte der Juden in Deutschland waehrend des Mittelalters*. Hanover, 1862.
- Williams, A. Lukyn. *Adversus Judaeos: A Bird's-Eye View of Christian Apologiae until the Renaissance*. Cambridge, 1935.
- Wisselski, Albert. *Maerchen des Mittelalters*. Berlin, 1925.
- Wuttke, Adolf. *Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart*. 3d ed. Berlin, 1900.
- ZDMG—*Zeitschrift der deutschen morgenlaendischen Gesellschaft*.
- Zimmels, H. J. *Beitraege zur Geschichte der Juden in Deutschland im 13. Jahrhundert*. Vienna, 1926.

О Белова

ЕВРЕИ И НЕЧИСТАЯ СИЛА

(По материалам славянской народной культуры)

Проблеме этнических стереотипов, этнокультурных контактов славян с их этническими соседями в современной науке посвящены многие фундаментальные труды (см., например: Bystroń 1935; Mirga 1984; Góróg-Karady 1992). В системе традиционной народной культуры отношение к представителям других народов во многом определяется понятием этноцентризма. Основную роль играет здесь инстинктивное отрицание чужого как непонятного (неприемлемого, греховного); всякий представитель иноэтнической группы соотносится с понятием опасного, потустороннего. С другой стороны, «чужие» могут рассматриваться как «неузнаваемые» носители сакрального начала. Подобное амбивалентное отношение определяет специфику народных представлений, в которых своеобразное воплощение находит универсальная семантическая оппозиция «свой — чужой».

Наиболее интересны и показательны в связи с противопоставлением «свой — чужой» (как части иудео-славянского диалога) свидетельства из регионов, где имели место тесные этнокультурные контакты. Такими регионами в славянском мире являются Балканы, Карпаты, польско-украинско-белорусское Полесье — одна из самых архаических в этнокультурном отношении славянских зон. Кроме того, говоря о Полесье, нельзя не отметить своеобразие этническо-конфессиональной ситуации — здесь на сравнительно небольшой территории соседствуют православные, католики и члены общин евангельских христиан-баптистов. До второй мировой войны в Полесье проживало также значительное еврейское население.

Основой для данного очерка послужили материалы фольклорно-этнографических сводов XIX — начала XX веков (П. Чубинский, М. Федеровский, О. Кольберг, Я. Быстрынь) и новейшие исследования (особо отметим монографию А. Цалы «Образ еврея в польской народной культуре», 1992), а также архивные материалы — в основном записи, сделанные в Полесье в 1980-е годы во время этнолингвистических экспедиций под руководством Н. И. Толстого.

Помимо восприятия инородцев как «чужих» этнически и конфессионально (подробнее см.: Белова 1997), значительную роль в фольклорно-мифологическом сознании играет соотношение представителей других этносов с персонажами народной демонологии. Столь устойчивая ассоциация обусловлена представлением, что у инородцев (иноверцев) нет души, и потому все они причисляются к разряду «нелюдей», выступая как возможные воплощения нечистой силы.

Мифологизация этнических соседей. Целому ряду мифологических персонажей, носящих имена реальных этносов, приписываются черты внешности, роднящие их с демоническими существами: *чудь одноногая, чернокожая, краснокожая* (с.-в.-р., урал.) ‘мифические аборигены края, людоеды’; *црни Арапи* (серб.) ‘трехглавые хтонические демоны’ *латини* (ю.-болг.), *элини* (ю.-в.-болг.), *джидове, джидовци* (в.-болг.) ‘великаны-людоеды, иногда одноглазые’; *pasoglavi Turci, Tartari pasoglavni* (хорват.) ‘песьеглавцы-людоеды’. В народных представлениях как людоеды выступают *москали* (у поляков), *литва* (у русских на Северо-Западе), *евреи* (у южных славян) (см.: Bystroń 1923; Топоров 1990; Белова 1996).

Внешность. Признаком демонической природы инородцев может служить *чернота*, ср. пол. *czarna* ‘русин’ и ‘дьявол’, рус. *черный, черняк* ‘черт’. Согласно представлениям поляков, евреи «сами как черти», потому что одеваются в черное (Cala 1992: 95). О нечеловеческой природе «чужих» могут свидетельствовать и незаметные на первый взгляд физические особенности (чаще всего зооморфные признаки). Так, в Подлясье считали, что евреи имеют маленькие хвостики (Bystroń 1922: 180; ср. о.-слав. представления о том, что наличие хвоста у человека выдает его склонность к ведьмачеству; СД 1: 297).

Отсутствие души. Традиционным в народной культуре является представление, что у иноверцев (инородцев) нет души, а есть только *пар, пара*, как у животных. Русины Закарпатья, отказывая евреям в наличии у них души, приравнивают их к животным, когда говорят *жид іздох, жид ізгиб*, но никогда *жид умер*, как принято говорить о смерти человека (Жаткович 1896: 35). В Полесье зафиксировано аналогичное отношение: «*на яўрэў кажуть здóхла*» (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г., зап. автора). Но даже если существование души у иноверцев признается, они не могут вместе с христианами попасть в ад, рай или чистилище. Для душ евреев и некрещеных детей существует особое место *otchłań* (польск.) или

atchlań (бел.) — пещера или бездонная темная пропасть (Kolberg 1963: 21; Federowski 1891: 221).

Общее «бездушие» инородцев и животных выражается в том, что они могут превращаться друг в друга. Сюжеты с превращениями евреев в различных животных (или наоборот) являются частью традиционных этиологических рассказов. Обращает на себя внимание тот факт, что с евреями в славянских легендах о метаморфозах оказываются связаны нечистые звери и птицы, имеющие демонологическую (соотнесение с нечистой силой) или хтоническую (соотнесение с «тем светом») символику.

Наиболее распространенным общеславянским сюжетом является сюжет о превращении еврейской женщины в свинью, которая таким образом воспринимается как «еврейская тетка». Во время хождения Христа и апостолов по земле евреи, желая испытать Христа, спрятали под корыто женщину с ребенком (или беременную) и спросили, что под корытом. Христос ответил, что под корытом свинья; когда открыли корыто, все увидели, что еврейка превратилась в свинью, а дети в поросят. Эта легенда бытует у славян повсеместно, причем в каждом локальном варианте сюжет обрастает новыми подробностями. В Литинском уезде на Винничине рассказывали, что «свинья есть оборотень жидовки. Во время земной жизни Спасителя однажды жида накрыли жидовку «ночвами» и спросили Его: «Если ты Бог, то отгадай, что спрятано под ночвами?» Спаситель как Бог знал, что под ночвами жидовка, но в наказание испытующим его ответил: «Под ночвами свинья». И из жидовки действительно сделалась свинья. Теперь свинью называют жидовской теткой, и жида не едят свиного мяса, как своего тела» (Чубинский 1995/1: 53). Вариант из витебской Белоруссии акцентирует мотив семейных, родственных связей: «Жид хотел испытать всеведение Бога и, в ожидании прихода Его, спрятал под корыто свою жену с детьми. Когда Бог пришел, жид спросил: "Угадай, што ў минé под корытом кылы загнэта?" - "Свинья с поросятами", — отвечал Бог. Жид улыбнулся, покачал головой и поднял корыто. Но там вместо жидовки с жидятами действительно лежала свинья с поросятами. Она зачухала-зарухала и побежала прочь... По этой причине жида не едят свинины» (Никифоровский 1897 : 156). Устойчивость сюжета подтверждается его фиксацией вплоть до настоящего времени: «Як ходиў уже Исус, ну так он пошоў людей исцелять. Хто слепый, хто кривый, то уже он зробіт так, шоб ба́чыў. То жыды кажуть: "Не верим! Раз ты такі́й знахорь, то угадай, шо под тым корытом

есть". Жыдоўку запэрли под корыто. То он ка́же: "Свиння с поросятами". И з той жыдоўки зроби́лась свиння с поросятами. Одвэрнули корыто — то свиння с поросятами» (с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981 г., зап. автора). В житомирском Полесье был записан и нестандартный вариант этого рассказа, согласно которому сам Христос посадил беременную еврейку под корыто, чтобы проверить способности одного из своих учеников: «Сус Христос ходиў з учениками; да он их ўсе, ўсе учил. Он йим показывал людей, шо прока́зные, и исцелял йих. То вон хотеў таку просту причину зроби́ть, шоб прислуха́юца до его и уцаца. Посадиў жыдоўку пид корыто, а она ў положении была. И пита́е своего ученика: "Шо пид корытом?" [Ученик отвечает:] "Свиння с поросятами!" [Подняли корыто,] а свиння с поросятами вишла. Ученик пэ́рэтвориў [в свинью]. И Сус Христос повэ́риў, шо он учи́ца. А про то жыды сала не едят» (с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981 г., зап. автора). В восточной Польше (окрестности Белостока) встретился еще один вариант этой легенды, своеобразный «перевертыш» традиционного сюжета. Рассказывают, что евреи, желая выставить Христа на посмешище, накрыли корытом свинью с поросятами. Христос сказал, что под корытом находится женщина с ребенком; убедившись в его правоте, евреи перестали есть свинину, так как теперь считают, что люди происходят из свиней (Cala 1992: 90).

Устойчивое представление о «родстве» евреев со свиньей нашло отражение и в белорусском поверье о том, что евреи клянутся у раввина, стоя на свиной шкуре (Слуцкий повет; Сержпутоўскі 1926: 98). Параллелью к этому поверью может служить представление, широко распространенное в средневековой Европе: согласно письменным источникам, начиная с XIV в. фиксируется ритуал приведения к присяге, когда босого иудея ставили на свиную шкуру (Görög-Karady 1992: 123-124). На этом же представлении основана, вероятно, и украинская дразнилка, обращенная к еврею: «Жиде-жиде, свине ухо» (Номис 1864: 19).

С точки зрения народной культуры сближение евреев и свиней основано не только на представлении о принципиальной неприемлемости такого сближения (запрет на употребление евреями в пищу свинины расценивается как основная, если не главная их отличительная черта). В народных представлениях славян свинья — не только нечистое животное, но и «оборотень ведьмы». Например, в Полесье повсеместно бытует поверье о

том, что ведьмы в ночь на Ивана Купалу или в канун Юрьева дня могут обращаться в свиней, чтобы проникнуть в хлев и навредить скотине или отобрать у коров молоко.

В Закарпатье существует поверье, что душа умершего еврея переселяется в коня (Гура 1997: 44), причем иногда уточняется, что «душа злых людей может перейти в зверя — в коня», и это верование якобы заимствовано карпатскими жителями у евреев (ЛНПОН 1941/1:202). В традиционной славянской культуре конь, лошадь часто оказываются связаны с нечистой силой. В Закарпатье верят, что в коня обычно обращается *опыр* (вампир), *босорканя* (ведьма), *босоркун* (ведьмак, колдун), черт (ЛНПОН 1941/1: 71). Сходное поверье о том, что «лошадь — оборотень дьявола», бытует и в других регионах Украины (Винничина, Литинский у.; Чубинский 1995/1: 52). Существует представление, что и сам конь происходит из черта. По карпатской легенде, человек тянул борону, а черт сел на него, чтобы еще тяжелее было. Бог превратил черта в коня, поэтому «конь — нечистый зверь. За то и не везут ними мерца (покойника. — О.Б.), але волами» (ЛНПОН 1941/1: 109-110).

Из домашних животных самым любимым евреями считается коза (ср. рус. *жидовская корова*, пол. *żydowskie zwierzę*). В Белоруссии даже считали, что разведение в хозяйстве «жидовськыго стáтку» — коз — не только идет в ущерб разведению овец, но и служит явным признаком того, что хозяин или кто-нибудь из его домашних склонен «рызхрасцица» (Никифоровский 1897: 156). Вместе с тем у славян бытует устойчивое представление, что черт может принимать облик козла. Более того, «домашняя коза сотворена чертом. Если козу покропить освященной водой, то она сейчас же пропадает» (укр., Чубинский 1995/1: 53).

Ряд славянских этиологических легенд расценивает сороку как превращенную еврейку. Когда Христос ходил по земле, евреи не верили в его чудеса и хотели его перехитрить. Спрятали под мостом девушку с длинными косами и спросили, кто там. Христос ответил: «Сорока» и быстро ушел, чтобы его не побили. Вместо девушки под мостом оказалась сорока с длинным хвостом (пшемысл.; Сага 1992: 90). В то же время широко бытует поверье, что в сороку часто превращаются ведьмы; убитую сороку вешали в хлеву как оберег от нечистой силы (СД 1: 298-299). Отметим также поверье, что «сорока сотворена чертом, она служит ему вместо лошади, потому-то убитую сороку вешают в конюшне, чтобы сохранить от черта своих лошадей» (Чубинский 1995/1: 67).

Из диких животных, соотносимых славянской традицией как с нечистой силой, так и с евреями, отметим волков. «Евреями» называются волки в белорусских заговорах: «Святы Юрай-Ягорай <...> рассылай сваіх яўрэяў (ваўкоў) па цёмных лясх, па дзікіх балатах...» (Могилевская губ., Гомельский у., Красная Буда; Ром. БС 5: 45; Замовы 1992, N 156; Гура 1997: 158). Согласно поверьям о волках-оборотнях (волколаках, вовколаках), «дети, прижитые в «вовколачестве» (то есть в период, когда их родители были обращены в волков в результате насланной порчи или колдовства. — О.Б.), также бывают «вовколаками». Сделавшись людьми, они становятся «нэкствой» и «мордвой», то есть бывают жидами, цыганами и татарами, несмотря на совершаемое над ними христианское крещение, которое к ним не пристает, разве такое крещение совершит священник, сам бывший когда-то «вовколаком» (Никифоровский 1897: 70).

Отсутствие души связывает иноверцев с демонологическими персонажами. Столь устойчивая ассоциация обусловлена представлением, что «чужой бог» — не истинный Бог, а чужая религия есть либо «бездуховное» безверие, либо поклонение дьявольским силам. Благополучие инородцев зависит от нечистой силы: в праздник Пейсах «жили ставлють вино на столі, хрін і петрушку і ото приходить той шо з ріжками, п'є там вино і закушує, і оставляє гроші. Не до каждого жида він і заходе, а тільки до дуже щасливих» (вольнск.; ТРОИВ 5: 11). Польские песни упоминают «żydowskiego boga bez jednego roga», под которым, видимо, подразумевается дьявол точно так же, как под «еврейским тельцом», у которого не хватает одного клыка, следует подразумевать свинью:

Widziałeś ty, Stachu,
Żydowskiego boga?
Siedzi na nąlepie
Bez jednego roga?
Widziałeś ty, Stachu,
Żydowskiego cielca?
Siedzi na nąlepie
Bez jednego kielca

(краковск.; Lud 1896/2: 347).

То, что речь идет действительно о дьяволе, подтверждается сходными русскими эвфемизмами *бог с рогами*, *ангел с рожками* 'черт'.

Другой пример, показывающий, что объектом религиозного почитания евреев является именно черт (сюжет «чей Бог стар-

ше»), относится к жанру обценных анекдотов. Тем не менее текст содержит ряд стереотипных мотивов, в русле народной традиции объясняющих особенности внешности инородцев (наделение их теми или иными характерными признаками в результате контакта с нечистой силой). Казак «поспорил с жидами, чей Бог старше». Его закрыли на ночь в «еврейскую церковь», и он там справил нужду. Утром казак сказал евреям, что это со страху сделал их Бог, потому что ночью в церкви бились русский Бог и еврейский Бог, и русский напудал еврейскому. Евреи от почтения вымазали себе головы экскрементами: «тим то вони, бісові жиди, такі й руді» (Дикарев 1896: 3).

В славянском фольклорном сознании представления о вере и религии евреев также оказываются мифологически окрашенными. В отношении славян к *жидовской вере* проявился взгляд «извне», когда элементы чужой религии интерпретируются только на основании внешних представлений о них, зачастую без постижения их смысла. Наряду с точкой зрения о том, что вера евреев — это вера Ветхого Завета, и от нее происходит христианство (польск.; Сала 1992: 84), бытует представление, что «жыды не уклоняюца Христу. Христос вроде сын Божый, и жыды ему не верили», «у жыдоў другий Бог» (Белова 1994: 47), и «Бог» этот представляется в самых причудливых формах. Так, поляки рассказывают, что в божнице у евреев стоит «баран позолоченный» или «телец раскрашенный», изображающий их Бога; иногда это изображение выглядит «как пес», «как корова без рогов с коротким хвостом», как некий «болван» или «божок в виде змеи», потому что со времен Моисея символом евреев была змея, обвинившаяся вокруг жезла (Сала 1992: 33, 34, 35, 36, 59–60, 84). Именно так интерпретируется один из основных иудейских культовых предметов — украшенный свиток Торы. Представление о том, что евреи поклоняются солнцу, звездам, месяцу основано на наблюдении за молитвами на новолуние (*birhat ha-Lwana*) и за ритуальными действиями в период между еврейским Новым годом и Судным днем (моление над водой и т. наз. «вытрясание грехов»). «Евреи верили в месяц — был у них такой праздник, когда вечером они скакали (подпрыгивали) до месяца», «когда была полная луна, евреи собирались на рынке и молились» (кроснен., Сала 1992: 57, 59). В окрестностях Ломжи считали, что в ноябре евреи ходили молиться «на воду», причем во время молитвы что-то бросали в воду (Сала 1992: 59); в районе Белостока говорили, что во время моления над водой евреи не только вытря-

сали что-то из карманов в воду, но и смотрели на свое отражение — если отражения в воде не было, то в скором времени этого человека заберет себе дьявол (Сага 1992: 59; ср. аналогичное предсказание судьбы в Судную ночь).

Любопытной трансформации подвергся в связи с представлением о поклонении евреям месяцу «универсальный» сюжет о вечном страннике — еврее, проклятом Христом за то, что во время пути на Голгофу тот гнал его от порога своего дома (ср. легенду из Подолии о паре вечных странников — мужчине и женщине, проклятых Христом; они ходят по свету, встречаясь раз в сто лет; Гнатюк 1902: 201). По белорусскому поверью, *вечный жид* уподобляется некоему мифологическому персонажу, который стареет и молодеет вместе с месяцем и обречен на скитание до Страшного суда (Federowski 1897: 238). Кашубы верят, что *večni Żid* — существо очень маленького роста, так как он стоптал ноги до колен за время скитаний; когда он их до конца стопчет, наступит конец света (Sychta 6: 297). На Волыни рассказывают, что вместе с месяцем перерождаются снова и снова евреи, распявшие Христа и стоящие на страже у Гроба Господня в Иерусалиме (Чубинский 1872/1/1: 10-11). В Галиции бытует представление, что когда евреи распинали Христа, он их проклинал, чтобы они жили вечно. С тех пор они сидят за морем и не могут добраться до своей страны, так как вода в море кипит (Яворский 1915: 233).

Бытует также представление о том, что Бог евреев может иметь облик птицы. В Польше «еврейским богом» считали удода, принимая его за *bożka żydów*, за *ducha żydowskiego* (Gustawicz 1881: 126). Поверье основано на традиционном соотношении удода с евреем (удод — укр., бел., пол. *вудвуд жидовскі, зазуля жидовска, жидівська (жидовська, еўрэйская) зозуля, еврэйска зозуля, московська зозуля, żydowska zazula, жыдоўска зозуля* (Гура 1997: 599-600), а также на представлении, что в удоде живет душа еврея (Клингер 1909-1911: 294).

В народных легендах нашло отражение и необычное для славян ритуальное убранство еврейского дома. Так, в гомельском Полесье рассказывают, что когда евреи схватили Христа, то привели его на суд еврейскому «бискупу». После суда Христос был распят, а евреи решили как-то отметить это событие: «А як замучили и пахаранили, захатели зделать бога с чего-то. Выпили золото, и вылилася як палено. [И с тех пор в домах] у йих были таки трубочки прибиты на пам'яť» (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983, зап. автора). В польском

Подлясье считали, что евреи на косяк двери вешали маленький сосудик со свежей христианской кровью (Сага 1992: 102). Очевидно, что в обоих случаях речь идет о мезузе (небольшом футляре для текста молитв) — обязательном элементе еврейского жилища. Мотив христианской крови в приведенном свидетельстве из Польши, на наш взгляд, не является вариацией на тему «кровавого навета», а органично вписывается в систему традиционных мифологических представлений, обусловленных восприятием «чужого», который, согласно народным поверьям, не считается вполне человеком. С этим связано устойчивое представление о том, что инородцы рождаются слепыми, подобно животным, и требуется определенное время или особые манипуляции, чтобы новорожденный прозрел. Кровь требуется евреям, чтобы «открыть» глаза своим новорожденным; то же самое рассказывают поляки о мазурах (этнической группе в Польше; Сага 1992: 102). Жители Волковысского повета (Западная Белоруссия) считали, что мазуры, подобно животным, рождаются слепыми и прозревают только на третий день (Federowski 1897: 233). Этим же поверьем объясняется западноукраинское прозвище поляков «лях-девятьденник»: считается, что слепого новорожденного мать 9 дней держит «под макитрой» (глиняной миской. — О.Б.), пока у него не откроются глаза. «Ляхи» рождаются слепыми, как котята, и потому само их название имеет отрицательный оттенок, отражая якобы их нечеловеческую природу: «погане 'му імя: Лях» (ЕЗ 1908/24: 369-370). О том, что евреи наряду с другими «чужими» нуждаются и в каких-то особых приемах для продолжения рода, свидетельствует закарпатское поверье о «жидах-ночниках» (колдунах-«двоедушниках». — О.Б.). Им нужна «русская кровь», чтобы «причащать» своих жен, дабы те могли иметь детей: «Казáли, якщчо жыды жюн свóйих нэ прычашчáлы руською крбóўлю, то дитэй ў ных нигдэ нэ было б...» (с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл., 1994, зап. С.П. Бушкевич).

Связанный в народном сознании с нечистой силой «чужой» этнос может стать причиной появления в мире Антихриста перед концом света. Современные польские легенды говорят о том, что «Антихрист уже родился в Китае — от еврейки-прелюбодейки и язычника» или что «Антихрист уже родился. Ему уже 25 лет. Родился в 1957 г. в Китае или в Вавилоне, от еврейки-проститутки и Святого Духа» (записи 1982 г.; Сага 1992: 93). Ср. русское поверье о том, что Антихрист когда-нибудь родится от одной из *еретниц* — женщин, продавших душу черту (тамбов.; РДС: 177).

Нечистая сила в облике еврея. Черт охотно принимает вид еврея, чтобы похитить у крестьянина чудесный цветок папоротника: «У одного мужика пропали волы в день Купайла, мужик пошел их отыскивать; проходил до ночи и волов не отыскал. Уставши, он лег отдохнуть и не заметил того, что лег около папоротника. В полночь цвет папоротника упал мужику в «постоли». Проснувшись, мужик узнал, благодаря этому цветку, где его волы, пришел прямо к ним и погнал их домой. Дорогой встречается с ним старый жид. Жид стал просить мужика продать ему «постоли», указывая на свои окровавленные босые ноги. Мужик, не зная, что в постолах папоротник, согласился продать их за целую «камзу» денег, снял «постоли» и отдал. Вслед за тем жид захохотал и исчез, «постоли» остались у мужика, а вместо денег оказались черепки» (Чубинский 1995/2: 42). Черт — постоянный спутник еврея, о чем говорится в белорусской детской дразнилке: «*Żydzie. żydzie. szto za taboju idzie? Idzié u sztywnomu kapielúszu, hap za twaju duszu!*» (Federowski 1897: 16).

В Польше встречаются представления о водяном в облике еврея: быличка рассказывает, как рыбак выловил из р. Нарев «маленького еврея в ермолке и халате, который что-то бормотал по-еврейски». Водяной разорвал сеть и выскочил в воду, оставив после себя запах серы (Baranowski 1981: 93).

Евреям и чертям приписывается сходное поведение и сотворение «нечистых» вещей и созданий. Когда евреи моют руки и стряхивают воду, из брызг появляются черти (укр., Волков 1916: 607). Существует аналогичное украинское поверье о черте: «Черт выдумал себе такой способ: умывал руки и тряс ими позад себя: от этого народилось множество чертей» (Чубинский 1995/1: 194).

Воробьи — *чóртово насінне* — «вышли из чертей», но одновременно считаются произошедшими из козьего помета, который евреи прятали в свои пуховики (Чубинский 1995/1: 65). Своеобразное «родство» чертей, евреев и воробьев проявляется и в украинском поверье: «Воробьи, подобно жидам и чертям, не любят сала, и потому советуют всякому, желающему отогнать воробьев от посева, при сеянии мазать руки освященным салом» (Чубинский 1995/1: 66). В связи с этим упомянем также растирание освященным салом при лечении лихорадки «жидовки» у кубанских казаков (Семенцов 1993:104) и представление украинцев о том, что вихрь (черта) можно отогнать словами «на сала!», «куций, сала!», потому что он «не любит сала так же, как и евреи, считающиеся его подчиненными» (Чубинский 1995/1: 40–41).

Волчьи ягоды — *чарциные слёзы* низвергнутого с неба «дьябла» — усиливают свои зловредные свойства при каждом прикосновении к ним «нэкствы» — евреев или татар (витеб., Никифоровский 1897: 129).

О совместной вредоносной деятельности евреев и черта говорится и в легенде из Могилевской губ.: когда Христос ходил по земле с апостолами, евреи спрятали под корыто дьявола и предложили Христу угадать, кто там спрятан. Христос ответил, что под корытом гад. Открыли корыто, а там свернувшийся гад. Михаил-архангел разрубил его на двенадцать кусков, и они расползлись по свету. Так произошли змеи (Хотьславичи Мстиславского у.; Гура 1997: 281).

Подобно тому, как черту приписывается изобретение вина, табака и прочих «нечистых» вещей, считается, что «карты выдуманы жидами» и именно из-за карточного долга Иуда предал Христа (харьков.; Иванов 1907: 195-196).

Представление о «родстве» нечистой силы и евреев отражает украинская поговорка «що чорт, що жид, то рідний брати» (Номис 1864: 155).

Нечистая сила полноправно распоряжается инородцами и людьми, родившимися от смешанных браков: после смерти черт забирает себе выкрестов и полукровок. По украинской легенде, выкрест (укр. *шишимит*) после смерти пошел сначала к св. Петру, потом к Моисею, но они, не зная, что с ним делать, отдали его черту, и он до сих пор у черта возит воду и дрова «до пекла» (Булашев 1909: 169). Сходная судьба ожидала *перёвертня* — человека, родившегося в смешанном браке: из-за него поспорили св. Николай (покровитель «москалей») и св. Юрий (патрон украинцев) и в конце концов решили отдать его чертям (Булашев 1909: 169).

Еврейские праздники и нечистая сила. С нечистой силой связаны, с точки зрения славян, и еврейские праздники и, прежде всего, день очищения, Судный день (Jom Kippur). Евреи «записали» (отдали) свои души черту, когда распяли Христа, и с тех пор дьявол вспоминает о них в Судный день, похищая кого-либо (Сага 1992: 95). Согласно другой версии, дьявол просил отдать ему сколько-нибудь людей. Когда он пришел к поляку, тот показал на зеленую ель и велел черту приходить, «когда с нее упадут все листья». Евреи же испугались черта и обещали давать людей — именно за ними черт приходит в Йом Кипур (Подлясье; Сага 1992: 99).

На территории украинского и белорусского Полесья этот день называется *хопун*, *хапун* (ср. бел. *hap za twaju duszu*), в

Подлясье — *Chaptus*. Согласно поверьям полешуков, ежегодно в Судную ночь черт похищает из каждого села или местечка еврея и еврейку, чтобы в вихре унести в болото, бросить в пропасть, посадить на высокую сосну или осину, растерзать или замучить до смерти. В глухую полночь поднимается ветер, начинается буря, гаснут все свечи; когда евреи снова их зажигают, то видят, что среди них не хватает людей. Исчезнувших не ищут и не оплакивают, так как известно, что их «*porwal Zły Duch*». Чтобы уберечься от этого, евреи приглашают на свою молитву христианина с *громничной* свечой (принесенной из церкви на Сретенье). Свеча горит в укрытии, и когда появляется черт, свечу открывают, и черт убегает.

Похищение евреев объясняется не только карой за муки Христа (показательно, что орудием Божьего наказания здесь выступает дьявол; ср. указания на то, что в Судный день кого-либо «*diabel musi porwać*» или «*Bóg wzięcie*» (Cala 1992: 99). Говорят также, что во время странствий по пустыне Моисей разбил сделанного евреями золотого тельца. Но коварный черт предстал перед евреями в виде разбитого тельца; они побежали за ним, и черт увлек их в пустыню. Чтобы собрать евреев, Моисей дал клятву, что вместо гибели всего народа он будет давать черту каждый год по паре. Черт затрубил в громадный рог и собрал евреев. (Возможно, в этой легенде причудливо отразился храмовый ритуал Судного дня, когда звуки труб означали, что в Иерусалим входит Йахве.) В Судную ночь евреи сами могут узнать, кого из них схватит черт — они смотрятся в воду: жертва похищения не увидит своего отражения (Federowski 1897: 238; Cala 1992: 100; Чубинский 1872/3: 189, 191; Демидович 1896: 119-120).

В житомирском Полесье рассказывают, что *жидиўска судна ноч* с грозой, дождем, сверканием молний бывает в сентябре: «Колысь тэю судню ночью ворожили жиды. Выбирают собі одну хату і ў эту ноч оны молюцца. <...> Оны ляка́лысь за то, што кого-то нэ ставáло. [О тех, кого недосчитывались после этой ночи, говорили:] хапун жидка ухопіў» (с. Рясное Емилчинского р-на Житомирской обл., 1981, зап. А.Л.Топоркова). В других регионах Полесья и шире — на территории России такая ночь со страшной грозой или со вспышками молний без дождя называется «воробыиной», или «рябиновой» ночью. На Житомиршине *рябинова (рабинова) ноч* наступает примерно через неделю после Судной ночи, и оказывается, таким образом, приуроченной к еврейскому празднику Кушей (Sukkot). В эту

ночь евреи отмечают миновавшую опасность, которая грозила им во время Судной ночи, также приглашая на молебен христианина. Собираются «еврэйски кучкы и молюща богу за свое счастье. И там должен присутствовать одын, наш мужык, украинец, дэ воны обэспэчэны; еврэйи ўжэ увэрэны, шо ўжэ их хопун нэ возьмэ» (с. Рясное Емильчинского р-на Житомирской обл., 1981, зап. А.Л.Топоркова). В этой местности народная этимология объясняет название *рябинова/рабинова ночь* через слово *рабин* «раввин», что подчеркивает приуроченность этой ночи к еврейскому празднику: «Готóвлять, стараюцца угоспиць когось з нашэй вэры. <...> От у нас поп, а у них рáбин» (там же, зап. А.Л. Топоркова). В славянской традиции «воробьиные», «рябиновые» ночи связаны с различными событиями, имеющими отношение к потустороннему миру: в эти ночи цветет папоротник или «гуляют черти» (Агапкина, Топорков 1989); совпадение еврейских праздников с такими опасными периодами народного календаря еще раз подтверждает, что в фольклорном сознании существует связь иноверцев с нечистой силой. Кануна еврейского Судного дня боятся и христиане; считается, что этой ночью еврейский черт *Chaptur* «разрывает» христианских детей (белосток.; Сала 1992: 100). В связи с поверьями о Судном дне, на наш взгляд, могут быть интерпретированы украинские поговорки «тащить, як чорт жида», «взяв, як чорт жида» (Номис 1864: 77, 265).

Согласно верованиям поляков, вредоносные ходячие покойники (упыри) активизируются в дни еврейских праздников (а также в новолуние или полнолуние, в пятницу или в тот день недели, когда он умер, а также в годовщину своей смерти или когда в окрестностях кто-нибудь кончает жизнь самоубийством; Baranowski 1981: 59).

По свидетельству из Гомельского Полесья, еврейская Пасха и особенности ее проведения связаны с совершенным в канун праздника убийством, распятием Христа. Именно поэтому еврейская Пасха «траурная» в отличие от «красной» и «великой» Пасхи православных. «У еўреев пасха очень траурная, яны паприхóдили дамой, у них всё окровавленное было, кроме вады и муки, патаму что они убили челавека; хатели яны владываць, как тепэ́рика Изра́иль. Как Исус Христос васкрес, вот як Ленин жисть всю даў, так и Христос. Яички красные вот и делаем. Поё́цца: "Пасха красная, Пасха великая"» (с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982, зап. Т.В.Рожественской).

Дни еврейских праздников считались неблагоприятными и для хозяйственной деятельности. Так, в праздник Кушей нельзя было рубить и складывать в бочки капусту — сгниет (бел.; Federowski 1897: 415). В витебской Белоруссии полагали, что нельзя сеять рожь во время «жидовских стыянов»: от такого посева во ржи будет стоять только пустая солома (Никифоровский 1897: 107; прим. 141: *сты(о)яны* — день еврейского моления над водою, предшествующий новолетию; чаще всего это известно под термином *трес* (трясти) *блах у воду*).

Традиции магии и ведовства. В народных верованиях ярко запечатлелась связь иноверцев с областью колдовства и магии. Иноверцы могли вызывать погодное ненастье — метель, дождь. «Если вечером жида "кўпюцца" в большие толпы и долго делают свои "проха́чки", на другой день обязательно пойдет дождь» (витебск., Никифоровский 1897: 212); «*Jak Żydý nadto zimoju pa siele ciahajúćsie, to budzie mieścićlica*» (волковыск., Federowski 1897: 238); согласно украинской примете, «буде дош, бо жиди волоча́ця» (Номис 1864: 6). В то же время евреев можно было просить молиться «о погоде» (пшемысл., Сала 1992: 109).

На Украине бытовали рассказы о евреях-«планетниках» (злых колдунах, проявляющих свои вредоносные способности, когда на них «находит планета»): в сообщении из Ушицкого у. (Подолия) говорится: «Один еврей-"планитник" шил у крестьянина свитку. Жена крестьянина, рассердившись на детей, сказала: "А бодай вам очи повылазылы". Еврей помолчал, но когда на него нашла планета, то он, обратившись к женщине, проговорил: "А ну, скажи ще так". Женщина и сказала, но уже не к детям, а к еврею: "Нехай тобі очи вилезуть", и у еврея в то же мгновение выпали глаза» (Чубинский 1995/1: 204). В Закарпатье считали, что «жидю́ много было нючникую́ (*ночники* 'двоедушники')»; то-то нючники были лише жыды» (с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл., 1994, зап. С.П.Бушкевич).

Согласно народным представлениям, евреи использовали различные магические приемы в повседневном общении с не-евреями. Так, на пограничье Белоруссии, Литвы и Польши было широко распространено верование, что «жиды, в особенности корчмари, изо всех сил хлопочут добыть себе веревку, на которой повесился самоубийца, и затем стараются подбрасывать из нее клочок в рюмку водки человеку непьющему, в полной уверенности, что последний сделается пьянишей, пропьет ему, корчмарю, все его состояние» (Шейн 1890: 550).

Сходное верование бытовало у верховинцев Закарпатья: «Веревка, на которой повесился самоубийца, очень ценится евреями-корчмарями, так как они кусочки от нее бросают в паленку, и народ непрестанно ходит к ним пить паленку» (ПР 1929: 91). В восточной части Мазовше считали, что покупая у еврея курицу-несушку, нужно самому держать ее в руках, иначе «израилит» незаметно вырвет у нее из-под крыла три перышка и тихонько скажет: «Тебе мясо, а мне перья», из-за чего курица перестанет нести яйца (Gloger 1978: 174).

Согласно ряду свидетельств (в т.ч. средневековых антииудейских сочинений), евреи могли обвиняться в насылании эпидемий и т.п. В польских источниках XVII в. находятся указания на то, что евреи распространяли моровое поветрие, заставляя нанятого ими крестьянина вливать молоко христианской женщины в ухо висельника. В середине XIX в. во время эпидемии холеры в Польше (в Новом Месте на р. Пилица) возникло возмущение среди населения из-за того, что евреи якобы закопали на своем кладбище колокольчик и мельничные задвижки, чтобы отвратить холеру от еврейских домов и наслать ее на дома христиан (Baranowski 1981: 262-263). В этом же контексте можно рассматривать распространенное в Польше поверье, что колтун в волосах появляется в результате порчи, наведенной чертями, колдунами, бродягами, евреями, летучими мышами (Paluch 1989: 45-46).

Целый ряд магических действий, направленных на наказание врага, противостояние болезни и т.п., предполагает участие в ритуале евреев (пусть иногда и опосредованное). Если хотели отомстить за злодеяние, то жертвовали деньги на еврейскую школу или синагогу, надеясь, что евреи скорее Бога умолят и страшнее проклянут обидчика: «Можно отомстить лиходею пожертвованием денег на три еврейские школы. Для этого нужно выйти из дому по-дорожному и, направляясь на юг или на восток, отдавать деньги во встречные школы» (витеб., Никифоровский 1897: 263). Точно так же жители Белоруссии старались избавиться от тяжелой болезни — считалось, что после пожертвования евреи упроят Бога о выздоровлении христианина (Никифоровский 1897: 263; Federowski 1897: 273, 276). Наиболее действенными считались амулеты, полученные у иноверцев, и заговорные тексты, воспроизводившие знаки древнееврейского письма (польск.; Sala 1992: 110-111). Иноверец (в частности, раввин) мог «вымолить» ребенка для бездетной пары, правда, такой ребенок впоследствии также оставался бездетным (польск.; Sala 1992: 118).

Своеобразно отношение к предметам, принадлежащим иноверцам, в том числе к сакральным. Священные книги евреев воспринимаются как свод всевозможных пророчеств о грядущих бедствиях. В Польше говорили, что евреи из своих «древних записей» всегда знают, что случится в будущем. Это касается и событий современности. Так, в канун трагедии Освенцима (1943) видение Божьей Матери в золотой короне и золотом плаще глазам одного еврея было истолковано как знак приближающегося истребления евреев: «Один старый мудрый еврей сказал им: это нам предвещает смерть! У евреев были их книги, и он там прочитал, там было написано, что как им покажется Ясна Пани, то это значит смерть для них» (Cala 1992: 91-92). Подобным образом объяснялись и необычные природные явления: «В их книгах было написано, что когда погибнут куропатки, им тоже придет конец. В 1942 г. была такая суровая зима, что погибли все куропатки, и евреи сами говорили, что это и их конец» (Cala 1992: 91-92). Ср. аналогичное полесское поверье, не соотнесенное, однако, с конкретными историческими событиями: «Колысь жид казав: ек нэ будэ карапатвов, то й жыдыв нэ будэ» (Волынская обл., Ратновский р-н, Речица; Гура 1997: 718).

Белорусы считали опасным даже дотрагиваться до еврейских религиозных книг — кожа на руках потрескается (Fedegowski 1897: 292). Отношение к сакральным книгам инородцев (иноверцев) как к разновидности неких «черных» книг проявляется в польском поверье, что еврейский Талмуд есть не что иное, как собрание записей о том, как евреи Христа распинали (Cala 1992: 89).

Опасными считались и священные места иноверцев (культовые здания, кладбища). На заброшенных еврейских кладбищах не пали скот (это грозило падежом), строения, поставленные на месте старых «чужих» кладбищ, становились опасными для жизни людей (польск.; Cala 1992: 105-106). Останки из захоронений евреев и каменная крошка, соскобленная с надписей на их надгробиях, могли служить средством вредоносной магии. Чтобы наслать порчу на соседа-кузнеца, на кузнечный очаг бросали частицы волос из бороды мертвеца-еврея, извлеченные из его могилы, вместе с каменной крошкой, соскобленной с надписи на еврейском надгробии, отчего в кузнице появлялось множество муравьев (польск.; Fischer 1921: 218). В то же время на территории бывшей Червонной Руси славяне-католики ходили на поклонение к могиле еврейского цадика, говоря, что «святой» хранил их «от всякой войны», «во

время войны спас» и до сих пор «хранит от града» (Сага 1992: 112-113). На Волыни целебными считались т.наз. «источники Бешта», в которых, по преданию, купался Баал Шем Тов (основатель хасидизма); вода этих источников излечивала, в частности, от бесплодия (Сага 1992: 111-112).

Амбивалентное отношение славянской традиции к инородцам (иноверцам) обусловило переплетение и сосуществование разноплановых стереотипов в пределах одной культурной модели. Проецирование представлений о евреях на систему народной демонологии является лишь одной гранью реализации семантической оппозиции «свой — чужой» в сфере традиционной народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина, Топорков 1989 - *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* Воробьяная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 230-253.

Белова 1994 - *Белова О.В.* Народное православие Полесья // Живая старина. 1994. № 3. С. 46-47.

Белова 1996 - *Белова О.* Евреи глазами славян (по материалам традиционной народной культуры) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 13. С. 110-119.

Белова 1997 - *Белова О.В.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 25-32.

Булашев 1909 - *Булашев Г.О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909.

Волков 1916 - *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг., 1916.

Гнатюк 1902 - *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди // ЕЗ. Львів, 1902. Т. 12-13.

Гура 1997 - *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Демидович 1896 - *Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение. М., 1896. № 1. Кн. 28. С. 91-120.

Дикарев 1896 - *Дикарев М.* Чорноморські народні казки й анекдоти // ЕЗ. Львів, 1896. Т. 2. С. 1-50 (отдельной пагинации).

ЕЗ - Этнографічний збірник. Львів, 1897-. Т. 1-.

Жаткович 1896 - *Жаткович Ю.* Замітки етнографічні з Угорської Руси // ЕЗ. Львів, 1896. Т. 2. С. 1-38 (отдельной пагинации).

Замовы 1992 - Замовы / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташевіч. Мінск, 1992

Иванов 1907 - *Иванов П.В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907.

Клинггер 1909-1911 - *Клинггер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909-1911.

ЛНПОН - Літературна неделя Подкарпатского общества наук. Унгвар (Ужгород), 1941.

Никифоровский 1897 - Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

Номис 1864 - *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864.

ПР 1929 - Подкарпатська Русь. Унгвар (Ужгород), 1929. Ч. 4.

РДС - Русский демонологический словарь. Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995.

Ром. БС - *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Киев-Витебск-Могилев-Вильна, 1886-1912. Вып. 1-9.

СД - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1 (А-Г).

Семенцов 1993 - *Семенцов М.В.* Символическое значение предметов традиционного врачевания (на примере народной медицины кубанских казаков) // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 101-110.

Сержпудоўскі 1926 - *Сержпудоўскі А.* Казкі і апавяданя беларусаў Слуцкага павету. Л., 1926.

Топоров 1990 - *Топоров В.Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Вып. 2. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 4-14.

ТРОИВ - Труды Общества исследователей Волыни. Житомир, 1907. Т. 5.

Чубинский 1872 - *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 1.

Чубинский 1995 - *Чубинський П.* Мудрість віків. Київ, 1995. Кн. 1, 2.

Шейн 1890 - *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 2.

Яворский 1915 - *Яворский Ю.А.* Памятники галицко-русской народной словесности. Вып. 1 // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Киев, 1915. Т. 37. Вып. 1.

Baranowski 1981 - *Baranowski B* W kręgu upiorów i wilkołaków Łódź. 1981

Bystron 1923 - *Bystron J St* Obcy jako ludozercy // *Lud* 1923 T 22 S 138-140

Bystron 1922 - *Bystron J St* Czarność obcych *Lud* 1922 T. 21. S. 179-182.

Bystron 1935 - *Bystron J St.* Megalomania narodowa. Warszawa, 1935.

Cała 1992 - *Cała A.* Wizerunek Zydów w polskiej kulturze ludowej. Warszawa. 1992.

Federowski 1891 - *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1.

Fischer 1921 - *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.

Gloger 1978 - *Gloger Z.* Obrzędy, zwyczaje i wierzenia ludowe na ziemiach nad Narwą i Biebrzą // Zygmunt Gloger - badacz przeszłości ziemi ojczyściej. Warszawa, 1978. S. 141-245.

Görög-Karady 1992 - *Görög-Karady V.* Ethnic stereotypes and folklore // Folklore Processed. In Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday. Helsinki, 1992. P. 114-126.

Gustawicz 1881 - *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1881. T. 5. 102-186.

Kolberg 1963 - *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wr. - Poznań, 1963. T. 7. Lud - Lud. Lwów, 1895-. T. 1-.

Mirga 1984 - *Mirga A.* Stereotyp jako model «prawdziwego swojego» i «obcego» (Próba konstrukcji teoretycznej zjawiska stereotypu) // Prace Etnograficzne. Kraków, 1984. Zesz. 19. S. 51-70.

Paluch 1989 - *Paluch A.* Zerwij ziele z dziewięciu miedź. Zioloecznictwo ludowe w Polsce w XIX i początku XX wieku. Wrocław, 1989.

Sychta - *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wr. - Warsz. - Krak. - Gdańsk, 1967-1976.

Дж. Оруэлл

ИЗБРАННЫЕ*

Настало время для того, чтобы общественность в лице какой-либо организации провела, наконец, серьезное исследование причин антисемитизма, хотя в контексте событий нынешней войны это довольно щекотливая тема. Никто не станет отрицать, что предубежденность против евреев — широко распространенное явление, и вполне вероятно, что со временем антисемитизм приобретет еще большую популярность. Однако крайне важно уяснить себе следующее: в какой степени феномен, с которым мы сталкиваемся, представляет собой настоящий антисемитизм, который в сущности есть не что иное, как доктрина магического толка, или же перед нами обычная ксенофобия и рационализация недовольства, возникающего по причинам чисто экономического характера.

Объяснения причин распространенности антисемитизма обычно опираются на мнения двух школ, одну из которых можно условно обозначить как «традиционная», а другую — как «экономическая». Однако ни та, ни другая не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Представители левого крыла, как правило, принимают второе объяснение, рассматривая еврея просто в качестве козла отпущения, на которого стоящие у кормила власти всегда могут свалить свои собственные прегрешения. Когда случается неурожайный год или резко возрастает число безработных, спиши все на евреев — приблизительно так гласит эта формула. К сожалению, не ясно, почему козлами отпущения всегда стараются сделать именно евреев, а не какое-либо другое меньшинство, и почему антисемитизм процветает также среди людей, у которых нет причин жаловаться на то, что задеты их экономические интересы. Кроме того, непонятно, почему антисемитизм путают со всевозможными магическими верованиями. Однако другая теория, которая рассматривает антисемитизм главным образом как наследие средневековья, также не в силах дать сколько-

---

* Рецензия Дж. Оруэлла на книги Джошуа Трахтенберга «Дьявол и евреи» и Эдмонда Флега «Почему я еврей» была опубликована в лондонской газете «Observer» 30 января 1944 г.

нибудь исчерпывающее объяснение, что показывают и эти две книги.

Эдмонд Флег в своей небольшой трогательной книжке описывает возвращение к вере отцов после многих лет беспросветного скептицизма. Он утверждает, что евреев преследуют «просто потому, что они евреи»: то есть поскольку они остаются верными своей религиозной и культурной традиции среди чуждого им окружения. Но это свойственно и многим другим национальным меньшинствам, рассеянными по всему свету, и едва ли современную Европу настолько заботит конфессиональная принадлежность, что людей преследуют только за то, что они — не христиане.

Мистер Трахтенберг считает, что антисемитизм — пережиток средневековья, от которого современный мир почему-то забыл избавиться. На огромном множестве примеров и иллюстраций он прослеживает историю преследований евреев начиная с раннего средневековья. Евреев линчевали, сжигали на кострах, колесовали, изгоняли, их обвиняли в отравлениях, содомии, в сговоре с дьяволом, в ритуальных убийствах, в том, что они пьют кровь христианских детей и совращают христианских девушек, что они источают специфический и крайне неприятный запах, что они оскверняют гостию, летают на метле, рожают поросят — фактически их обвиняли буквально во всем. На них смотрели как на «неверных», но в то же самое время, вопреки всякой логике, их считали «еретиками», а самые жестокие преследования евреев приходятся как раз на тот период, когда началась охота на ведьм, то есть на XII век. Реформация мало что изменила в положении евреев, поскольку для протестантов евреи также оставались «еретиками», а Мартин Лютер был завзятым антисемитом.

Мистер Трахтенберг без труда доказывает, что средневековое отношение к евреям носило чисто иррациональный характер и не имело под собой никакой реальной подоплеки, кроме обвинения евреев в ростовщичестве. Однако, как показывает автор, христиане вскоре и сами узурпировали эту сферу экономической деятельности, когда разобрались, насколько выгодно давать деньги в рост. Если бы исследование мистера Трахтенберга касалось современной эпохи, то он мог бы добавить, что и в наши дни отношение к евреям нередко зиждется на столь же иррациональном основании: так, например, фашисты насаждают представления о том, что евреи в одно и то же время умудряются быть капиталистами и коммунистами и что чуть

ли не все представители нищего еврейского рабочего класса — тайные миллионеры.

Но два вопроса так и остались непроясненными. Во-первых: почему вообще имеют место антиеврейские настроения, распространенные еще в дохристианскую эпоху? И во-вторых: если тезис мистера Трахтенберга верен, то почему именно это средневековое суеверие дожило до наших дней, тогда как большинство других бесследно канули в прошлое? В наше время очень немногие верят в колдовство, за занятие которым, согласно мистеру Трахтенбергу, в одной только Германии с 1450 по 1550 гг. были казнены сотни тысяч людей. Почему же в таком случае многие наши современники все еще верят в то, что евреи «воняют», что из-за них началась вторая мировая война, что они вынашивают преступные замыслы по захвату всего мира, что они — главная причина революций и венерических заболеваний? Эта тема требует хладнокровного исследования, и мы должны со всей ответственностью отнестись к тому факту, что антисемитизм разных видов стал вполне обычным явлением, и образованные люди так же восприимчивы к нему, как и все остальные.

Л Кацис

«ДЬЯВОЛ И ЕВРЕИ» В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Написанная более пятидесяти лет назад книга Дж. Трахтенберга отразила традиционную для западных ученых позицию, когда в центре внимания оказывается в основном Западная Европа, а в религиозном смысле — католицизм и протестантизм (в разных его видах).

Когда такая книга попадает к российскому читателю, она оказывается в восточноевропейском и православном контексте, что создает существенно иную ситуацию.

Еще одно важное обстоятельство — год выхода в свет первого издания книги: 1943-й — разгар массового уничтожения евреев Европы. Оно определяет как публицистический накал, так отчасти и некоторые концептуальные особенности книги. Позиция Дж.Трахтенберга во многом объясняется идеологической ситуацией в гитлеровской Германии с ее опорой на древнегерманские культы, притеснением христианства в третьем рейхе и т.д.

Отсюда особый упор на народную магию, низовые представления о евреях и их роли в христианском мире, заведомо простонародно-примитивные и поэтому, как может показаться, легко опровергаемые. Однако при всей кажущейся простоте эти представления поразительно живучи и дожили до наших дней. Уже одно это заставляет заподозрить здесь более сложный генезис, однако автор (сознательно или бессознательно) избегает прямого сопоставления многих эпизодов с важнейшими христианскими источниками.

Проблематика этой книги практически не представлена в советской и современной российской науке, хотя небольшая глава на соответствующую тему со ссылкой на книгу Джошуа Трахтенберга есть в известной работе А.Я.Гуревича «Культура и общество средневековой Европы глазами современников»¹.

Проблематика книги «Дьявол и евреи» стала актуальной в Российской империи лишь после присоединения к ней польских земель в XVIII веке. В этот период европейский взгляд на евреев как на представителей Сатаны был уже вполне сложившимся и попал в Россию в готовом виде. А вот многие народные представления о нечистой силе и т.п. оказались удачной основой для распространения и на православной территории традици-

онных верований из католических и православных регионов Европы. Многие сюжеты книги Дж.Трахтенберга в том или ином виде могут быть найдены в записях восточнославянского фольклора.

Так, известно украинское поверье: «Когда еврей моет руки и стряхивает воду, из брызг появляются черти»¹. Здесь очевидным образом обыгрывается обряд омовения рук «натилат ядаим», когда иудеи омывают кисти рук (как и когены в храме) и не отряхивают воду, а промакивают руки полотенцем, чтобы не разбрызгивать то нечистое, что смыто с рук, и дабы это нечистое не попало на кого-либо. Нетрудно видеть, что для превращения иудейского ритуала в сатанинский пришлось вывернуть наизнанку и сам еврейский обряд. Впрочем, часто это и есть метод «доказательства» сатанинской сущности иудейских обрядов.

Неоднократно встречаются в книге и образы, связанные со свиньями. Так, в списке «тайных еврейских "хворей" и недомоганий», принадлежащем перу крещеного еврея Франциска из Пьяченцы, встречаем такое: «Еврей из колена Нафтали приказали своим детям спрятаться в свинарниках, визжать и хрюкать. Когда Иисус, несший крест, проходил мимо, их родители спросили его, что это было. Иисус ответил: "Это ваши дети", но поскольку евреи настаивали, что это хрюкали свиньи, Иисус сказал: "Если они свиньи, пусть будут свиньями и останутся свиньями". Поэтому до сих пор у их потомков во рту четыре больших свиных зуба, свиные уши, и они смердят, как свиньи». Или еще один текст: «...еврей просит у кормящей матери продать ему молока, но та вместо своего дает ему свиное. Еврей, не подозревая об обмане, договаривается с задолжавшим ему крестьянином, что тот будет выполнять все его приказания в счет погашения долга... еврей приводит его к месту казни преступников, заставляет снять с виселицы труп, расколоть ему череп и влить туда молоко. Когда же крестьянин исполнил все требуемое, еврей приказал ему: "Приложи ухо к голове мертвеца и скажи, что ты слышишь!" Крестьянин отвечал, что слышит хрюканье множества свиней. "Горе мне! — воскликнул еврей. — Та женщина обманула меня!" А на следующий день все свиньи в округе собрались на том месте и поубивали друг друга». Это силезские поверья. Повсеместно у славян бытует легенда, будто евреи не едят свинины, потому что Христос превратил в свинью еврейскую женщину, которую спрятали под корыто, чтобы испытать всеведение Христа; поэтому и

считается, что свинья — это «еврейская тетка³». Совсем недавняя запись: «В житомирском Полесье был записан нестандартный вариант этого рассказа, согласно которому сам Христос посадил беременную еврейку под корыто и спросил своего ученика, что там спрятано. Ученик ответил, что там свинья с поросятами, и от его слов превращение совершилось. Тогда Христос убедился, что ученик действительно овладел переданными ему знаниями. “А про то жыды сала не едят”, — заключает легенда»⁴.

В основе подобных рассказов лежат легенды о некоей «еврейской свиноматке», которые постоянно встречаются в книге «Дьявол и евреи». Автор книги старается не совмещать в своем анализе простонародных представлений о евреях с текстом Евангелий. Между тем прямое сравнение «свиных» эпизодов с текстом Евангелия позволяет понять само происхождение «свиного бесовства» евреев в простонародных представлениях, равно как и объяснить происхождение силезского сюжета о взаимном уничтожении свиней: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лука. Гл. VIII). Если вспомнить, что в том же Евангелии о человеке, из которого Христос изгнал бесов, говорится: «одержимый бесами с давнего времени, и в одежду и одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах», то т.н. «корыто» обретает еще более зловещий смысл.

Вообще говоря, любой анализ народных христианских представлений требует учета включенности в фольклор евангельских сюжетов⁵. Но в общественном сознании России представления о сатанизме мирового еврейства носят вовсе не простонародный и не фольклорный характер. Дж.Трахтенберг, разумеется, упоминает знаменитые «Протоколы Сионских мудрецов», однако сами протоколы пришли к читателю в виде главы обширной книги С.Нилуса «Великое в Малом». Напомним, что подобные взгляды излагал вполне образованный человек, который довел до широкой церковной общественности заветы св. Серафима Саровского, а не темный крестьянин. Как ни странно, нечто подобное можно найти и у раннего Бориса Пастернака. В 1917 году он написал так и не оконченную повесть «История одной контроктавы» о том, как в средневековом немецком городке некий органист забил молоточками органа своего ребенка, увлекшись музицированием и не заметив, как мальчик вошел

внутри органа. Б.Пастернак описывает страдания матери погибшего ребенка: «...она не думала ни о чем или не знала, что истерические мысли, как слепые бледные черви, неумно вьются и бесятся в ней. И червивая ими, обессилев от рыданий, она опала лицом и телом». Чуть ниже описаны страдания отца: «Душа шевелилась в нем, как солитер. Но это был солитер вездесущий. И человека не тошнило от сокращений его души только от того, что каждую частицу его тела тошнило особой тошнотой... И в итоге человек, охваченный тошнотою, не испытывал головокружения только от того, что тонул в нем, соблюдая закон удельного веса в этом омуте души, осязательной и, следовательно, тошнотворной»⁶. Для Пастернака (не принимавшего крещения) проблема «происхождения и крови» всегда оставалась важной⁷: дело не в обрядах и формальностях, а в состоянии души поэта. И внутренняя борьба с самим собой и своим происхождением порождала порой странные сближенья. Тот же крещеный еврей Франциск из Пьяченцы считал, будто евреи выковали гвозди для распятия Иисуса и, следуя совету еврейки по имени Вентрия, специально затупили их концы, чтобы усугубить его страдания. Они наказаны тем, что с тех пор у их женщин после тридцати трех лет во рту во время сна заводятся черви, а «потомки евреев из колена Вениамина, которые предложили Иисусу, висящему на кресте, губку, пропитанную уксусом и желчью, с самого рождения не могут держать голову, всегда страдают от жажды, а когда пытаются заговорить, у них изо рта выползают черви».

Роль выкрестов в создании антииудейской литературы очень велика. Недаром самая знаменитая книга, связанная с обвинением евреев в ритуальном употреблении крови, именуется «Книга Монаха Неофита», то есть еврея (часто сына раввина), принявшего христианство и решившего раскрыть все «тайны Израиля» своим новым собратьям. Русская «наветная» традиция, которая связывается Дж.Трахтенбергом с сатанинскими культами типа «черной мессы», уходит в начало XIX века. Практически полный набор всей этой западноевропейской «премудрости» принес на русскую почву бывший ксендз И.И.Лютостанский, автор многотомных трудов «Евреи и Талмуд» и «Еврейские кровавые секаторы». Практически во время каждого судебного процесса, связанного с обвинением евреев в ритуальном использовании христианской крови, вновь и вновь всплывали обвинения из средневековых источников. Наиболее ярким в этом смысле оказался процесс по делу

Бейлиса в Киеве 1913 года. Велик и вклад русских религиозных публицистов. Первое место среди них принадлежит, конечно, В.В.Розанову. В работе «Юдаизм» он прямо заявлял: «Есть замечательная вера, поверье евреев: что Ангел Иеговы сходит на младенца в момент обрезания и не оставляет его уже до гроба... Между тем верование евреев, что “обрезание” привлекает, призывает к младенцу, но, конечно, и ко взрослому “обрезанцу” Ангела Иеговы — проливает чрезвычайно много света на существо и миссию последнего. “Пребывает на младенце”... — и трудно представить, где бы иначе, как не в точке же обрезания, он пребывал бы. “Крест на шее” — вот наш теизм; иудейский своеобразный “крест” самим положением своим указывает центр теизма их, как противоположного нашему! “Оскверняет руки! — все оскверняет руки!” И этим до того пропитан юдаизм, что чувство к еврею всякого нееврея иначе и ярче и передать нельзя, как словом “скверна”. Мы скверны друг другу: вот суть дела и глубочайшая, чем разность теизма. “Все обрезанные — дети Божии, все необрезанные — дети диавола”, — решил рабби Бехаи. Итог подведен, и он выразителен. Бог... дьявол... да это — полюсы»³.

Причем для Розанова не важно, что речь в цитате из Рабби Бехаи идет о необрезанных евреях. Но куда серьезнее другое. В той же книге Розанов доказывает свои идеи уже на базе русской художественной литературы, в данном случае «Страшной мести»: « — Я не люблю свинины! — сказал Катеринин отец, выгребая ложкою капусту. — Для чего ты не любишь свинины? — сказал Данило. — Одни турки и жида не едят свинины...» ...Что-то тут есть кровное: ибо как для джюжего казака пана Данилы странный отец Катерины, конечно, оказался и был «антихристом», так ведь и еврейский раввин, которого мы цитировали, обратно назвал, разумея, конечно, и христиан в числе «необрезанцев»: «они суть сыны дьявола». Данило и раввин сходятся: «взаимно-анти-Божеское». Если Бог и истинный у одного народа, у другого — непременно диавол³.

Культурная рецепция в России ключевых антииудейских текстов на этом далеко не заканчивается. Обратим внимание на вывод пана Данилы, что только евреи и турки не едят свинины. Здесь уже явно просматривается и сатанизм мусульман-турок. Ведь, как говорит Розанов, истинный Бог может быть только у одного народа (забывая о вненациональности как христианства, так и мусульманства).

Жупел европейского сатанизма используется и во внутрицер-

ковных спорах. Так, в цитатнике под названием «Речь Патриарха Алексия II к раввинам Нью-Йорка 13 ноября 1991 года и ересь жидовствующих», представляющем собой краткий «катехизис» из текстов типа «Протоколы сионских мудрецов» можно прочесть: «Заблуждения в еврейском вопросе происходят как со стороны самих евреев, так и со стороны остальных народов. Одна из задач этой работы — защита тех евреев, которые вот уже какое столетие находятся под бесовским наваждением от небольшой кучки закоренелых евреев-фанатиков. “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете” (Матф., 23:13), выдающих свое вероисповедание как поклонение истинному Богу и Творцу всего (“Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты” — Матф., 23:27), на самом же деле исполняют волю не кого иного, как самого сатаны...»¹⁶.

Это сочинение, понятно, не имеет благословения Патриарха, как и в описанном Дж.Трахтенбергом средневековье. Верхи церкви думают и делают одно, а ее члены — другое.

На идее сатанинской сущности иудаизма построено и ставшее известным лишь недавно сочинение русского религиозного философа А.Ф.Лосева «Приложение к диалектике мира». Приведем вначале собственные слова А.Ф.Лосева из его письма в советскую цензуру, которая запретила издание этой книги: «В моем труде также есть одно обстоятельство, которое способно, на первый взгляд, породить недоумение. — опять-таки благодаря своеобразию взятой мною темы. Рисуя отдельные мифологические типы, я ради полноты изображения рисую также и то, как данный мифологический тип относится ко всем другим. Покамест я доказываю, что, с точки зрения язычества, христианство есть пошлый, рабский атеизм и невежество, а с точки зрения христианства, язычество есть царство сатаны, — все обстоит благополучно. Но вот когда я дохожу до сопоставления социализма и христианской мифологии, то тут могут подняться очень грозные возражения, в особенности там, где я доказываю, что, с точки зрения христианства, социализм есть также сатанизм. Но я не знаю, как же можно было рассуждать иначе. Неужели социализм как-то совместим с христианской мифологией? Кроме того, не только социализм есть, с точки зрения христианства, сатанизм, но также и капитализм, все язычество — словом, все то, где нет самого хрис-

тианства. Кроме этого, я рисую социализм — в контексте мировой истории, я доказываю, что, с его точки зрения, само христианство только и может быть на деле тем или другим порождением определенного вида классовой борьбы. Так же обстоит дело и между христианской и еврейской мифологией. С точки зрения христианства, еврейство (так! — Л.К.) есть сатанизм, а с точки зрения еврейства, христианство есть бесплотная фантастическая выдумка»¹¹.

Очевидна логическая асимметрия сатанизм — бесплотная выдумка (особенно на фоне роли плоти в христианстве). Понятно, что к «выдумке» относятся иначе, чем к сатанизму. Прекрасно понимал это и Лосев, когда писал в части своего труда, известной уже по изложению ОГПУ: «Силой, открыто выступившей с целью свержения Бога с принадлежащего ему места» и разрушившей божественный устой феодализма, была извечно враждебная христианскому Богу сила Сатаны, воплотившаяся в иудейство. Эпохой Возрождения кончается торжество христианства и начинается историческое воплощение Израиля.

ИЗРАИЛЬ ХОЧЕТ СОЗДАТЬ СЕБЕ СПАСЕНИЕ СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ, ПОЭТОМУ ИЗРАИЛЬСКАЯ СТИХИЯ И ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЗРОЖДЕНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ — ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ПОД СОБОЮ ОПЫТ СВЕДЕНИЯ БЛАГОДАТИ, КОТОРАЯ ДАЕТСЯ ДАРОМ И ПО НЕИЗВЕСТНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ, НА ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ЧЕЛОВЕКА, которые должны быть вознаграждены по справедливости и в которых нет ничего таинственного, но все телесно и чувственно-реально. КАББАЛА ЕСТЬ ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА, АКТИВНО НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ СТИХИИ БЛАГОДАТИ.

КАББАЛА ЕСТЬ ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ И АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ИЗРАИЛЯ. ИЗРАИЛЬ — ПРИНЦИП ОТПАДЕНИЯ ОТ ХРИСТИАНСТВА И ОПЛОТ ВСЕЙ МИРОВОЙ ЗЛОБЫ ПРОТИВ ХРИСТА. ... ЕВРЕЙСТВО СО ВСЕМИ СВОИМИ ДИАЛЕКТИКО-ИСТОРИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЕСТЬ САТАНИЗМ, ОПЛОТ МИРОВОГО САТАНИЗМА... ТРИАДА ЛИБЕРАЛИЗМА, СОЦИАЛИЗМА И АНАРХИЗМА ПРЕДСТАЕТ ПЕРЕД НАМИ КАК ТАИНСТВЕННЫЕ СУДЬБЫ КАББАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ И КАК ПОСТЕПЕННО НАРАСТАЮЩЕЕ ТОРЖЕСТВО ИЗРАИЛЯ.

БОЛЬШИНСТВО ЛИБЕРАЛОВ, СОЦИАЛИСТОВ И АНАРХИСТОВ ДАЖЕ СОВСЕМ НЕ ЗНАЮТ И НЕ ДОГАДЫВАЮТСЯ, ЧЬЮ ВОЛЮ ОНИ ТВОРЯТ»¹².

Читателю судить, есть ли существенная разница между обвинениями Патриарха Алексия II «ереси жиждовствующи» и текстами А. Ф. Лосева.

Еще одна деталь. А. Ф. Лосев постоянно подчеркивает некую таинственность иудаизма и каббалы и сопоставляет ее с полным отсутствием тайн в христианстве. Этот логический ход полностью совпадает с рассуждениями В. В. Розанова в его книгах «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» и «Тайна Израиля».

Дж. Трахтенберг приводит ряд материалов, которые свидетельствуют о представлениях христиан, связанных с Торой: «Иероним и другие ранние Отцы Церкви нередко сокрушались из-за того, что еврейские учителя сознательно извращали смысл первоисточника, а Юстиниан зашел так далеко, что даже издал специальный указ, согласно которому Тору в синагогах должны были читать на языке, понятном всем, а не одним только евреям, а разъяснения, которыми обычно завершалось чтение Торы, были запрещены на том основании, что "тогда у их толкователей, пользующихся только еврейским языком, не будет возможности извратить слова Писания так, как им заблагорассудится, ибо неискусенность их слушателей скрывает преступные намерения истолкователей».

В. В. Розанов начал свою серию «наветных» статей, составивших впоследствии его печально знаменитую книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», с главы «Иудейская тайнопись», в которой читаем практически то же: «Вот это письмо с угрозой "промолчи" и есть все так называемое "Священное писание" иудеев, то есть самое раннее по части письменности, что у них появилось, и для записывания коего употребилась буквы "все равно — какие есть", именно бывшие о ту пору возле них буквы торговых финикийцев. Евреи не изобрели своего алфавита, — не старались, пренебрегали. "Дело не в том, как писать, а в том, что писать"; а напишем мы так, что никто прочесть не сможет, кроме того, кому мы шепнем»¹³.

Логика такого рода и рассуждений сложностью тоже не отличалась. Достаточно было утверждать, что если евреи не признают Христа Мессией, а он есть Сын Божий, то тем самым евреи не признают и Отца. Но ведь именно Отец остановил руку Авраама во время жертвоприношения. Следовательно, если евреи не признают Христа Сыном Божиим, то для них нет и отмены человеческих (языческих) жертвоприношений. А следовательно, в иудаизме есть ритуальное использование человечес-

кой крови, пусть и тайно, пусть и в редких сектах, но есть, утверждают сторонники подобной логики. В частности, протоиерей Т.Буткевич¹⁴, вполне симпатичный В.В.Розанову.

Здесь мы постепенно приближаемся к сердцевине всей проблемы — к принципиальной асимметрии иудаизма и христианства. Ведь для иудея христианин — совсем не то, что для христианина — иудей. Иудей в принципе может просуществовать, ничего не зная о христианстве. А вот христианин без еврейских Пророков, без Моисея и Аарона и других прожить не сможет.

Это порождает существенное духовное напряжение, оставшееся за рамками работы Дж. Трахтенберга. Ведь если, по слову Апостола, «весь Израиль спасется», то единственный способ проверить это — дождаться последних времен и узнать, что произойдет: будет восстановлен Иерусалимский Храм и жертвоприношения в нем или же мир увидит Небесный Иерусалим. В свою очередь, сам факт существования иудея, не признающего Христа Мессией и сыном Божиим, на протяжении всех 2000 лет христианства представляет собой трудную духовную проблему. Возникает подозрение — не сильнее ли иудаизм, чем пришедшее ему на смену христианство. Наконец, если возможно мечтать и верить в то, что будут восстановлены жертвоприношения в Иерусалимском Храме, то как быть с отменой этих жертв Христом?

Вопросы действительно трудные. В дни дела Бейлиса русская общественность раскололась на два лагеря: на тех, кто был готов верить в реальное ритуальное употребление иудеями христианской крови, и тех, кто независимо от семитофильства или противоположного ему мировоззрения, сказали «Нет!» спекуляциям В.Розанова, о. Павла Флоренского и других. Люди последнего типа ставили вопрос откровенно в полном соответствии с тем, чем полна работа Дж. Трахтенберга. В книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» читаем: «И. Христос основал.. свою Церковь... И чтобы основать Свою Церковь — Он должен был покончить и действительно покончил с Ветхозаветной Церковью. Каким образом священники и профессора духовных академий не видят того, чем наполнено Евангелие:

“Ваш отец — дьявол есть”, — сказал И.Христос в глаза евреям.

“Вы — порождения ехиднины”, назвал он их же.

Они его распяли.

Каким образом духовные лица и их академические наставники не слышат этого вопля, проходящего через все евангелие».

И чуть ниже: «Отец ваш — дьявол есть, — вот слово Иисуса Христа евреям.

“Вы — порождения ехиднины”, и дело Юшинского около которого хотели удушить еще и мать (клевета на нее и заключение ее в темницу), показывает, как правильно поступал Христос, поражая в голову эту живую ехидну»¹⁵. (Юшинский — фамилия убитого мальчика, в ритуальном убийстве которого и обвиняли Менделя Бейлиса.)

Именно против подобного подхода к ритуальным обвинениям и восстали Д.Мережковский, З.Гиппиус и другие, в обычной жизни особым семитофильством не отличавшиеся. Однако и для них была малоприемлема позиция почти что соавтора Розанова по «Обонятельному и осязательному отношению евреев к крови» о. П.Флоренского, который (по воспоминаниям З.Гиппиус) говорил своей сестре: «...если б я не был православным священником, а евреем, я бы сам так поступил, как Бейлис, то есть пролил бы кровь Юшинского»¹⁶.

Проблема пролития или непролития крови в ритуале волновала и Розанова в упомянутой книге: «Вечером в день, как была напечатана статья “Важный исторический вопрос” (об обрезании как крови *жертвенно-человеческой*, в иудаизме теперь), я получил на имя редакции анонимную открытку:

“М.г. А как вы объясняете слова: “*Сия есть кровь Моя Нового Завета*, — и что это место есть главное в литургии”?

Т.е. — и “у вас то же, что у иудеев” “жертва” и именно “кровью” как главная часть религии и богослужения.

Я затрепетал, получив. И ухватился только за написанное выражение — “слова”. “Как вы объясняете “слова”?.. “Как вы объясняете *слова*?”.. “Демон! — мысленно говорил я, — так ведь *слова*. Господь Иисус Христос отменил кровавые жертвы, заменив их *словом о жертве*»¹⁷. (Курсив Розанова. — Л.К.).

В этом контексте можно подумать, что Христос отменил *человеческие* жертвоприношения *словами о жертве*, хотя заменил он жертвоприношения животных. Человеческие же жертвоприношения были отменены еще Всевышним, остановившим руку Авраама. Но для Розанова это не важно, если Отец евреев — дьявол есть.

Но это текст вполне открытый. Часто же мы имеем дело с более сложными случаями. Так, например, в 1907 году А.Блок перевел средневековый мираклъ «Действо о Теофиле» (много-

кратно упоминаемый в книге Дж. Трахтенберга). В этом миракле в блоковском переводе лишенный сана Теофил (то есть Боголюб) обращается за помощью к некоему Саладину-волшебнику, который «говорил с дьяволом, когда хотел». Этот разговор с дьяволом велся, понятно, на специфическом языке заклинаний:

Багаги лака Башагэ
ламак каги ашабагэ
Каррелиос.
Ламак ламек башалиос,
Кабагаги сабалиос,
Бариолас.
Лагозатха кабиолас,
Самагак эт фрамиолас,
Гаррагия!

После произнесения этого текста «заклятый дьявол появляется»¹⁸.

В тексте Блока не упоминается, что означенный Саладин — еврей. Однако в книге «Дьявол и евреи» это показано недвусмысленно, да и говорение на непонятных «заумных» языках как общение с дьяволом практически однозначно связывается с евреями¹⁹. А через десять лет известный лингвист А.М. Селищев в книге о языке революционной эпохи уже прямо объяснял обилие аббревиатур в пореволюционном языке еврейским влиянием²⁰.

Однако вернемся к книге Дж. Трахтенберга. Она посвящена в основном западноевропейскому средневековью. Именно в нем он ищет истоки того, что произошло в XX веке и стало одним из самых жутких событий века. По-еврейски это называется Шоа, по-английски — Холокост, по-русски — Катастрофа. Если в протестантском мире переживание этой трагедии европейского еврейства выразилось в бурном развитии т.н. «Теологии после Освенцима», когда богословы пытались понять, что именно в христианстве привело к гибели существенной части Избранного Народа, как быть христианином после Освенцима, у католиков в 1998 году появился итоговый документ специальной папской комиссии по религиозным отношениям с иудаизмом и еврейством. В частности, он гласит: «Без сомнения, катастрофа — самое страшное из перенесенных им (еврейским народом. — Л.К.) испытаний. Нет слов для того, чтобы описать страдания, которым подверглись евреи. Все — только

потому, что они евреи. Тут недостаточно одного исторического исследования. Необходима память моральная и религиозная... Особо христиане должны глубоко задуматься о причинах произошедшего: Катастрофа — трагедия, происходившая в Европе, то есть в странах с христианской традицией. Это неизбежно приводит к вопросу о связи между преследованиями и поведением христиан по отношению к евреям в ходе истории. История эта мучительная, итог отношений в течение двух тысячелетий скорее отрицательный»²¹.

А Иоанн Павел II в речи на научной конференции о корнях иудаизма в христианской среде в 1997 году произнес следующие слова, которые цитируются в документе: «В христианском мире слишком долго присутствовали ошибочные и несправедливые толкования Нового Завета в том, что касается еврейского народа и мнимой его вины, чем были порождены враждебные чувства по отношению к этому народу»²².

Католическая церковь сегодня решилась сказать это вслух. В русской православной церкви положение сложнее. В русской православной церкви возникла ситуация, схожая с той, что была в средневековом католичестве: папы могли издавать сколько угодно булл против обвинения евреев, например, в «кровавом навете», а в широких массах и церковной среде такие представления жили. К тому же в активно-антиэкуменических кругах РПЦ и сами католики часто представляются детьми дьявола. И все же можно надеяться, что и в русской православной церкви когда-нибудь возобладает та точка зрения, согласно которой ненависть к евреям «базировалась на "поверхностном понимании Евангелия, ибо распять Иисуса требовали не иудеи, а просто толпа (которая, естественно, состояла из иудеев, ибо дело происходило в Иерусалиме). Слова "кровь Его на нас и детях наших" (Матф., 27:25) произносятся опять-таки из разъяренной толпы, для которой ее ненависть оказывается дороже всего, в том числе и собственных детей. В результате из ненависти иерусалимской толпы (но совсем не всего народа, ибо к нему принадлежали и апостолы, и жены-мироносицы!) рождается ненависть христиан к еврейскому народу, который теперь отождествляется с теми, кто кричал: "Распни Его". Отождествление это само по себе ошибочно, но этого мало — ненависть к детям тех конкретных людей, из которых состояла толпа, требовавших смерти Спасителя, все равно завела бы в тупик учеников Того, Кто молился об обрекших его на смерть, говоря: "Отче, прости им, ибо не знают, что делают" (Лк. 23,34). Тот средневековый

антисемитизм, который “сфотографирован” у Шекспира в “Венецианском купце” (Шейлок злобен и безжалостен именно потому, что он еврей!) был еще не так опасен, ибо он приводил к тому, что евреев ненавидели и боялись, но во всяком случае (может быть, именно из-за страха перед ними) не уничтожали физически. В конце XIX века, в эпоху еврейских погромов в России, когда громить еврейские дома и улицы вышли люди, еще считавшие себя верующими, но уже освободившиеся от мистического ужаса перед евреями, он стал много страшнее»²³.

Добавим, что языческо-зоологический антисемитизм — результат уже секуляризации европейской культуры в целом, наряду с возникновением, возрождением неоязычества фашистского типа, реализовавшегося в третьем рейхе. Так или иначе, существенная часть христианского мира устами Понтифика признала: «...христиане, которые уступают антииудаизму, оскорбляют Бога и саму Церковь»²⁴.

Евреям и христианам жить вместе на одной планете до Конца Времен, поэтому и тем и другим надо искать формы совместного цивилизованного существования. Способствовать этому может и труд Дж. Трахтенберга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич А. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. (гл. 10. Враги: Еретики. Иноверцы).

² Белова О. Евреи глазами славян (по материалам традиционной народной культуры)//Вестник Еврейского университета в Москве. № 3 (13), М., 1996. С. 115.

³ Там же. С. 112-113.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Кацис Л. К анализу записей славянских языческих обрядов из зоны иудейско-христианского контакта (обыденные обряды и «кровяный навет»)//Конференция «Слово как Действие». Тезисы докладов. М., МГУ. 27-29 апреля 1998 г. С. 29-31.

⁶ Пастернак Б. История одной контроктавы.// Пастернак Б. Собр. соч. в 5 т. Т.4. М., 1991. С. 447-449.

⁷ Проблема мифо- и жизнестроительства Б.Пастернака подробно рассмотрена в книге: Fleishman H. Boris Pasternak. The poet and his politics. Harvard Univ. Press. 1990.

⁸ Розанов В. Юдаизм.//Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX вв. СПб., 1993. С.114.

⁹ Там же. С. 114-115.

¹⁰ Предисловие.// Речь Патриарха Алексия II к раввинам г. Нью-Йорка (США) 13 ноября 1991 года и ересь жидовствующих. ТОО "Паллада". (США, 1992). С. 1-2.

¹¹ Лосев А. В Главлит. Заявление. 30.12.1929 // Лосев А. «Я от всех беру и всех критикую»//Русская мысль. № 4150. 21-27 ноября 1996 г. Париж. С. 11.

¹² «Так истязуется и рождается истина...» А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ.//Старая площадь. Вестник архива Президента Российской Федерации. В составе журнала «Источник» Документы русской истории. № 4, 1996. С.121-122.

¹³ Розанов В. Иудейская тайнопись.//Розанов В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С. 2 (2 паг).

¹⁴ Буткевич Т. О смысле и значении кровавых жертвоприношений.// Отд. оттиск из «Вера и Разум» Журнал богословско-философский. Харьков. 1913., № 21-24.

¹⁵ Розанов В. Об одном приеме защиты еврейства.// Розанов В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С. 98-100.

¹⁶ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Т.2. Тбилиси, 1991. С.118-119. (Задумчивый странник. О Розанове. Ч.II. Мне все можно.)

¹⁷ Розанов В. Нужно перенести все дело в другую плоскость (К делу Ющинского)//Розанов В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С.83-84.

¹⁸ Действо о Теофиле Рютбефа, трувера XII — XIII столетия.// Блок А. Собр.соч. в 8 т. Т.4. Театр. М.,-Л., 1961. С. 274-275.

¹⁹ Флоренский П. Антиномия языка.//Флоренский П. Приложение к журналу «Вопросы философии» в 2 т. 3 кн. Т.2. кн. 3. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 182. Комм. С. 393.

²⁰ Селищев А. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.

²¹ Цит. по: Мы помним. Размышления о Катастрофе. 16 марта оглашен итоговый документ специальной Папской комиссии по религиозным отношениям с иудаизмом и еврейством.// Русская мысль. № 214 — 19-25 марта 1998 г. Париж. С. 19.

²² Там же. С.19.

²³ О. Георгий Чистяков. Ненависть как угроза.//Русская мысль. № 214 - 19-25 марта 1998. Париж. С.19.

²⁴ Старцев С. Антииудаизм признан оскорблением Бога. Богословы готовят «Меа Сифра» папы римского Иоанна Павла II.//НГ-РЕЛИГИЯ (Приложение к «Независимой газете»). 25.12.97. С.6.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Средневековые суеверия и современный антисемитизм	6
ЧАСТЬ 1. ДЕМОНИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЕВРЕЯ	13
Глава 1. Дьявол во плоти	13
Глава 2. Антихрист	30
Глава 3. С рогами и хвостом	42
ЧАСТЬ 2. ЕВРЕЙ – МАГ И КОЛДУН	50
Глава 4. Еврей исполнен чародейства	50
Глава 5. Европа открывает каббалу	70
Глава 6. Магия и медицина	80
Глава 7. Отравители	89
Глава 8. Осквернение гостии и священных изображений	102
Глава 9. Ритуальное убийство	117
Глава 10. Кровавый навет	131
ЧАСТЬ 3. ЕВРЕЙ КАК ЕРЕТИК	148
Глава 11. Церковь и евреи	148
Глава 12. Неверный или еретик?	158
Глава 13. Борьба с ростовщичеством	175
Глава 14. Крестовый поход против колдовства	182
Глава 15. Еретик-колдун-еврей	194
ЭПИЛОГ. По-прежнему отродья дьявола	203
ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА	206
БИБЛИОГРАФИЯ	248
О.Белова. ЕВРЕИ И НЕЧИСТАЯ СИЛА (По материалам славянской народной культуры)	258
Дж. Оруэлл. ИЗБРАННЫЕ	277
Л.Кацис. «ДЬЯВОЛ И ЕВРЕИ» В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ	280

Джонша Трахтенберг

ДЬЯВОЛ И ЕВРЕИ

ISBN 5-89527-011-5

ЛР № 030716 от 25.12.96

Подписано в печать 14.07.98. Формат 70 × 90/16.

Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 19,5.

Тираж 2000 экз. Зак. № 852

Гешарим. Иерусалим

Гуманитарный центр «МОНОЛИТ»

109462. г. Москва. Волгоградский пр., д. 56. к. 1. кв. 43.

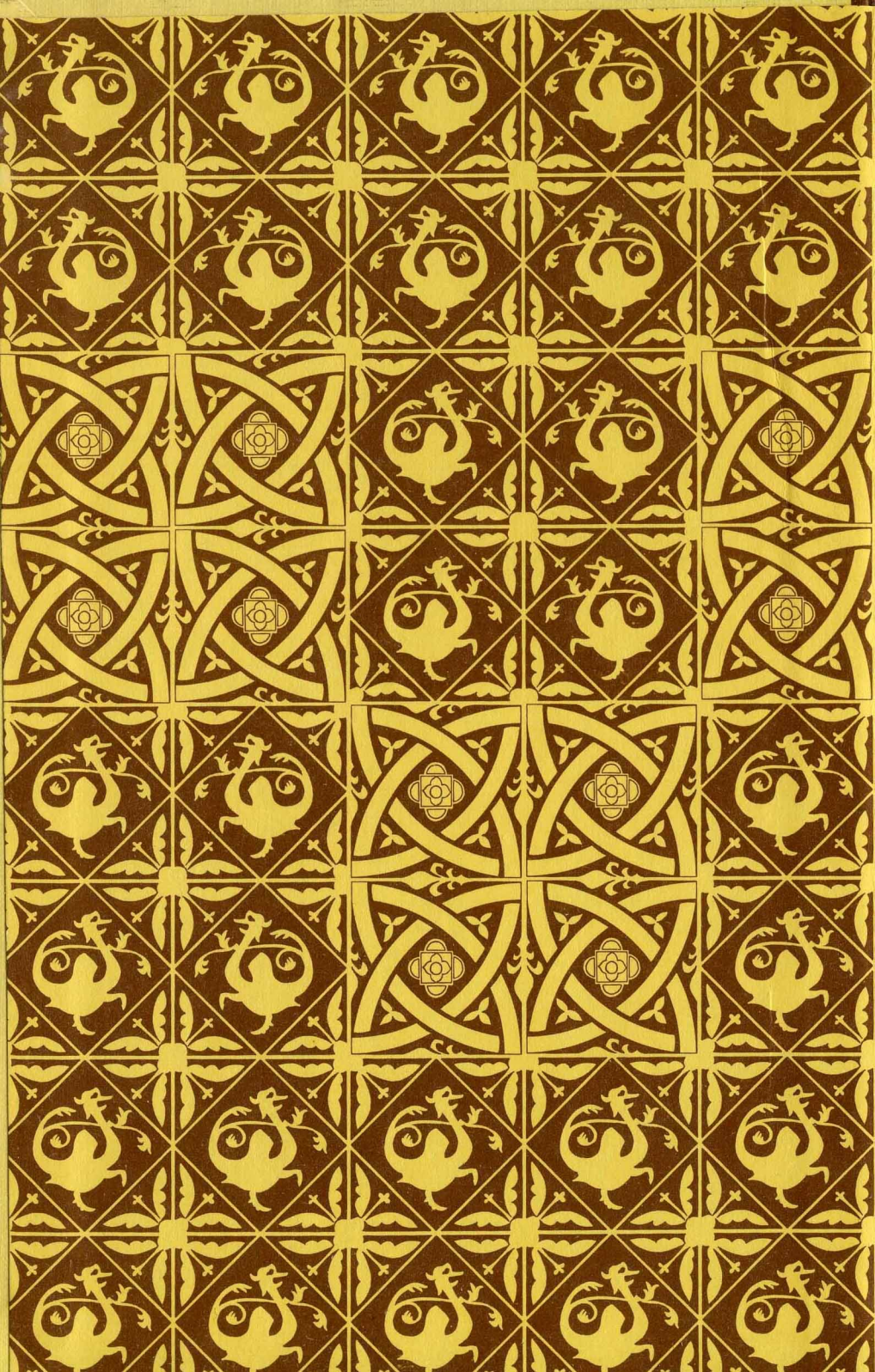
Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

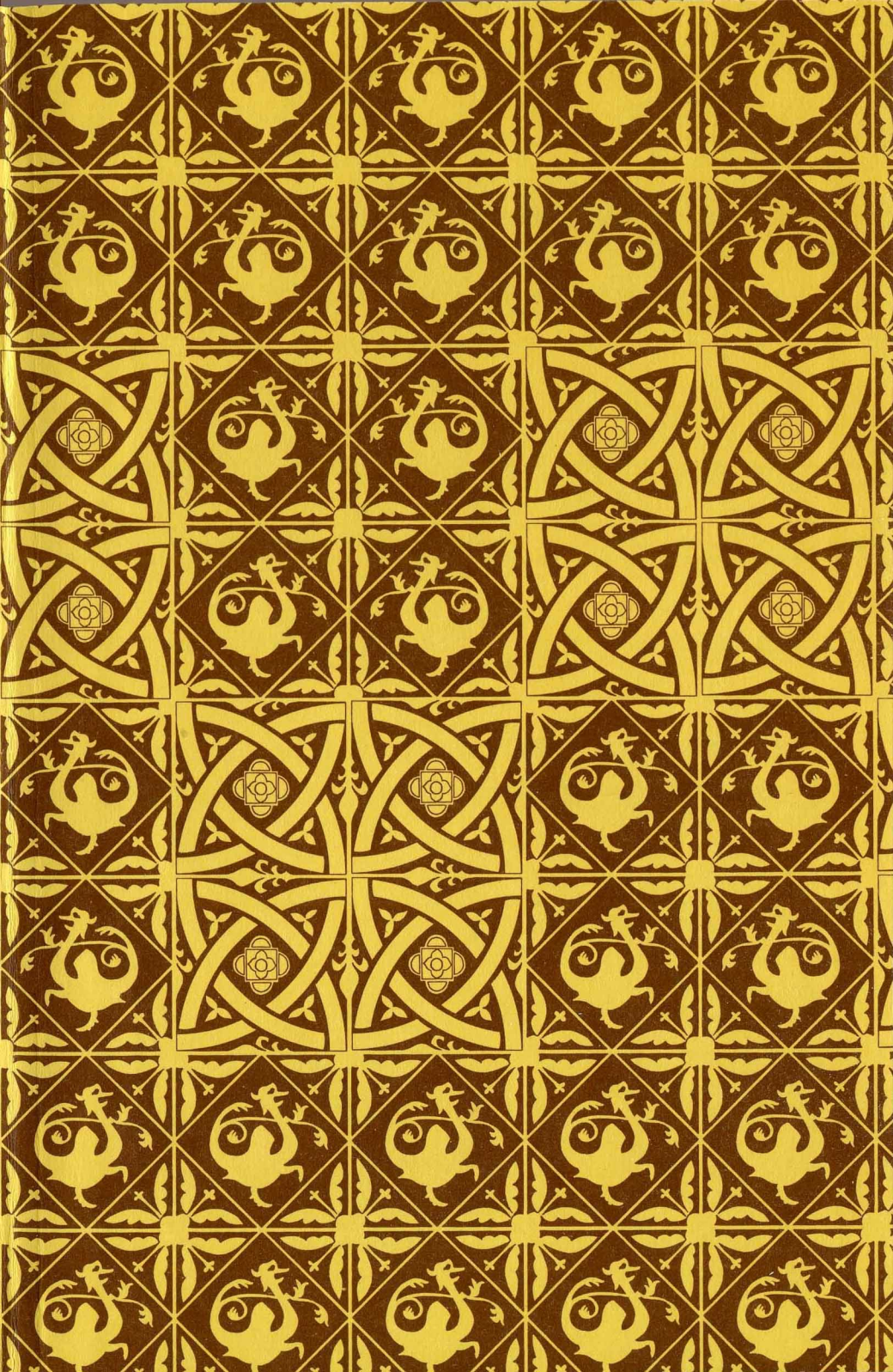
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г.Можайск, ул. Мира, 93

Глубочайшее чувство подспудной вины заставляло христиан вновь и вновь воспроизводить убийство Иисуса, персонификации их беспокойной совести, и искать избавления путём проекции своей вины на евреев, отмывая кровавые пятна с души кровью народа, к которому принадлежал Иисус.

Джошуа Трахтенберг